

Кенэ Франсуа
(1694 - 1774)
Quesnay Francois

Избранные экономические сочинения

Перевод
А. В. Горбунова, Ф. Р. Каплан, Л. А. Фейгиной

Воспроизводится по изданию:

Избранные экономические сочинения. М.: Соцэкгиз, 1960.

Директмедиа Паблшинг
Москва
2008

ФЕРМЕРЫ

Фермерами являются те, кто арендует землю и делает высокопроизводительным сельское хозяйство, кто производит богатства и материальные блага, наиболее важные для государства. Таким образом, роль *фермера* является в королевстве очень важной и заслуживает самого большого внимания со стороны правительства.

Надо рассматривать сельское хозяйство Франции лишь в общей связи, ибо иначе невозможно получить о нем достаточно четкое и полное представление и легко прийти к вульгарному выводу, будто невозделываемой является только та часть земли, которая остается в залежи, и будто труд земледельца-бедняка так же доходен, как труд богатого фермера. Созревающий урожай, покрывающий землю, производит величественное впечатление (*nous en imposent*); при беглом взгляде на него он заставляет нас думать, что эти земли действительно возделываются. Но такой беглый взгляд не может дать представления ни о размерах урожая, ни о способах обработки земли, ни тем более о доходах, которые могут быть получены от животноводства и от других необходимых отраслей сельского хозяйства. Все это может быть определено только в результате самого углубленного и самого подробного исследования. Различные способы обработки возделываемой земли и условия, которые способствуют решительному увеличению производительности земледелия, определяются характером различных земледельческих культур, которые надо хорошо знать»

чтобы судить о современном состоянии земледелия в королевстве.

Земли обычно обрабатываются фермерами при помощи лошадей, а исполщиками — при помощи волов. Еще мало знают, что применение лошадей и волов не одинаково выгодно. Если вы спросите самих земледельцев, то они выскажутся за тот способ обработки земли, который является преобладающим в их провинции. Необходимо, чтобы они были одинаково осведомлены о выгодах и невыгодах того и другого способа, дабы иметь возможность оценить и сравнить их; «о такого рода рассмотрение является для земледельцев излишним, так как условия, заставляющие их обрабатывать землю при помощи волов, не дают им возможности обрабатывать ее при помощи лошадей.

Только богатые фермеры имеют возможность пользоваться лошадьми при обработке своих земель. Для того чтобы фермер обзавелся плугом с четырьмя лошадьми, ему необходимо произвести значительные расходы до того, как будет получен первый урожай. На протяжении целого года он должен обрабатывать землю для посева на ней зерновых хлебов; после того как он посевит зерновые хлеба, урожай их будет им собран не раньше августа следующего года. Таким образом, ему приходится ожидать около двух лет результатов своих трудов и своих расходов. Он произвел расходы на лошадей и на других животных, которые ему необходимы, он должен обеспечить себя зерном для посева, он кормит лошадей, он оплачивает жалованье и питание прислуги — все эти расходы, которые он вынужден авансировать на первые два года, для обработки при помощи одного плуга с четырьмя лошадьми определяются в размере от 10 до 12 тысяч ливров, для двух или трех плугов эти расходы соответственно определяются в размере от 20 до 30 тысяч ливров.

В провинциях, где нет фермеров, имеющих возможность позволить себе такое обзаведение, землевладельцы не имеют других возможностей получать на этих землях продукты, как только предоставив ее обрабатывать крестьянам при помощи волов, получая от крестьян половину урожая. Такой способ обработки требует очень небольших расходов со стороны арендаторов. Землевладелец обеспечивает его волами и семенами. После работы

волы направляются на пастбища. Все издержки арендатора сводятся к расходам на сельскохозяйственные орудия и на свое питание до времени первого сбора урожая, причем часто землевладелец бывает вынужден предоставлять ему авансы на эти расходы. В некоторых странах землевладельцы, вынужденные производить эти расходы, получают у арендатора свою долю дохода не в виде части собранного урожая, а в виде денежных сумм, выплачиваемых за аренду земли, или в виде определенных процентов от цены скота. Но обычно этот доход является очень незначительным. Однако многие землевладельцы (не живущие в своих поместьях и не имеющие возможности присутствовать при распределении урожая) предпочитают получать свои доходы в денежной форме.

Землевладельцы, сами занимающиеся обработкой своих земель в провинциях, в которых обработка земли производится исключительно при помощи волов, вынуждены поступать таким же образом, так как они лишены возможности иметь арендаторов и возчиков, которые были бы в состоянии управлять и следить за лошадьми. Их следовало бы привозить из отдаленных местностей, что связано с большими неудобствами потому, что если возчик уходит с работы или заболевает, то работу приходится прекращать. Такого рода случаи являются весьма нежелательными, особенно в страдную пору. При этом хозяин оказывается в весьма зависимом положении от своих работников, ибо замена работника, не желающего больше работать или работающего плохо, связана с большими затруднениями.

Во все времена и во всех странах земли обрабатывались при помощи волов; этого обычая более или менее придерживались просто в силу необходимости. Причины, которые заставляли людей придерживаться такого способа обработки земли, имели место во все времена и во всех странах, но они увеличивались или уменьшались в зависимости от могущества нации и характера управления ею.

Волы производят работу значительно более медленно, чем лошади. К тому же волы должны длительное время находиться на пастбищах, куда их выгоняют для прокорма. В связи с этим обычно употребляется двенадцать волов, а иногда их число доходит до восемнадцати в хозяйствах, которые могли бы быть обслужены всего лишь

четырьмя лошадьми. В некоторых хозяйствах волов оставляют на пастбищах более короткое время и докармливают сухим фуражом

В этом случае волы работают больше, но такой способ является мало распространенным.

Распространено мнение, что волы сильнее лошадей, что они незаменимы при обработке целинных земель и что применение лошадей для обработки земель является нецелесообразным. Это мнение не соответствует действительности. Так, шесть волов могут взять поклажу весом до двух или трех тысяч pesant, в то время как шесть лошадей могут везти шесть или семь тысяч. Волы движутся по горам более уверенно, чем лошади, но зато они тянут поклажу с меньшей силой. Может показаться, что на плохих дорогах волы тянут поклажу лучше, чем лошади, так как вес лошадей гораздо меньше и поэтому ноги лошадей меньше углубляются в мягкую землю. В результате создается представление, что волы тянут сильнее, чем лошади. Между тем в действительности если почва нетвердая, то опора у волов недостаточно устойчива.

РТС

Более мягкие земли могут быть обработаны при помощи двух волов, но они также могут быть обработаны при помощи двух небольших лошадей. При более твердых землях каждый плуг тянут четыре быка или три лошади.

На еще более твердых землях в каждый плуг впрягается уже шесть волов. Между тем на таких же землях достаточно впрячь в плуг четырех хороших лошадей.

При обработке совсем твердых земель впрягается восемь волов или четыре сильные лошади.

Когда в плуг впрягается много волов, к ним добавляют одну или две небольшие лошади, но эти лошади служат только для того, чтобы направлять волов. В таком случае лошади, связанные медленным движением волов, почти совсем не тянут плуг, и это приводит только к ненужному увеличению расходов.

Плуг с волами обрабатывает за целый день примерно три четверти арпана земли, в то время как плуг с лошадьми обрабатывает около полутора арпанов. Таким образом если в один плуг надо впрячь четырех волов, то в три плуга их понадобится двенадцать, и в этом случае за день будет обработано примерно два арпана земли,

100

в то время как три плуга с тремя лошадьми каждый обрабатывают примерно четыре с половиной арпана. Если впрячь шесть волов в каждый плуг, то двенадцать волов, которые потянут два плуга, обработают примерно полтора арпана, но зато восемь хороших лошадей, впряженные в два плуга, обрабатывают примерно три арпана.

Если в каждый плуг надо впрячь восемь волов, то двадцать четыре вола, впряженные в три плуга, обработают два арпана земли, в то время как в каждый плуг достаточно впрячь четыре лошади и тогда шесть плугов с двадцатью четырьмя лошадьми обработают девять арпанов. Если вывести среднюю из всех перечисленных случаев, то окажется, что при помощи лошадей можно обработать земли в три раза больше, чем при помощи волов.

Применение волов является предпочтительным по сравнению с лошадьми только в гористых местностях или на неплодородных землях, где имеются лишь небольшие чередующиеся друг с другом участки обрабатываемой земли. На таких землях лошади потеряли бы слишком много времени на переходы с одного участка на другой и их работа не могла бы дать должного эффекта. В то время как работа плуга с волами ограничивалась бы одним небольшим участком земли, применение лошадей было бы связано с необходимостью обработки большого количества таких разбросанных участков.

Волы могут быть пригодны в тех случаях, когда земля обрабатывается под посевы ржи, или тогда, когда она не очень тверда; но такая земля непригодна для овса. Между тем на такого рода землях вполне достаточно двух небольших лошадок, для прокорма которых нужно совсем немного овса. Вполне достаточное количество этого овса может быть получено на небольших участках земли, которые всегда можно найти.

Земли обрабатываются при помощи волов из-за отсутствия арендаторов, которые могли бы обрабатывать их при помощи лошадей. Точно так же землевладельцы, которые предоставляют крестьянам волов для обработки земли, не рискуют обычно доверять им стада овец, которые могли бы доставлять навоз и потребовали бы ограживания земель (*parquer les terres*), так как боятся, что овцы не будут обеспечены надлежащим уходом и могут просто погибнуть. Волы же, которые проводят ночь и

часть дня на пастбищах, не могут обеспечить потребности в навозе. Навоз получается от волов только в том случае, когда они содержатся зимою в стойлах.

Отсюда следует, что земли, обрабатываемые при помощи волов, являются гораздо менее производительными, чем те, которые обрабатываются богатыми фермерами при помощи лошадей. Действительно, в первом случае вполне плодородные земли производят не больше четырех сетье зерновых хлебов, а во втором — такие же земли производят семь или восемь сетье. Такая же разница в производительности имеет место при производстве кормов для скота, обеспечивающего возможность получения навоза.

Имеется еще одно другое неудобство, которое является не менее существенным. Дело в том, что мелкие арендаторы, отдающие часть урожая землевладельцу, стремятся использовать предоставленных им волов (насколько это возможно) для извозного промысла с целью получения доходов; причем мелкие арендаторы бывают в этом заинтересованы больше, чем в обработке своих земель, и настоящие пренебрегают обработкой земли, что, если землевладельцы не обратят на это должного внимания, большая часть земель может остаться невозделанной.

Когда земли остаются невозделанными, это приводит к весьма отрицательным результатам в стране, земля которой обрабатывается при помощи волов, иначе говоря обрабатывается плохо, так как цены на землю в такой стране являются очень низкими. Так, расходы, которые необходимо произвести, для того чтобы расчистить и распахать арпан земли, оказываются в два раза выше цены одного арпана возделанной земли. Поэтому обычно предпочитают приобретать новую землю, вместо того чтобы производить такие расходы.

В результате земли, оставленные в залежи, остаются навсегда пастбищами для скота, что чрезвычайно неблагоприятно отражается на положении земельной собственности.

Распространено мнение о том, что будто бы можно получить больше прибыли по сравнению с расходами в том случае, когда земля обрабатывается при помощи волов, а не при помощи лошадей. Этот вопрос необходимо рассмотреть детально.

Мы уже видели, что там, где приходится пользоваться двенадцатью волами, можно ограничиться четырьмя лошадьми.

Лошадь и волы имеют разную цену. Цена лошади, используемой для обработки земли, колеблется от 60 ливров до 400; цена же волов составляет от 100 ливров до 500 ливров и выше за пару. Для сопоставления расходов на покупку лошадей и волов хорошая лошадь должна быть оценена в 300 ливров, а пара крупных быков — в 400 ливров. Срок службы лошади, выполняющей сельскохозяйственные работы, определяется примерно в двенадцать лет. Что касается срока службы волов, то он бывает самым различным. Одних волов приходится сменять по истечении четырех лет, других — по истечении шести, третьих — по истечении восьми. Средний срок службы волов должен быть определен примерно в шесть лет. После того как волы отработают свой срок службы на земледельческих работах, их откармливают для убоя. Но обычно откормом волов занимаются уже не те лица, которые пользовались ими для обработки земли. Волы перепродаются другим лицам, имеющим подходящие пастбища для их откорма. Таким образом, откорм быков представляет собою самостоятельный процесс, который следует отличать от использования волов на сельскохозяйственных работах. Когда воль: после шести лет работы продаются малоупитанными, их возраст бывает равен примерно десяти годам. К этому времени они теряют примерно четвертую часть своей первоначальной цены. Если же они остаются на земледельческих работах более длительный срок, они теряют в своей цене еще больше.

Исходя из этих данных, нетрудно определить расходы на приобретение волов и лошадей и установить, что является более выгодным: приобретение лошадей или волов.

Четыре хорошие лошади, предназначенные для земледельческих работ, каждая из которых стоит 300 ливров, будут стоить . . .

1 200 ливров

Эти четыре лошади могут служить на протяжении двенадцати лет; проценты на 1200 ливров, которые эти лошади стоят, составляют за двенадцать лет

720 ливров¹

} 1 920 ливров

Если считать, что по истечении двенадцати лет от них больше ничего не получается, размер потери следует определить в сумме 1920 ливров

Двенадцать крупных волов, цена каждого из которых определяется в 200 ливров, стоят 2400 ливров

Эти вола работают в течение шести лет. Проценты от 2400 ливров, которые за них заплачены, достигнут за шесть лет..... 720 ливров

} 3120 ливров

Они продаются после шести лет работы тощими, каждый по цене 150 ливров; таким образом за эти двенадцать волов выручается 1800 ливров. На покупку этих двенадцати волов было израсходовано 2400 ливров. К ним следует прибавить 720 ливров процентов, что поднимет общую сумму до 3120 ливров, из которых следует вычесть 1800 ливров, и, таким образом, сумма потери составит 1320 ливров. Эта потеря, удвоенная за двенадцать лет, составит.....

2 640 ливров

Таким образом, издержки на волов превысят издержки на лошадей примерно на 700 ливров. Если предположить, что потери при продаже волов будут наполовину меньше, то все равно издержки на волов будут превышать издержки на лошадей. Однако разница для каждого года отдельно на протяжении этих двенадцати лет является не такой значительной.

Если предположить, что цена лошадей и волов при покупке была наполовину меньше, т. е. что каждая лошадь обошлась в 150 ливров, а вол — в 100 ливров, то потеря по волам будет всегда превышать потерю по лошадям в той же самой пропорции.

Некоторые фермеры употребляют волов только u_a протяжении нескольких лет, иначе говоря, продают их в возрасте, наиболее выгодном для продажи.

Емются фермеры, которые придерживаются такого же порядка в отношении лошадей, используемых на сельскохозяйственных работах, и продают их в большем количестве, чем покупают. Но в этих случаях работают

на волах и лошадях с большими предосторожностями, а такое применение их является менее выгодным для обработки.

Говорят, что лошади более подвержены болезням и несчастным случаям, чем волы. В этом отношении будет более чем достаточно условиться, что риск при использовании лошадей в три раза больше риска, связанного с использованием волов. Но тогда получается, что степень опасности, связанная с двенадцатью волами, совпадает с опасностью, связанной с четырьмя лошадьми.

Всеобщие бедствия, которые причиняются эпидемическими болезнями волов, являются более опасными, чем болезни, свойственные лошадям. Когда погибают все волы, работа останавливается и, если нет возможности быстро возместить эту потерю, земли остаются невозделанными. Волы по отношению к требуемому количеству обходятся при покупке дороже, чем лошади. Поэтому такую потерю труднее возместить. Лошади же не подвержены в такой мере, как волы, эпидемическим заболеваниям. Поэтому свойственные им болезни не подвергают земледельца такой большой опасности.

Пользование лошадьми связано с издержками на ковку лошадей и на сбрую, которые не приходится производить для волов; но зато для того, чтобы производить обработку земли при помощи четырех лошадей, достаточно одного возчика, а чтобы обрабатывать землю при помощи двенадцати волов, необходимо несколько возчиков. Все эти издержки (*frais*) для волов и лошадей могут считаться примерно одинаковыми.

Имеется, однако, и еще одно обстоятельство, которое необходимо рассмотреть, — это вопрос о прокормке скота. Предварительное ознакомление с этим вопросом говорит, казалось бы, в пользу волов. Для того чтобы рассеять такое представление, необходимо войти в подробности некоторых сторон земледелия, которые необходимо оценить (*nécessaire d'apprécier*).

На землях, обрабатываемых при помощи лошадей, применяется обычно трехпольная система; при этом одна треть всей земельной площади засеивается зерновыми хлебами, вторая — овсом и другими зерновыми, которые сеют после зимы, и, наконец, последняя треть земли остается под паром. На землях же, обрабатываемых при помощи волов, применяется обычно двухпольная

система. Одна половина земельной площади засеивается зерновыми хлебами, а другая остается под паром. При этом овес и другие яровые культуры засеиваются в очень небольших количествах в марте, так как они не нужны для прокорма волов. Один и тот же арпан земли дает на протяжении шести лет три урожая зерновых хлебов и остается попеременно три года под паром, в то время как при применении лошадей тот же самый арпан земли дает на протяжении тех же шести лет только два урожая зерновых хлебов, но зато он дает также два урожая яровых и находится под паром всего только два года из шести лет. Урожай зерновых хлебов является более выгодным, так как лошади употребляют в качестве кормов часть яровых культур. Таким образом, при обработке земли волами на протяжении шести лет получается на один урожай зерновых хлебов больше, чем при обработке земли лошадьми. Необходимо, однако, заметить, что выгода эта полностью исчезает в результате того, что из-за медленной обработки земли при помощи волов площадь, предназначенная для засева зерновыми хлебами, засеивается иногда больше чем на одну четверть другими зерновыми культурами, требующими менее тщательной обработки земли. Больше того, было установлено, что одна и та же земля при одинаковой обработке производит зерновых хлебов на одну пятую больше в том случае, когда эти зерновые высеваются не чаще одного раза в три года, по сравнению с урожаем, который получается, если эти зерновые засеиваются каждые два года. Таким образом, предполагая, что за три урожая на протяжении шести лет будет собрано двадцать четыре меры, два урожая на протяжении трех лет должны дать двадцать мер. Два урожая производят, таким образом, всего лишь на одну шестую меньше, чем три урожая. Эта шестая часть легко может быть получена при обработке земли лошадьми, так как земля, обрабатываемая волами, обычно только на три четверти засеивается зерновыми хлебами, а одна четверть засеивается прочими зерновыми культурами. Иначе говоря, эти три урожая зерновых хлебов в действительности равны всего лишь $2\frac{2}{3}$ урожая. Таким образом, вместо трех урожаев, которые должны были, согласно нашим предположениям, дать двадцать четыре меры, в действительности будет получено только два

с четвертью урожая, которые могут соответственно дать всего лишь восемнадцать мер. Между тем два урожая, полученные в результате обработки земли лошадьми, должны дать двадцать мер. Таким образом, при обработке земли лошадьми будет произведено зерновых хлебов на одну десятую больше, чем при обработке ее волами. Мы неизменно предполагаем, что земли являются одинаково плодородными и одинаково хорошо обрабатываются как в одном, так и в другом случае. В действительности же при обработке земли с помощью волов получают лишь половину того урожая, который получают крупные фермеры, обрабатывающие свою землю при помощи лошадей. Для того чтобы упростить сравнение расходов на прокорм лошадей и волов, мы исходим из предположения, что в том и в другом случае одинаково плодородные земли обрабатываются одинаково хорошо. Итак, при таком предположении продукция зерновых хлебов, произведенная в результате обработки земли волами, будет самое большее равна продукции зерновых хлебов, произведенных при обработке земли лошадьми.

Мы уже отмечали, что фермеры, обрабатывающие землю при помощи лошадей, ежегодно получают с определенной площади продукцию в виде одного овса, а ипольщики, обрабатывающие землю при помощи волов, получают овса только одну четвертую часть. Рабочие лошади потребляют три четверти всего урожая овса, а одна четверть этого урожая остается фермеру. Кроме того, во время срочной работы немного овса дается волам; в результате волы потребляют около половины всего урожая овса, собираемого мелкими арендаторами. Ипольщики собирают урожай на три четверти меньше, чем фермеры, обрабатывающие землю при помощи лошадей. Таким образом, у ипольщиков остается всего одна восьмая часть урожая — остальное идет на прокорм волов, в то время как у фермеров остается четвертая часть урожая, не потребленная лошадьми. Таким образом, несмотря на то что лошади съедают большое количество овса, все же положение фермера, применяющего для обработки земель лошадей, оказывается в этом отношении выгоднее положения ипольщика. В том случае если у ипольщиков вся площадь будет засеяна зерновыми хлебами (как это делают некоторые из них), то все равно при одинаковом качестве обработки земли

размеры урожая у ипольщика не будут большими, чем у фермера. Причем это при условии, что лошади фермера обеспечены необходимым количеством овса. И далее в том случае если на прокорм лошадей уйдет весь урожай овса, сравнение будет не в пользу ипольщика. Однако это обстоятельство сказывается на питании рабочих лошадей. Необходимо также обратить внимание на то, что при обработке земли лошадьми получается один дополнительный урожай кормовых культур, так как на протяжении шести лет земля остается под паром только два года.

На некоторых землях, обрабатываемых волами, существует трехпольная система. В этом случае при одинаковой обработке земли урожай будут получены такие же, как и при обработке земли лошадьми. Если земледелец будет кормить волов фуражным овсом, то выпы будут меньшее время оставаться на пастбищах и большее время смогут быть ипользованы на работе и, кроме того, от них при этом будет получено большее навоза. Фуражные зерновые полностью остаются для животноводства, и в связи с этим создается возможность иметь большее количество скота, доставляющего значительный доход и, кроме того, дающего возможности лучше удобрять землю. Все эти выгоды могут приблизить такие хозяйства к хозяйствам, применяющим лошадей. Но такой способ ведения хозяйства не может иметь места у ипольщиков. Необходимо, чтобы землевладелец, производящий расходы на животноводство, сам занимался бы этой отраслью хозяйства. Этим объясняется, что такая система сельского хозяйства не является распространенной. Она не распространена даже среди землевладельцев, владения которых расположены в провинциях, где земля возделывается при помощи волов, землевладельцы этих провинций слепо придерживаются общепринятой системы ведения земледелия. Только очень образованные и умные люди в состоянии предохранить себя от распространенных ошибок, противоречащих их интересам; но, кроме того, необходимо, чтобы они имели возможность авансировать средства, необходимые для приобретения скота и других животных, а также для покрытия остальных издержек, так как введение производительной системы сельского хозяйства всегда обходится очень дорого.

Для прокорма лошадей, помимо овса, необходимы также сено и фураж. Фураж получается от урожая зерновых хлебов: солома пшеницы представляет собою вполне подходящий корм для лошадей. Горох, вика, бобы, чечевица дают фураж, способный заменять сено. Таким образом, благодаря наличию всех этих видов фуража лошади почти не употребляют сено или употребляют его очень мало. Употребление в виде кормов фуража и соломы весьма благоприятно сказывается на получении навоза, поэтому оно не должно рассматриваться как расход, невыгодный для земледельца.

Таким образом, лошади, работая, сами добывают себе корм, не уменьшая прибылей, которые должны быть получены земледельцем.

Далеко не так обстоит дело, когда земля обрабатывается волами. В этом случае полученные урожаи не обеспечивают прокорма животных. Летом их необходимо выгонять на пастбища, а зимою для их прокорма нужно сено. Между тем если среди земледельцев и имеются такие, которые кормят лошадей сеном, то их очень немного, так как сено легко может быть заменено другим фуражом, который может быть получен от урожая яровых. Кроме того, количество сена, потребляемого двенадцатью быками на протяжении зимы или на протяжении всего года там, где пастбища вообще отсутствуют, далеко превышает небольшое количество сена, потребляемого за тот же период четырьмя лошадьми. В этом отношении имеется определенная экономия на прокорме лошадей. Кроме того, необходимо иметь в виду, что для волов необходимо гораздо больше пастбищ, чем для лошадей. Этот излишний расход пастбищ не представляется, казалось бы, значительным. Однако в действительности он заслуживает внимания, так как пастбища, предназначенные для прокорма одних только волов, занятых обработкой земли, могли бы быть использованы также для других животных, от которых мог бы быть получен вполне реальный доход. Потеря, имеющая при этом место, является тем более значительной, что пастбища, помимо всего прочего, могли бы возделываться. Трудно сказать сколько, но во всяком случае значительное количество земли остается невозделанной под предлогом необходимости сохранения пастбищ для волов, занятых обработкой земли. К сожалению, испольщики

не заинтересованы в том, чтобы возделывать как Мджид больше земли. Наоборот, они заинтересованы в том, чтобы обрабатывать земли меньше, чем они в состоянии это сделать, чтобы иметь возможность заниматься более выгодным для них извозным промыслом. К тому же возделывание земли на пастбищах связано с необходимостью огородить эти земли изгородью, предохраняющей посевы от волков, свободно пасущихся на пастбищах. Земледельцам приходится затрачивать много времени на установление таких изгородей, и именно в ту пору года когда им надо заниматься сельскохозяйственными работами. Все это приводит к тому, что предоставление пастбищ для волков, используемых на полевых работах, обходится весьма дорого. Эта категория издержек совершенно отсутствует там, где сельскохозяйственные работы осуществляются при помощи лошадей. Таким образом, те, кто думает, что прокорм рабочих волков обходится дешевле, чем прокорм лошадей, очень ошибаются.

Собственник, владеющий землей, на которой расположены восемь доменов² (domaine), имеет примерно сто рабочих волков, прокорм которых ему обходится (1sh' soifent) ежегодно по меньшей мере 4000 ливров, считая, что расходы на сено и по выгону волков на пастбища составляют примерно 40 ливров на каждого вола. Этим расходам можно было бы избежать при замене волков лошадьми.

Сопоставление продукции, получаемой при проведении сельскохозяйственных работ волами, с продукцией, получаемой в результате применения лошадей, показывает, что при применении волков теряется половина продукции. К этому следует прибавить потерю дохода, связанную с тем, что земли, которые могли бы быть использованы для посевов, остаются невозделанными и используются как пастбища для волков. Больше того, необходимо отметить, что в засушливую пору, когда пастбища становятся бесплодными, вола почти не находят там для себя пищи, и это приводит к тому, что они почти не в состоянии выполнять работу. Невозможность выполнить полностью все сельскохозяйственные работы, недостаток фуража и навоза, извозный промысел, которым занимаются исполщики, настолько ограничивают возможности сельскохозяйственного производства, что земли,

даже в том случае, если они велики по своим размерам, дают очень мало дохода и приводят к разорению как испольщиков, так и самих землевладельцев.

Считается, что семь восьмых всех земель³ королевства обрабатывается при помощи волов. Возможно, что это более или менее соответствует действительности, если считать, что в эти семь восьмых входят также земли, обрабатываемые с помощью лошадей бедными фермерами, которые не могут производить необходимых для высокой культуры земледелия издержек без посторонней помощи. Часть всех этих земель остается совсем невозделанной, а остальная возделывается очень плохо. Все это свидетельствует об огромной деградации сельского хозяйства Франции по недостатку фермеров.

Такое бедственное положение может быть объяснено тремя причинами: 1) бегством детей земледельцев в большие города, где они тратят средства, которые могли бы быть затрачены их родителями для улучшения обработки земли; 2) совершенно произвольными обложениями сельскохозяйственного производства, которые не оставляют места для какой бы то ни было обеспеченности фондов, вложенных в земледелие (*dans l'emploi des fonds nécessaires*); 3) стеснениями, которыми ограничивается торговля зерном.

Можно подумать, что политика, которой придерживаются, рассматривает нищету деревенских жителей как стимул для того, чтобы заставить их работать. Между тем нет человека, которому не было бы известно, что богатства (*les richesses*) являются мощной силой для развития сельского хозяйства и что необходимо многое, чтобы хорошо вести земледелие. Рекомендуем посмотреть в связи с этим предшествующую статью «*Ferme*»⁴.

Те, кто располагает такими средствами, могут не бояться разорения. Те, кто такими средствами не располагает, будут работать без пользы. Между тем известно, что люди не склонны работать, если у них нет надежды получить что-либо в результате своего труда. Их активность всегда пропорциональна тому, что они получают в результате своей работы. Поэтому политика не может придерживаться взглядов, которые так противоречат благу государства, так вредны для государя и так невыгодны для лиц, владеющих благами королевства.

Территория королевства равна примерно ста миллионам арпанов. Считается, что половина этой территории занята горами, лесами, лугами, виноградниками, дорогами, бесплодными землями, населенными пунктами, садами, пастбищами, искусственными лугами, прудами и реками. Остальная часть территории может быть использована для посева зерновых.

Таким образом, можно считать, что в королевстве имеется пятьдесят миллионов арпанов земли, которая может возделываться. Если считать, что сюда входит Лотарингия, то такая оценка не является преувеличенной. Но надо отметить, что из этих пятидесяти миллионов арпанов больше одной четверти земли или находится в запущенном состоянии или совсем не обрабатывается.

Таким образом, имеется всего лишь около тридцати шести миллионов обрабатываемой земли, из которых шесть или семь миллионов могут считаться высококультурными, а примерно тридцать миллионов арпанов обрабатываются при помощи волов.

На семи миллионах арпанов, обрабатываемых при помощи лошадей, применяется трехпольная система. Ежегодно одна третья часть земли производит зерновые хлеба и в обычные годы на одном арпане земли может быть получено урожая около шести сетье уже за вычетом части урожая, которая должна пойти на семена. Таким образом, всего на этой земельной площади может быть собрано примерно четырнадцать миллионов сетье.

На тридцати миллионах арпанов земли, обрабатываемой волами, применяется двухпольная система. Половина всей земельной площади, дающая урожай, засеивается обычно на три четверти зерновыми хлебами, а остальная часть засеивается прочими зерновыми культурами. Таким образом, каждый год зерновыми хлебами засеивается всего лишь около одиннадцати миллионов арпанов.

Каждый арпан в обычный год может дать при такой системе ведения хозяйства примерно три сетье зерновых хлебов, из которых часть необходимо оставить на семена. Таким образом, вся земля должна дать примерно сорок два миллиона сетье.

На основании расчетов г-на Дюпре де Сен-Мор⁵, численность населения королевства определяется примерно в 16 миллионов жителей. Если бы каждый житель по

треблял три сѣтье зерновых хлебов, общее потребление их составило бы сорок восемь миллионов сѣтье. Но из шестнадцати миллионов жителей половина умирает в возрасте меньше 15 лет. Таким образом, из шестнадцати миллионов жителей только восемь миллионов перейдут возраст в пятнадцать лет и их годовое потребление зерновых хлебов не должно превысить двадцать четыре миллиона сѣтье. Если к этому прибавить еще половину на детей в возрасте меньше пятнадцати лет, общий объем потребления всего населения составит тридцать шесть миллионов сѣтье. Г-н Дюпре де Сен-Мор считает, что урожай зерновых хлебов в обычные годы составляет тридцать семь миллионов сѣтье. Таким образом, никакого остатка от урожая не будет. Но имеются другие виды зерновых и плоды, которые служат крестьянам в качестве питания. Кроме того, я полагаю, что, определяя объем урожая, полученного в результате обеих систем ведения сельского хозяйства, о которых мы говорим выше, может быть получено в обычные годы сорок два миллиона сѣтье.

Если бы все пятьдесят миллионов арпанов земли, которая может быть возделана (а это минимальный расчет) *, были заняты высокой культурой (*la grande culture*), то каждый арпан земли мог бы дать в обычный год по крайней мере пять сѣтье (уже за вычетом части урожая, которая должна пойти на семена). Таким образом, урожай зерновых хлебов с третьей части всей площади должен был бы составить восемьдесят пять миллионов сѣтье. Но по крайней мере одна восьмая часть этих земель должна была бы быть отведена для овощей, льна, конопли и т. д., требующих плодородных земель и тщательной обработки. Иначе говоря, под зерновые хлеба в этом случае могло бы быть отведено только примерно четырнадцать миллионов арпанов, урожай с которых мог бы составить примерно семьдесят миллионов сѣтье. Таким образом, увеличение урожая составило бы для каждого года двадцать шесть миллионов сѣтье.

Эти двадцать шесть миллионов сѣтье будут для королевства избыточными, поскольку тот урожай, который

* Согласно карте, составленной г-ном Кассини⁶, площадь Франции насчитывает все сто двадцать пять миллионов арпанов, по новина из которых могла бы быть засеяна зерновыми хлебами (Примет, издателей «Энциклопедии»)

собирается в настоящее время, более чем достаточен для обеспечения питания населения. Такое превышение урожая в обычные годы составляет примерно девять миллионов сенье. Таким образом, даже если ожидать значительного прироста населения в будущем, то все же останется больше 26 миллионов сенье, которые могут быть¹ проданы за границу.

Но вряд ли является возможной продажа по выгодным ценам такого большого количества зерновых. Англичане ежегодно экспортируют не больше одного миллиона. Алжир экспортирует всего лишь один миллион сенье, Пенсильвания, земли которой являются необыкновенно плодородными, экспортирует примерно столько же. Из Польши вывозится примерно восемьсот тысяч тонн, или семь миллионов сенье. Страны, которым поставляются эти зерновые, не платят за них дорого, если судить по ценам, по которым продает Англия. Но из этого приходится сделать вывод, что мы не могли бы продавать этим странам по двадцать шесть миллионов сенье в год во всяком случае по такой цене, которая могла бы возместить земледельцу его издержки⁷ (frais).

В связи с этим необходимо подробно рассмотреть сельскохозяйственное производство с точки зрения получения от него максимальных доходов.

Наибольшее значение в этом отношении имеет животноводство. Производство зерновых хлебов требует больших расходов. Возможности продажи их являются крайне неустойчивыми: если земледелец вынужден продавать зерно по низким ценам или хранить его, то единственной поддержкой для него могут служить прибыли от животноводства. Но от этого производство зерна не перестанет быть основой и сущностью сельского хозяйства: только благодаря производству зерновых земледелец имеет возможность кормить большое количество скота, так как скоту недостаточно летних пастбищ. Скот должен быть обеспечен на зиму фуражом, и, кроме того, для прокорма большей части скота необходимы также зерновые. Развитие животноводства обеспечивается богатыми урожаями — именно с этих двух точек зрения и должно осуществляться руководство сельским хозяйством.

В таком королевстве, как Франция, территория которого является очень обширной и которая могла бы про-

изводить зерновых Хлебов гораздо больше, чем их можно было бы продать, посевы зерновых хлебов должны производиться только на плодородных землях. При обработке под зерновые хлеба неплодородных земель расходы возмещаться не будут. Мы не затрагиваем здесь вопрос о мелиорации этих земель. Затраты, связанные с мелиорацией земель, не под силу Франции, в которой едва покрываются расходы, связанные с примитивными методами ведения сельского хозяйства. Но эти же самые земли могут стать более прибыльными, если отнести их под прочие зерновые культуры, корнеплоды, пастбища или искусственные луга. Чем больше можно будет в результате этого прокормить скота, тем более он доставит навоза для удобрения, тем более обильными будут урожаи зерновых и фуражных и тем больше можно будет увеличить численность скота. Леса, виноградники, имеющие большое значение, также могут занимать значительные площади, не становясь помехой для производства зерновых. Существует мнение, что следовало бы ограничить посевы зерновых хлебов. Но это означало бы лишить королевство весьма важного продукта без какой бы то ни было необходимости. Кроме того, это не устранило бы трудностей, мешающих развитию земледелия. Виноградарь, по-видимому, находит более выгодным для себя возделывать виноградники или во всяком случае ему надо иметь меньше средств для возделывания виноградников, чем для обработки земли под пшеницу. Каждый поступает в соответствии со своими интересами. Если ограничить законодательным путем обычаи, установленные непреодолимыми основаниями, то такого рода законодательные ограничения представляли бы собою не что иное, как новые препятствия для развития сельского хозяйства. Такое законодательство было бы тем более неуместным в отношении виноградников, так как для развития производства зерновых хлебов недостает не земель, а средств для их обработки.

В Англии значительное количество земель отводится для обеспечения прокорма скота, численность которого на этом острове достигает огромной величины. Прибыль, получаемая там от животноводства, является настолько значительной, что одна только продукция шерсти составляет больше ста шестидесяти миллионов. Нет ни одной отрасли торговли, которую можно было бы сравнить с

одной только этой частью продукции животноводства. Торговля неграми, которая является основным объектом внешней торговли этой нации, достигает всего лишь шестидесяти миллионов. Таким образом, доля земледельца неизмеримо превышает долю торговца. Обороты по продаже зерна составляют четвертую часть всей внутренней торговли Англии, а продукция животноводства значительно выше зерновой продукции. Такое изобилие является результатом богатства земледельцев. В Англии фермеры очень богаты, очень уважаемы и очень поддерживаются правительством. Земледелец в Англии может пользоваться своими средствами, не скрывая их и не боясь, что получаемые им прибыли в конце концов приведут к его разорению из-за налогов, устанавливаемых совершенно произвольно и необоснованно.

Чем более богаты земледельцы, тем больше увеличивают они благодаря своим возможностям сельскохозяйственную продукцию и мощь нации. Бедный фермер, обрабатывая свою землю, не может принести пользы государству, потому что он не может получить такую продукцию, которую земля могла бы дать в том случае, если бы она хорошо обрабатывалась.

Необходимо признать, что в королевстве с большой территорией плодородные земли должны быть предоставлены для посевов зерновых хлебов, так как затраты, связанные с их производством, являются очень высокими. Чем менее плодородна почва, тем больших она требует расходов и тем меньше возможности имеет земледелец возместить произведенные им затраты. Если предположить, что посевы зерновых хлебов будут производиться во Франции только на плодородных землях, то земельная площадь под этими культурами должна была бы сократиться до тридцати миллионов арпанов, из которых десять миллионов арпанов ежегодно засеваются зерном, десять миллионов — овсом и десять миллионов оставались бы под паром.

Десять миллионов арпанов хорошо обрабатываемых плодородных земель, засеянных зерновыми хлебами, должны давать в обычные годы по меньшей мере шесть сетье урожая с каждого арпана, за вычетом семян. Таким образом, на десяти миллионах арпанов должен быть получен урожай в размере шестидесяти миллионов сетье.

Это количество на' восемнадцать миллионов сетье превысило бы урожай зерновых хлебов, получаемые нами в настоящее время. Прирост этот, будучи продан за границу хотя бы только по семнадцать ливров за сетье, должен был бы дать более трехсот миллионов. Кроме того, остается еще двадцать или тридцать миллионов арпанов наших земель, не считая виноградников, которые могут быть использованы для посевов других культур.

Прирост урожая овса и прочих зерновых, которые чередуются с зерновыми хлебами, будет иметь место в такой же пропорции. Этот прирост вместе с продукцией неплодородных земель будет способствовать увеличению прибылей, получаемых от скотоводства.

Можно даже предполагать, что зерновые хлеба, вывозимые за границу, будут продаваться примерно по двадцать ливров за сетье — обычная цена в условиях свободной торговли зерновыми хлебами, так как со времен Карла IX до конца царствования Людовика XIV цены, формировавшиеся на протяжении десятков лет, колебались примерно от двадцати до тридцати ливров в переводе на наши современные деньги, иначе говоря, от одной трети до половины ценности серебряной чеканной марки. Один фунт зерна, из которого может быть выпечен один фунт печеного хлеба, стоил раньше примерно одно су, что составляет в переводе на наши современные деньги два су.

В Англии зерно продается примерно по 22 ливра — это обычная цена. Но в связи с существующей там свободой торговли цены за различные годы не подвержены большим колебаниям. Страна не подвергается ни голоду, ни обесценению денег. Такая устойчивость в ценах на зерно является весьма важной основой для развития сельского хозяйства, так как земледелец, не будучи вынужден сохранять свое зерно, всегда имеет возможность производить затраты, необходимые для ведения сельского хозяйства, из урожая, получаемого на протяжении года.

Во Франции последнее время цены на зерновые хлеба упали значительно ниже их обычной цены. Часто наступают периоды голода. На протяжении уже больше тридцати лет цена на зерновые хлеба не поднималась выше семнадцати ливров. Самая низкая цена на зерновые хлеба составляла при этом от одиннадцати до трин-

дцати ливров. В королевстве с таким большим количеством бедных земледельцев снижение цен приводит к наступлению голода, так как они не в состоянии ждать более благоприятного времени для продажи своего зерна. Больше того, они бывают вынуждены из-за отсутствия сбыта скормливать часть зерновых хлебов скоту, чтобы получать хоть какой-нибудь доход. Все эти неудачи обескураживают земледельцев, сельскохозяйственное производство сокращается, сокращаются также и урожаи зерновых хлебов и наступает голод. Земледельцы очень часто не молотят хлеб до конца для того, чтобы в фураже, которым они кормят овец, оставалось больше зерна. При такой широко распространенной практике они добиваются высокой упитанности овец на протяжении зимы и весны и получают от их продажи больше доходов, чем от продажи зерна. Поэтому нетрудно понять, почему неурожайные годы приводят к наступлению голода.

Считается, что в обычные годы собранный урожай зерновых хлебов превышает годовую потребность в них примерно на два месяца. Но такие расчеты основываются на данных за урожайные и неурожайные годы. При этом предполагается, что излишек зерна, произведенный в урожайные годы, сохраняется и может быть использован в неурожайные годы. Однако такое предположение является ошибочным. Дело в том, что зерновые хлеба должны сильно подняться в цене при наступлении неурожайного года, так как их низкая цена в предшествующие годы привела к тому, что земледелец употреблял зерновые хлеба на корм скоту и, кроме того, пренебрегал работами, связанными с производством этих зерновых. Известно, что обильные урожаи, приводящие к снижению цен на зерновые хлеба, не предохраняют от голода, наступающего в следующий за ними неурожайный год. Но высокие цены на зерновые хлеба не могут компенсировать более бедных земледельцев, так как им по существу почти нечего продавать в неурожайные годы. Общая цена, которая образуется в результате целого ряда лет, для него фактически не существует и взаимные компенсации в результате колебания цен существуют для него только в расчетах, реально он их не чувствует. Для того чтобы лучше понять, как чрезмерные разрывы в ценах на зерновые хлеба неизбежно усугуб-

ляЮт и без того тяжёлой сйсРояниё сёЛьского хозяйства, необходимо вспомнить о расходах, связанных с производством зерновых хлебов.

Плуг с четырьмя сильными лошадьми обрабатывает сорок арпанов зерновых хлебов и сорок арпанов прочих зерновых культур, которые высеваются в марте.

Одна сильная лошадь, достаточно загруженная работой, требует для своего прокорма, если ее кормить надлежащим образом, пятнадцать сетье сена в год. Если одно сетье сена стоит десять ливров, пятнадцать сетье должны обойтись в сто пятьдесят ливров. Таким образом, расход сена на прокорм четырех лошадей составит 600 ливров.

В этот расчет не входит фураж, который получается от урожая и который должен быть потреблен лошадьми на территории самой фермы, для того чтобы обеспечить потребность хозяйства в навозе.

Расходы на колесника, шорника, на оснащение, на холст, на кузнеца, на лемехи, на оси, тележки, на крепление колес и т. д. — 250, питание и оплату возчика — 300, батрака-чернорабочего — 200.

В этот расчет не входит остальная прислуга, занятая уходом за скотом и за птицей, ибо она не имеет непосредственного отношения к полевым работам и издержки на нее должны быть отнесены на предмет ее занятий.

Лошадям дается сено с естественных или с искусственных лугов. Но урожай, которые получают в результате возделывания зерновых, доставляют фураж другому скоту и тем самым возмещают расход сена на лошадей.

Плата за землю, арендуемую для обработки ее под зерновые хлеба, уплачивается каждые два года. Если арендная плата за один арпан составляет восемь ливров, то арендная плата за два года составит за сорок арпанов 640 ливров

Талья, соляной налог и прочие налоги, достигающие половины арендной платы, составят 320 „

Издержки, связанные с жатвой, — четыре ливра и по уборке в амбары — один ливр десять су на один арпан зерновых хлебов. Эти расходы составят на сорок арпанов..... 220 „

На мблотьбу — пятнадцать су на сѣтье зерна.

Если с одного арпана получается шесть сѣтье, то эти расходы на сорок арпанов составят	180	лифров
Проценты по фондам и издержки на приобретение лошадей, плугов, тележек и по другим затратам (avarices foncieries), которые после исключения части, относящейся к животноводству, могут достигнуть примерно трех тысяч ливров. Сумма процентов должна составить, таким образом, по меньшей мере	300	„
Непроизводительные издержки и несчастные случаи	200	„
И т о г о возделывание сорока арпанов. . .	3 220	лифров ⁸

Эти издержки составляют на один арпан, занятый под посевами зерновых хлебов, примерно восемьдесят ливров. С каждого арпана может быть собрано шесть с половиной сѣтье продукции зерновых хлебов, в особенности вблизи Парижа. Такой урожай можно считать более или менее удовлетворительным, принимая во внимание различия между плодородными и неплодородными землями, всякого рода непредвиденные помехи и случайности, а также урожайные и неурожайные годы. Из семи с половиной сѣтье продукции зерновых хлебов, которая может быть получена с одного арпана земли, следует исключить ту ее часть, которая идет на семена. После этого фермеру остается только пять сѣтье и десять буассо. При этом следует принять во внимание, что почва этих сорока арпанов производит зерновые хлеба различные по своей ценности: рожь, смесь пшеницы и ржи и чистую пшеницу. Если цена чистой пшеницы составляет шестнадцать ливров за сѣтье, то средняя цена на все зерновые хлеба в целом может быть принята в размере 14 ливров. Это означает, что урожай зерновых хлебов, получаемых с одного арпана, может быть оценен в восемьдесят один ливр тридцать су. Таким образом, земледелец едва лишь в состоянии возместить свои расходы даже в том случае, если наивысшая цена зерновых достигает шестнадцати ливров. Но необходимо помнить о том, что его хозяйство подвержено еще таким стихийным бедствиям, как неурожайные годы, град, гибель лошадей и т. д.

Для того чтобы определить издержки и величину урожая по прочим зерновым культурам, посев которых

производится в марте, мы будем условно считать, что все они состоят из овса. Таким образом, исходя из того, что все сорок арпанов засеваются овсом, а также учитывая, что большая часть издержек, сделанных для зерновых хлебов, служит также и для возделывания почвы, засеянной под овес, нам остается определить только:

Размер годичной арендной платы за сорок арпанов, которая составляет.....	320 ливров
Ту часть тальи, соляного сбора и других налогов, которая падает на площадь, занятую овсом.....	160 „
Издержки по сбору урожая.....	80 „
Молотьба.....	80 „
Накладныерасходы (fauxfrais).....	50 „

И т о г о 690 ливров

Если разделить эти издержки на сорок арпанов, то на каждый арпан будет приходиться восемнадцать ливров пять су. На одном арпане может быть получено примерно два сетье овса (уже за вычетом той части продукции, которая должна пойти на семена). Если считать, что одно сетье овса равно десяти ливрам, то получится 20 ливров с арпана.

Издержки на производство зерновых хлебов на 40 арпанах составляют.....	3 220 ливров
Расходы на производство прочих зерновых культур	690 „

И т о г о 3 910 „

Продукция зерновых хлебов равна	3 226 ливров
Продукция прочих зерновых культур равна ..	800 „

И т о г о 4 066 ливров

Таким образом, вся Продукция зерновых хлебов и овса превышает издержки, связанные с их производством, всего лишь на сто пятьдесят ливров, -причем в эти расходы не включены расходы на питание и содержание земледельца и его семьи. Иначе говоря, самые насущные потребности земледельца могут быть удовлетворены только в том случае, если он будет иметь хотя бы несколько голов скота, и даже в этом случае он все-таки будет оставаться всегда неимущим и над ним всегда

будет висбТЬ ойисносТЬ разорения. Для того чтобы земледелец мог обеспечить свое существование и устроить будущность своих детей, цены на зерновые должны стоять на более высоком уровне, чем это имеет место в настоящее время.

Испольщик, обрабатывающий землю при помощи волов, собирает обычно не больше трех с третью сетье зерновых с одного арпана, причем пятая часть этого урожая должна быть предназначена на семена. Полученный урожай испольщик делит пополам с земельным собственником, который обеспечивает его волами, землей, находящейся под паром, пастбищами для быков в обмен за денежную арендную плату и, кроме того, предоставляет ему в пользование некоторые другие виды скота, доходы от которых также делятся между арендатором и землевладельцем. Испольщик занимается обработкой земли сам со своей семьей и таким образом избегает издержек на прислугу, части издержек на жатву и издержек на молотьбу; расходы на шорника, кузнеца и т. д. являются совсем незначительными. Если этот испольщик ежегодно обрабатывает тридцать арпанов под зерновые хлеба, он обычно собирает для себя тридцать или тридцать пять сетье, большая часть которых расходуется им на свое питание и на питание его семьи. Остаток идет на уплату тальи, на оплату рабочих, без которых он не может обойтись, и на расходы, которые он должен произвести для себя и для членов своей семьи. Он всегда остается очень бедным, а в тех случаях, когда земля является неплодородной, он вынужден заниматься извозным промыслом, для того чтобы обеспечить существование свое и своей семьи. Талья, которой облагается испольщик, является очень незначительной в сравнении с тем, что платит фермер, так как он получает очень мало и не имеет ресурсов для оплаты таких налогов: урожай, получаемые им, являются очень незначительными, у него не имеется достаточно кормов для скота зимою. Таким образом, доходы испольщика являются чрезвычайно ограниченными, и это связано главным образом с недостатком совершенными методами ведения сельского хозяйства. Положение землевладельца при такой системе ведения сельского хозяйства является не более выгодным. Он получает примерно пятнадцать буассо с одного арпана. Вместо арендной платы, кото-

рую фермер мог бы выплачивать ему за два года вперед, он не только не получает этого, но, кроме того, лишается процентов на авансируемые средства (*du fonds des avances*), предоставляя своих волов исполщику.

Эти волы питаются на пастбищах землевладельца, и очень значительная часть его земельных владений остается невозделанной, будучи занятой этими пастбищами. В результате его земли плохо используются, а его имущество обесценивается. Но какой огромный ущерб наносится в результате всего этого сельскохозяйственному производству и какие огромные потери означает это для государства!

Фермер во всех случаях является более выгодным для государства и даже в том случае, если он не получает никаких доходов от урожаев из-за низкой цены на зерно. Продукция, получаемая в результате производимых им затрат, означает ежегодное возрастание реального богатства во всяком случае в масштабах всего королевства. В действительности это возрастание богатств не может продолжаться, если отдельные лица, производящие затраты, не только не будут получать в результате этого какую-либо прибыль, но будут страдать от убытков, которые уменьшают их возможности. Если дешевизной зерновых хлебов пытаются создать более благоприятные условия для населения городов, для рабочих, занятых в промышленности, и для ремесленников, то такаешцкие цены на зерновые хлеба разоряют *сельское хозяйство, являющееся действительным источников богатств государства*. Кроме того, поставленная при этом цель все равно почти не достигается. Хлеб не является единственной пищей человека, а другие необходимые человеку пищевые продукты производятся все в том же сельском хозяйстве.

Между тем остальные продукты, необходимые для его питания, могут быть получены в изобилии в сельском хозяйстве, если будут созданы благоприятные условия для его развития. Горожане, покупая фунт хлеба на несколько ливров дороже, потребляли бы его гораздо меньше. Государственные органы, препятствуя экспорту зерновых хлебов, могут добиться только снижения цен на них. Цены же на другие товары находятся уже вне сферы их воздействия. Противодействие экспорту наносит значительный ущерб благосостоянию городского

Населения, давая, правда, ему возможность оберечь наибольшие суммы при покупке зерновых хлебов, но в то же время подрывая сельское хозяйство. Масло, сыр, яйца, овощи и т. д. продаются по непомерно высоким ценам, что приводит к удорожанию в соответствующей пропорции одежды и других изделий, производимых ремесленниками, в которых нуждаются широкие слои населения. Дороговизна всех этих товаров приводит к росту заработной платы рабочих. Неизбежные и повседневные расходы этих самых рабочих были бы менее обременительны, если бы деревни были населены жителями, занимающимися птицеводством, молочным хозяйством, возделывающими такие культуры, как бобы, фасоль, горох и т. п.

Богатый фермер предоставляет крестьянам работу и тем самым поддерживает их. Крестьянин же доставляет городскому населению продукты, необходимые им для существования. Там, где фермеров нет и обработка земли производится при помощи волов, крестьяне изнемогают от нужды, так как ипольщик, который сам очень нуждается, не может предоставить им работу. Крестьяне покидают деревню или вынуждены питаться овсом, ячменем, гречихой, картошкой и другими дешевыми продуктами, которые производятся ими самими и урожай которых могут быть быстро получены. Производство зерновых хлебов требует большого количества времени и труда, а они не в состоянии ожидать урожай в течение двух лет.

Наиболее благоприятные условия для производства зерновых хлебов имеются в фермерских хозяйствах, в которых можно сделать необходимые издержки (frais). Хозяйства ипольщиков представляют в этом отношении значительно меньшие возможности, несмотря на помощь, получаемую ими от землевладельцев. Но там, где отсутствуют фермеры, эти хозяйства мелких арендаторов представляют единственную возможность для производства зерновых хлебов.

Сами фермеры могут получить прибыль только в результате более совершенных методов ведения сельского хозяйства и при повышении плодородия земель, которые они обрабатывают, так как они не могут получить прибыли больше, чем разность между получаемым урожаем и произведенными издержками. Если после исключения

семян и произведенных издержек фермеру останется не более сетье с арпана, то это сетье и будет являться его доходом. В этом случае сорок арпанов земли, засеянные зерновыми хлебами, принесут ему доход в размере сорока сетье, которые равноценны примерно 600 ливрам. И если фермер будет вести свое хозяйство настолько хорошо, что получит излишек в размере двух сетье с каждого арпана земли, то в этом случае его прибыль удвоится. Для этого каждый арпан земли должен производить от семи до восьми сетье зерновых хлебов. Но такой урожай может быть получен только на хороших землях. Когда же часть обрабатываемых земель является хорошей, а другая часть — плохой, то в этом случае прибыль может быть посредственной (*fort médiocre*).

Крестьянин, который возьмется за возделывание зерновых хлебов своими собственными руками, не сможет возместить затрат своего труда. Количество обработанной им земли будет настолько незначительным, что даже в том случае, если у него и останется какие-нибудь несколько сетье прибыли сверх того, что пойдет на возмещение произведенных им издержек и на его питание, то этот доход будет все же недостаточен для удовлетворения его нужд. Сколько-нибудь значительная прибыль может быть получена только от больших урожаев. Вот почему фермер, пользующийся в своем хозяйстве многими плугами и имеющий хорошие земли, получает гораздо большую прибыль, чем фермер, ограничивающийся одним единственным плугом даже в том случае, если его земля не уступает по своему качеству земле первого фермера. Кроме того, в последнем случае издержки (*frais*) будут пропорционально гораздо более значительными. Но если фермер, пользующийся одним только плугом, не имеет достаточно средств для того, чтобы расширить свое хозяйство, он поступает правильно, воздерживаясь от этого, так как он все равно не выдержал бы тех издержек, которых требует крупное предприятие.

Земледелие не имеет, как торговля, источника средств в кредите. Торговец может занять средства, необходимые для закупки товаров, или он может купить в кредит, так как эти средства должны вернуться к нему через непродолжительное время вместе с прибылью и тогда он сможет произвести выплату долга. Но земледelec не располагает ничем, кроме прибыли, которую он аван-

ейрует для повышения Культуры земледелия, так как затраченные им средства (les fonds) остаются вложенными в его хозяйство и необходимы для его ведения. В связи с этим он не может произвести заем с условием возвращения его в точно обусловленный срок и те, кто могли бы предоставить ему займы средства, не могут быть уверены в надежности помещения своих денег. Таким образом, фермеры должны быть достаточно богатыми сами по себе. Государство должно обратить самое серьезное внимание на это обстоятельство и всемерно способствовать улучшению положения фермеров, имеющего важнейшее значение для королевства.

Но не следует надеяться достигнуть в этом направлении каких-либо успехов до тех пор, пока будет распространено представление о том, что занятие сельским хозяйством требует якобы только людей и работы, и пока у земледельцев не будет уверенности в надежности авансируемых ими средств и в доходах, которые должны быть ими получены. Те, кто имеет возможность производить такие затраты, не согласятся поместить свои средства при наличии опасности, что часть их имущества будет потеряна. Все говорит о том, что цены на зерновые хлеба у нас очень низки. И это в то время, когда цены на все продукты и на рабочие руки поднялись очень высоко. В связи с этим ростом цен издержки земледельцев повысились больше чем на одну треть, в то время как получаемая ими прибыль сократилась на одну треть. Таким образом, земледелец страдает от двойной потери, и это уменьшает его средства и лишает его возможности производить издержки (frais), необходимые для высокой культуры земледелия. В результате всего этого число фермеров сведено у нас фактически на нет. Ведение сельского хозяйства предоставлено исполщикам, что наносит огромный ущерб государству.

Цена на зерновые хлеба зависит не только от плохих или хороших урожаев; она определяется прежде всего наличием свободы или ограничения в торговле этими продуктами питания, которые определяет их ценность (qui decide de sa valeur).

Попытки ограничения или стеснения торговли зерновыми хлебами в периоды хороших урожаев приводят к нарушениям в сельскохозяйственном производстве, в результате чего ослабляется мощь государства, сокра-

щаются доходы (le revenu) собственников (propriétaires des terres), пробуждается лень и пренебрежение к исполнению своих обязанностей у прислуги и у батраков, помогающих в сельскохозяйственных работах, разоряются земледельцы и происходит обезлюдение деревень. Только непонимание действительных выгод Франции может привести к ограничению экспорта зерновых хлебов из-за боязни, что их может не хватить, в то время как в действительности во Франции может быть произведено зерновых хлебов гораздо больше, чем их можно было бы продать за границу. Поведение, которого в этом отношении придерживается Англия, доказывает как раз противоположное, а именно, что продажа части собранного урожая за границу является самым верным средством поддержать земледелие, обеспечить изобилие продуктов и предупредить голод. С тех пор как в Англии поощряется экспорт зерновых хлебов за границу, английский народ не страдает ни от чрезмерной дороговизны зерновых хлебов, ни от их обесценения.

Однако я полагаю, что помимо противодействия экспорту зерновых хлебов за пределы королевства существовала еще какая-то причина, содействовавшая снижению цен на зерновые хлеба. Такое предположение связано с тем, что с некоторых пор значительное снижение цен на зерновые хлеба имело место также и в Англии. Это снижение цен принято объяснять успешным развитием сельского хозяйства Англии, но имеются основания считать основной причиной такого снижения цен на зерновые хлеба влияние, оказываемое земледелием колоний, находящихся в весьма благоприятных условиях. Это в первую очередь относится к Пенсильвании, которая добилась на протяжении последних пятидесяти лет больших успехов в развитии своего сельского хозяйства и которая поставляет в Европу и на Антильские острова очень большое количество зерна и муки, причем следует отметить, что влияние этого обстоятельства в дальнейшем может оказаться еще более сильным. В связи со всем этим я считаю правильным исходить из средней цены зерновых хлебов во Франции не выше восемнадцати ливров, предполагая, что в земледелии Франции будет возрождена высокая культура и исчезнут препятствия для экспорта зерновых хлебов за границу.' Это' будет компенсироваться ростом производительности

земель и постоянным превышением доходов над расходами, которое станет серьезной опорой для развития земледелия.

Свобода продажи нашей зерновой продукции за границу является, таким образом, основным и совершенно необходимым условием возрождения сельского хозяйства королевства, однако наличие одного этого условия является еще недостаточным. Правда, возделывание земли должно будет при этом обеспечивать большие прибыли, но необходимо еще, кроме того, чтобы земледелец не был обременен произвольными и ничем не обоснованными налогами. Если для земледельцев не будут созданы благоприятные условия, никто не захочет помещать свои средства столь ненадежным образом и всегда будет отдано предпочтение помещению средств в крупных городах, вместо того чтобы помещать их в сельское хозяйство, так как попытки получить доход в сельском хозяйстве могут привести к потере всех тех средств, которые необходимо затратить, для того чтобы вести столь ненадежное хозяйство.

Детей фермеров очень страшит военная служба. Между тем защита государства является одной из самых основных *обязанностей* каждой нации и никто не может быть освобожден от нее помимо правительства, регулирующего использование людей и распределяющего их в соответствии с интересами государства. Но, *именно* исходя из интересов государства, не следует направлять в *солдаты* всех тех, которые или по своему богатству или по профессии могут быть более полезны обществу.

С этой точки зрения отношение к фермерам должно было бы отличаться от отношения к исполщикам, если бы оба эти сословия были хорошо известны (*si ces deux états étaient bien connus*).

Те, кто являются достаточно богатыми для того, чтобы быть фермерами, имеют полную возможность избрать какую-либо другую профессию.

Для того же, чтобы эти лица посвятили себя сельскому хозяйству, необходима решительная поддержка их в этом направлении со стороны правительства *.

* Небольшое количество детей фермеров, которые отбывают воинскую службу, -- Ре. имеет сколько-нибудь существенного значе-

Теперь перекинем взор еще на один предмет, не менее важный, чем культура зерновых хлебов, я намереваюсь говорить о выгодности (le profit) скотоводства в современном земледелии Франции.

На тридцати миллионах арпанов земли, занятых под мелкими хозяйствами (la petite culture), может быть расположено 375 тысяч отдельных хозяйств, каждое

ния с точки зрения самой военной службы. Но тот факт, что некоторые из них принимают решение бросить занятия своих отцов, заслуживает большого внимания с точки зрения перспектив развития сельского хозяйства, представляющего собою действительно реальную опору государства. В настоящее время, по данным г-на Дюпре де Сен-Мора, примерно семь восьмых возделываемой земельной площади королевства обрабатывается при помощи волов. Таким образом, только одна восьмая часть всей земли возделывается фермерами, число которых не превышает тридцати тысяч. Число их сыновей, отбывающих воинскую службу, не может составить даже одной тысячи. Значение такого небольшого числа для нашей армии равно нулю. Но зато четыре тысячи фермеров, которые из опасения необходимости отбывать воинскую повинность покидают деревни каждый раз, когда производится набор в армию, имеют очень большое значение для сельского хозяйства страны. Мы имеем здесь в виду только тех земледельцев, которые производят обработку земли при помощи лошадей, так как (согласно точке зрения автора настоящей статьи) остальные не могут рассматриваться как фермеры. Площадь, обрабатываемая при помощи лошадей, составляет примерно шесть или семь миллионов арпанов, из которых должно применяться примерно тридцать тысяч плугов, исходя из расчета один плуг на сто двадцать арпанов. Большая часть фермеров имеет по два плуга, а многие имеют и по три. Таким образом, число фермеров, обрабатывающих землю при помощи лошадей, не превышает тридцати тысяч, тем более если не включать в их число привилегированных землевладельцев, которые также применяют лошадей. Половина этих фермеров не имеет детей в том возрасте, в котором отбывается военная служба, так как они могут иметь детей в этом возрасте только спустя восемнадцать-двадцать лет после женитьбы и, кроме того, среди детей мальчики составляют только половину. Таким образом, число сыновей фермеров, которые могут быть призваны на военную службу, не должно превысить десяти тысяч. Причем так как часть из них уезжает в города, то в конечном итоге число сыновей фермеров, попадающих на военную службу в результате жеребьевки, в которой они принимают участие наравне с сыновьями крестьян, может достичь самое большее одной тысячи или даже, может быть, только пятьсот человек. Когда число фермеров возрастет настолько, насколько это возможно, государство должно будет продолжать оказывать им покровительство для того, чтобы поддержать сельское хозяйство и обеспечить поступление значительных сумм налогов. (Примеч; издателей «Энциклопедий»-).

с площадью возделываемой земли в размере восьмидесяти арпанов. Предполагая, что в каждом хозяйстве будет иметься двенадцать волов, следует считать, что во всех этих хозяйствах будет занято 4 миллиона 500 тысяч волов. Таким образом, в мелких хозяйствах занято обработкой земли от 4 до 5 миллионов волов. Волы начинают работать в возрасте трех или четырех лет. В некоторых хозяйствах они работают только на протяжении трех, четырех, пяти или шести лет, но в большинстве хозяйств они выполняют работу на протяжении семи, восьми и девяти лет. В этих случаях волы продаются тем, кто будет заниматься их откормом для забоя на мясо в возрасте двенадцати-тринадцати лет. К этому времени они находятся уже в неважном состоянии и их продают по цене более низкой, чем та, которую они имели перед тем, как их стали использовать на работе. Эти волы на протяжении длительного времени пасутся на пастбищах, от которых не получается никакого дохода. Между тем если бы эти пастбища использовались лишь для того, чтобы выращивать быков только до того времени, когда они могут быть направлены на откорм для последующего забоя, то волы сменялись бы на пастбищах каждые пять-шесть лет.

При высокой культуре земледелия лошадей оставляют на свободных пастбищах и они сами добывают себе пищу, не нанося ущерба доходам (profit) земледельцев, труд которых становится от этого еще более производительным, чем при применении волов.

При таком способе ведения земледелия прибыльность пастбищ увеличивают тем, что эти пастбища на протяжении не меньше шести лет могут служить для прокорма четырех или пяти миллионов волов, используемых для производства земледельческих работ в мелких хозяйствах.

При существующей системе обработки земли пастбища представляют собою чистую потерю, в то время как при обработке земли при помощи лошадей они могли бы быть использованы для откорма тех же четырех или пяти миллионов голов быков, но уже для забоя их на мясо.

Волы перед их отправлением на откорм для последующего забоя на мясо продаются по самым различным ценам, в зависимости от их упитанности. Средняя

цена одного вола составляет примерно сто ливров. Таким образом, четыре с половиной миллиона волов могут давать каждые шесть лет на 450 миллионов больше. Если к этому прибавить треть суммы, которая может быть получена в результате откорма, то всего будет шестьсот миллионов, что даст ежегодный доход в сумме ста миллионов.

Мы рассматриваем здесь получаемые результаты только с точки зрения использования пастбищ, а также земель, оставляемых под паром, которые, будучи предоставлены для откорма волов, используемых для обработки земли, представляют не что иное, как просто потери.

Но необходимо иметь в виду, что эти пастбища в большинстве случаев могут быть возделаны и на них могут быть получены урожаи различных культур или во всяком случае какой-либо одной культуры, в результате чего может быть обеспечено значительно большее количество кормов для скота, а следовательно, и будут получены еще большие результаты.

Стада овец представляют собою еще один источник дохода, который может стать еще более значительным, если принять во внимание возможности возрастания ежегодной продукции шерсти и ежегодных продаж овец. В 375 тысячах хозяйств, применяющих волов, не имеется и трети того числа овец, которые могли бы прокормиться на занимаемых ими землях, если бы эти земли лучше обрабатывались и производили бы большее количество фуража. Каждое из этих хозяйств, включая и земли, находящиеся под парами, могло бы прокормить стадо в 250 овец. Таким образом, увеличение численности овец на две трети составило бы примерно 250 тысяч стад, или 60 миллионов овец; в числе их имелось бы примерно 30 миллионов ярок, которые должны были бы произвести 30 миллионов ягнят. Примерно половину этих ягнят составили бы бараны, которых в возрасте двух-трех лет продают для забоя на мясо. Вторая половина, состоящая из ярок, частично также подлежала бы продаже для забоя на мясо, а частично сохранялась бы для обновления маточного поголовья. Из числа тридцати миллионов родившихся ягнят число ярок составило бы примерно пятнадцать миллионов, а из этих пятнадцати миллионов можно было бы продать примерно десять миллионов.

При цене три ливра за одну голову было бы выручено тридцать миллионов ливров.

Таким образом, из года в год имелось бы пятнадцать миллионов овец на продажу для забоя на мясо, что при цене восемь ливров за одну голову давало бы 120 миллионов ливров. Кроме того, ежегодно продавалось бы пять миллионов старых овец, что при цене три ливра за одну голову дало бы сумму в пятнадцать миллионов ливров. Сверх всего этого, ежегодно получалось бы 60 миллионов туазов шерсти (без шерсти ягняг), ценность которой при средней цене сорок су за туаз составила бы сумму в 120 миллионов ливров. Таким образом, прирост продукции за счет овцеводства превысил бы 285 миллионов, а общий объем прироста за счет зерновых хлебов, быков и овец составил бы примерно 685 миллионов.

Возможно, в качестве возражения будет выставлен довод о том, что вся эта продукция не может быть получена без больших издержек. Действительно, если рассматривать доход (profit) земледельца, то из него надо вычесть издержки (frais); но если рассматривать этот вопрос с точки зрения государства, то нетрудно заметить, что деньги, расходуемые на эти издержки, остаются в королевстве и при этом будет получено больше продукции.

Наблюдения, которые были сделаны в отношении увеличения продукции, получаемой от быков и от овцеводства, должны быть распространены на лошадей, коров, телят, свиней, домашнюю птицу, шелковичных червей и т. д., так как в результате восстановления высокой культуры земледелия (par le rétablissement de la grande culture) должны иметь место богатые сборы, которые доставят большое количество зерна, овощей и фуража. Путем использования неплодородных земель под посевы прочих зерновых культур и корнеплодов, под пастбища и искусственные луга, под посадку тутовых деревьев и т. д. будет еще более увеличиваться количество корма для скота, птицы и шелковичных червей, в результате чего будет иметь место возрастание доходов, которые будут такими же значительными, как исчисленный нами доход от волов и овцеводства. Таким образом, в результате повсеместного восстановления высокой культуры земледелия было бы достигнуто непрерывное возрастание богатств больше чем на миллиард ливров.

Эти богатства были бы распространены на всех жителей; они обеспечили бы всем жителям лучшее питание; они удовлетворили бы их нужды; они осчастливили бы их; они увеличили бы население и приумножили бы доходы собственников и самого государства. Издержки на ведение земледелия при этом не будут особенно значительными; однако будут необходимы только более крупные затраты (de plus grands fonds) для проведения восстановления (en former l'établissement). Но такие средства (ces fonds) отсутствуют в деревне, так как они все были отвлечены в большие города. Правительство, которое определяет направление движущих сил в обществе и определяет общий порядок в стране, в состоянии найти надлежащие рычаги, для того чтобы заинтересовать в возвращении этих средств обратно в сельское хозяйство, где они будут доставлять гораздо больше прибыли частным лицам и большие доходы государству. Лен, пенька, шерсть, шелк и т. д. доставят сырье, необходимое для наших промышленных производств. Зерновые хлеба, вина, водка, кожа, засоленное мясо, масло, сыр, сало, жиры, холст, такелажные снасти, сукна, ткани составили бы основные предметы нашей торговли с границей. Эти товары, представляющие не предметы роскоши, а предметы повседневного потребления, всегда обладали бы реальной ценностью и, будучи произведены внутренними средствами, являлись бы для государства чистой прибылью. Они представляли бы собою богатство, постоянно воспроизводящееся и всегда превосходящее богатство других наций.

Эти выгоды, имеющие такое большое значение для благополучия и процветания нации, привели бы также к увеличению рождаемости, к оздоровлению населения и прежде всего к росту сельского населения, что в наименьшей мере обусловило бы рост богатства и силы государства. Богатые фермеры используют труд крестьян, которые нанимаются на работу из-за соблазна получить оплату за свой труд в денежной форме. Крестьяне становятся трудолюбивее, получаемые ими деньги обеспечивают им определенный достаток, который способствует тому, чтобы они оставались в провинции, и который дает им возможность прокормить своих детей, оставить их около себя и затем помочь им обосноваться. Население деревень увеличивается пропорционально

богатствам, затрачиваемым на поддержание земледелия, а земледелие в свою очередь увеличивает богатства нации.

В провинциях, в которых обработка земли производится при помощи волов, сельское хозяйство является бедным: оно не может обеспечить занятость крестьян; последние, не видя цели труда в виде получения денег, становятся ленивыми и томятся в «ищите; единственный способ обеспечить себе существование заключается в обработке клочков земли. Но какое питание может обеспечить себе крестьянин при такой системе ведения хозяйства? Слишком бедный для того, чтобы подготовить землю для производства зерновых хлебов и ждать их урожая, он ограничивается, как мы уже отмечали, менее трудоемкими культурами, которые можно жать уже через несколько месяцев. Он сеет ячмень, овес, гречиху, картофель, кукурузу и другие дешевые виды продукции. Вот продукты, которые могут быть произведены крестьянином и которые служат питанием для его детей. Эти продукты, которые едва-едва достаточны для того, чтобы не умереть с голода, разрушают здоровье и губят часть населения еще в детском возрасте. Те же, кто выдерживают такое питание и сохраняют здоровье и силы и кто к тому же еще достаточно разумен, избавляются от подобного жалкого существования, убегая в города. Менее способные и менее жизнестойкие остаются в деревнях, не принося никакой пользы государству и будучи в тягость самим себе.

Жители городов простодушно думают, что земли обрабатываются самими крестьянами и что упадок земледелия объясняется только недостатком людей в деревнях. Необходимо, говорят, прогнать школьных учителей, которые, обучая крестьян, тем самым способствуют тому, что они покидают деревни и переселяются в города. Такие представления являются столь же нелепыми, как и неправильными. Крестьяне в этом случае рассматриваются как рабы государства, а сельская жизнь представляется наиболее тяжелой, трудной и презренной, так как предполагается, что сельские жители должны выполнять работы, предназначенные для животных (аих анімаих). Когда крестьянин сам обрабатывает одну и ту же землю, это является доказательством его нищеты и непригодности. Четыре лошади могут обрабо-

тать более ста арпанов земли, а четыре человека не в состоянии обработать даже восьми. За исключением виноградарей и садоводов, которые занимаются непосредственной обработкой земли, крестьяне используются богатыми фермерами для выполнения других работ, более выгодных для них и более полезных для земледелия. В богатых провинциях, где земледелие ведется хорошо, крестьяне располагают большими возможностями. Они засевают несколько арпанов земли зерновыми хлебами и прочими зерновыми культурами. Они, эти фермеры, работают на самих себя и пахут землю, а их жены и дети собирают урожай. Эти небольшие урожай доставляют им часть необходимого пропитания и, кроме того, обеспечивают их фуражом и навозом. Эти фермеры-крестьяне занимаются также возделыванием льна, конопли, различных овощей. Они имеют скот и домашнюю птицу, которые доставляют им добротное питание и даже некоторые прибыли (profits). Они обеспечивают себе средства существования земледельческим трудом и другими заработками, которые они имеют в остальное время года; они все время остаются занятыми в деревне. Они живут непринужденно и беззаботно; они презируют зависимое положение домашней прислуги, батраков, являющихся рабами других людей; они не завидуют участи низших слоев городского населения, живущих в чердачных помещениях, ограниченных получаемой ими мизерной заработной платой, которой едва хватает на повседневные нужды, вынужденных жить без каких бы то ни было запасов на будущее, без возможности обеспечить свои будущие потребности и постоянно изнывающих от нужды.

Крестьяне не впадают в нужду и не покидают провинции до тех пор, пока их не слишком тревожат новыми притеснениями в дополнение к тем, которыми они подвергаются обычно или когда отсутствуют фермеры, которые могли бы обеспечить их работой и там, где земли возделываются бедными полонниками, имеющими возможность вести лишь небольшое хозяйство и обрабатывающих землю своими собственными силами, причем очень плохо. Свой небольшой урожай эти полонники делят с землевладельцем, и та часть, которая приходится на долю полонников, может обеспечить только их собственные нужды; они не имеют возможности ни отремон-

тировать свой инвентарь, ни обновить его. Эти бедные земледельцы, приносящие так мало пользы государству, не могут считаться настоящими земледельцами, какими являются богатые фермеры, имеющие крупные хозяйства, управляющие и распоряжающиеся ими, производящие многочисленные издержки ради увеличения прибыли. Они не пренебрегают никакими средствами, никакими частными выгодами, делают добрые дела. Они создают доходы для всех жителей деревни. Фермеры имеют возможность выбирать и зыжидать более благоприятное время для сбыта своего зерна, для покупки и продажи скота. Эти богатства фермеров делают землю более плодородной, увеличивают численность скота, привлекают население к деревню, способствуют его оседанию в деревне и создают могущество и процветание нации.

Распад империи часто следовал за периодами расцвета торгозлии. Когда нация расходует на роскошь то, что она получает от торгозлии, то в результате не происходит ничего, кроме движения денег без реального увеличения богатств. Только продажа избыточного продукта (*superflu*) обогащает подданных и государя. Продукция наших земель должна служить сырьем для промышленности и быть предметом торгозлии. Всякие другие зиды торгозлии, которые не базируются на этих основаниях, не язляются достаточно надежными. Чем более блестящей язляется такого рода торгозля в каком-либо королевстве, тем больше возбуждает она соперничество соседних стран и тем более сама вступает с ними в соперничество. Если же государство богато плодородными землями, то другое государство, не имеющее таких преимуществ, не сможет соперничать с ним в области развития сельского хозяйства. Но, для того чтобы использовать эти преимущества, необходимо устранить причины, приводящие к тому, что сельское население покидает деревню, а богатства отвлекаются и оседают в крупных городах. Все сеньоры, все богатые люди, все те, кто имеют ренты или пенсии, достаточные для того чтобы жить в достатке, стремятся жить в Париже или в каком-либо другом крупном городе, где они и расходуют почти все доходные фонды (*revenu de fonds*) королевства. Их издержки привлекают в города множество торговцев, ремесленников, домашней прислуги и чернорабочих. Это

скверное распределение людей и богатств является неизбежным, но оно зашло слишком далеко и этому, может быть, в значительной мере содействует политика, покровительствующая больше горожанам, чем сельским жителям. Люди стремятся в города в надежде получить больше доходов и обеспечить себе более спокойную жизнь. Если бы эти преимущества были обеспечены в деревнях, то последние были бы заселены относительно не меньше, чем города. Нельзя сказать, что все городские жители являются богатыми или даже зажиточными. Деревня имеет свои богатства и свои положительные стороны. Население покидает деревню только для того, чтобы избежать притеснений, которые приходится переносить сельским жителям. Но правительство имеет возможность устранить эти неудобства. Представление о цветущей состоянии городской торговли основывается на том, что города полны богатыми торговцами. Но каков может быть результат от этого, если почти все деньги государства используются для торговли, которая никак не способствует увеличению богатства нации. Локк⁹ сравнивает торговлю с игрой, в результате которой после выигрыша одних и проигрыша других общая сумма денег остается такой же, как и до игры. Внутренняя торговля необходима для обеспечения нужд населения, для того, чтобы поддержать роскошь, и для того, чтобы облегчить потребление. Она содействует усилению могущества и процветания государства. Но если бы часть огромных богатств, которые государство притягивает к себе и применяет для производства и которые дают так мало для королевства, была бы направлена в сельское хозяйство, то в результате этого были бы обеспечены гораздо более реальные и гораздо более значительные доходы. Сельское хозяйство является досгоанием государя. Вся его продукция находится на виду. Установление налогов на сельскохозяйственную продукцию не представляет трудностей. Между тем установление налогов на денежные богатства сопряжено с большими сложностями и государство может обеспечить их получение только при помощи средств, весьма для него обременительных.

Однако раскладка налогов на земледельцев также связана с большими трудностями. Произвольно устанавливаемые размеры налога являются слишком большими

И несправедливым, для того чтобы Нё проТивбдейств зать самым сильным образом возрождению земледелия. Пропорциональное же распределение налога является невыполнимым. Налоги не могут устанавливаться на основании данных о ценах на земли и о размерах поземельного налога, так как два способа ведения сельского хозяйства, о которых мы говорили, дают на совершенно равноценных землях совершенно разную продукцию. Таким образом, до тех пор пока эти два типа земледелия будут существовать, а также будет Изменяться соотношение между ними, земля не сможет служить основанием для пропорциональной раскладки талыи. Если произвести таксацию земель, исходя из современного состояния, то картина отклонений будет недостаточной, по мере того как роль высокой культуры будет увеличиваться. Кроме того, имеются провинции, в которых прибыль от скотоводства является гораздо более значительной, чем доходы от земледелия, и, наоборот, имеются провинции, в которых доходы от урожаев значительно превышают прибыль, получаемую от скотоводства, причем это различие в условиях подвержено сильным изменениям. Не представляется возможным установить единую систему пропорционального распределения налогов.

Но менее трудно обезопасить фонды (des fonds) земледельца от произвольной оценки, чем точно установить и разложить налоги. Для этого достаточно установить незыблемые разумные основания, которые обеспечили бы поступление налогов и которые гарантировали бы налогоплательщика от злоумышленных посягательств или ошибочных предположений тех, кто устанавливает размеры налога. Эти размеры должны устанавливаться на основании прямых сведений о размерах наличного имущества. Попытки определить размеры имущества, которое налогоплательщик, возможно, пытается утаить, могут привести только к ложным результатам и всегда могут служить предлогом для злоупотреблений, которых надо стремиться избегать.

Наличным имуществом для всех земледельцев являются все те средства, которые необходимы им для извлечения прибылей. Если среди земледельцев имеются люди более трудолюбивые, более способные и более экономные, которые благодаря этим своим качествам получают больший доход, то они заслуживают того, чтобы спо-

койно пользоваться результатами своей бережливости и своих способностей. Таким образом, было бы вполне достаточно обязать земледельцев ежегодно представлять сборщику налогов точную декларацию, содержащую сведения о количестве и природе различных благ, которыми собственники или фермеры располагают, а также перечислить все полученное ими от урожая, о численности скота и т. д. Эти сведения должны представляться абсолютно правдиво под угрозой того, что в случае обнаружения подлога установление налога будет произведено совершенно произвольно. Все жители деревни имеют точное представление об имуществе каждого из них. Подложные декларации могут быть легко обнаружены. Сборщикам налогов должны быть даны самые строгие указания о необходимости производить размещение налога в точном соответствии с данными деклараций. Что касается простых рабочих и ремесленников, то в отношении этих категорий должен быть установлен общий налог, подлежащий дифференциации в зависимости от наличия у лиц указанных категорий детей в раннем возрасте и в возрасте, в котором они уже способны самостоятельно работать. Несмотря на то что в материальном положении этих жителей могут иметь место существенные различия, незначительность размеров налога, которым облагаются эти трудящиеся деревни, делает неточности, связанные с таким методом обложения, малозначительными.

Наиболее сложно обстоит в деревне с установлением размеров налога на торговцев. Их декларации об объеме торговли и реализуемых товарах могут быть или приняты или поставлены под сомнение сборщиками налогов. В последнем случае эти данные могли бы быть подтверждены или исправлены на сходе (*assemblée*) прихожан. Решение, которое было бы принято на осознании общего мнения прихожан, сдерживало бы попытки налогоплательщиков представить ложные сведения и противодействовало бы злоупотреблениям со стороны сборщиков и их попыткам совершенно произвольного обложения.

Ввиду того что число торговцев в деревнях очень велико, эти предосторожности, принимаемые при определении размеров обложения, могут считаться вполне достаточными.

Мы рассматриваем здесь только деревню и прежде всего с точки зрения создания у земледельцев уверенности в своем положении. Что касается провинциальных городов, которые выплачивают налоги, то они сами должны установить такой порядок, который избавил бы их от произвола в налогообложении.

Если перечисленные меры и не могут устранить все недостатки, имеющиеся в обложении, то во всяком случае остающиеся недостатки и те недостатки, которые могут дополнительно возникнуть, несравнимы с положением, при котором установление обложения полностью предоставлено усмотрению сборщиков налогов. Каждый, без сомнения, предпочтет, чтобы обложение налогами основывалось на определенных законных нормах. Это преимущество, такое важное и такое желаемое, устранило бы чрезмерные тяготы, которые причиняю юя в деревнях произвольным взиманием тальи (*arbitraire de la taille*).

Здесь могут возразить, что необходимость представления деклараций, на основании которых должен устанавливаться размер обложения каждого плательщика, может побудить последнего сократить размеры посевных площадей и численность скота, для того чтобы платить меньше тальи, что означало бы еще одно препятствие на пути развития сельского хозяйства. Но можно быть уверенным, что земледелец не примет подобных неправильных решений. Если получаемые им урожан, его скот и т. д. не будут больше служить основанием для чрезмерного обложения тальей, он будет заинтересован в развитии своего хозяйства для получения больших доходов.

Может встретиться также и другое возражение, а именно, что такое пропорциональное распределение является для сборщиков делом очень сложным и трудноосуществимым, так как они недостаточно сведущи во всякого рода расчетах. Но все расчеты могут быть возложены на писарей, которым сборщики налогов поручают составление податных списков.

Прежде всего община должна будет разработать основной тариф в соответствии с оценкой общего объема производства различных видов продукции в данной местности. В этом деле община может воспользоваться помощью священника или сеньора или его управляющего

или каких-либо других знающих и уважаемых лиц Этот тариф будет принят и утвержден жителями и вскоре станет известным каждому отдельному лицу, так как каждый будет заинтересован в том, чтобы знать, что он должен платить. Таким образом, спустя немного времени осуществление такого пропорционального распределения уже не будет представлять трудности

Если бы деревенские жители были бы освобождены от произвольного взимания талы, они стали бы жить так же спокойно, как и жители больших городов Много собственников вернулось бы в деревню, для того чтобы поднять ценность их имений, деревню не стали бы более покидать, богатство и население деревни стало бы вое станазливаться. Наряду с этим при условии устранения и всех остальных причин, противодействующих прогрессу земледелия, могущество королевства стало бы мало-помалу укрепляться в результате роста численности населения и увеличения доходов государства

ЗЕРНО

Основными предметами торговли Франции являются зерно, вина, водка, соль, пенька, лен, шерсть и другие продукты, доставляемые животноводством. Предприятия, производящие полотно и ткани, могут значительно увеличить ценность (*la valeur*) пеньки, льна и шерсти и обеспечить существование большому числу людей, которые благодаря этому получают возможность иметь выгодную работу. Однако можно заметить, что в настоящее время производство большей части этих товаров и торговля ими сведены во Франции почти на нет. Уже на протяжении длительного времени мануфактуры по производству предметов роскоши прельщают нацию; мы не располагаем ни шелком, ни шерстью достаточно хорошего качества, для того чтобы производить красивые ткани и тонкие сукна. Мы стали заниматься производствами, которые были для нас совершенно чуждыми. И в этих производствах занято теперь множество людей, в то время как королевство страдает от недостатка людей, а деревни стали вообще совершенно безлюдными. Цены на производимые нами зерновые хлеба снижаются для того, чтобы промышленное производство и рабочие руки обходились менее дорого, чем за границей. Люди и богатства сосредоточиваются в городах. Земледелие, представляющее наиболее плодотворную и наиболее благоприятную основу нашей торговли и источник ДОХОДОВ королевства, далеко от признания его первоначальной

основой (*le fonds primitif*) всех наших богатств, и можно подумать, что в нем заинтересованы одни только фермеры и крестьяне, деятельность которых, обеспечивающая существование нации, ограничивается тем, что продажа производимых ими товаров возмещает только издержки производства (*paye les dépenses de la culture*). При этом предполагается, что золото и деньги должны быть получены от торговли, основанной на промышленности.

Так, в связи с этим было запрещено насаждение виноградников и рекомендовалось насаждение тутовых деревьев; сбыт сельскохозяйственной продукции задерживался, а доходы от земли сокращались — и все это для того, чтобы покровительствовать мануфактурам, торговля изделиями которых невыгодна.

Франция имеет возможность производить в избытке все предметы первой необходимости и покупать за границей одни только предметы роскоши. Взаимный товарообмен между нациями необходим для поддержания торговли. Но мы занимаемся в основном производством и торговлей такими товарами, которые мы могли бы ввозить из-за границы. И, конкурируя в торговле предметами роскоши, мы стремимся нанести ущерб нашим соседям и лишить их прибылей, которые могли бы быть получены ими от нас, если бы они продавали нам свои товары.

В результате такой политики мы добились только уменьшения взаимной торговли между нами и иностранными государствами, которая представляет для нас одну только выгоду. Эти иностранные государства запретили ввоз к себе наших товаров, а мы вынуждены закупать у них сырье для нашей промышленности контрабандным путем и по очень дорогим ценам.

Во имя того чтобы получить несколько миллионов от производства и продажи дорогих тканей, мы теряем миллиарды на продукции наших земель. И нация, украшенная тканями золотом и серебром материями, возомнила, что обладает дзетушей торговлей.

Развитие такого рода производств позергло нас в беспорядочную роскошь, которая нашла некоторое распространение и у других наций и возбудила своего рода соперничество. Возможно, что мы выше их в промышленном отношении. Но это преимущество было основано главным образом на наших собственных расходах.

Потребление, осуществляемое подданными, является источником доходов государя, а продажа излишков иностранцам увеличивает богатство подданных. Процветание государства зависит от сочетания этих двух факторов. Но потребление, поддерживаемое посредством роскоши, является весьма ограниченным. Оно может основываться только на изобилии. Люди, которым fortuna мало благоприятствует, могут потреблять предметы роскоши только во вред себе и в ущерб государству.

Наиболее просвещенные министры знают, что только потребление, удовлетворяющее насущные потребности жизни, может обеспечить большие доходы государю и счастье его подданным. Только самая большая нужда может заставить нас уменьшить количество выпиваемой воды, съедаемого скверного хлеба и нас покрывающего тряпья. Все люди стремятся трудом обеспечить себе хорошее питание и приличную одежду. Не бойтесь поощрять их усилия, потому что лишь доходы королевства, зерновые хлеба и издержки народа составляют истинное богатство государя.

Детальное исследование доходов, которые могут быть получены в результате обильных урожаев зерновых культур и допущения сзободы в торговле зерном, покажет с достаточной убедительностью, что производство предметов первой необходимости, их сбыт и потребление интересуют все сословия королевства и дают возможность судить о том, каковы должны быть в настоящее время взгляды правительства на возрождение земледелия.

Нами уже было рассмотрено положение сельского хозяйства во Франции, а также имеющиеся в нем два типа земледельческого производства, а именно — высокая культура (*la grande culture*), или то производство, в котором используются лошади, и низкая культура (*petite culture*), или то, в котором применяются волы. Мы рассмотрели также различия в продукции, которая производится каждым из этих двух типов земледельческой культуры, причину деградации нашего земледелия и средства к его возрождению. (См. статью «Фермеры».)

Нам известен взгляд, согласно которому во Франции обрабатывается примерно тридцать шесть миллионов

арпанов, а наши урожаи дают в обычные годы примерно около сорока пяти миллионов сетье зерновых хлебов, из каковых одиннадцать миллионов производится хозяйствами высокой культуры и тридцать четыре миллиона — хозяйствами низкой культуры*.

Нам следует изучить, какой доход может быть получен королем от сорока пяти миллионов сетье зерновых хлебов по каждому из двух типов земледельческого производства; мы изучим также, какими должны быть размеры десятины, арендной платы и доходов земледельца, получаемых при каждой из этих двух форм сельскохозяйственного производства. Затем мы сравним эти доходы с тем, что сможет производить наше полностью возрожденное земледелие при условии разрешения свободного экспорта. Без разрешения свободного экспорта наши урожаи, предназначенные только для потребления внутри королевства, не могут быть увеличены, так как если они будут более обильными, то это приведет к обесценению зерновых хлебов. Земледельцы не смогут выдержать расходы, связанные с ведением сельского хозяйства, земли не будут ничего приносить ни королю, ни собственникам. Таким образом, если урожаи зерновых хлебов могут быть потреблены только в пределах самого королевства, следует избегать избытка и стремиться собирать лишь то, что необходимо для существования нации. Но в этом случае невозможно избежать и наступления периодов голода, так как если урожай зерновых хлебов превысит годовое потребление на три-четыре месяца, то цены на эти зерновые упадут настолько низко, что такое превышение урожая (над годовой потребностью приведет к разорению земледельца и будет недостаточно для обеспечения потребления следующего года в случае неурожая. Таким образом, только возможность сбыта по достаточно высоким ценам может обеспечить изобилие и прибыль.

* Если бы земледельцы были достаточно богаты, для того чтобы обработать все тридцать шесть миллионов арпанов посредством высокой культуры (*par la grande culture*) вместо шести миллионов, которые обрабатываются посредством этой культуры теперь, то ежегодный урожай составлял бы примерно шестьдесят шесть миллионов сетье вместо сорока четырех, что может быть доказано на основе исследования современного состояния хозяйств высокой культуры (*de l'état actuel de la grande culture*).

Производство зерна в крупных хозяйствах

В настоящее время высокая земледельческая культура ограничивается примерно шестью миллионами арпанов земли, включающей в основном провинции: Нормандия, Бос, Иль-де Франс, Пикардия, Французская Фландрия, Гено и немногие другие. Один арпан плодородной земли, хорошо обрабатываемой, при высокой культуре может дать восемь и более сетье зерновых (в парижских мерах), что равноценно 240 ливрам. Но не все земли, обрабатываемые посредством этой культуры, являются одинаково плодородными; потому что эта культура связана остатками сохранившихся в некоторых провинциях обычаев, которые влияют на качество земель. Большую часть этих земель держали бедные фермеры, которые не могли их хорошо обрабатывать. В связи с этим мы оцениваем продукцию с каждого арпана земли в размере только пяти сетье (за вычетом той части, которая идет на семена). Мы исходим из того, что арпан ¹ равен 100 першам, а один перш равен 22 футам *.

Из шести миллионов арпанов земли, обрабатываемой посредством этой культуры, два миллиона арпанов ежегодно засеваются зерновыми хлебами, два миллиона арпанов засеваются овсом и прочими зерновыми культурами в марте и два миллиона арпанов остаются под паром и подготавливаются под посевы зерновых хлебов в следующем году.

Для того чтобы определить возможно более точно общую рыночную цену зерновых хлебов при современном состоянии высокой культуры земледелия во Франции, когда экспорт зерновых хлебов запрещен, необходимо принять во внимание изменения размеров продукции урожая зерновых хлебов и цен на них в зависимости от более или менее благоприятных условий.

Общая сумма за пять лет в 87 ливров за вычетом издержек, разделенная на пять лет, составит на один арпан 17 ливров 8 су чистого продукта (produit net).

* Это на одну пятую больше измерения арпана, произведенного г-ном де Вобан. Если исходить из измерения последнего, урожайи должны произвести на одну пятую зерна на арпан больше, чем считает этот автор. (Примеч. оригинала)

Годы	Сетье с одного арпана	Цена сетье	Итого с одного арпана	Издерж- ки на арпан ,	Остаток на арпан
Изобильные . . .	7	10	70	60	10
Богатые.....	6	12	72	***	12
Средние.....	5	15	75		15
Низкие.....	4	20	80		20
Плохие.....	3*	30	90		30
Итого за пять лет	25 **	***87	387		87

Если прибавить к этим 17 ливрам 8 су издержки в сумме 60 ливров, это составит в итоге да каждый арпан 77 ливров 8 су.

Продукция зерновых хлебов за пять лет равна 25 сетье, что составляет в общем 5 сетье за один год. Чтобы определить обычную цену за каждое сетье, надо разделить полученный выше итог на 5, >в результате чего обычная цена за каждое сетье зерновых хлебов будет установлена в размере 15 ливров 9 су.

С каждого арпана, кроме того, была еще взимаема десятая, которая вначале была снята нами из общего объема урожая и поэтому не вошла в расчет. Десятая составляет обычно тринадцатую часть во всем объеме урожая или одну двенадцатую от урожая, из которого эта десятая уже снята. Таким образом, для того чтобы определить весь объем продукции, получаемой с каж-

* Обычная регулируемая цена (le prix commun réglé) устанавливается на основе цен разных годов без учета издержек урожая каждого года; она не является общей ценой для тех покупателей, которые ежегодно покупают для обеспечения своего существования одно и то же количество хлеба. Этой общей ценой в данном примере является одна пятая от 87 ливров или 17 ливров 8 су, что примерно равно обычной продажной цене зерновых хлебов, установившейся в Париже на протяжении длительного времени. Но обычная цена для фермеров, которые являются продавцами, составляет примерно только 15 ливров 9 су по причине различий в урожаях (примеч. оригинала).

** Здесь совершенно не принимаются во внимание совсем неурожайные годы, так как они являются очень редкими и, кроме того, потому, что не представляется возможным определить цену зерновых хлебов в такие годы (примеч оригинала).

*** См. состав этих расходов в статьях «Фермеры» и «Фермы».

дого арпана, необходимо прибавить к 77 ливрам 8 су продукцию, идущую на уплату десятины, которая отчисляется от общей величины урожая, включающей и часть, идущую на семена. Та часть урожая, которая направляется на семена, оценивается в 10 ливров 6 су, что вместе с 77 ливрами 8 су составит 87 ливров 14 су, одна двенадцатая ют которых, снимаемая на оплату десятины, будет равна 7 ливрам. Таким образом, общий объем произведенной продукции за вычетом той части, которая оставляется на семена, определяется в 84 ливра 16 су.

Эти 84 ливра 16 су подразделяются следующим образом:

Десятина.....	7 ливров	1
Издержки.....	60 ливров] 84 ливра 8 су
Чистый продукт ...	17 ливров 8 су J	

Обработка каждого арпана земли, производящего зерновые хлеба, производится на протяжении двух лет. Таким образом, фермер должен уплатить из чистой продукции урожая, составляющей 17 ливров 8 су, арендную плату за два года; он должен также уплатить из этой чистой продукции налог и, кроме того, получить часть ее в виде дохода, для того чтобы обеспечить свое существование.

Таким образом, чистая продукция должна распределяться примерно следующим образом:

Собственнику . . . $\frac{3}{5}$ или $10, 7, 7 \frac{1}{2}$	
Талья..... V_s^*	$3, 9, 6 \frac{1}{2}$ 17 ливров 8 су
Фермеру..... $V_s \gg$	$3, 9, 6 \frac{1}{2}$

Общая величина затрат составляет 60 ливров; суммы, выплачиваемые землевладельцу и в счет налогов, составляют 13 ливров 18 су 6 д*. В сумме все это дает 73 ливра 18 су 6 д на один арпан, засеянный зерновыми хлебами. Исходя из того что в обычные годы один арпан дает в среднем примерно 5 сетье, можно считать, что каждое сетье обходится фермеру..... 14, 15, 8.

В годы изобильного урожая каждый арпан земли дает примерно семь сетье по 10 ливров за сетье.

* Мы исходим здесь не из действительного положения и предполагаем, что взимание тальи производится в размерах, сохраняющих возможность получения прибыли фермеру и дохода землевладельцу, который некоторым образом поддерживает богатство нации и содержание земель в надлежащем порядке*.

При этом фермер теряет на каждом сетье . . . 0, 11, 2 Va

Или на каждом арпане..... 3, 18, 6.

В годы хорошего урожая каждый арпан приносит 6 сетье по 12 ливров.

При этом фермер берет на каждом сетье 0 , 6 , 5 .

Или на каждом арпане..... 1, 18, 6.

Если фермер будет выплачивать больший налог, чем это принято в приведенных расчетах, и если арендная плата будет выплачиваться им за каждый арпан в размере, превышающем 5 ливров 5 су, то тогда его потери будут¹ еще более значительными (во всяком случае если его земли не будут отличаться особенно высоким плодородием *, которое могло бы компенсировать его более высокими урожаями). Таким образом, фермер заинтересован в том, чтобы зерновые хлеба не производились в больших количествах, так как в урожайные годы он получает доходов почти столько же, сколько и в неурожайные. Я говорю «почти» потому, что у фермера почти ничего не остается для продажи, и потому, что при более высоких ценах значительно увеличиваются его расходы. Если исходить из того, что цены за различные годы в среднем составляют 15 ливров 9 су, то можно считать, что фермер получает в обычные годы 14 су с одного сетье, или 13 ливров 10 су с одного арпана.

Почва двух миллионов арпанов, занятых под зерновыми хлебами, дает в среднем 5 сетье с одного арпана, а если прибавить ту часть урожая, которая идет на оплату десятины, то общее количество зерновых хлебов,

* Крупные фермеры³, имеющие крупные хозяйства и плодородные земли, хорошо ими обрабатываемые, получают большие доходы, несмотря на то что более плодородные земли арендуются по более высоким ценам, ибо земля, производящая большую продукцию, дает более значительные доходы сверх затраченных средств и сверх семенных фондов. Но здесь идет речь о самом общем расчете, основанном на средних данных, относящихся к различным по своей ценности землям и к различным по своей состоятельности фермерам. Дальше будут подробно показаны разные соотношения между доходами, получаемыми от земли и издержками на ее обработку. Эти соотношения должны быть внимательно исследованы, для того чтобы можно было установить связь между величиной произведенной продукции и размерами доходов землевладельцев, прибылей фермеров, налогов и десятины. Эти соотношения будут меняться в зависимости от вида продукции.

производимых на всей этой площади, составит 10 944 416 сетье, оцениваемых в 169 907 795 ливров.

Эта общая сумма в 169 907 795 ливров распределяется следующим образом:

Талья	7 000 000)	
Собственникам	21 000 000	} 35 000000
Фермерам	7 000 000 J	
Десятина	14 907795	134907 795
Издержки	120 000 000	

Итого весь произведенный продукт 169 907 795

Площадь, занятая хозяйствами высокой культуры, содержит также два миллиона арпанов земли, ежегодно засеваемых овсом или другими яровыми культурами. Мы будем условно считать, что вся площадь засеивается одним овсом, для того чтобы избежать совершенно излишних усложнений, которые все равно привели бы к той же самой величине исчисляемой продукции, так как все яровые культуры имеют примерно одну и ту же стоимость, и, кроме того, потому, что овес действительно составляет основную часть всей продукции яровых культур. Можно считать, что с одного арпана может быть получено (уже за вычетом десятины) 2 сетье овса, причем ценность одного сетье овса может быть оценена в 9 ливров. Одна шестая этих двух сетье должна быть оставлена на семена. После вычета этой части от продукции овса, произведенной на одном арпане земли, остается 15 ливров, или $2\frac{2}{3}$ сетье. Если прибавить сюда десятину, то общий объем продукции овса составит 16 ливров 10 су, из которых:

Фермаж (арендная плата) за один год 5, 5)	
Талья 2	J 11
Фермеру 2, 15	
Издержки * 5	6- 10
Десятина 1, 10	

Итого весь произведенный продукт 16, 10

Два миллиона арпанов, засеянных овсом, дают продукцию в количестве 3 675 000 сетье, включая десятину и за вычетом части, оставляемой на семена. Эта продук-

* Здесь включены только издержки, связанные со сбором урожая, ибо издержки по обработке земли содержатся в расходах по обработке земли под посевы зерновых хлебов.

ций В Дейбйсьом выражении составляет 33 330 333 ливров 7 су, которые распределяются следующим образом:

Собственники.....	10 500 000 1	} 20 000 000
Талья.....	4 000 000	
Фермеры	5 500 000 J	
Десятина	3 000 000 1	} 13 000 000
Издержки	10000000 }	

Итого весь произведенный продукт 33000000

Общий объем продукции урожая зерновых хлебов и овса, произведенной крупными хозяйствами

Собственнику.....	зерновые хлеба 21 000 000	10 500 000	1/ 31 500 000
В „т,™	v зерновые хлеба 7000000	4 000 000	шпппоп / 11 000000
В счет тальи.....	„вес.....	5 500 000	10^nrwwi
фермерам.....	зерновые хлеба 7000000	5 500 000	12 500 000
	овес.....		

Итого 55 000 000

В счет десятины . . . зерновые хлеба 14 000 000 } 18 000 000
 овес 3 100 000

Издержки . \..... зе 2 000 000
 овг^Vсе фл,ебя!1?0Ю000 | 13000000

Итого 148 000 000

Итого весь произведенный продукт . . . 203 000 000

Производство зерна в мелких хозяйствах

В статье «Фермеры», на которую мы уже ссылались, отмечается, что в провинциях, в которых отсутствуют земледельцы, достаточно богатые для того, чтобы производить обработку земель при помощи лошадей, собственники или фермеры, стремящиеся извлечь доход из земли, вынуждены обрабатывать ее при помощи волов, которых они предоставляют крестьянам. Мы видели, что издержки, которых требует эта форма ведения сельского хозяйства, не являются менее значительными, чем при обработке земли лошадьми, но из-за отсутствия денег, которых не хватает в этих провинциях, на помощь в

Оплате расходов приходит сама земля. Земли остаются неводеланными и служат пастбищами для выгона рабочих волов; зимою эти волаы питаются сеном с лугов. А тем, кто занимается ее обработкой, вместо жалованья уступается половина собранного урожая. Таким образом, если не считать издержки на приобретение волов, расходы по обработке земли авансируются, если можно так сказать, самую землю. Однако это обходится земледельцу очень дорого; но еще дороже обходится все это государству, ибо неводелываемые земли, служащие пастбищами для скота, лишают собственников и государство продукции, которая могла бы быть получена на этих землях, если бы они обрабатывались. Волаы, пасущиеся на этих пастбищах, не удовлетворяют даже потребности в навозе. Землевладельцы' почти совсем не занимаются овцеводством, так как не могут поручить уход за стадами овец исполщикам или крестьянам, занимающимся обработкой земли, в результате чего производство шерсти во Франции чрезвычайно сильно падает. Но, помимо всего остального, отсутствие овец лишает почву навоза, а из-за отсутствия удобрений земли дают низкие урожаи. Так, даже в урожайные годы получаемая продукция составляет всего лишь сам-пят, т. е. только в пять раз превышает количество посеянного зерна, что составляет примерно три сетье с одного арпана. И это считается еще хорошим урожаем. Земли, на которых применяется такая неблагодарная система обработки, обесцениваются. Один арпан земли, имеющий в таких местностях цену примерно от 30 до 40 ливров, мог бы стоить при надлежащей системе ведения сельского хозяйства от 2 4 до 300 ливров. Эти земли с трудом обеспечивают получение процентов с сумм, затраченных на их приобретение, особенно в тех случаях, когда собственники отсутствуют. Если вычесть из доходов, получаемых с земель, занятых хозяйствами исполщиков, то, что могло бы быть произведено на части их, занятой под пастбища для скота; и если (исходя из десяти процентов годовых) исключить проценты на суммы, которые были авансированы на приобретение волов для обработки земли (цена которых уменьшается после нескольких лет работы), то после всего этого чистый доход с обрабатываемых земель составил бы в среднем от 20 до 30 су с одного арпана. Несмотря на погрешности, допущенные

При исчислении размеров Продукции и произведенный издержек при такой системе сельского хозяйства, низкая покупная цена таких земель устанавливается на основании точных расчетов, подтверждаемых опросами покупателей и продавцов.

Посмотрим, как обстоит дело с землей, которая производит для собственника в обычный год зерновых хлебов примерно на 300 000 ливров за вычетом той части, которая идет на семена, причем почти вся продукция состоит из одной пшеницы. Мы будем исходить из того, что эта земля является достаточно плодородной и что получаемый урожай бывает обычно сам-пят. Площадь обрабатываемой земли составляет 400 арпанов, из которых 200 арпанов дают урожай каждый год. И этот урожай делится пополам между исполщиками и собственником. Земля эта обрабатывается десятью плугами, каждый из которых тянут четыре крупных вола. Сорок волов стоят примерно 8000 ливров. Исходя из нормы процентов, равной десяти (что связано с определенным риском и с потерями, имеющими место при продаже этих волов, когда они становятся старыми и худыми), проценты от ценности этих волов составляют 800 ливров. Луга производят примерно 130 возов сена, которые потребляются волами. Кроме того, имеется сто арпанов невозделанных земель для выгона волов. Таким образом, продукция зерновых хлебов, получаемая собственником, цена которой равна 3000 ливров, может быть подразделена следующим образом:

Проценты на цену волов.....	800	ливров	
Проценты на 1000 ливров зерновых хлебов, отобранных для семян и авансированных собственником.....	50 ⁵	»	1 050 ливров
200 ливров специальных издержек, произведенных собственником, без учета расходов, связанных с ремонтом и жалованьем управляющих	200	»	
130 возов сена из расчета 10 ливров за воз.....	1300	»	
100 арпанов пастбищ из расчета 15 су за арпан	75	»	1950 „
Остается от продукции, произведенной на 400 арпанов обрабатываемой земли .	575	»	

И т о г о 3 000 ливров

Таким образом, эти четыреста арпанов плодородных земель дают в среднем на один арпан всего лишь 1 ливр 10 су дохода *. Но в случае, о котором пойдет речь далее, арендная плата за каждый арпан составит 10 ливров. Таким образом, 400 арпанов должны будут доставить своим владельцам 4000 ливров вместо 575. Остается только удивляться тем огромным потерям, которые имеют место в доходах, получаемых королевством от земли.

Неплодородные земли дают настолько низкие урожаи, что, согласно г-ну Дюпре де Сен-Мору (Исследование о деньгах. — *Essai sur les monnaies*) ⁶, земли в Солони и Берри, расположенные в центральной части королевства, арендуются всего по 15 су с арпана в целом за луга, возделываемые земли и целину. Кроме того, необходимо иметь в виду, что собственнику приходится производить весьма значительное по своим размерам авансирование средств в виде предоставления скота фермерам, за который землевладелец ничего не получает, а авансированные им средства возвращаются ему только после окончания срока арендного договора. Значительная часть Шампани, Бретани, Мэн, Пуату, окрестностей Байонны и т. д., говорится у того же автора, производит не больше**. В Лангедоке земли обрабатываются лучше и являются более плодородными, но эти преимущества не могут быть достаточно использованы, потому что

* Если продукции будет получено хотя бы немного меньше или если затраты окажутся немного больше, то и от этого небольшого дохода ничего не останется. Поэтому приведенный расчет справедлив только в том случае, если мы будем исходить из того, что годы будут урожайными, что цена на сено не превысит 10 ливров и что большая продолжительность зимы не приведет к тому, что волами будет потреблено большее количество сена.

** Это дает возможность судить о том, насколько малообоснованно мнение тех, кто считает, что обезлюдение деревень является результатом того, что крупные собственники захватили все земли и крестьяне не имеют поэтому возможности обрабатывать землю и обеспечивать себе необходимый доход. В действительности арендная плата (фермаж) находится на таком низком уровне, что крестьяне легко могли бы арендовать земли в таком количестве, которое им только потребовалось бы. Этому препятствуют совершенно другие причины, которые будут рассмотрены нами дальше. Необходимо рассеять обывательские предрассудки, скрывающие истинное положение вещей, которое должно быть тщательно исследовано.

зерновые хлеба, производство которых распространено в этих местах, не имеют сбыта. И торговля развита настолько слабо, что во многих местностях этих провинций, как и во многих других странах, продажа и покупка производятся только путем непосредственного обмена одних товаров на другие.

Низкие урожаи, состоящие в основном из ржи * и дающие мало фуража, плохо обеспечивают питание скота, который может быть прокормлен только путем выгона на пастбища или на земли, оставляемые под паром. Вот почему к землям относятся так небрежно. К тому же испольщики, всегда очень бедные, используют волов, предоставляемых им собственниками, в той мере, в какой это только возможно, для занятий извозным промыслом, который дает им денежные доходы. Землевладельцы вынуждены терпеть эти злоупотребления со стороны испольщиков для того, чтобы сохранить их у себя. Эти испольщики, считающие более доходным для себя заниматься извозным промыслом, чем земледелием, обрабатывают землю очень небрежно. Когда испольщики на протяжении длительного времени оставляют землю невозделанной и дают ей покрыться терновником и кустарником, то она навсегда остается в таком невозделанном виде, ибо расчистка этой земли и подготовка ее под пашню ** должны обойтись дороже всей ее ценности.

В этих местностях крестьяне и батраки лишены возможности получить работу у богатых фермеров, как это имеет место в провинциях, в которых распространены крупные хозяйства, использующие крестьян и батраков на сельскохозяйственных работах и для ухода за скотом. Исполщики сами слишком бедны для того, чтобы обес-

* Мелкие хозяйства мало заинтересованы в фураже, который доставляется пшеницей, так как они мало им пользуются, и они охотно предпочитают заниматься возделыванием ржи, так как она лучше произрастает на неплодородных землях. При этом часть посевной площади всегда используется ими под яровые культуры, которые мы объединяем здесь вместе с зерновыми хлебами для того, чтобы избежать ничего не дающей детализации. Различия в ценности этих различных зерновых культур могут быть компенсированы тем, что средняя цена может быть принята на уровне немного более низком, чем цена пшеницы.

** Здесь у Кенэ употреблена другая форма глагола *essarter* (Ред.)

печить работу другим. Эти крестьяне питаются плохим хлебом, выпеченным из муки, которая получается от самых дешевых зерновых культур, возделываемых ими самими. Такие зерновые культуры не требуют больших затрат, но и не доставляют никаких доходов государству.

В этих местностях зерновые хлеба имеют очень небольшой сбыт из-за недостаточного их потребления. Если потребности крупных городов в зерновых хлебах обеспечиваются близлежащими провинциями, то в более отдаленных провинциях зерновые хлеба почти совсем не находят сбыта. Земледельцы вынуждены или сбывать зерновые хлеба по крайне низким ценам, или сохранять их в ожидании более благоприятного времени для сбыта. Это обесценение зерновых хлебов приводит к еще большему пренебрежению их производством. Та часть урожая, которую получает испольтщик, оказывается едва достаточной для пропитания его семьи. В случае же неурожайного года он вынужден голодать, и в такие периоды у него возникает нужда в получении помощи от землевладельца. Все это приводит к тому, что урожаи, получаемые в хозяйствах испольтчиков, не дают возможности создать какие-либо запасы на случай наступления голода, ибо в неурожайные годы получаемой продукции едва хватает для поддержания существования собственника и колона. Таким образом, дороговизна зерновых хлебов в неурожайные годы совершенно не компенсирует их обесценение в урожайные годы. И только очень немногие более богатые собственники имеют возможность ожидать наступления более благоприятного времени для сбыта полученного ими урожая зерновых культур и получения соответствующих доходов.

Таким образом, цена зерновых хлебов, производимых в хозяйствах испольтчиков, должна рассматриваться только исходя из обычной цены в урожайные годы. Но недостаток сбыта зерновых хлебов, который имеет место в урожайные годы в провинциях, расположенных далеко от столицы, сдерживает цены на зерновые хлеба на очень низком уровне. Таким образом, для тех провинций, в которых распространена испольтщина, мы должны оценивать одну сетье пшеницы и ржи не выше двенадцати ливров. Действительно, в этих провинциях цена зерновых хлебов держится на таком низком уровне, что не

может выдержать денежных расходов, которых требует крупное хозяйство. Земли в этих провинциях возделываются путем их истощения, а продукция производится при самых минимальных затратах.

Очень низкие урожаи, получаемые в хозяйствах испольщиков, не являются результатом того, что земли обрабатываются при помощи волов. В мелких хозяйствах можно было бы получать почти такие же урожаи, какие получаются в хозяйствах, применяющих вместо волов лошадей, но только при условии, что были бы произведены необходимые затраты. Однако такие затраты могут быть произведены только собственниками. А собственники никогда не пойдут на издержки до тех пор, пока не будет свободной торговля зерновыми хлебами и пока они не будут уверены в том, что обесценение зерновых хлебов, может привести лишь к небольшим потерям.

Считается, что хозяйства испольщиков занимают во Франции приблизительно тридцать миллионов арпанов земли, причём каждый арпан в обычные годы производит в среднем урожай сам-четыре, или тридцать два буассо, не считая выплаты десятины. Из этих тридцати двух буассо восемь должны быть сняты для семян. В результате остается два сетье, которые делятся пополам между землейладельцем и испольщиком. Исполщик должен уплатить "из своей доли налог" и произвести некоторые неизбежные издержки.

Тридцать миллионов арпанов земли, занятой хозяйствами испольщиков, делятся на две половины, которые попеременно производят зерновые хлеба. Пятнадцать миллионов арпанов ежегодно засеваются зерновыми хлебами, если не считать незначительного количества йрпанов, которые каждый испольщик оставляет для посева яровых культур в связи с тем, что в мелких хозяйствах не отводится специальной земельной площади под посевы этих зерновых культур. Мы не будем выделять в общем объеме продукции зерновых культур незначительный урожай яровых культур, ибо значение этого урожая настолько невелико, что нет смысла усложнять анализ введением ничего не дающих деталей. К тому же урожай зерновых хлебов, получаемый с каждого арпана, настолько невелик, что почти не отличается от урожая; -получаемого по яровым культурам.

Каждый арпан земли дает в среднем урожай сам-четыре, или два сетье, за вычетом части урожая, идущей на семена, и не считая десятины. Исходя из общей цены ржи и пшеницы в обычные годы в размере двенадцати ливров, цена полученных двух сетье будет составлять 24. Сюда следует прибавить У₁₂ часть, которая снимается для уплаты десятины и исчисляется от всего объема урожая, включая и ту его часть, которая идет на семена — 2, 13; итого — 26, 13.

24 ливра, или два сетье, распределяются следующим образом:

Собственнику в виде процентов на авансированные им средства, на некоторые другие расходы и на возмещение средств, предоставленных для питания рабочих волов 9	} 12
Собственнику в виде арендной платы за два года по 1 ливру 10 су за каждый год..... 3	
Испольщику за его расходы по дому и питание..... 10	}
На уплату тальи..... 11 12	
В виде прибыли и вознаграждения за риск..... 11	,

Весь объем продукции, получаемый с одного арпана и составляющий 26 ливров 13 су, распределяется следующим образом:

Арендная плата (фермаж) за два года . .	3 1
Талья	1 } 5
Испольщику.....	1
Десятина	2, 13}21, , 13
Издержки.....	19

Весь произведенный продукт , , .. 26, , 13

Продукция зерновых хлебов, произведенная на 15 миллионах арпанов, занятых хозяйствами испольщиков, включая десятину, и за вычетом части, идущей на семена, составляет 3150 000 сетье, ценность которых в денежном выражении равна 397 802 040 ливрам. Эти 397 802 040 ливров распределяются следующим образом:

Налог.....	15 000 000	} 75000 000
Собственникам	⁴⁵⁶⁶⁶⁶⁶⁰ 15 000 000	
Испольщикам	15 000 000	} 2 802 040
Десятина.....	37 802040	
Издержки.....	285 000 000	

Итого весь произведенный продукт. . 397 802 040

**Общий объем продукции, произведенной хозяйствами
высокой и мелкой культуры**

Землевладельцами	крупные х-ва . . .	31 500 000 \	76 500 000
	мелкие х-ва . . .	45 000 000)	
Талья	крупные х-ва . . .	11 000 000	26 000 000
	мелкие х-ва . . .	15 000 000 /	
Фермерами	крупные х-ва . . .	125 000 000	27 500 000
	мелкие х-ва . . .	150 000 000 /	
Итого ...			130 500 000 ⁷

Десятина.....	крупные х-ва . . .	18 000 000	50 000 000
	мелкие х-ва . . .	32 000 000	
Издержки.....	крупные х-ва . . .	130 000 000	415 000 000
	мелкие х-ва . . .	285 000 000	
Итого . . .			465 000 000

**Вся продукция урожая зерновых культур,
производимая в настоящее время . . 595 500 000**

**Производство зерновых в благоприятных
условиях**

Стеснения в области торговли зерновыми культурами, трудности с их экспортом, обезлюдение деревни, недостаток богатств в деревне, произвольная система обложения, наборы рекрутов в армию, чрезмерные размеры барщины свели получаемые нами урожаи к этой незначительной величине. Прежде, когда число жителей было на одну треть больше, что определяло и большие размеры потребления, сельское хозяйство Франции поставляло за границу большое количество продукции зерновых культур. Англичане жаловались в 1611 г, что французы ввозят к ним зерновые хлеба в таком большом количестве и по таким низким ценам, что Англия не в состоянии выдержать подобной конкуренции на своем внутреннем рынке *. В то время зерновые хлеба

* Трактат о преимуществах и слабостях (desavantages) Великобритании ⁸.

продавались во Франции по цене 18 ливров в нашей современной валюте — это была низкая цена для того столетия. Такое положение могло иметь место только при том условии, что ниши урожая составляли по меньшей мере 70 миллионов сетье зерновых хлебов, а в настоящее время зерновых хлебов производится, примерно 45 миллионов сетье. Превышение численности жителей по сравнению с их современной численностью в настоящее время, составляющее примерно одну треть, приводило к тому, что зерновых хлебов потреблялось в то время примерно на 20 миллионов сетье больше, чем их потребляется теперь. А кроме того, королевство в изобилии снабжало зерновыми хлебами за границу. Изобилие это было счастливым результатом экономической политики г-на де Сюлли⁹. Этот великий министр считал, что источником доходов короля и нации является деятельность земледельцев, виноградарей и животноводов и что именно они являются опорой, поддерживающей могущество государства.

Возрождение нашего сельского хозяйства может иметь место только при условии увеличения населения. Развитие сельского хозяйства и рост населения должны происходить одновременно. Цена на зерновые культуры должна превышать затраты на их производство. Необходимо также, чтобы потребление внутри страны и продажа за границу производились по ценам, обеспечивающим получение определенной прибыли. Продажа за границу облегчает сбыт, поощряет развитие сельского хозяйства и увеличивает доходы, получаемые от земли. Рост доходов обеспечивает возможность увеличивать затраты, что благоприятно отражается на населении, так как увеличение затрат обеспечивает заработки большему числу лиц. Рост населения приводит к расширению потребления, а это в свою очередь способствует тому, что цены на товары поддерживаются на должном уровне. Продукция увеличивается в соответствии с потребностями людей, т е в соответствии с ростом населения. Исходным принципом всего этого развития является, таким образом, экспорт продуктов земледелия, так как продажа за границу увеличивает доходы, увеличение доходов способствует увеличению населения, больший объем потребления приводит ко все большему развитию сельского хозяйства, к увеличению доходов, получаемых

от земли, и к росту населения. Увеличение доходов приводит к росту населения, а рост населения увеличивает доходы.

Но все это развитие может быть начато только в результате увеличения доходов. Вот основной вопрос, значение которого совершенно не понимается во Франции или значением которого во Франции крайне пренебрегают. Достаточно сказать об отсутствии у нас понимания различия между продукцией труда, которая только возмещает цену рабочей силы, и продукцией, которая оплачивает рабочую силу и доставляет определенную прибыль. В результате такого непонимания промышленность предпочитается сельскому хозяйству, торговля промышленными изделиями предпочитается торговле продуктами земледелия; промышленность и торговля предметами роскоши поддерживается в ущерб сельскому хозяйству.

Между тем совершенно очевидно, что правительство может способствовать расцвету торговли и развитию промышленности, только непрестанно заботясь об увеличении доходов, так как только доходы привлекают торговцев и ремесленников и вознаграждают их деятельность. Необходимо ухаживать за корнями дерева, а не ограничиваться заботами о ветвях. Оставим ветви располагаться и простираться на свободе и не будем пренебрегать землею, которая доставляет соки, необходимые для их развития и роста. Г-н Кольбер, весь поглощенный заботами о развитии промышленности, считал, однако, что следовало уменьшить налоги и предоставить земледельцам средства для восстановления сельского хозяйства, пришедшего в упадок. Но он не сумел связать это с интересами государства. Он не сказал о самом главном, а именно о необходимости придерживаться при налогообложении определенной системы и о необходимости разрешения свободной торговли зерном. Сельское хозяйство находилось в заброшенном состоянии. Постоянные войны, армии, опустошавшие деревни, — все это приводило к сокращению доходов королевства. Откупщики при помощи всяческих злоупотреблений добивались своих должностей и становились как бы представителями государственной власти*.

* Le Financier citoyen, chap III et IV.

Министр же не был достаточно предусмотрительным для того, чтобы оценить насколько губельным окажется для Франции этот злополучный источник поступления средств ¹⁰.

Производство зерновых хлебов обходится очень дорого Мы имеем земли для посева зерновых хлебов в гораздо ббльшем количестве, чем это нам надо Поэтому посевы зерновых следует ограничить плодородными землями, урожаи на которых значительно превышают расходы, которых требует надлежащая обработка земли. Тридцать миллионов арпанов плодородных земель дадут возможность ежегодно располагать десятью миллионами арпанов для производства зерновых хлебов. Плодородные земли при надлежащей обработке дадут в обычные годы урожай по меньшей мере шесть сетье с арпана (уже за вычетом части, идущей на семена). Таким ооразом, все десять миллионов арпанов дадут урожай по меньшей мере в шестьдесят пять миллионов сетье зерновых хлебов *, включая десятину. Цена за одно сетье

* Мы предполагаем, что каждый арпан дает шесть сетье за вычетом части продукции, идущей на семена, но нам известно, что один арпан плодородной земли, если он надлежащим образом обрабатывается, должен дать больший урожай Мы решили, однако, для большей осторожности исходить в расчетах именно из урожайности в шесть сетье Но для того, чтобы дать представление о том, сколько продукции может быть произведено на одном арпане земли в случае, о котором здесь идет речь, мы приведем пример, взятый из статьи «Ферма», составленной лейтенантом охоты Версальского парка «Я имею, — пишет этот автор, — у себя перед глазами ферму, располагающую более чем тремястами арпанами земли. Эта земля является плодородной, но не первоклассной Она находилась в течение четырех лет в руках одного фермера, который обрабатывал землю достаточно хорошо, но который удобрял ее совершенно недостаточно, так как он продавал свою солому и плохо кормил скот Эти земли приносили только от трех до четырех сетье зерновых хлебов с одного арпана даже в самые лучшие годы В результате фермер разорился и был вынужден передать свою ферму другому земледельцу, более предприимчивому Все совершенно изменилось Расходы не стали меньше, но земли, обрабатываемые еще лучше, чем прежде, были покрыты стадами, от которых получалось много навоза: в течение двух лет состояние их настолько улучшилось, что они стали давать десять сетье зерновых хлебов с одного арпана, и есть все основания надеяться, что в дальнейшем урожайность будет еще выше Такие результаты будут повторяться каждый раз, как будут делаться соответствующие попытки Увеличивая наши стада, мы почти удвоим получаемые нами урожан. Как

зерновых хлебов в обычные годы может быть принята в восемнадцать ливров, немного больше или меньше это не имеет значения при условии, что потребление внутри страны будет увеличиваться и что будет полностью восстановлена свобода торговли зерновыми хлебами. При этом условии стоимость всего произведенного урожая составит сто восемь ливров, не считая десятины.

Для того чтобы более точно определить среднюю цену зерновых хлебов при условии разрешения экспорта, необходимо принять во внимание колебания в размерах урожая и в ценах на зерновые хлеба в зависимости от величины этих урожаев. Об этих колебаниях можно судить на основании данных об экспорте зерновых хлебов в Англию, говорящих о том, что на протяжении уже многих лет цены на зерновые хлеба не выходят за пределы 18—22 ливров. Нетрудно понять, почему эти колебания цен являются такими незначительными. Сельское хозяйство Англии сделало огромные успехи: урожаи там, какими бы низкими они ни были, всегда являются более чем достаточными для обеспечения питания жителей. Если бы наше сельское хозяйство находилось в хорошем состоянии, мы бы получали в неурожайные годы почти столько же зерновых хлебов, сколько получаем в настоящее время в урожайные годы. Таким образом, если бы не происходило каких-либо экстраординарных событий, можно было бы не бояться наступления голода, так как самые небольшие урожаи, добавленные к тому, что обязательно будет оставаться от урожайных лет, всегда будут выше потребностей населения в зерновых хлебах. Это подтверждается приведенными нами ниже данными о колебаниях урожая, имеющих место при надлежащей обработке земли за различные годы. Из этих данных видно, что при плохом урожае на десяти миллионах арпанов может быть получено сорок миллионов сеть зерновых хлебов, не считая урожая, который должен быть получен с такого же количества арпанов, засеянных яровыми культурами.

землевладельцы, так и фермеры должны убедиться в этом, и, если это убеждение станет всеобщим, если оно будет поощряться, мы скоро станем свидетелями быстрого развития сельского хозяйства, которое обеспечит нам изобилие со всеми его последствиями».

Годы	Сетье	Цена за сетье	Всего с 1 арпана	Издержки на 1 арпан	Остаток
		в ливрах			
Изобильные	8	16 *	128		62
Хорошие.....	7	17	119	66	53
Средние	6	18	108		42
Слабые	5	19	95		29
Плохие.....	4	20	80		14**
Итого. .	30	90			200

Общая сумма всего урожая за вычетом затрат, составляющая 200 ливров, будучи разделенной на пять лет, даст в среднем за год..... 40 ливров
 Прибавьте сюда издержки..... 66 »

Итого 106 ливров

Эти 106 ливров будучи разделены на шесть сетье сост'авят среднюю цену за сетье 17, 13, 4***

Ценность всех шести сетье составляет..... 106

Прибавим на десятину VJL исчисленную от всей продукции, включая и ту часть ее, которая предназначается на семена..... 10

Общий объем продукции с одного арпана равен 116

* Мы поставили здесь цену более низкую, чем в Англии, хотя зерновые хлеба Франции лучше по своему качеству. Но если мы будем продавать их за границу, то конкуренция может привести к снижению цен как с той, так и с другой стороны.

** В крупных хозяйствах во Франции в настоящее время, как было отмечено выше, фермер терпит убытки, если год является плодородным. Данные же этой таблицы говорят о том, что в плодородные годы он получал бы больше доходов, но зато он терял бы в неплодородные годы. Таким образом, фермер был бы заинтересован в том, чтобы зерновых хлебов было произведено больше. Между тем как в рассмотренном нами прежде случае изобилие разоряло фермера и он мог хоть немного возместить свои убытки только в неплодородные годы.

*** Общая цена для покупателей будет равна одной пятой от 90 ливров, т. е. составит 18 ливров. Это примерно равно обычным общим ценам, по которым последнее время продаются наши зерновые хлеба. Таким образом экспорт не повлияет на повышение

Получаемая при этом чистая продукция в размере - 40 ливров распределяется следующим образом:

Арендная плата (фермаж) за 2 года составляет	
половину или	20 ливров
Уплата тальи $i/4$ или.....	10* 1
Ф е р м е р у	V 4 . и . л . и 1 0 J
Десятина.....	10 1 7R
Издержки.....	66 /
<hr/>	
О б щ и й	о б ъ е м
продукции с одного арпана 116	

66 ливров, составляющие издержки, и 20 ливров, составляющие талью и фермаж, дают в сумме 86 ливров на один арпан. Считая, что продукция с одного арпана составляет шесть сетье, получаем, что одно сетье обходится фермеру в среднем за год в шестнадцать ливров. В годы изобильного урожая, когда с одного арпана получается восемь сетье, каждое сетье обойдется фермеру в двенадцать ливров. В этом случае фермер получит при продажной цене в шестнадцать ливров доход в размере четырех ливров. •

В неурожайный год, когда с одного арпана может быть получено всего четыре сетье, каждое сетье обойдется фермеру в 24 ливра. Продавая сетье по цене 20 ливров, он потеряет при этом 4 ливра. Если свести урожайность за хорошие и плохие годы к одной общей, то заработок фермера с каждого сетье составит 1 ливр 13 су, или примерно 10 ливров с каждого арпана.

Урожай зерновых хлебов с десяти миллионов арпанов составляет в обычные годы, включая десятину

цен на зерновые хлеба для покупателей, но будет способствовать повышению их для фермеров на 2 ливра 4 су на каждом сетье. На 65 миллионов сетье это составит 160 миллионов ливров дохода от сельского хозяйства, причем цена зерновых хлебов останется для покупателя без изменения, — и все это благодаря разрешению свободного экспорта зерновых. Именно в связи со всем этим не приходится удивляться прогрессу, наблюдаемому в сельском хозяйстве Англии. ••

* За земли, на которые распространяются шампар (champart) или земельная десятина (la dime agraire), фермеры не выплачивают столько тальи, но образующийся от этого недостаток выплачивается теми, кто арендует этот сорт десятины (cette espèce de dime).

(исчисленную от объема всего урожая, включая и семенные фонды) и за вычетом части урожая, предназначенной на семена, 65 555 500 сетье, которых в деньгах можно оценить в 1 159 500 000 ливров, распределяющихся следующим образом:

Землевладельцы	200 000 000 V.	} 400 000 000
Талья	100 000 000 J	
Фермеры.....	100 000 000 I	
Десятина	99 500 000 J	} 759 500 000
Издержки	660 060 000 J	

В с е ь произведенный продукт 1 159 500 000

Кроме того, будут иметься еще десять миллионов арпанов, занятых яровыми. Каждый арпан плодородной земли, обрабатываемой надлежащим образом, может дать в обычные годы по меньшей мере два сетье урожая яровых культур уже за вычетом части, предназначенной на семена и на десятину. Каждое сетье этой продукции может быть оценено примерно в $\frac{2}{3}$ от цены зерновых хлебов, т. е. примерно в десять ливров.

Продукция одного арпана земли составляет 20 \ 2117
 И десятина, составляющая $\frac{1}{3}$ от всего урожая 117 / - -'

Эти 21 ливра 17 су распределяются следующим образом:

Арендная плата землевладельцу за один год ...	10	} 15
Талья	2 10	
Фермеры	2 10	
Десятина	117	} 6 17
Издержки	5	

И т о г о весь произведенный продукт ... 21 17

Десять миллионов арпанов, засеянных овсом, должны дать, включая десятину, 21 944 441 сетье, которые могут быть оценены в 218 500 000 ливров, распределяющихся следующим образом:

Землевладельцы.....	100 000 000	} 150 000 000
Талья.....	25 000 000	
Фермеры.....	25 000 000 1	
Десятина	18 500 000	} 68 500 000
Издержки	50 000 000	

И т о г о весь произведенный продукт 218 500 000

Продукция урожая с десяти миллионов арпанов, занятых зерновыми хлебами, и с десяти миллионов арпанов, занятых яровыми, составит всего:

Урожай, включая десятину, за выче- том из- держек	зерновые хлеба . . .	499 500 000 I	668 000 000 ливров
	овес.....	168 500 000)	
Издержки	зерновые хлеба . . .	660 000 000 I	710 000 000 ливров
	овес.....	50000000	

Итого весь произведенный продукт 1 378 000 000 ливров

Эти 1 378 000000 ливров распределяются следующим образом:

Землевла- дельцы	зерновые хлеба . . .	200 000 000 I,	300 000 000
	овес.....	100 000 000 J	
Талья...	зерновые хлеба . . .	100 000 000 I,	125 000 000
	овес.....	25 000 000 J	
Фермеры	зерновые хлеба . . .	100 000 000	125 000 000
	овес.....	25 000 000 J	

Итого. . . 550 000 000

Десятина	зерновые хлеба . . .	999 500 000	118 000 000
	овес.....	18 500 000 J	
Издержки	зерновые хлеба . . .	660 000 000 I,	710 000 000
	овес.....	50 000 000 I	

Итого. . . 828 000 000

Итого весь произведенный продукт 1 378 000 000

Помимо тех тридцати миллионов арпанов, величина продукции которых была только что определена, имеются еще другие тридцать миллионов арпанов земель,

которые могут быть возделаны. Эти земли имеют меньшую ценность, чем предыдущие. Они могут быть использованы для производства других различных видов продукции. Лучшие — для конопли, льна, овошей, ржи, ячменя, для искусственных лугов и для прочих зерновых культур. Остальные — в зависимости от их особенностей могут быть засажены лесом, виноградниками, тузовыми деревьями, насаждениями для производства сидра, орешником, каштанами или засеяны гречихой, картофелем, брюквой, репой и другими видами продукции для корма животным. Определение размеров различных видов продукции, которая может быть получена на этих тридцати миллионах арпанов, является весьма затруднительным. Но так как большая часть этих культур не требует больших издержек для их производства, можно, не допуская большой ошибки, их оценить для расчета распределения доходов примерно в размере одной третьей величины продукции других тридцати миллионов арпанов. Исходя из этого, получаем:

Землевладельцы	100 000 000)	
Талья.....	40 000 000)	} 180 000 000
Фермеры.....	40 000 000 J	
Десятина	37 000 000	257 000 000
Издержки	220 000 000	

И т о г о весь произведенный продукт . . 437 000 000

Итоговые данные о распределении различных видов продукции хорошо обрабатываемых земель

Шестьдесят миллионов арпанов земли, которая может возделываться во Франции, могут дать:

Землевладельцы	плодородные земли 300 000 000 I посредственные земли 100 000 000 J	} 400 000 000
Налоги	плодородные земли 125 000 000 I посредственные земли 40 000 000 J	} 155 000 000
Фермеры	плодородные земли 125 000 000 I посредственные земли 40 000 000 J	} 165 000 000

И т о г о 730 000 000

Десятина $\left\{ \begin{array}{l} \text{плородные Земли 118 000 000} \\ \text{посредственные земли 37 000 000} \end{array} \right\} 155 000 000$

Затраты . . $\left\{ \begin{array}{l} \text{плородные земли 710 000 000} \\ \text{посредственные земли 220 000 000} \end{array} \right\} 1, \text{ дз}30000000*$

И т о г о 1 085 000 000

Продукция за вычетом издержек..... 885 000 000

Итого весь произведенный продукт..... 1 815 000 000
лиров

Сравнение продукции, получаемой в настоящее время,
с продукцией, которая могла бы быть получена
при хорошей обработке земли

	Современная система сельского хозяйства	Рациональная система сельского хозяйства	Разница
1	2	3	4
Землевладельцы	76 500 000	400 000 000	323 500 000 больше */5
Талья.....	27 000 000	165 000 000**	138 000 000 больше 5/6
Фермеры	27 500 000	165 000 000	137 000 000 больше 5/6
Десятина	60 000000	155 000000	105000 000 больше 2/a

* Не все затраты производятся в денежной форме; корм лошадей и питание прислуги получаются от урожаев прямо в на* туре. Можно считать, что только половина всех этих затрат участвует в денежном обращении. Иначе обстоит с затратами при возделывании виноградников и при сборе урожая винограда, так как почти все эти затраты производятся в денежной форме. Все это говорит о том, что больше половины всей денежной массы, имеющейся в королевстве, должно циркулировать в деревне, для того чтобы могли быть осуществлены затраты, которые необходимы для ведения сельского хозяйства.

** Как для современной, так и для рациональной системы сельского хозяйства налоги приняты в размере, равном примерно одной трети доходов землевладельцев. Подушная подать и различные другие виды налогов, добавленные к талье (la taille), составляют в настоящее время общую сумму налогообложения, равную примерно половине доходов землевладельцев, или 40 миллионам. Если придерживаться этого соотношения, то общая сумма

1	2	3	4
Издержки.....	415 000 000	930 000 000*	515 000 000
Продукция за вычетом издержек.....	178 000 000	885 000 0000	больше 5/9 707 000 000 ОКОЛО 4/5
Вся продукция	595 000 000	1 815 000 000	1 220 000 000 больше 3/8

Замечания по поводу преимуществ производства зерновых культур. Средства, затрачиваемые на производство зерновых культур, остаются в королевстве, и весь произведенный продукт принадлежит государству. Продукция животноводства составляет по меньшей мере половину ценности (richesses) ежегодно получаемых урожаев. Таким образом, продукция этих двух отраслей сельского хозяйства могла бы составить около трех миллиардов. Продукция виноградников составляет свыше 500 миллионов и могла бы быть значительно увеличена, если бы население королевства возросло, а торговля винами и водкой не подвергалась бы таким ограничениям **.

налогообложения при рациональной системе ведения сельского хозяйства составит 200 миллионов вместо 40 миллионов. В обоих случаях мы подходим с одной и той же точки зрения и имеем в виду как налоги, выплачиваемые непосредственно государству, так и налоги, выплачиваемые по финансово-налоговым округам. В действительности эти налоги выплачиваются в настоящее время одновременно, *dons gratuits et capitulation* составляют примерно 40 миллионов по всем землям королевства, занятым под посевы зерновых культур.

* При современных методах ведения сельского хозяйства издержки составляют не более 30% произведенной продукции. Между тем при рациональном ведении сельского хозяйства, когда сбыту зерна будет благоприятствовать разрешение свободного его экспорта (как это имеет место в Англии), издержки возрастут примерно на 100%.

** Автор книги под названием «*Le financier citoyen*», намерения которого могут быть самыми похвальными, является весьма большим сторонником взимания налогов с продуктов, и создается впечатление, что он рассматривает неудобства, связанные со взиманием этих налогов, недостаточно объективно. Он их рассматривает только с точки зрения потребителей, которые, по его мнению, совершенно свободны производить расходы на вино в больших или меньших размерах. Но размеры расходов, производимых потребителями на приобретение вина, являются чрезвычайно важным обстоятельством для размера доходов, получаемых от виноградарства, и для жителей, занимающихся возделыванием виноградников. В этой отрасли сельского хозяйства занято много лю-

дей и могло бы быть занято еще больше. И что заслуживает особенно большого внимания по отношению к населению—это то, что земли, занятые под виноградниками, дают бóльшую продукцию. Весьма важной задачей правительства является наблюдение за увеличением доходов в интересах государства и для увеличения источников поступления налогов. Земли, которые производят больше продукции, могут выдержать и более значительное обложение. Виноградники дают продукцию ежегодно. Это означает, что каждый арпан земли, занятый виноградниками, может доставить налогов вдвое больше, чем арпан земли, занятый зерновыми хлебами. Это доставило бы королю примерно столько же, сколько и налоги на продаваемое вино, которые разрушают важнейшую отрасль торговли королевства и разоряют виноградарей в результате применяемых суровых мер и притеснения торговцев. При хорошем состоянии сельского хозяйства основным источником доходов короля должна быть таля, получаемая от сельского хозяйства. Эта сторона вопроса остается до сих пор совершенно неизученной и известна только губительными злоупотреблениями, которые вызывают постоянные протесты, но которые никак не могут быть устранены. (См. «Налоги».)

Создается также впечатление, что автор упомянутой книги в некоторой степени придерживается распространенного предрассудка по отношению к промышленности. Промышленность обеспечивает существование множеству людей, оплачивая их рабочую силу. Но промышленность не создает доходов, и она может поддерживаться только доходами граждан, которые покупают изделия промышленного производства. Автор пытается защитить промышленность от обложения налогами из страха, что это может привести к уничтожению промышленности. Но промышленность всегда будет существовать в королевстве ввиду наличия доходов от производства предметов роскоши, и взимание налогов приведет только к некоторому повышению цен на эти предметы роскоши. Однако это имеет очень малое значение для внешней торговли, которая может привести к нашему обогащению только в результате продажи произведенной нами продукции. Автор решительно высказывается в пользу системы откупа налогов при условии, что эти налоги будут правильно распределяться. Он считает, что при такой системе обеспечиваются доходы короля, обезличенные проценты землевладельцам, честно нажитое имущество фермерам и субарендаторам (*sous fermiers*), жалование служащим, но при этом он считает необходимым, чтобы королевские откупщики действовали бы честно. Другое преимущество, которое этот автор находит в системе откупа налогов, заключается в том, что при этой системе, по его мнению, налоги могут быть увеличены, не нанося ущерба развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли. Можно считать правильным, что в недостаточно развитых королевствах, такая система, возможно, действительно является единственным способом получения доходов для государства и для землевладельцев. Но в государстве с достаточно развитым производством и торговлей такое обременительное средство, как система откупа налогов, совсем не является необходимым, и землевладельцы вполне могут обеспечить свои расходы продукцией, получаемой с их земель.

Таким образом, вся продукция сельского хозяйства могла бы составить по меньшей мере четыре миллиарда, не считая конопли, лесоводства, рыболовства и т. д. Мы не учитываем также доходы от домовладений, ренты, рудников, от продукции ремесел и художеств, судоходства и т. д., которые также будут увеличиваться по мере роста доходов и населения. Но самое главное из этих преимуществ, обеспечиваемых земледелием, состоит в том, что оно доставляет сырье для производства предметов первой необходимости, обеспечивает доходы государю и землевладельцам, десятину — духовенству и прибыли — земледельцам. Именно постоянно воспроизводимые богатства сельского хозяйства служат основой для всех других форм богатства, обеспечивают занятие всем видам профессий, способствуют расцвету торговли, благополучию населения, приводят в движение промышленность и поддерживают процветание нации. Но необходимо еще очень много для того, чтобы Франция могла воспользоваться всеми этими миллиардами доходов, которые, как мы видели, могли бы быть созданы в ней самой. В настоящее время общая величина ежегодного потребления или ежегодного расхода нации составляет не больше двух миллиардов. Расходы примерно равны доходам, включая сюда оплату рабочей силы, обеспечивающей существование рабочих всех видов профессий. Источником для оплаты всех этих рабочих является продукция земли (за исключением рыболовства, добычи соли и судоходства). Однако доходы, получаемые от судоходства, являются сами по себе очень незначительными и основным источником доходов от судоходства являются доходы от торговли продуктами нашего земледелия. Сельское хозяйство и торговля всегда рассматриваются как два источника наших богатств. Между тем торговля, так же как и промышленное производство, представляет собою не что иное, как ответвление сельского хозяйства; но промышленное производство является гораздо более обширным и гораздо более значительным, чем торговля. Обе эти отрасли существуют только благодаря сельскому хозяйству. Сельское хозяйство доставляет сырье для промышленности и товары для торговли и оплачивает как ту, так и другую. Торговля и промышленность возвращают полученные им прибыли сельскому хозяйству, которое возобновляет богатства,

ежегодно расходует их и потребляет. Действительно, без продукции наших земель, без доходов и затрат землевладельцев и земледельцев откуда могли бы возникнуть прибыль в торговле и заработная плата рабочих? Представление о том, что торговля имеет свое самостоятельное, отдельное от сельского хозяйства существование, является абстракцией, представляющей собою совершенно бесплодную идею. Такое представление, однако, соблазняет некоторых авторов, занимающихся исследованием такого рода проблем, и отдельные из них относят к производительной торговле внутреннюю торговлю, которая в действительности ничего не производит, а только обслуживает нацию и оплачивается нацией.

Трудно преувеличить превосходство взглядов г-на де Сюлли. Этот великий-министр правильно определил основные принципы экономической политики королевства исходя из того, что богатство короля, могущество государства, счастье народа основываются на доходах, получаемых от земли, т. е. от сельского хозяйства, и на внешней торговле сельскохозяйственными продуктами. Он говорил, что без экспорта зерновых хлебов подданные государства останутся без денег, а государство — без доходов. Пресловутые преимущества всех видов промышленного производства его не соблазняли. Из всех видов промышленного производства он покровительствовал только производству шерстяных тканей, потому что он понимал, что изобилие урожаев зависит от возможностей сбыта шерсти, так как увеличение сбыта шерсти дает возможность увеличивать численность овец, необходимых для удобрения земли.

Хорошие урожаи дают много фуража для корма животных; часть из тридцати миллионов арпанов посредственных земель также должна быть выделена для этого назначения. Автор ¹ «Искусственных лугов» весьма разумно считает, что количество арпанов земли, занятых под искусственными лугами, должно быть примерно равно количеству арпанов земли, ежегодно засеваемой зерновыми хлебами. Таким образом, из тридцати миллионов арпанов необходимо было бы иметь десять миллионов арпанов для искусственных лугов, для прокорма животных, обеспечивающих достаточное количество навоза *

* La Salle de l'Etang. (Ped.)

для удобрения земель, которые должны ежегодно засеиваться зерновыми хлебами. Целесообразность этого является совершенно очевидной, так как если в результате удобрения земли урожай зерновых хлебов, получаемый с каждого арпана, увеличивается на одно сетье, то это означает удвоение получаемой прибыли.

Действительно, если один арпан приносит урожай зерновых хлебов в размере пяти сетье по пятнадцать ливров за сетье, то за вычетом всех издержек остается двадцать ливров дохода. Но получаемое лишнее сетье урожая приведет почти к удвоению дохода, получаемого с одного арпана, так как если один арпан дает урожай в шесть сетье, то получаемый при этом доход составит уже тридцать пять ливров, а если урожай составит семь сетье, то доход достигнет пятидесяти ливров, или на три пятых превысит первоначально полученный доход. Получаемый доход зависит не только от произведенного продукта, но также и от размера произведенных затрат. К тому же увеличение издержек относится к животноводству, которое имеет свою собственную продукцию. Следовательно, прибыли, получаемые при устарелой культуре земледелия, несравнимы с прибылями, получаемыми при хорошей культуре (*bonne culture*).

Таким образом, мы видим, что благосостояние фермера, дающее ему возможность произвести затраты для хорошей обработки земли, зависит от одного или двух лишних сетье продукции, которые могут быть произведены на одном арпане земли. И хотя фермер должен часть их ценности отдать для уплаты тали и арендной платы, все-таки его собственный барыш является гораздо более значительным и лучшая его часть всегда принадлежит ему, так как сверх всего фермер получает в соответствующей пропорции фураж, который он скармливает скоту, от чего происходит дальнейшее увеличение прибыли.

Фермер может воспользоваться этим преимуществом только посредством скота, но, кроме того, он получит еще большие прибыли непосредственно от продукции животноводства. Правда, фермер, возможности которого ограничены одним плугом, не может рассчитывать на получение значительных прибылей. Только более богатые фермеры, имеющие возможность обзавестись более крупными хозяйствами, могут рассчитывать на получе-

ние больших прибылей и, производя соответствующие затраты, придать своим землям большую ценность.

Те же, кто имеет один только плуг, должны прежде всего получить при его помощи средства, необходимые для содержания семьи. Кроме того, необходимо, чтобы они производили расходы на различные хозяйственные нужды, причем пропорционально эти расходы в мелком хозяйстве будут больше, чем в крупном. Например, имея всего один плуг, фермер может иметь только одно небольшое стадо овец, уход за которым ему будет обходиться не меньше, чем если бы у него было большое стадо овец, которое могло бы доставить ему больше прибыли. Мелкое хозяйство и крупное хозяйство требуют, таким образом, во многих отношениях расходов, которые непропорциональны прибылям, получаемым этими хозяйствами. В связи с этим богатые земледельцы пользуются несколькими плугами с гораздо большей выгодой и для себя и для государства, чем те, кто ограничивается применением одного плуга, ибо в первом случае имеет место экономия рабочей силы и различных затрат, а в результате всего этого получается большая прибыль. Производимые расходы и затрачиваемый труд выгодны для государства только в той мере, в какой они обновляют и увеличивают богатство нации. Земли должны кормить не только тех, кто их обрабатывает, но они должны доставлять государству основную часть его средств, должны обеспечивать духовенство десятиной, землевладельцев — доходами, фермеров — прибылями и заработной платой — тех, кто занимается обработкой земли. Доходы короля, духовенства, землевладельцев, заработки фермеров и тех, кого они привлекают к обработке земли, через их расходы распределяются между лицами всех остальных положений и профессий. Один автор * уяснил себе эти основные истины, когда писал: «Проживание в одном месте некоторого числа богатых землевладельцев достаточно для того, чтобы образовать то, что называется городом, в котором торговцы, фабриканты, ремесленники, рабочие, прислуга сосредотачиваются в соответствии с доходами, которые расходуются землевладельцами. Таким образом, размеры города пропорциональны числу землевладельцев или, вернее, раз-

* *Кантильон*, Исследование о торговле, гл. V, VI.

мерам продукции, производимой на принадлежащих им землях. Столичный город образуется таким же образом, как и провинциальный город, с той только разницей, что в столице сосредоточиваются крупные землевладельцы всего государства.

Земли, обрабатываемые мелкими фермерами, требуют большего числа людей и больших расходов, а прибыли, получаемые при этом, являются очень ограниченными. Люди и средства не должны расточаться на работы, которые могут быть выполнены меньшим количеством людей и с меньшими затратами. Такое неразумное использование людей в сельскохозяйственных работах является предосудительным даже в очень плотно населенном государстве, так как, чем больше население, тем больше потребность в продукции, получаемой с земли. Но такое нецелесообразное использование людей является еще более невыгодным в королевстве с недостаточно плотным населением, так как в этом случае необходимо особенно внимательно отнестись к распределению людей по наиболее необходимым и наиболее выгодным для государства работам. Выгоды земледелия во многом предопределяются сосредоточением земель в крупные фермы, которые богатые фермеры приводят в наилучшее состояние.

Производством, которое требует одного только человеческого труда, является виноградарство. В нем могло бы быть занято во Франции более значительное число людей, если бы торговля вином поощрялась, а население увеличивалось. Виноградарство и торговля вином и водкой у нас чрезвычайно стеснены. Между тем эта отрасль хозяйства заслуживает не меньше внимания, чем производство зерновых культур.

Мы рассматриваем здесь богатого фермера не как обыкновенного рабочего, который сам обрабатывает землю, а как предпринимателя, осуществляющего руководство своим предприятием и извлекающего из него доход благодаря своему умению и материальным средствам. Сельское хозяйство, которое ведется богатым земледельцем, является очень прибыльным занятием, предназначенным для людей, располагающих возможностью авансировать значительные средства на расходы, которых требует обработка земли, и обеспечивающих работу и постоянный и достаточный заработок крестьянам. Вот

какими должны быть, по идее г-ца де Сюлли, настоящие фермеры или настоящие предприниматели, которые должны быть созданы и поддерживаемы в королевстве, обладающем большой территорией. И именно богатство этих фермеров должно служить источником существования нации, благополучия народа, обеспечения доходов государя, землевладельцев и духовенства, распределения доходов между лицами всех профессий, роста населения, могущества и процветания государства.

Большие расходы приносят большие доходы и способствуют увеличению населения, так как при наличии больших расходов расширяются торговля и различные производства, обеспечивающие заработок большему числу людей. Те, кто рассматривают преимущество наличия большого населения только с точки зрения возможности располагать крупными армиями, имеют очень неправильное представление о факторах, определяющих могущество государства. Настоящий государственный деятель так же сожалеет о людях, предназначенных для использования на войне, как землевладелец жалеет о земле, на которой приходится рыть каналы для сохранения поля. Содержание больших армий истощает государство, а большое население и большие богатства делают его могущественным. Важные преимущества, которые вытекают из большой численности населения, благоприятно сказываются на производстве и потреблении, увеличивающих и приводящих в движение денежные богатства королевства. Чем больше нация, обладающая хорошей территорией и развитой торговлей, тем более она может быть богатой. И чем более она богата, тем она могущественнее. Денежные богатства королевства в настоящее время возможно меньше, чем в прошлом столетии. Но для того чтобы судить о размерах этих богатств, их следует рассматривать не только с точки зрения их величины, но и с точки зрения скорости кругооборота этих богатств, возможности их реализации и цен, существующих в королевстве. Сто сетье зерновых хлебов по двадцати ливров за сетье с простейшей точки зрения представляют собою богатство в четыре раза большее, чем пятьдесят сетье по десяти ливров за сетье. Таким образом, богатства так же реально существуют в ценности произведенной продукции, как и в золотых и серебряных монетах, особенно

тогда, когда торговля с границей создает уверенность в возможности реализации произведенной продукции по определенным ценам.

Доходы являются продуктом земли и человека. Без приложения труда человека земли не представляют никакой ценности. Первоначальными благами, которыми располагает государство, являются люди, земли и скот. Без продукции сельского хозяйства нация не может иметь других источников существования, кроме промышленности и торговли. Но и промышленность и торговля могут существовать в этом случае, только если они поддерживаются иностранными богатствами. Однако такая поддержка является очень ненадежной и имеет очень ограниченные возможности; она может быть достаточной только для очень небольших государств.

Замечания по поводу талли, взимаемой с продукции зерновых культур

Взимание налогов с фермеров должно производиться весьма осторожно в отношении той части, которая получается от животноводства, так как именно скот способствует тому, что земли становятся более производительными. Но даже в том случае, если не взимать налог с прибылей, получаемых от животноводства, общая сумма талли может достигнуть в результате роста доходов от сельского хозяйства при правильном обложении примерно половины всей суммы арендной платы. Таким образом, исходя из того, что общая сумма доходов, получаемых землевладельцами от их земель, составляет 400 миллионов, можно считать, что вся сумма талли должна составить примерно 200 миллионов, не включая прочие виды талли, взимаемой с ренты и собственников, с домовладений, с виноградников, с лесов, со специально арендуемых лугов, с лиц, занимающихся извозным промыслом, с торговцев, с крестьян, с ремесленников, с рабочих и т. д.

Из 200 миллионов талли, которые могут быть получены от продукции зерновых культур, необходимо снять 1/3 часть, считая, что некоторые знатные и привилегированные лица, освобождаемые от уплаты талли, сами занимаются сельским хозяйством на своих землях, предоставленных ИМ королевским указом. Таким образом,

остается сумма тальи в 190 миллионов, но к ней надо прибавить талью, взимаемую с *fermiers des dimes*, что в итоге составит по меньшей мере 200 миллионов*.

Установление тальи в зависимости от размеров арендной платы за землю является одним из наиболее обоснованных принципов ее взимания с фермеров и в то же время представляет лучшую гарантию от произвольного обложения. Землевладелец и фермер будут ясно представлять себе круг своей деятельности, и их взаимные интересы будут точно определены королевскими узаконениями**.

* Мы предполагаем здесь, что талья, падающая на *fermiers des dimes*, составит примерно только 10 миллионов, но продукция *des dimes*, не будучи отягощена затратами, которые должны производиться для обработки земли, в состоянии выдержать более высокую талью. Таким образом, *la dime qui est affermeé*, т. е. которая не собирается по церковным приходам, могла бы достичь при восстановлении сельского хозяйства 100 миллионов, и с этих хозяйств можно было бы получить без нарушения справедливости больше 20 миллионов налога. Действительно, даже в этом случае налогообложение не достигнет нормы, применяемой в отношении земледельцев. И те, кто *affermeraient leurs dimes*, еще больше выиграли бы при восстановлении нашего сельского хозяйства.

** Талья, равная половине арендной платы, может показаться слишком большой, и возможно, что это действительно так. Но, если размер тальи будет точно установлен, фермеры, арендуя землю, будут исходить из этой, твердо установленной нормы обложения, которая имеет следующие преимущества; талья не будет разорительной, так как она будет известна фермеру еще до аренды им земли, в то время как произвольное установление тальи может привести к разорению фермера, в связи с тем что на протяжении срока аренды ее размеры могут произвольно повышаться, а фермер лишен возможности добиться каких-либо изменений в арендной плате для того, чтобы хоть как-нибудь компенсировать потери, причиняемые ему ее произвольным повышением. Когда же фермеру, исходя из размера арендной платы, будет известен размер тальи, которая должна быть им выплачена, он уже не допустит произвольного ее взимания, и, таким образом, это не сможет нанести ущерба его хозяйству. Талья будет оплачена из произведенной фермером продукции, а та часть продукции, которая представляет собою доход землевладельца, также будет достаточно надежной, и тогда никакое произвольное обложение не будет ставить под угрозу возможность обработки его земельных владений. И наоборот, талья, произвольно взимаемая с фермера, делает его положение очень неуверенным. Его доходы ограничиваются его расчетами с землевладельцем; он не может внести изменения в эти расчеты в соответствии с изменениями, происходящими в обложении. Если обложение становится чрезмерно большим, фермер лишается возможности производить необходимые хозяйственные затраты и его хозяйство приходит в упа-

Было бы очень желательно установить достаточно твердые принципы в обложении исполщиков. Но если сельское хозяйство будет восстановлено, то число фермеров будет все увеличиваться, а число исполщиков соответственно сокращаться. Одним из основных условий восстановления сельского хозяйства является увеличение числа фермеров, устранение произвола при взии-

док. В связи с этим необходимо, чтобы подати выплачивались за счет свободных средств, а не за счет средств, необходимых для ведения сельского хозяйства, причем подати должны выплачиваться с учетом размеров этих средств и состояния хозяйства. Лучшим в этом отношении показателем является размер выплачиваемой арендной платы.

Может возникнуть сомнение, что определение размеров тальи в зависимости от выплачиваемой арендной платы может привести к мошенническим соглашениям между землевладельцем и фермером о том, чтобы приводить в арендном договоре неправильные сведения о размерах арендной платы. Однако в подобного рода случаях землевладелец, несомненно, захочет иметь гарантии того, что он получит всю причитающуюся ему арендную плату и постарается оформить это каким-либо специальным договором или специальным актом. Такие договора, понятно, будут отличаться малоупотребительной формой и неизбежно вызовут подозрения. Благодаря этому их нетрудно будет обнаружить и принять меры к категорическому их запрещению. Таким документом может быть, например, расписка о денежном займе, предоставленном землевладельцем фермеру. Так как предоставление землевладельцем денег в долг фермеру представляет собою явление очень редкое, такого рода расписка не сможет не вызвать подозрений, тем более если дата этой расписки будет близка к дате заключения арендного договора. Подозрение должно возникнуть также и в том случае, если соответствующий документ не оформлен у нотариуса. Не разрешая заключать такого рода подозрительные соглашения, можно не допустить мошеннических сделок. Однако в тех случаях, когда акты оформляются спустя три или четыре года после заключения арендного договора, причем оформляются нотариусом и не изменяют пунктов арендного договора, то такие акты не могут служить для мошеннических сговоров на основе неправильного указания размеров арендной платы и могут быть необходимы во взаимоотношениях между землевладельцем и фермером в тех случаях, когда на протяжении действия арендного договора происходят какие-либо несчастные случаи со скотом или с урожаем, когда землевладелец бывает вынужден прийти на помощь своему фермеру. Если же фермер, для того, чтобы показать в арендном договоре преуменьшенные размеры арендной платы, авансирует деньги в виде *pot de vin*, то это представляет собою не что иное, как мошенничество, которое может быть обнаружено п^o слишком низкой арендной плате по сравнению с ценою, существующей на остальные земли в этой местности. Если при этом имеется явно выраженное расхождение, то необходимо добиться расторжения такого договора и избавиться от этого фермера.

мании тальи и создание у земледельцев уверенности в сохранности авансируемых ими средств. Но прежде всего должны быть приложены усилия к тому, чтобы гарантировать фермеров, приносящих наибольшую пользу государству, от опасностей, связанных с произвольным взиманием тальи. Известно, что отсутствие упорядоченной системы во взимании тальи оказывает гораздо более разрушительное действие в деревне, чем в городе. Объясняется это тем, что доходы производятся в деревне, и поэтому всякое уменьшение этих доходов наносит ущерб государству в целом. Состояния городских жителей имеют своим источником доходы, создаваемые в деревне, и города заселяются жителями именно в той мере, в какой это соответствует доходам, создаваемым сельским хозяйством данной местности. В связи с этим чрезвычайно важно установить в деревнях твердую и неизменную систему обложения, для того чтобы способствовать увеличению числа богатых фермеров и постепенно сокращать число неимущих исполщиков, возделывание земли которыми наносит государству только ущерб. Однако необходимо заметить, что при современном соотношении крупного и мелкого хозяйства во Франции представляется чрезвычайно сложным обеспечить выполнение всех этих принципов. Вот почему для обеспечения поступления налогов мы предложили в статье «Фермеры» некоторые другие методы при проведении обложения. Но в дальнейшем размеры производимой продукции зерновых хлебов или размеры выплачиваемой арендной платы будут служить самым простым и самым удобным основанием для пропорционального распределения тальи среди земледельцев. При современном состоянии земледелия один арпан дает в крупном хозяйстве продукцию в размере 74 ливров зерновых хлебов, из которых может быть уплачено в виде тальи не больше $\frac{1}{20}$ всего произведенного продукта. Один арпан в мелком хозяйстве дает продукцию в размере 24 ливров, из которых в виде налога может быть уплачена только $\frac{1}{10}$ часть. Один арпан при хорошей обработке земли мог бы произвести продукцию в 106 ливров, а в виде тальи при этом могло бы быть уплачено $\frac{1}{10}$ часть всей произведенной продукции. Таким образом, только в результате различий в обработке земли один и тот же арпан земли, имеющий одинаковую цен-

ность, может произвести продукцию для уплаты тальи в одном случае в размере 10 ливров, в другом случае — в размере 3 ливров 10 су и, наконец, в третьем случае — всего один ливр. Это говорит о невозможности установления твердой ставки тальи с земель, поскольку продукция, производимая на этих землях, так подвержена изменениям в зависимости от применяемых способов обработки земли. Тем более нельзя устанавливать размер тальи в зависимости от общего объема произведенной продукции без учета производимых затрат и различий в количествах зерна, которое должно быть оставлено для семян, а также безотносительно к получаемым прибылям и различиям в способах обработки земли. Таким образом, те, кто предлагает ввести талью в размере, равном десятине *, и те, кто предлагает установление

* Мы видели, рассматривая продукцию, получаемую при различных способах обработки земли, что талья, приравненная к десятине при обработке земли волами, должна составить примерно две трети от доходов, получаемых землевладельцами. К тому же талья не может быть установлена навсегда, исходя из доходов, получаемых в настоящее время при такой системе обработки земли, ибо при лучшей обработке земли она будет давать большие доходы и получится, что талья будет взиматься с этих земель в семь или восемь раз меньше, чем с тех земель, которые уже в настоящее время обрабатываются надлежащим образом.

При современном положении земли, занятые под крупными хозяйствами, производят продукции больше, чем остальные земли, но они доставляют наполовину меньше доходов по сравнению с теми доходами, которые доставлялись бы ими при разрешении свободной торговли зерном. В настоящее время десятина равна половине арендной платы; талья, приравненная к десятине, была бы очень обременительна. Но в случае разрешения свободного экспорта земли стали бы приносить большие доходы. При этом десятина по своим размерам стала бы равна всего одной трети арендной платы. Талья, приравненная к десятине, составляла бы примерно половину всех получаемых доходов и была бы значительно менее обременительной чем в настоящее время. Таким образом, соотношения тальи и десятины с арендной платой могут быть самыми различными в зависимости от различия в размерах продукции, получаемой на различных землях. В мелких хозяйствах талья будет очень обременительной, если она будет составлять половину десятины. В хозяйствах с хорошей обработкой земли она будет легко выплачиваться даже в том случае, если будет равна всему объему десятины. Соотношения между величинами тальи и размерами получаемой продукции в различных хозяйствах являются менее несогласованными, но во всяком случае эта несогласованность всегда остается достаточно значительной, для того чтобы пытаться установить какой-то единый принцип. Основной для установления тальи должна служить совокупность пен

Une taille réelle на земли, не исследовали всех тех беспорядочных отклонений, которые порождаются различными способами ведения хозяйства, и всех тех изменений, которые происходят в связи с этим. Верно, что в некоторых местностях государства устанавливается общий налог (la taxe sur les terres) на земли, так как эти местности ограничиваются особыми провинциями, где способы ведения земледелия являются более или менее однообразными и поэтому взимание обложения может производиться просто на основе ценности земель и различий в качестве высеваемых семян, с учетом различной ценности производимой продукции. Но такого порядка нельзя придерживаться для всех остальных провинций королевства. Так, в настоящее время установление пропорциональной талли невозможно без предварительного распределения ее по каждому из церковных приходов в соответствии с состоянием сельского хозяйства в данной провинции. И эта сумма талли должна быть распределена, как об этом сказано в статье «Фермеры», в соответствии с видимым состоянием земледелия, о котором каждый год представляются точные сведения каждым частным лицом. Причем можно было бы избежать представления этих деклараций в тех случаях, когда все доходы сводятся к произведенной продукции зерновых культур. И когда повсеместно будет восстановлена хорошая обработка земли, форма обложения сможет быть значительно упрощена и обложение может взиматься пропорционально арендной плате. Земледелец, улучшая культуру своего хозяйства и увеличивая производимые затраты, должен будет, конечно, выплачивать большую таллю; но он будет уверен в том, что получит также большие доходы и что он больше не будет подвергаться разорительному для него обложению, если талля будет увеличиваться только в соответствии с ростом его барышей.

Таким образом, уже теперь можно было бы установить взимание талли пропорционально выплачиваемой

на зерновые культуры, состояние хозяйства и качество земель, а также данные о доходах землевладельцев. Необходимо также заметить по поводу установления талли в размере десятины на земли, обрабатываемые при помощи волов за счет землевладельцев, что в одних случаях эта талля может составить половину Доходов, а в других — будет изъят весь доход.

арендной плате в тех местностях, где земли возделываются фермерами. И надо полагать, что можно найти какой-либо близкий к этому принцип для установления тальи в тех местностях, где землевладельцы обрабатывают свои земли при помощи испольтчиков. Размер продукции, производимой каждым испольтчиком, бывает обычно известен. Исключая издержки, произведенные испольтчиком, можно определить доход, получаемый землевладельцем. При этом пропорциональное распределение тальи должно быть произведено таким образом, чтобы не затрагивать дохода землевладельца, а взимать обложение с части, принадлежащей испольтчику, пропорционально доходу, получаемому в его хозяйстве. Если бы при таком пропорциональном распределении обложения возникли какие-либо несоответствия, могущие нанести ущерб испольтчикам, они могли бы быть исправлены на основании договоренности между землевладельцем и испольтчиком. Мне представляется возможным установление уже с настоящего времени как для крупных, так и для мелких хозяйств общих и твердых оснований пропорционального распределения обложения.

Мы видели при исчислении размеров продукции, производимой в крупных хозяйствах в настоящее время, что размер взимаемой тальи составляет примерно одну третью часть от доходов землевладельца. В таких хозяйствах почти все земли являются фермерскими и пропорциональное распределение обложения в соответствии с доходами, определяемое размерами арендной платы, не представляет никаких трудностей.

Но далеко не так обстоит дело с землями, занятыми мелкими хозяйствами, которые превращаются в фермы очень редко (*rarement affermées*). О размерах доходов, получаемых землевладельцами от этих земель, можно судить только исходя из размеров произведенной продукции. Мы видели при исчислении размеров этой продукции, что в мелких хозяйствах талья составляет также примерно одну третью часть от доходов землевладельцев; но эти доходы, которые являются весьма неопределенными, могут рассматриваться с другой точки зрения, чем та, с которой мы их рассматривали в наших расчетах. Они должны быть рассмотрены с другой точки зрения для того, чтобы избежать смешения, которое может возникнуть из-за различных способов рассмотрения

доходов землейладельцев, предоставляющих обработку своих земель испольщикам, авансирующим денежные средства и использующим значительную часть угодий для обеспечения кормом рабочих волов. Немного выше был приведен пример, относящийся к такому способу обработки земли, при котором земледелец может получить в обычный год на 3000 ливров продукции зерновых хлебов за вычетом части, идущей на семена. Известно, что в этих 3000 ливров расходы составляют 1050 ливров. / аким образом, общая величина полученного дохода будет равна 1950 ливрам.

Однако в этой общей сумме доходов, составляющей 1950 ливров, доходы от пастбищ и земель, находящихся под паром в виде корма для волов, составляют 1375 ливров. Это означает, что земли, приносящие урожай, участвуют в общей сумме доходов, составляющей 1950 ливров, только в размере 575 ливров, ввиду того что доход, получаемый от лугов и от залежных земель, входит как часть все в тот же доход, исчисленный в размере 1950 ливров. Если бы талья устанавливалась в размере одной третьей части от этих 1950 ливров, то она должна была бы составить 650 ливров, которые, будучи распределены поровну между пятью испольщиками, составили бы сумму, в размере 131 ливра.

Все эти испольщики имеют вместе половину всего произведенного зерна, т. е. половину от 3000 ливров. Таким образом, на долю каждого приходится 600 ливров. Если каждый фермер, исходя из того, что талья взимается в размере одной третьей от 1950, уплачивает талью в размере 131 ливра, то ему остается на его издержки, на содержание себя и своей семьи всего лишь 479 ливров 16 су. При рассмотрении примера, о котором мы сейчас напомнили, нами было оговорено, что произведенная продукция принята в размере большем, чем это имеет обычно место при обработке земли волами, и что эта продукция примерно на одну четверть превосходит обычные урожаи, получаемые при такой системе обработки земли. Таким образом, в последнем случае, когда расходы остаются на том же уровне, доход землевладельца не может превысить 1450 ливров, а доля каждого испольщика составит всего лишь 453 ливра. Если талья будет равна одной трети дохода землевладельца, то он должен составить 497 ливров. Это озна-

Чает, что на Долю каждого испоьщика будет приходитьсЯ 102 ливра тальи. В этом случае мелкому арендатору останется от всей произведенной им продукции всего лишь 348 ливров, которых, конечно, не может хватить на его расходы. В связи с этим возникает необходимость в том, чтобы хотя бы половина всей суммы тальи, которая должна быть выплачена испоьщиками, была бы оплачена землевладельцем. Между тем землевладельцу и без того приходится нести большие расходы, связанные с обработкой земли, и к тому же получаемые им доходы являются весьма ненадежными. Если исходить из того, что землевладельцы, для того чтобы несколько облегчить положение испоьщиков, должны часть своих доходов отдать для уплаты тальи, то общая сумма выплачиваемого ими обложения была бы по крайней мере на одну треть больше тальи, выплачиваемой землевладельцами, сдающими свои земли в аренду. Доход землевладельцев, сдающих свои земли в аренду, точно определяется условиями арендного договора. Получение его не вызывает никаких сомнений и не связано с дополнительными заботами. Талья же, составляющая по своим размерам одну треть часть доходов землевладельцев, выплачивается не из этих доходов, что определяется и гарантируется содержанием арендного договора. Между тем если талья будет взиматься в той же пропорции с земель, обрабатываемых испоьщиками, то по меньшей мере половину ее будет вынужден уплатить землевладелец за счет доходов. При этом размеры доходов землевладельцев никак не регламентируются и являются совершенно неопределенными. Таким образом, возделывание земель при помощи испоьщиков является весьма невыгодным для землевладельцев и, кроме того, хозяйствами испоьщиков очень сложно управлять в тех случаях, когда землевладельцы не живут сами в своих поместьях, и нанимают управляющих. Если бы взимание тальи с земель, возделываемых испоьщиками, произошло бы в тех же соотношениях, что и в отношении земель, занятых крупными хозяйствами, то земли, занятые хозяйствами испоьщиков, были бы обложены чрезмерно.

Но обложение тальей будет справедливо произведено в отношении как тех, так и других земель, если ее размер /будет равен половине или одной трети доходов

землевладельцев, земли которых арендуются как крупными, так и мелкими хозяйствами и размеры доходов которых твердо установлены арендным договором. Размеры талли следует считать справедливыми также и в том случае, если они будут равны примерно одной четвертой части доходов землевладельцев, земли которых возделываются испольщиками и размеры доходов которых являются непостоянными. В последнем случае четвертая часть от доходов землевладельцев будет примерно равна шестой части доходов, причитающихся испольщику.

Таким образом, располагая сведениями о размерах продукции, производимой хозяйством испольщика, нетрудно установить размер талли, подлежащей выплате испольщиком на протяжении срока аренды земли. Он равен одной шестой или одной пятой доли той половины продукции, которую получает испольщик.

Имеют место случаи, когда земли являются настолько плодородными, что испольщик получает в виде своей доли всего только третью часть продукции, произведенной в его хозяйстве.

В этом случае получение этой третьей части произведенной продукции является для испольщика таким же выгодным, как получение половины продукции испольщины (*le tiers du produit de la métairie*) на менее плодородной земле. Взимаемая при этом талья в обоих случаях будет одинаковой по отношению к размерам получаемой продукции, но она уже не будет находиться в одной и той же пропорции к размерам дохода, получаемого землевладельцем. На более плодородной земле землевладельцем будет получен доход, составляющий уже две трети собранного урожая. В связи с этим в данном случае талья могла бы быть установлена уже в размере одной трети от величины дохода. Таким образом, устанавливая размеры талли в тех случаях, когда урожай делится между ним и землевладельцем пополам, в размере одной шестой или одной пятой от той части продукции зерна, которая приходится на долю испольщика, можно установить общий и достаточно простой порядок установления пропорциональной талли.

Установление такого пропорционального взимания талли обеспечит увеличение доходов короля от сельского хозяйства, развитие которого в свою очередь обеспечено свободой торговли зерном и улучшением обложения.

Общая сумма обложения, взимаемая с крупных Хозяйств на основе арендных договоров, примерно вдвое больше, чем с мелких хозяйств, так как продукция крупных хозяйств является гораздо более значительной.

Я не знаю, в какой мере, исходя из современного положения с обложением тальей, предлагаемые мною нормы обеспечат такое же поступление, но это нетрудно привести в соответствие, придерживаясь определенных пропорций. (См. в связи с этим статью «Налоги».)

Если бы эти правила точно и всегда соблюдались, если бы была разрешена свободная торговля зерном, если бы дети фермеров были освобождены от военной службы, если бы дорожная повинность (*corvées*) была отменена *, то значительное число землевладельцев, способных платить талью, переехавших в города и живущих там, ничем не занимаясь, вернулись бы в деревню и занялись бы извлечением доходов из принадлежащего им имущества и участвовали бы в распределении прибыли, получаемых от сельского хозяйства. Именно эти

* Немного более зажиточные фермеры стараются, чтобы их дети получили какие-нибудь занятия в городах, для того чтобы они могли избежать отбывания военной службы. И что особенно неблагоприятно отражается на сельском хозяйстве это то, что деревня не только теряет людей, как бы с рождения предназначенных для того, чтобы быть фермерами, но она теряет также богатства, которые отцы этих людей употребляли для возделывания земли. Для того чтобы приостановить эти разрушительные действия, г-н де Ле Галазьер, интендант Лотарингии, добился королевского указа об освобождении от военной службы возчиков и сыновей фермеров, ссылаясь на то, что это было необходимо для обеспечения работы плугов. Выполнение обязательных работ, которые возлагаются на крестьян, также наносит большой ущерб как государству, так и королю. Крестьяне при этом обрекаются на нищету и лишаются возможности поддерживать свои небольшие хозяйства. Этим наносится огромный ущерб производимой продукции, потреблению и доходам. Такого рода способ избежать расходов, связанных с производством государственных работ, очень далек от того, чтобы действительно сберечь государственные средства, и обходится государству очень дорого. Между тем все эти работы могли бы стоить государству гораздо дешевле, если бы они производились за государственный счет. В этом случае государство оплачивало бы эти работы по принятым в каждой провинции весьма скромным ставкам оплаты рабочих. Кроме того, для всех провинций настолько бесспорны выгоды, получаемые от производства работ, облегчающих возможность заниматься торговлей, что они охотно сами приняли бы участие в расходах по производству этих работ при условии, что они будут использованы точно по назначению,

состоятельные городские жители, которые покинули бы города, если бы у них была уверенность в том, что деревни опять будут заселены земледельцами, в состоянии восстановить сельское хозяйство. Они выплачивали бы налоги так же, как фермеры, из прибылей, получаемых от земледелия, пропорционально доходам, которые они извлекали бы из своих земель, как если бы они были арендованы фермерами. И как собственники, которые подлежат обложению, они выплачивали бы талью, полагающуюся с их имущества, а десятую часть дохода они получали бы, если бы не занимались сами сельским хозяйством и сдавали свои земли в аренду. Интересы заставляют искать честных и выгодных занятий. Между тем нет другой такой отрасли хозяйства, где можно было бы так быть уверенными в честном заработке, как сельское хозяйство, при условии, конечно, что для его развития созданы необходимые условия. Таким образом, сельское хозяйство было бы быстро восстановлено людьми, располагающими необходимыми для этого средствами. Было бы также очень желательно для развития сельского хозяйства разрешить знатным людям, самостоятельно занимающимся извлечением доходов из принадлежащих им земель, расширить пределы их деятельности путем аренды земель; в таком случае налоги уплачивались бы ими в соответствии с размерами арендной платы. Они стали бы получать значительно большие прибыли и в очень большой степени содействовали бы развитию сельского хозяйства. Такого рода занятия гораздо больше подходят к их положению, чем занятие торговцев, занимающихся сбытом товаров в городах. Рост торговли в городах может только нанести ущерб развитию сельского хозяйства, являющегося для государства гораздо более важным, чем розничная торговля, которая всегда будет отвлекать и без того большое количество людей.

Положение богатого земледельца должно быть уважаемо и поощряемо, тогда крупные хозяйства будут все больше и больше распространяться в королевстве. Обработка земли при помощи волов будет сведена почти совсем на нет в результате того, что прибыли, получаемые в сельском хозяйстве, заставят собственников сдавать земли в аренду богатым фермерам. Эти богатые фермеры будут располагать достаточными средствами,

*

чтобы производить затраты, которых требуют крупные хозяйства. Если мелкие хозяйства и сохранятся в некоторых местностях, где они будут казаться более подходящими, чем крупные хозяйства, то они смогут принять более совершенные формы, обеспечивающие получение больших доходов. Эти доходы с избытком возместят землевладельцам авансированные ими средства. В этом случае ипольщики смогут выплачивать из своей части урожая такую же талью, что и фермеры. Если часть урожая, принадлежащая ипольщику, будет составлять на восемнадцать или двадцать буассо зерновых хлебов на один арпан больше, чем это имеет место обычно в мелком хозяйстве, то он сможет получить гораздо больше доходов, чем он получает в настоящее время, и при этом выплатить в четыре или в пять раз большую талью. Таким образом, размеры урожая, получаемого ипольщиком, могли бы в этом случае стать достаточно надежным источником для взимания пропорциональной тальи.

Вот простые, легко выполнимые и надежные средства, которые могут гарантировать земледельцев от произвольного установления тальи, а также устранить возможность уничтожения доходов государства в результате применения губительной системы произвольного обложения. Все это будет способствовать возрождению сельского хозяйства и восстановлению могущества королевства.

Пропорциональное обложение остальных сельских жителей может быть основано также на данных о получаемых заработках и доходах. Но так как они являются гораздо менее важными, то здесь при обложении следует проявлять больше осторожности, чем точности. Ошибки, допущенные при этом, будут иметь очень небольшое значение для доходов короля, и самым важным здесь является всяческое поощрение, способствующее увеличению сельского населения. Что касается системы обложения в городах, то она не может основываться на таких же принципах, что и в деревне. Города сами должны выступать с предложениями о том, какая форма обложения им больше подходит. Я не буду здесь говорить об одном не имеющем существенного значения политическом соображении, заключающемся в том, что произвольное обложение рассматривается как надежное сред-

ство держать подданных в необходимом повиновении. Такое нелепое соображение не может быть приписано великим министрам, которые не могут не понимать всю его неприемлемость и абсурдность. Подданные — налогоплательщики являются людьми очень скромно обеспеченными, которые больше нуждаются в том, чтобы их подбодряли, чем в том, чтобы их подавляли. Они полностью подчиняются королевской власти и существующим законам. Если они и имеют какое-нибудь имущество, то это делает их только еще более зависимыми и более подверженными страху и боязни наказания. Грубоватая надменность, в которой их обвиняют, является просто формой их поведения, а это должно являться для государства совершенно безразличным. Они ограничиваются оказанием сопротивления только тем, кто примерно равен им по занимаемому положению, но не тем, кто является еще более надменным, чем они, и претендует на то, чтобы занимать первое место. Этот небольшой недостаток никак не нарушает общего порядка в государстве и даже, наоборот, служит как бы отдушиной для того чувства недовольства, которое мелкий буржуа всегда испытывает по отношению даже к могущественному и достойному самому большого уважения государству. Какая же может быть получена польза от произвольной системы обложения, которая только подавляет людей, в то время как правительство заинтересовано в том, чтобы покровительствовать этим людям. Не заключается ли она в том, чтобы предоставить их полному произволу нескольких частных лиц, которые могут их только погубить и нанести тем самым ущерб благополучию государства.

Замечания по поводу экспорта зерна

Экспорт зерна, который является другим важнейшим условием восстановления сельского хозяйства, не будет вызывать повышение цен на зерно. Об этом можно судить по тем умеренным ценам, по которым наши соседи производят продажу зерна за границу. Но зато экспорт будет противодействовать обесценению зерновых хлебов. Одно это, как нами было отмечено, дает возможность сельскому хозяйству избежать потери в размере ста пятидесяти миллионов. Таким образом, не сам

факт продажи зерна за границу приведет к нашему обогащению, ибо размеры этой продажи будут весьма ограничены из-за недостатка покупателей. (См. статью «Фермеры», «Энциклопедия» т. VI, стр. 533). Действительно, наш экспорт с трудом сможет достичь двух миллионов сетье.

Я не буду отвечать здесь тем, кто высказывает опасения, что экспорт может привести к наступлению периодов голода *, поскольку экспорт, наоборот, способствует росту изобилия и, как было показано, урожаи при условии разрешения экспорта даже в плохие годы должны будут превышать урожаи, которые мы получаем в настоящее время в обычные годы. Я не буду касаться здесь также ни химерических проектов создания зерновых хранилищ для предотвращения голода, ни недостатков и неизбежных злоупотреблений, связанных с такого рода мерами предосторожности. Достаточно пораздумать над тем, что пишет по этому поводу один английский автор **.

«Предоставим другим нациям беспокоиться по поводу средств, которые должны предотвратить голод. Будем наблюдать, как они будут испытывать голод во время разработки проектов, чтобы гарантировать себя от его наступления. Мы открыли достаточно простым способом секрет спокойно и в изобилии пользоваться этим продуктом первой необходимости для жизни. Более счастливые, чем наши предки, мы уже не испытываем больше эти чрезмерные и внезапные изменения в ценах на зерновые хлеба, являющиеся результатом скорее боязни наступления голода, чем следствием действительного голода. Вместо обширных и многочисленных хранилищ запасов зерна и предусмотрительности мы имеем обширные равнины, засеянные зерновыми хлебами.

До тех пор пока Англия думала о производстве зерновых только для себя, она часто оказывалась не в состоянии обеспечить свои потребности и была вынуждена покупать зерновые хлеба за границей. Но с тех пор, как она превратила зерновые хлеба в предмет своей внешней торговли, его производство настолько увеличилось, что

* См *Le traite de la police des grains* par M. Herbert.

** См. *Плюмар де Дансель*, Преимущества и слабые стороны Великобритании. (Ред.)

урожай, собранный в плодородный год, может прокормить Англию на протяжении пяти лет. И в настоящее время она имеет возможность снабдить зерновыми хлебами нации, которые испытывают в них недостаток.

Если окинуть взором некоторые из провинций Франции, то окажется, что не только большое количество земли этих провинций остается невозделанной, в то время как на ней могли бы произрастать зерновые хлеба и кормиться скот, но что и возделываемая земля не дает продукции, соответствующей ее плодородию, из-за того, что земледелец не имеет средств, необходимых для хорошей ее обработки.

Не без чувства радости я заметил, что в порядках, существующих во Франции, имеется недостаток, последствия которого являются очень серьезными, и я не мог не поздравить с этим мое отечество. Но это не помешало мне почувствовать, каким грозным могло бы стать могущество Франции, если бы она воспользовалась преимуществами, которые предоставлены ей ее владениями и ее людьми. *O sua si bona norinb* *.

* Если, несмотря на такие решительные доводы, все-таки остаются какие-либо сомнения в возможности наступления голода в результате экспорта зерновых хлебов, то в этом очень легко разубедиться, разрешив одновременно с экспортом импорт зерновых хлебов из-за границы без взимания пошлины. В этом случае цена на зерновые хлеба не сможет быть более высокой у нас, чем в тех странах, которые занимаются их экспортом. Между тем известно из долголетнего опыта, что страны, экспортирующие зерновые хлеба, всегда имеют их в изобилии и что эти страны редко испытывают дороговизну на зерновые хлеба. Конкуренция зерновых хлебов, ввозимых этими странами к нам, помешает нашим торговцам держать свои хранилища закрытыми в ожидании наступления высоких цен, и беспокойство народа по поводу возможного наступления голода не будет способствовать повышению цен, что почти всегда является единственной причиной чрезмерного повышения цен на зерновые хлеба. Но когда это понадобится, то такие причины исчезнут при одном виде иностранных кораблей с зерном, прибывающих в Париж. Дороговизна наступает всегда только из-за отсутствия свободной торговли зерном. Наступления периодов настоящего всеобщего голода являются во Франции очень редкими. Они являются еще более редкими в тех странах, в которых разрешение свободной торговли зерновыми хлебами способствует развитию сельского хозяйства. В 1709 г градом был побит весь урожай. Одно сесть зерновых хлебов стоило во Франции 100 ливров (в наших современных деньгах), а в Англии они продавались по цене не ниже 43 ливров или по цене

Таким образом, только те нации должны бояться наступления периодов голода, земледельческое производство которых рассчитано на удовлетворение потребностей одной только своей страны. Вообще говоря, может возникнуть совершенно противоположное опасение, что свободная торговля зерновыми может привести к совершенно обратным результатам, т. е. к обесценению зерна в результате создания изобилия продукции, которая будет доставляться сельским хозяйством Франции, достигшим высокого развития. Однако такого рода сомнения может быть также отброшено. Расположение этого коро-

примерно в два раза превышающей обычную цену тех лет. Таким образом, это не представляло для нации такой уже чрезмерной дороговизны. Во время голода в 1693 и 1694 гг. зерновые хлеба стоили в Англии половину того, что они стоили во Франции, хотя Англия начала *экспортировать зерновые хлеба всего за три или четыре года до этого*. До того как Англия стала заниматься экспортом, она часто страдала от чрезмерной дороговизны зерновых хлебов, от которой мы получали выгоду благодаря свободной торговле зерновыми, которая была разрешена во времена царствования Генриха IV, Людовика XIII и в первый период царствования Людовика XIV. Изобилие и хорошие цены поддерживали богатство нации. Средняя цена на зерновые хлеба часто достигала во Франции 25 ливров и выше в наших современных деньгах, что создавало за год в королевстве новые богатства на сумму в три миллиарда. В деньгах того времени это составляло примерно 1200 миллионов. Это богатство уменьшилось в настоящее время на пять шестых. Однако экспорт не должен быть неограниченным. Необходимо, чтобы он, как это имеет место в Англии, запрещался в том случае, если цены на зерновые хлеба стали бы превышать определенный предел, установленный законом. Англия недавно испытала дороговизну на зерновые хлеба, потому что это правило было нарушено в результате всяких злоупотреблений и монополий в торговле, которые были допущены государством и которые всегда приводят к очень печальным последствиям в государстве, прибегающем к таким неблагоприятным средствам. В результате нации пришлось испытать дороговизну на зерновые хлеба, от которой ее предохранял экспорт на протяжении больше чем шестидесяти лет. Во Франции периоды голодов наступают чаще потому, что экспорт зерновых хлебов чаще всего бывал запрещен и поэтому изобилие продукции было настолько же невыгодно для фермеров, насколько наступление голода было печально для народа. Попытки запретить во время наступления голода торговлю зерновыми хлебами между провинциями под предлогом облегчить голод в действительности приводят только к злоупотреблениям, которые увеличивают нищету и разрушают сельское хозяйство, а также поглощают доходы королевства,

левства, порты и реки, пересекающие его во всех направлениях, обладают всеми преимуществами для развития торговли. Все благоприятствует транспортировке и сбыту ее товаров. Успехи развития сельского хозяйства будут способствовать восстановлению численности населения и росту его благосостояния. Потребление всякого рода продукции как сельскохозяйственной, так и промышленной, которое будет увеличиваться с ростом численности населения, оставит только небольшой избыточный продукт, который можно будет продать за границу. Правда, можно было бы опасаться плодородия колоний Америки и развития сельского хозяйства в Новом Свете, но качество зерновых в Франции настолько превосходит качество зерновых, производимых в этих и даже в других странах, что нам не приходится опасаться равного соотношения сил в конкурентной борьбе. Они производят меньше муки, и она значительно уступает нашей по качеству. Мука колоний, перевезенная через море, легко портится и может храниться лишь очень короткое время. Ей предпочитают муку, экспортируемую Францией, ибо она является более выгодной, из нее выпекается лучший хлеб и она может сохраняться более длительное время. В связи с этим наши зерновые хлеба и наша мука всегда будут продаваться за границей лучше. Другое соображение, которое должно нас успокоить, заключается в том, что сельское хозяйство колоний не может увеличивать своей продукции без того, чтобы не увеличивалось пропорционально население колоний и потребление в них. Таким образом, избыточный продукт колоний не сможет возрасти в результате развития их сельского хозяйства.

Недостаток в сбыте и обесценение наших товаров, разоряющие наши провинции, являются результатом только нищеты нашего народа и помехами, которые ставятся развитию торговли нашей продукцией. У нас покойно относятся к тому, что во многих провинциях товары не находят сбыта и совершенно обесцениваются. Эти недостатки объясняют отсутствием богатых людей, которые покинули провинции, для того чтобы находиться при дворе и в крупных городах. При этом считают, что положение может быть исправлено, если епископы, губернаторы провинций и все те, кто по своему положению должны были бы находиться в этих провинциях, расхо-

довали бы свои доходы на их территории. Но эти соображения являются весьма неубедительными. Неужели непонятно, что это никак не может привести к увеличению потребления в королевстве, а будет означать только перемещение этого потребления из места, где оно производится расточительно, в другие места, где оно будет производиться с экономией. Таким образом, эта мера не только не приведет к увеличению потребления в королевстве, но будет иметь своим результатом уменьшение этого потребления. Увеличение возможностей сбыта может быть достигнуто только в результате развития экспорта и внутреннего потребления, которое наряду с продажей за границу поддерживает цены на товары.

Для того чтобы лучше уяснить преимущества торговли зерновыми с границей, необходимо сделать несколько основополагающих замечаний о торговле вообще и главным образом о торговле промышленными сельскохозяйственными товарами. Что же касается посреднической торговли, то она заключается лишь в том, чтобы покупать для перепродажи, и может служить занятием только для некоторых небольших государств, которые не имеют других источников, кроме торговли. Такого рода посредническая торговля с границей не заслуживает никакого внимания в большом королевстве. Поэтому мы ограничимся сопоставлением преимуществ двух других основных видов торговли, для того чтобы определить, который из них представляет больший интерес.

Правила экономического управления .

I. Труд в промышленности не увеличивает богатств

Труд в сельском хозяйстве возмещает издержки, оплачивает рабочих, занятых возделыванием земли, доставляет доход земледельцу и, кроме того, производит доходы земельной собственности. Те, кто покупают изделия промышленности, оплачивают произведенные затраты, рабочую силу и прибыль торговца; но сверх этого в таких изделиях не производится никакого дохода.

Все затраты на производство изделий промышленности покрываются за счет доходов, получаемых от земельной собственности, так как работы, которые не произво-

дят никакого дохода, могут производиться только за счет богатств тех, кто их оплачивает.

Сравните заработок рабочих, производящих изделия промышленности, с заработком рабочих, которых земледелец использует для сельскохозяйственных работ. Вы найдете, что заработок того и другого ограничивается средствами их существования и никак не может служить источником увеличения богатства. Ценность изделий промышленности пропорциональна ценности средств существования, которые потребляются рабочим и торговцем. Иначе говоря, ремесленник потребляет столько средств существования, сколько он производит в результате своей работы.

Таким образом, при производстве изделий промышленности не происходит никакого увеличения богатств, поскольку ценность этих изделий увеличивается только в зависимости от цен на средства существования, которые потребляются рабочими, производящими промышленные изделия. Крупные состояния торговцев также не должны рассматриваться иначе, как с этой точки зрения. Они представляют собою крупные торговые предприятия, которые как бы объединяют вместе заработки, соответствующие заработкам многих мелких торговцев. Точно таким же образом крупные предприятия образуют крупные состояния в результате объединения небольших прибылей, которые извлекаются из работы большого числа рабочих. Все эти предприниматели составляют крупные состояния только потому, что другие лица производят расходы. Таким образом, при этом не происходит никакого роста богатств.

Богатство — это источник средств существования для людей. Промышленность обрабатывает их для того, чтобы люди могли ими пользоваться. Землевладельцы, для того чтобы иметь возможность пользоваться изделиями промышленности, оплачивают труд, затрачиваемый в промышленности, и таким образом их доходы поступают ко всем другим людям.

Численность людей увеличивается в соответствии с ростом доходов, получаемых от земельной собственности. Одни способствуют созданию богатств в сельском хозяйстве, другие заняты обработкой их, для того чтобы ими можно было пользоваться. А те, кто пользуются ими, оплачивают как тех, так и других.

Таким образом, необходимо наличие земельной собственности, людей и богатств, для того чтобы располагать богатствами и людьми. Иначе говоря, государство, населенное одними лишь торговцами и ремесленниками, может существовать только за счет доходов от земельной собственности, получаемых за границей.

И. Труд в промышленности способствует росту численности населения и увеличению богатств

Если какая-либо нация получает от другого государства за счет продукции своей рабочей силы один миллион на товарах, произведенных ею, и если она продает за границу на один миллион продуктов своего земледелия, то и то и другое является для нее в одинаковой степени приростом богатств, в равной мере для нее выгодным, если только доходы от земледелия незначительны для того, чтобы содержать имеющееся в ней население, так как в этом случае часть людей может существовать, только если производимая ими продукция будет продаваться за границу.

При этих условиях нация извлекает из земли и из людей весь тот продукт, который может быть от них получен. Но она получает значительно больше в результате продажи на один миллион продуктов своего земледелия, чем в результате продажи на один миллион товаров, произведенных рабочей силой в промышленности, так как за эти изделия она получает цену труда ремесленника, а за продукты земледелия она получает цену труда, затраченного на возделывание земли, и цену продуктов, произведенных землею. Таким образом, при равенстве сумм, полученных за те и другие товары, торговля продуктами земледелия является всегда более выгодной. III.

III. Труд в промышленности, отвлекающий людей от обработки земель, наносит ущерб населению и росту богатств

Если какая-либо нация, продающая за границу на один миллион товаров, произведенных рабочей силой, занятой в промышленности, и на один миллион продуктов земли, не имеет достаточно людей, для того чтобы извлекать доходы из своей земельной собственности, то в этом случае она больше теряет на том, что люди заняты производством промышленных товаров, чем при-

обретает от продажи этих товаров за границу. Объясняется это тем, что люди могут заниматься производством промышленных товаров только в ущерб доходам, получаемым от земли, а продукт труда людей, занятых возделыванием земли, может в два и в три раза превышать продукцию промышленности, произведенную таким же количеством людей.

IV. Богатства земледельцев способствуют созданию богатств в сельском хозяйстве

Продукция, получаемая в сельском хозяйстве, может представлять для государства нуль или почти нуль, если земледелец не в состоянии производить затраты, необходимые для надлежащего ведения сельского хозяйства. Неимущий человек, который в результате своего труда извлекает из земли только малоценные продукты, такие, например, как картофель, гречиха и т. д., питается только произведенными им продуктами, ничего не покупает и ничего не продает, работает только на себя одного, — такой человек живет в нищете. Он и земля, которую он возделывает, не приносят ничего государству.

Таков результат нужды в провинциях, в которых отсутствуют земледельцы, имеющие возможность использовать в своем хозяйстве крестьян. Крестьяне в этих провинциях очень бедны и могут обеспечить себе только крайне плохое питание и плохую одежду.

Таким образом, использование людей в сельском хозяйстве может оказаться бесплодным в таком королевстве, где они не имеют необходимых средств для такой обработки земли, которая могла бы принести им богатые урожаи. Но доходы, получаемые от земельной собственности, будут всегда прочными в государстве, достаточно населенном богатыми земледельцами.

V. Труд в промышленности содействует увеличению доходов, получаемых с земельной собственности, а доходы с земельной собственности поддерживают промышленность

Если какая-либо нация в результате плодородия своей почвы и трудностей, связанных с транспортировкой товаров, ежегодно получает сверхизбыточное количество сельскохозяйственных товаров, которые не могут быть проданы соседним странам, но вместе с тем могли бы быть проданы им легко транспортируемые промыш-

Ленные товары, то в интересах этой нации было бы *привлечь* побольше фабрикантов и ремесленников, которые будут потреблять сельскохозяйственные товары, произведенные этой страной, а свои изделия будут продавать за границу и, таким образом, будут способствовать росту богатства нации своим потреблением и своими доходами.

Но такого рода разрешение подобной проблемы не является легким, так как фабриканты и ремесленники сосредотачиваются в какой-либо стране в пропорции, соответствующей существующим доходам нации. Это означает, что число фабрикантов и ремесленников в каком-либо государстве находится в определенной зависимости от числа землевладельцев и торговцев, могущих купить произведенные ими промышленные товары примерно по тем же ценам, по которым они их продавали прежде и которые будут обеспечивать им сбыт, по мере того как они будут производить свою продукцию. Это является совершенно невозможным для нации, которая не в состоянии сама обеспечить сбыт производимых ею товаров и у которой обесценение этих товаров приводит к тому, что производимых доходов оказывается недостаточно для создания мануфактур и использования имеющейся рабочей силы.

Такого рода проекты могут осуществляться только очень постепенно и медленно. Многие нации, пытавшиеся это сделать, не смогли ничего достигнуть в этом направлении. И, однако, это является единственной возможностью для правительства с пользой заняться проблемой развития промышленности в государстве, располагающем плодородными землями, ибо когда торговля продуктами земледелия осуществляется легко и свободно, то труд рабочей силы, занятой в промышленности, обеспечивается доходами, получаемыми с земельной собственности.

VI. Нация, имеющая развитую торговлю продуктами своего земледелия, всегда может поддержать во всяком случае для своих собственных нужд развитую торговлю товарами, произведенными рабочей силой в промышленности,

так как она всегда в соответствии с доходами, получаемыми ею от земельной собственности, может оплатить рабочих, производящих промышленные изделия, которые являются для нее необходимыми.

Таким образом, торговля промышленными изделиями осуществляется этой нацией в такой же мере, как и торговля продуктами земледелия.

VII. Положение нации, имеющей слаборазвитую торговлю продуктами своего земледелия и вынужденной для обеспечения своего существования заниматься торговлей промышленными товарами, является непрочным и ненадежным,

Так как ее торговля может быть захвачена другими, соперничающими с нею нациями, которые могут более успешно заниматься торговлей этими же самыми товарами.

К тому же такая нация всегда находится в зависимом положении от наций, занимающихся торговлей предметами первой необходимости. Она вынуждена осуществлять самую дорогую экономию, так как почти совсем не располагает доходами, которые могли бы быть ею израсходованы. Поддерживать и расширять свою торговлю, промышленность и судоходство такая нация может только за счет сбережений, в то время как нации, располагающие земельной собственностью, увеличивают свои доходы в процессе их потребления.

VIII. Обширная внутренняя торговля товарами промышленного происхождения может существовать только благодаря доходам, получаемым от земельной собственности

Необходимо исследовать соотношение, которое имеет место в королевстве, между внешней и внутренней торговлей промышленными изделиями. Если внутренняя торговля промышленными товарами составляла бы, например, три миллиона, а внешняя торговля — один миллион, то три четверти всей торговли промышленными товарами оплачивались бы (sic) доходами, получаемыми от земельной собственности нации, поскольку за граница оплатила бы только одну четвертую часть.

В этом случае доходы, получаемые от земельной собственности, составляли бы основное богатство королевства. Тогда главная забота правительства должна была бы заключаться в том, чтобы следить за поддержанием и увеличением доходов, получаемых от земельной собственности.

Средствами для достижения этого являются разрешение -свободной торговли и поддержание богатств земледельцев. Без наличия этих условий доходы, население и промышленное производство будут сведены на нет.

Сельское хозяйство производит два вида богатств:!
одна часть годовой продукции представляет собою доход, принадлежащий землевладельцам, а другая — воз-1
мещение затрат, произведенных в сельскохозяйственном[^]
производстве.

5

Доходы должны быть израсходованы для того, чтобы ежегодно происходило распределение их между всеми гражданами, и для того, чтобы выплачивались налоги государству.

Богатства, которые должны быть затрачены на расходы, производимые в сельском хозяйстве, должны быть оставлены земледельцам и должны быть освобождены от каких бы то ни было налогообложений. Если эти богатства не будут оставлены земледельцам, то это приведет к разорению сельского хозяйства, к прекращению заработков сельских жителей и к уничтожению источников доходов государства.

IX. Нация, располагающая большой территорией и снижающая цены на продукты своего земледелия для поощрения производства промышленных изделий, разоряет себя во всех отношениях,

так как, если земледелец не может возместить большие затраты, которых требует сельскохозяйственное производство, и если он ничего не зарабатывает, то это приводит к упадку сельского хозяйства. Нация теряет доходы, получаемые ею от земельной собственности. Производство промышленных изделий сокращается, так как они не могут больше оплачиваться землевладельцами, население страны уменьшается, что приводит к нищете и бегству фабрикантов, ремесленников, рабочих и крестьян, которые не могут существовать, если им не обеспечивается определенный заработок, источником которого являются доходы нации.

В этом случае могущество государства подрывается, богатства уничтожаются, налоги обременяют нацию сверх всякой меры и доходы государя сокращаются. Та-

кого рода плохо понимаемая политика вполне достаточна, чтобы привести к разрушению государства.

Х. Выгоды внешней торговли не заключаются в увеличении денежных богатств

Прирост богатств, происходящий в результате внешней торговли нации, не всегда представляет собою прирост денежных богатств, так как внешняя торговля с иностранными государствами может производиться путем обмена на другие товары, которые потребляются данной нацией. Но от этого богатство, которым эта нация пользуется, не перестает быть богатством; в целях экономии она имеет возможность превратить его в денежные богатства и использовать их для другого употребления,

К тому же продукты, рассматриваемые как товары, представляют в своей совокупности денежные богатства, причем богатства вполне реальные. Земледелец, продающий свое зерно торговцу, получает взамен его деньги, причем деньги эти служат ему для уплаты налога, для оплаты прислуги, рабочих и для приобретения товаров, служащих для удовлетворения его собственных нужд.

Торговец, продающий зерновые хлеба за границу и покупающий там другие товары или производящий непосредственный обмен одних товаров на другие, вновь продает по возвращении привезенные им товары и на полученные от этого деньги снова покупает зерно. Иначе говоря, зерновые хлеба, рассматриваемые как товар, представляют собою денежное богатство для продавцов и реальное богатство для покупателей.

Таким образом, продукты, которые могут быть проданы, должны всегда рассматриваться в государстве как денежные богатства и как реальные богатства, которыми подданные могут располагать так, как это им представляется нужным.

Богатства нации не определяются величиной денежных богатств. Денежные богатства могут увеличиваться или уменьшаться без изменения общего объема богатств нации, так как эти богатства всегда имеются в государстве или в виде непосредственной наличности или в виде товаров, находящихся в обращении, причем скорость их обращения зависит от изобилия этих товаров и от цен на них. Испания, пользующаяся сокровищами Перу, все-

гда истощена необходимостью обеспечить свои потребности. Изобилие же Англии основывается на ее реальных богатствах. Бумажные знаки, представляющие там деньги, имеют твердую ценность, которая обеспечивается торговлей, доходами, получаемыми от всего имущества нации.

Таким образом, богатство государства не определяется большими или меньшими размерами его денежных богатств. В связи с этим запрещения вывозить деньги из королевства, наносящие ущерб выгодной торговле, могут основываться только на вредных предубеждениях.

Для поддержания государства необходимы действительные богатства, иначе говоря, богатства, которые постоянно возобновляются, в которых всегда имеется потребность и которые могут быть всегда проданы для того, чтобы их можно было бы использовать для получения определенных удобств и удовлетворения своих потребностей.

XI. Состояние торгового баланса между различными нациями не может дать представления о выгодах, получаемых в результате торговли, и о богатстве каждой из наций

Одни нации могут быть более богаты людьми и земельной собственностью по сравнению с другими нациями, но зато эти последние могут иметь менее развитую внутреннюю торговлю, меньше потреблять и иметь более развитую внешнюю торговлю, чем первые.

К тому же некоторые из этих наций могут иметь более развитую посредническую торговлю, чем остальные нации. Торговля, возмещающая цену приобретения перепродаваемых этими нациями товаров, может занимать весьма значительное место в балансе таких наций, в то время как такого рода посредническая торговля далеко не приносит тех выгод, которые могут быть получены от меньшей по своему объему торговли других наций, продающих за границу продукцию своего собственного производства.

Торговля промышленными товарами также может ввести в заблуждения, ибо в цене этих товаров содержатся цены на сырье и издержки обработки, которые необходимо различать.

XII. О богатстве нации можно судить на основании сведений о внутренней и внешней торговле, но прежде всего по состоянию внутренней торговли

Если нация потребляет много продовольственных товаров по высоким ценам, то ее богатства будут пропорциональны количеству этих товаров и ценам на них. Эти самые товары будут представлять собою реальное богатство наций, если они будут произведены в изобилии и цены на них будут держаться на высоком уровне. Эти товары, будучи проданы, могут дать возможность удовлетворить любую другую потребность, которая может неожиданно возникнуть. Таким образом, достаточно располагать наличием таких товаров, для того, чтобы обладать реальным богатством.

XIII. Нация не должна завидовать торговле соседних с нею стран, если она извлекает из своей земли, своих людей и из своего судоходства продукты наилучшего качества,

так как она ничего не сможет предпринять, руководствуясь недоброжелательными намерениями в отношении торговли своих соседей, без того, чтобы не внести беспорядок у себя и не нанести себе ущерб, особенно в том случае, если у нее с этими странами налажена взаимная торговля. Таким образом, торговые нации, соперничающие и даже враждующие между собою, должны больше заботиться о поддержании и расширении, если это возможно, своей собственной торговли, чем стараться нанести вред торговле других наций. Они даже должны поощрять торговлю других наций, так как взаимная торговля между нациями поддерживается богатствами, которыми располагают как продавцы, так и покупатели.

XIV. Во взаимной торговле нации, продающие товары более необходимые или более полезные, имеют преимущества перед теми, кто продает предметы роскоши

Нация, располагающая земельною собственностью, которая обеспечивает ей возможность торговли продуктами своего земледелия, а в связи с этим и возможность внутренней торговли изделиями промышленности, является совершенно независимой от других наций. Она

*

топругет с этими нациями только для того, чтобы поддержать, облегчить и расширить свою внешнюю торговлю, и она должна настолько, насколько это возможно для сохранения своей независимости и своих преимуществ во взаимной торговле, не покупать у этих наций ничего, кроме предметов роскоши, а продавать им предметы первой необходимости.

Эти нации будут считать, что с точки зрения реальной ценности всех их товаров такого рода взаимная торговля является для них наиболее предпочтительной. Однако преимущество всегда будет у той нации, которая продает наиболее полезные и необходимые товары, так как при этом положении внешняя торговля данной нации будет основываться на самых насущных потребностях других наций. Данная нация будет продавать другим нациям только свой избыточный продукт, а покупаемые ею товары будут служить для удовлетворения потребностей в роскоши. Эти нации больше заинтересованы в том, чтобы продать данной нации свои товары, чем она — купить товары у них, и ей гораздо легче отказать от предметов роскоши, чем другим нациям урезать себя в удовлетворении своих самых насущных потребностей.

Необходимо также заметить, что государства, которые занимаются производством предметов роскоши, страдают от чрезвычайно резких перемен. Так, в неблагоприятное время торговля предметами роскоши совсем замирает и рабочие, занятые производством предметов роскоши, остаются без работы и без хлеба.

Франция в состоянии, при условии «разрешения свободной торговли, в избытке производить предметы первой необходимости, количество которых было бы вполне достаточно для полного удовлетворения потребностей страны и для значительной по своим размерам внешней торговли, а также для поддержания в королевстве значительной торговли промышленными товарами.

Но положение с населением Франции не дает возможности отвлечь большое количество людей для производства предметов роскоши, и для Франции было бы выгодно в целях облегчения своей внешней торговли продуктами земледелия поддерживать взаимную торговлю с заграницей путем приобретения у иностранных государств предметов роскоши.

К тому же Франция не должна гнаться за всеобъемлющей внешней торговлей. Она должна отобрать для внешней торговли несколько видов продукции, менее важных для остальных отраслей производства, которые являются для нее наиболее выгодными и которые должны способствовать увеличению доходов, получаемых от земельной собственности королевства.

Однако при этом необходимо, чтобы вся торговля осуществлялась свободно и торговцы могли выбрать те отрасли внешней торговли, которые являются для них наиболее прибыльными и надежными.

Правительство может ограничиться наблюдением за возрастанием доходов королевства, не стесняя развитие промышленности, и предоставить самим производителям выбрать выгодное для них помещение средств:

созданием условий для возрождения сельского хозяйства посредством развития торговли в провинциях, в которых имеет место обесценение продуктов;

устранением запрещений и препятствий, наносящих ущерб развитию внутренней торговли, а также взаимной торговле с границей;

отменой или уменьшением чрезмерных речных и дорожных сборов, сводящих на нет доходы отдаленных провинций, реализация продуктов которых требует их предварительной длительной транспортировки. Те, кому поступают эти речные и дорожные сборы, будут вполне компенсированы своей долей в возросшем объеме всех доходов королевства.

Не менее необходимой является отмена всякого рода привилегий, присвоенных провинциям, городам, общинам, которые используются ими в своих узких интересах.

Очень важным является также улучшение путей сообщения и условий транспортировки товаров посредством исправления дорог и развития судоходства на реках*.

* Сельские дороги или сообщение с¹ большими дорогами, городами и рынками почти во всех провинциях или совсем отсутствуют, или находятся в очень плохом состоянии, что является весьма серьезным препятствием для развития торговли. Между тем представляется, что это препятствие могло бы быть устранено на протяжении небольшого количества лет, если землевладельцы слишком заинтересованы в сбыте продуктов, которые производятся

Очень важно, кроме того, еще не дать подчинить торговлю продуктами в провинциях всякого рода произвольным и неопределенным разрешениям и запретам, которые разоряют деревни под обманчивым предлогом необходимости обеспечения изобилия в городах. Существование городов основывается на расходах, производимых землевладельцами, которые в них обитают. Поэтому уничтожение доходов, получаемых от земельной собственности, не может привести ни к улучшению положения городов, ни к улучшению положения всего государства.

Руководство доходами нации не должно быть представлено на усмотрение низшим властям.

Экспорт зерна не должен ограничиваться специально выделенными для этого провинциями, так как эти провинции окажутся истощенными прежде, чем другие провинции смогут пополнить их запасы. И может получиться так, что жители в течение нескольких месяцев окажутся обреченными на голод, который вполне основательно будет приписываться экспорту.

Но когда свобода экспортировать станет повсеместной, то вывоз зерна для экспорта уже не будет так ощущаться, ибо торговцы будут вывозить его из всех частей королевства и прежде всего из провинций с низкими ценами на зерно.

их землями, для того чтобы не захотеть участвовать в расходах по исправлению дорог. Для них можно было бы установить совсем небольшой налог в размере одного су с одного ливра налога, выплачиваемого их фермерами и от которого фермеры и крестьяне не имеющие земли, были бы освобождены. Дороги, подлежащие исправлению определялись бы господами интендантами в каждом округе после обсуждения этого вопроса с жителями, и затем производство этих работ могло бы быть поручено специальным порядчикам. Сначала надо было бы исправить все самые непроходимые места, а затем последовательно были бы улучшены и все остальные дороги. Затем на фермеров и на крестьян следовало бы возложить обязанность поддерживать их в надлежащем порядке. Так же могли бы быть при помощи провинций приведены в порядок реки, которые могли бы быть сделаны судоходными. Имеются провинции, настолько хорошо понимающие пользу, приносимую такими работами, что они сами обратились с просьбой разрешить им произвести соответствующие расходы. Однако средства, которые были предназначены для этого, были использованы для других нужд государства и эти печальные результаты свели на нет намерения, такие полезные для блага государства.

Таким образом, уже не будет больше провинций, в которых продукты были бы обесценены. Сельское хозяйство повсюду будет возрождено в соответствии с возможностями сбыта.

Прогресс торговли и сельского хозяйства идут рука об руку, и экспорт забирает только ту часть продукции, которая является избыточной и которой вообще не было бы, если бы не было экспорта; она постоянно поддерживает изобилие и увеличивает доходы королевства.

Этот рост доходов приводит к увеличению населения и потребления, ибо увеличение расходов приводит к увеличению заработков, которые привлекают людей. В результате такого прогресса какое-либо королевство может достигнуть за короткий срок высокого уровня процветания и могущества. Таким образом, в результате применения совсем простых средств государь может на территории своего собственного государства достичь гораздо более выгодных побед, чем те, которых он мог бы достичь над своими соседями. Такого рода прогрессы бывают очень быстрыми. Так, при Генрихе IV королевство, истощенное, перегруженное долгами, на протяжении короткого времени превратилось в страну изобилия и богатства. (См. статью «Налоги».)

Замечания о необходимости богатств для производства зерна

Никогда не надо забывать, что такое состояние процветания, которого мы хотим достичь, будет в значительной мере меньше результатом труда земледельца, чем результатом тех богатств, которые он сможет вложить в сельскохозяйственное производство. Богатые урожаи получают в результате удобрения земли навозом; для приобретения же скота и оплаты людей, занимающихся уходом за ним, нужны деньги. Мы уже видели при предшествующем подробном рассмотрении, что затраты на тридцать миллионов арпанов земли, занятые мелкими хозяйствами, составляют всего лишь 285 миллионов, а те, которые необходимо было бы сделать для тридцати миллионов арпанов земли, занятых крупными хозяйствами, земли которых обрабатывались бы надле-

жащим образом, должны были бы составить 710 миллионов. Но в первом случае продукции было бы произведено всего 390 миллионов, а во втором случае — 1378 миллионов. Еще большие по своим размерам затраты дали бы еще большие результаты. Затраты на приобретение скота и на содержание людей, необходимых для ухода за ним, также доставляют продукцию, которая является не менее значительной, чем продукция урожая.

Между тем плохо поставленное сельское хозяйство требует большой работы. Но так как земледелец не в состоянии произвести необходимые расходы, то его труд не дает надлежащих результатов; он изнемогает, а глупые буржуа объясняют его неуспехи ленью. Они, без сомнения, полагают, что земледельцу достаточно не оставлять в покое землю, для того чтобы заставить ее приносить хорошие урожаи, и остаются очень довольны, когда бедному человеку, не имеющему занятий, говорят: «Иди обрабатывать землю». Между тем земля должна обрабатываться лошадьми, волами, но не людьми. Стада должны ее удобрять. Без этого земля плохо вознаграждает труд земледельца. Не известно ли к тому же, что земля никогда не представляет авансов и, наоборот, что она заставляет долго ждать урожаев? Какова же может быть участь этого неимущего человека, которому говорят— «иди обрабатывать землю»? Может ли он заниматься сельским хозяйством за свой собственный счет? Найдет ли он работу у фермеров, если они сами бедны? Такие фермеры, будучи сами не в состоянии производить затраты, которых требует надлежащее ведение сельского хозяйства, и не имеющие возможности оплатить прислугу и рабочих, не могут также обеспечить занятие крестьянам. Земля без удобрений почти не может быть возделана и оставляет томиться в нужде как тех, так и других.

Необходимо также заметить, что все обитатели королевства должны использовать преимущества хорошей организации сельского хозяйства, для того чтобы обеспечить себя и доставить большие доходы государю. Именно увеличивая доходы землевладельцев и прибыли фермеров, сельское хозяйство при хорошей его постановке обеспечивает заработок всем остальным категориям населения и поддерживает потребление и расходы,

которые в свою очередь поддерживают сельское хозяйство.

Но если налоги, установленные государством, взимаются с самих земледельцев, если в результате этого изымаются их прибыли, то сельское хозяйство начинает приходить в упадок, а доходы землевладельцев сокращаются. Отсюда возникает неизбежное сокращение расходов, которое распространяется на служащих, торговцев, рабочих, прислугу. Общая система расходов труда, заработков и потребления нарушается. Государство ослабевает, налогообложение становится все более и более разрушительным. Таким образом, какое-либо королевство может находиться в состоянии расцвета и быть могущественным только в том случае, если производство его постоянно возобновляется или продукция его постоянно возрождается на основе богатства, принадлежащего многочисленному и деятельному народу, промышленность которого поддерживается и поощряется правительством.

Распространено представление о том, что если как-либо действия правительства приводят к разорению того или иного частного лица, то это не имеет якобы значения для благополучия всего государства в целом. Утверждают, что если кто-либо становится богатым за счет других, то общий размер богатства в королевстве от этого не изменяется. Между тем такое представление является неправильным и абсурдным, так как богатства государства поддерживаются не сами собою, а сохраняются и увеличиваются только по мере того, как они возобновляются в результате их целесообразного использования. Если земледелец будет разорен каким-либо ростовщиком, то доходы королевства при этом будут сведены на нет, торговля и промышленность замрут, рабочие останутся без работы, государь, землевладельцы, духовенство лишатся доходов; расходы и заработки уничтожатся, а богатства, запертые в сундуках ростовщика, останутся лежать, не принося никакой пользы, а если они будут ссужаться под проценты, то это только обременит государство. Необходимо поэтому, чтобы государство с самой большой заботой относилось к сохранению у всех производительных профессий принадлежащих им богатств, необходимых им для производства продукции и увеличения богатств королевства.

Замечания по поводу населения, существование которого основывается на производстве зерновых культур

Наконец, необходимо иметь в виду, что продукция земли сама по себе еще не представляет богатства. Она является богатством только в том случае, если она необходима людям и может быть продана. Таким образом, продукция земли является богатством только при условии, что она может быть потреблена и что имеется определенное число людей, которые испытывают в ней потребность. Каждый человек, живущий в обществе, не занимается производством всего того, в чем он испытывает потребность. Но продавая то, что он производит, он доставляет себе то, что ему необходимо. Таким образом, все становится предметом для продажи, все становится богатством в результате взаимной торговли, существующей между людьми. Если число людей в каком-либо государстве сокращается на одну треть, то богатства при этом должны сократиться на две трети, потому что расходы и продукция, производимые каждым человеком, образуют двойное богатство для общества. Сто лет тому назад в нашем королевстве насчитывалось около двадцати четырех миллионов человек. После сорока лет непрерывных войн и после отмены Нантского эдикта численность населения все еще составляла девятнадцать с половиной миллионов человек. Но разорительная война за наследование испанской короны, сокращение доходов королевства, вызванное стеснениями в области торговли и системой произвольного налогообложения, нищета деревни, побег за пределы королевства, приток прислуги в большие города в результате нищеты и стремления уклониться от отбывания воинской повинности, где семейная жизнь подменялась развратом, беспорядочная роскошь, расходы на которую пытались компенсировать экономией за счет сокращения рождаемости, — все эти причины заставляют считать правильным мнение тех, кто предполагает, что современная численность населения составляет всего лишь шестнадцать миллионов. В деревнях имеется очень большое количество людей, вынужденных ограничиваться в своем питании гречихой и другими дешевыми видами зерна. Эти люди так же мало приносят государству пользу своей работой, как и своим потреблением. Крестьянин может быть полезен в деревне

только в той мере, в какой он производит и получает от этого доход, и в той мере, в какой его потребление хороших пищевых продуктов и хорошей одежды содействует поддержанию на определенном уровне цен на продовольственные товары и доходов от земельной недвижимости, а также увеличивает заработки фабрикантов и ремесленников, которые могут выплачивать королю налог в соответствии с размерами произведенной продукции и получаемых доходов.

Таким образом, необходимо иметь в виду, что если нищета будет возрастать или если королевство потеряет еще несколько миллионов человек, то имеющиеся в настоящее время богатства уменьшатся в соответствующей степени и другие нации извлекут двойную выгоду из этого бедствия. Если же численность населения сократится наполовину от той, которой она должна быть, т. е. от той, которой она была сто лет тому назад, то королевство окажется совершенно опустошенным. Останутся только отдельные города или отдельные торговые провинции, в которых будут иметься жители, все остальное королевство будет находиться в состоянии полного запустения. Земельная собственность не будет больше производить доходы. Свободная земля будет иметься всюду в избытке, и ею сможет пользоваться каждый, кто только захочет без необходимости иметь дело с землевладельцами и платить кому-нибудь за пользование ею.

Земли, напоминая, представляют собою богатства только потому, что их продукция является необходимой для удовлетворения потребностей людей. Таким образом, чем больше людей имеется в королевстве с обширной и плодородной территорией, тем большими богатствами располагает такое королевство. И именно сельское хозяйство, развивающееся под воздействием потребностей людей, является наиболее обильным источником удовлетворения этих потребностей и главной основой существования населения. Оно доставляет предметы, необходимые для удовлетворения наших потребностей, и обеспечивает получение доходов государю и землевладельцам. Население увеличивается в гораздо большей степени в результате роста доходов и расходов, чем в результате его естественного прироста.

Замечания по поводу цен на зерно. Доходы создают возможность увеличения расходов, а расходы привлек

кают людей, ищущих заработок. Люди покидают свое отечество, для того чтобы разделить обеспеченную жизнь какой-нибудь богатой нации. Приток иностранцев еще более увеличивает богатство этой нации, поддерживая в результате увеличения потребления на достаточно высоком уровне цены на сельскохозяйственную продукцию и способствуя этим производству сельскохозяйственных продуктов в изобилии. Надо иметь в виду, что высокие цены не только способствуют развитию сельского хозяйства, но являются его необходимым условием. Так, стоимость одного сетея зерновых хлебов, рассматриваемая как богатство, заключается только в его цене. Таким образом, чем больше имеется зерновых хлебов, вина, шерсти, скота и чем выше цены на них, тем больше богатств имеется в государстве. Обесценение в сочетании с изобилием совсем не является богатством. Дороговизна в сочетании с крайним недостатком — это нужда. Изобилие в сочетании с высокими ценами представляет собою богатство.

Я имею в виду постоянные дороговизну и изобилие, так как временная дороговизна не приведет ко всеобщему распределению богатств в пределах всей нации, она не увеличит ни доходов землевладельцев, ни доходов короля. Она принесет выгоду только некоторым частным лицам, имеющим продовольственные товары, которые они смогут продать по высоким ценам.

Таким образом, продовольственные товары могут представлять собой богатство для всей нации лишь в том случае, если они постоянно имеются в изобилии и если цены на них постоянно поддерживаются на достаточно высоком уровне — все это в результате надлежащей постановки сельского хозяйства, больших размеров потребления этих продовольственных товаров и разрешения внешней торговли. Необходимо также иметь в виду, что изобилие в сочетании с высокими ценами, которые остаются такими и в расчетах с границей, является очень большим богатством для этой нации, особенно если это богатство состоит из продуктов сельского хозяйства, производство которых в каждом государстве ограничено размерами территории, на которой она может быть произведена. Таким образом, подобная форма богатства при его изобилии и при высоких ценах составляет преимущество той нации, которая имеет его больше и может про-

давать другим. Ведь чем больше богатств может какое-либо государство обеспечить себе в виде денег, тем могущественнее оно будет и тем большими возможностями будут располагать отдельные частные лица, так как деньги — это единственная ценность, которая может быть использована для любых целей и которая определяет могущество наций по отношению друг к другу.

Нации всегда являются бедными в тех случаях, когда продукция страны, наиболее необходимая для существования, имеет низкую цену. Эти виды продукции являются наиболее важными и легко реализуемыми. Обесценение их может быть результатом только или недостаточной численности населения или отсутствия внешней торговли. В этих случаях источник денежных богатств исчезает для стран, лишенных преимуществ, связанных с торговлей, и в этих странах люди, вынужденные строго ограничиваться потреблением только самых необходимых для существования благ, не могут способствовать укреплению отечества. Именно в таком положении находятся наши провинции, в которых цены на продовольственные товары находятся на очень низком уровне и в которых изобилие продуктов сочетается с крайней бедностью. В этих провинциях самый усиленный труд и самая строгая бережливость не дают возможности получить деньги. Когда же цены на продукты стоят на высоком уровне и когда доходы и заработки возрастают в соответствующей пропорции, создается возможность разнообразить свои расходы, оплачивать долги, делать приобретения, обеспечивать будущее своих детей и т. д. Такие возможности связаны с созданием определенного уровня зажиточности, который может быть достигнут в результате высоких цен на продукты. Вот почему города и провинции какого-либо королевства, цены на продукты в котором являются высокими, оказываются более населенными, чем города и провинции в королевстве с очень низкими ценами на эти продукты, так как низкие цены уменьшают доходы, сокращают расходы, разрушают торговлю, уничтожают заработки всех других видов профессий и лишают работы и заработка ремесленников и рабочих. Больше того, они лишают короля его доходов, так как основную часть торговли предметами потребления составляет торговля продовольственными товарами и никак не содействует денежному обращению, в резуль-

тате чего Король лишается налогов, поступающих от торговли продовольственными товарами, и очень мало получает доходов от земельной собственности.

Если торговля является свободной, то дороговизна продуктов имеет свои пределы, определяемые ценами на эти же товары, существующие у других наций, которые стремятся распространить свою торговлю повсюду. Иначе обстоит дело с обесценением или с дороговизной продовольственных товаров, которые являются результатом запрещения свободной торговли. Они чередуются друг с другом совершенно беспорядочно и как обесценение, так и дороговизна являются одинаково вредными и зависят почти всегда от недостатков, допускаемых в управлении страной.

Обычная хорошая цена на зерновые хлеба, которая обеспечивает государству большие доходы, не может нанести ущерб низшим слоям населения. Один человек потребляет три сесте зерновых хлебов. Если в связи с более высокими ценами на зерновые хлеба он будет покупать каждое сесте на четыре ливра дороже, то при этом его ежедневные расходы возрастут самое большее на одно су. Правда, его заработная плата должна будет соответствующим образом увеличиться, но это увеличение не будет иметь никакого значения для тех, кто ему ее выплачивает, в сравнении с теми богатствами, которые будут получены в результате высоких цен на зерновые хлеба. Таким образом, выгоды, получаемые от высоких цен на зерновые хлеба, никак не нарушаются необходимостью несколько увеличить заработную плату рабочих. Это могло бы иметь место лишь в том случае, если бы увеличение заработной платы рабочего приближалось по своим размерам к увеличению прибыли фермера, доходов землевладельцев, доходов, получаемых от десятины и доходов короля. Следует отметить также, что все это могло бы привести к удорожанию цены рабочей силы, занятой в промышленности, самое большее на одну двадцатую или даже на одну сороковую. Между тем мануфактуры неблагоприятно настаивали на запрещении экспорта наших зерновых хлебов, что нанесло государству огромный ущерб. К тому же совершенно нецелесообразно приучать народ покупать зерновые хлеба по слишком низким ценам, так как в результате этого он становится менее трудолюбивым, он привыкает

обеспечивать себя хлебом, производя для этого совсем небольшие затраты, и становится ленивым и нахальным. Земледельцы с трудом находят себе рабочих и прислугу, причем особенно плохо обслуживаются они в урожайные годы. Очень важно, чтобы низшие слои населения зарабатывали больше и чтобы они были вынуждены больше зарабатывать. В прошлом веке, когда зерновые хлеба продавались по гораздо более высоким ценам, народ привык к этим ценам и соответствующим образом зарабатывал. Он должен был быть более трудолюбивым и жил в довольстве.

Необходимо также заметить, что здесь под высокими ценами понимаются не какие-то чрезмерно высокие цены, а обычные цены, по которым производится торговля между нами и границей.

Те, кто рассматривают распределение богатств не во всем его объеме, могут возразить, что дороговизна выгоднее только продавцам и что она приводит к обеднению тех, кто покупает, и что таким образом дороговизна уменьшает богатства одних настолько же, насколько она увеличивает богатства других. Дороговизна, согласно этим идеям, не может, таким образом, ни в коем случае привести к увеличению богатств государства.

Но дороговизна и изобилие продуктов сельского хозяйства не увеличивают ли прибыли земледельцев, доходы короля и землевладельцев и прибыли, получаемые в виде десятины? Эти богатства не увеличивают ли в свою очередь расходы и заработки? Рабочий, ремесленник, владелец мануфактур и т. д. не заставляют ли оплачивать свое время и свои изделия в соответствии с издержками их существования? Чем больше доходов в государстве, тем более становятся необходимыми прибыльная торговля, промышленность, искусства, ремесла и другие профессии. Но такой расцвет может иметь место только при наличии высоких цен на продовольственные товары. Когда правительство задерживает сбыт продукции земли и приводит к снижению цен на нее, оно препятствует созданию изобилия и уменьшает богатства нации соответственно тому, насколько снизились цены на сельскохозяйственные продукты, которые должны быть превращены в деньги.

Это состояние изобилия при высоких ценах существовало в нашем королевстве до тех пор, пока производи-

1

мые нами зерновые являлись предметом торговли, пока наше сельское хозяйство поощрялось, а население было многочисленным. Но стеснения в области торговли, существующая форма взимания налогов, нерациональное использование людей и богатств в мануфактуре по производству предметов роскоши, постоянные войны и другие причины, приведшие к обезлюдению и нищете, уничтожили все эти преимущества. И в настоящее время государство ежегодно теряет три четверти продукции зерна, которые оно получало сто лет тому назад, не говоря о других тозарах, что является неизбежным результатом огромной деградации сельского хозяйства и населения.

НАСЕЛЕНИЕ

Могущество государства составляют люди: благодаря их потребностям растут богатства; чем больше народы увеличивают продукцию, в которой они нуждаются, и чем больше они её потребляют, тем они становятся богаче. Без пользования и потребления продукция была бы бесполезна. Именно потребление делает ее предметом торговли и поддерживает цены; хорошие цены и большое количество продуктов создают доходы или ежегодный прирост народного богатства. Таким образом, увеличивая продукцию и потребляя ее, люди сами оказываются первым созидательным началом своих богатств Ч

Таким образом, от использования труда людей и от роста населения зависит сохранение и увеличение богатств наций, постоянно возрождающихся и возобновляющихся. Поэтому состояние народонаселения и использование труда людей представляют главный объект экономической политики государств. Ведь от человеческого труда и от усердия людей зависит плодородие земель, продажная цена продукции и правильное пользование денежными богатствами. Таковы четыре источника изобилия, и они соревнуются между собой в своем росте. Но они могут действовать только при правильной защите правительством как людей, так собственности и продукции. Бездействующие денежные богатства слу-

жат явным доказательством каких-то пороков в управлении, свидетельствуют о подавлении народа и его упадке.

Состояние народонаселения

Население в стране увеличивается по мере того, как растут доходы нации, потому что доходы доставляют зажиточность и выгоды, привлекающие людей и сохраняющие их; но только при таком применении труда людей, которое соответствует природным преимуществам страны, нация может увеличить свои доходы.

Г Благодаря географическому положению, пересекающим ее судоходным рекам, благодаря своей большой площади и плодородной почве, отсутствию у ее соседей некоторых продуктов, которыми она изобилует, Франция может занять множество людей в земледелии и во внешней торговле², которые представляют источник восстаивающихся богатств и доходы наций.

Считают, что население королевства достигало сто лет тому назад 24 миллионов человек. Но, по исчислению 1701 г., оно сократилось до 19 500 тысяч вследствие увеличения армии, почти постоянных войн, которые мы вели, и отмены Нантского эдикта³.

Исследуя численность населения после этого года, мы обнаруживаем, что оно снова сильно уменьшилось вследствие войны за испанское наследство, которую Франция вела с большими армиями в течение 12 лет. Она содержала как на море, так и на суше по крайней мере 400 тысяч войска, к которым надо прибавить 200 тысяч человек, обслуживавших армию, что составляет 600 тысяч человек. А это на 400 тысяч больше, чем армия Франции сто лет тому назад. Исходя лишь из этого, мы видим, что требовалось каждый год более 100 тысяч человек, чтобы покрыть потери, причиненные этой разрушительной войной. В течение 12 лет нация потеряла, сверх того, по крайней мере миллион взрослых людей и лишилась соответствующего прироста, который был бы от них получен.

Основываясь на ходе воспроизведения населения, можно считать, что каждая пара, состоящая из мужчины и женщины, имела бы по крайней мере двух детей, которые достигли бы брачного возраста, и нескольких

Детей, умерших до наступления его. Таким образом, эти мужчина и женщина и их дети, живущие одновременно, составили бы семью по крайней мере в четыре человека. Гибель миллиона человек с их приростом означает уменьшение народонаселения на 4 миллиона человек.

Наше население, составлявшее 19 500 тысяч человек по исчислению 1701 г., сократилось вследствие войны за испанское наследство примерно до 15 500 тысяч человек, т. е. уменьшилось в предшествующее царствование приблизительно на одну треть, или на 8 миллионов человек. Благодаря победам Людовика XIV королевство приобрело около 500 или 600 тысяч человек. Следовательно, население с тех пор не увеличилось. Мы, правда, пользовались миром в течение 18 или 20 лет, но в продолжение примерно 26 лет мы вынуждены были содержать почти постоянно многочисленную армию, так что без приобретения Лотарингии, население которой составляет около одной пятой всего населения королевства, наше население сократилось бы очень сильно. Но и сегодня считается, что во Франции, включая Лотарингию, имеется около 4 миллионов семей *, что при среднем количестве в 4 души на каждую составляет примерно 16 миллионов человек.

Исходя из расчетов Управления общих откупов, каждая семья сводится к трем с половиной душам, так что 4 миллиона семей дают не более 14 миллионов человек. Но если учесть детей в возрасте 2 лет, то можно считать, что каждая семья состоит из 4 душ, так что 4 миллиона семей могут составить приблизительно 16 миллионов человек. Если включить новорожденных детей, то общее число достигло бы 24 миллионов, потому что из детей до двухлетнего возраста умирает больше одной трети. Но ведь мы изучаем народонаселение лишь с точки зрения производства, потребления и его прироста.

Маленькие дети могут учитываться лишь в отношении потребления, но до двухлетнего возраста их потребление представляет небольшой интерес. Тот, кто изучает наше население с точки зрения годового отношения рождений к смертям, должен пользоваться большей цифрой, чем мы, так как мы учитываем детей лишь с двухлетнего возраста. * 147

* « :Details du Royaume de France par M. Doisy», 1753.

Если исходить из расчетов Дюпре Де Сен-Мора и Бюффона относительно предположительной длительности жизни, то надо считать, что в возрасте от 2 до 16—17 лет умирает около одной четверти людей. Поэтому в жизни 16 миллионов человек, включая двухлетних детей, имеется 12 миллионов взрослых, в том числе 6 миллионов мужчин, 6 миллионов женщин и 4 миллиона детей разного возраста, начиная с 2 лет до 17⁴.

Судя по сельскохозяйственным работам, можно думать, что более половины мужчин и женщин живут в деревне; считается, что приблизительно 750 000 участков используются под культуру зерна и что не менее 2 миллионов взрослых мужчин заняты физическим трудом, в том числе обработкой этих участков. Можно предполагать, что эта отрасль требует не менее 1500 тысяч взрослых мужчин. Уход за скотом и виноградарством занимают приблизительно столько же. Прочие сельские работы, изготовление орудий и другие дела, относящиеся к этой отрасли, отправление церковных служб в приходах, постройка жилищ и других зданий и т. п. требует еще более одного миллиона, что доводит число взрослых мужчин до цифры в 4 миллиона с лишним. Если число их менее, что вполне вероятно, то восполнять недостающих должны женщины и дети и в таком случае работы производятся очень несовершенно. Но они будут производиться еще гораздо более несовершенно, если всякие виды трудовой повинности, притеснения и нужда приведут крестьян в упадок и если они так бедны, что не в состоянии оплачивать рабочих.

Итак, хотя наше земледелие находится в очень плохом состоянии, а площадь обрабатываемых земель составляет половину пригодных к обработке, оно все же должно занимать более половины жителей королевства. На торговлю, ремесла, юриспруденцию, искусства и науки, на мануфактуры, училища, монастыри и городских церковнослужителей, на строительство, на городских предпринимателей, на армию, извозное дело, военное и торговое судоходство и т. д. остается лишь около 2 миллионов взрослых мужчин.

Отсюда видно, что для такого большого государства, как Франция, население всего в 16 миллионов человек чрезвычайно мало, что из 60 миллионов арпанов пригодных к обработке земель половина остается в залежи, что

другая половина должна быть плохо обработана, особенно если в деревне не хватает средств для покрытия расходов, и что другие виды физического труда соответственно ограничены. Ведь промышленность может развиваться лишь на основе доходов, которые получают собственники и которые дает внешняя торговля продукцией ремесленного труда.

По исчислению Дюпре де Сен-Мора, в Париже живет 600 тысяч человек⁵, о чем можно судить по годовому потреблению пшеницы в этом городе, которое составляет приблизительно 81 250 мюид, или 975 тысяч сетье, включая хлеб, выпекаемый вне города. Оценивая в среднем потребление одного человека в полтора сетье, 975 тысяч сетье требуются для пропитания 650 тысяч человек. В это число включены иностранцы, систематически проживающие в Париже. Мука потребляется также детьми, не достигшими двухлетнего возраста. Правда, многие жители не живут в Париже весь год. Но зато потребление одного человека было оценено всего лишь в полтора сетье, что слишком мало, особенно для слуг и рабочих, составляющих три четверти населения Парижа. Таким образом, получается исходя из годового потребления пшеницы в Париже, что, включая детей двухлетнего возраста, число жителей не превышает 600 тысяч человек, из которых 450 тысяч взрослых и 150 тысяч детей разного возраста, начиная с 2-х и до 17 лет. Замечено, что это потребление было приблизительно таково же сто лет тому назад и что по исчислению, сделанному во времена кардинала Ришелье, в Париже считалось тогда 800 тысяч душ населения; таким образом, хотя сельское население сильно сократилось за сто лет, население Парижа не увеличилось. Так как в предположениях Сен-Мора учитываются лишь дети в возрасте 2 лет, то они согласуются с общим мнением, что население Парижа составляет 800 тысяч человек. Действительно, если прибавить всех детей, начиная с их рождения, то население может составить 800 тысяч человек, потому что с рождения до 2 лет умирает примерно треть детей. Если оценивать население Парижа по количеству смертей за год, которое достигает приблизительно 20 тысяч и которое считается равным одной сороковой всего числа населения, то все расчеты оказываются довольно близкими друг к другу ®.

Пропорция прироста населения приблизительно одинакова в Париже и в деревне. Распушенность нравов сильно сокращает число браков в Париже. Но в деревне матери кормят не только своих детей, но и детей буржуазии, поэтому они не могут рожать чаще, чем раз в три года. В итоге сокращение возможного прироста оказывается в обоих случаях равным.

В Париже рождается ежегодно 20 тысяч детей, что составляет одну тридцатую от 600 тысяч жителей; в таком случае 16 миллионов или все население должно ежегодно давать примерно 530 тысяч детей Из них умирает 290 тысяч, не достигнув возраста в 17 лет; таким образом, ежегодно остается лишь 240 тысяч, которые достигают 17 лет, причем из них около 120 тысяч мальчиков и 120 тысяч девочек.

Учитывая срок женского чадородия, можно считать, что за тридцать лет должно родиться столько же людей, сколько их вообще существует. Предполагая, что женщины выходят замуж в возрасте 20 лет, причем случаи, противоречащие этому предположению, вероятно, друг друга компенсируют, и что в 50 лет женщины утрачивают способность к деторождению, надо для поддержания численности населения на одном и том же уровне, чтобы за тридцать лет родилось столько же людей, сколько их вообще существует.

Хотя в Париже ежегодно рождается лишь около 20 тысяч детей и это систематическое размножение дает ежегодный прирост только в 9 тысяч взрослых мужчин и женщин, число ежегодно заключаемых в этом городе браков составляет около 4700. Итак, число лиц, ежегодно вступающих в брак, по крайней мере равно числу людей, ежегодно достигающих зрелого возраста, что как будто противоречит тому обстоятельству, что в Париже множество людей остается безбрачными. Но дело в том, что уроженцы Парижа, особенно мужского пола, составляют только малую часть тех, кто заключает браки в этом городе. Большое число горожан восполняется постоянно за счет провинций, откуда они приезжают устраиваться в Париж. Количество прислуги достигает 150 тысяч, а из них и восьмая часть не родилась в Париже. Две четверти лиц, имеющих самостоятельную профессию, являются уроженцами провинций Например, из 397 парламентских прокуроров не более 100 родились

в Париже *. Поэтому можно считать, что даже половина женившихся в Париже мужчин не родилась в этом городе. Замужние женщины, если исключить прислугу, по большей части уроженки Парижа, так как почти все поселяющиеся в этом городе мужчины женятся на его уроженках.

Надо еще заметить в связи с заключаемыми в Париже браками, что много вдовцов и вдов вступает там в новый брак; это еще подтверждает вывод о том, что из вступающих в Париже в брак мужчин даже половина не родилась в этом городе. Таким образом, население Парижа поддерживает свой уровень за счет провинций ⁷.

Причины сокращения или роста численности населения

Войны, безбрачие, низкая ценность продуктов питания, отсутствие средств для обработки земли, бедность народных низов препятствуют росту населения. Многочисленные армии, содержимые нацией, истощают государство, что совместно с чрезмерной суровостью церкви подрывает королевство.

Страна, в которой господствует нетерпимость, оказывается в очень невыгодном положении, если она окружена государствами сильными и терпимыми. Свобода религии привлекает людей и богатства. Исключительная религиозная нетерпимость заставляет их покидать свою страну и препятствует их возвращению. Оба эти условия мешают процветанию такого государства и содействуют благосостоянию стран, в которых господствует терпимость. Таким образом, нетерпимость постепенно разрушает государство и содействует росту богатств, населения и мощи его соседей.

Сила государства поддерживается сейчас его богатствами, а богатства создаются людьми, которые производят эти богатства, большие же армии губят как то, так и другое. Англичане, всегда руководимые расчетом, судят о силе своих противников по числу занятых людей

* См. список прокуроров в королевском альманахе,

и по их затратам: они обеспечивают себе успех постоянно увеличивая применяемые ими богатства; они не исходят в своих оценках из суммы денег, имеющих в государстве. «Мы должны, говорят они в своих работах о политике, считаться только с богатствами, которые непрерывно действуют, восстанавливаясь и возрождаясь, в торговле и сельском хозяйстве; наши постоянно возобновляемые богатства представляют для нас источник затрат, которые не могут нас разорить Мы ведем себя как богатые собственники, у которых мало наличных денег, но которые вследствие больших доходов всегда могут покрыть большие издержки. Наши армии не представляют собой отборную часть военной нации, наши солдаты воинственны за вознаграждение; наше правительство обеспечивает свои военные успехи не столько военными операциями, сколько нашими богатствами и политическими соглашениями. Мы почти всегда находимся в состоянии войны. Но наше государство не лишается своего благосостояния, не теряет своего престижа в Европе и своего господства на морях, оно не испытывает сокращения населения и уменьшения колониальных богатств. Мы заключали займы, чтобы упорно продолжать войну, но мы были вознаграждаемы выгодным мирным договором. Мы не имеем, как Франция, 12 или 15 миллионов денег в золоте и серебре, но мы также могли бы расширить свои денежные богатства, увеличив их сумму, ведь наша денежная масса могла бы быть пропорциональна размеру нашего королевства и численности нашего населения. Однако соотношение наших доходов и французских иное, чем денег, и наши доходы отнюдь не менее значительны, чем французские» *.

Сила государства действительно зависит от доходов, а не от денежной массы. Последняя редко достигает суммы, равной половине дохода. Поэтому расходы народа должны основываться не на ней, а на богатствах, ежегодно восстанавливаемых посредством доходов.

Если верно, как убедительно доказывают англичане, что английские доходы так же велики, как француз-

* «Journal économique», juin et juillet 1757, Avis économique d'Angleterre ⁸.

ские *, то из этого вытекает, что Англия богаче, так как страна, имеющая доход, равный доходу другой, но большей страны, относительно богаче, потому что она меньше тратит на администрацию, на укрепления, на обеспечение безопасности пограничных городов и потому что ее богатства служат потребностям меньшего количества населения: если каждый человек богаче, то и весь народ состоятельнее.

Население Англии, менее многочисленное, чем население Франции, едва достаточно для удовлетворения потребностей её флота, поэтому она не может иметь больших наземных армий. Но численность населения вообще не определяет вооруженной силы страны, армии соответствуют её доходам. Если эти армии превосходят возможности страны, то оказываются более опасными для нее, чем армии врага Англия считает себя тем более могущественной, что она мало нуждается в наземных войсках, что она поэтому освобождается от больших расходов и может производить затраты на другие виды обороны, более ей нужные.

Армии служат орудием обороны государства, но эта оборона находится в руках самого государства и зависит от его сил и его разума, т. е. от его богатств и от

* Считается, что население Англии составляет 7 миллионов человек, Шотландии — 2500 тысяч человек в Ирландии — 1500 тысяч человек. Наше население на 5 миллионов человек больше населения этих трех королевств. Зажиточность англичан вызывает большое потребление, что всегда служит показателем больших доходов. По этому признаку можно действительно судить об ежегодном воспроизводстве богатств у данного народа. Но Франция могла бы легко достигнуть такого же процветания своего населения и быстро увеличить его численность. Ее правительство, признавшее теперь правильность принципов Сюлли, не менее его озабочено тем, чтобы сделать королевство богатым. Выдержки из английских статей основаны на теперешнем положении с доходами во Франции и в Англии, их расчеты исходят из обложения земли, пропорционального доходу землевладельцев, а это обложение свидетельствует о доходе землевладельцев в 200 миллионов ливров. При этом авторы статей доказывают, что во Франции доходы с земель (составляющие примерно одну восьмую всей продукции, даваемой землей, включая затраты) не превышают эту цифру. Они считают, что торговля Англии в два раза превышает торговлю Франции. Они доказывают, что доходы с земель определяются не размером площадей, а способом обработки и ценой на продукцию. Очень убедительное доказательство тому дают Голландия и Зеландия. Обе они извлекают из своих 150 тысяч арпа-

его политических соглашений. Историк передает потомству рассказ о военных деяниях своей нации, он вызывает восторг читателей своим повествованием о военных подвигах; но если ему неизвестны экономические и политические ресурсы правительства, то книга его будет не столько поучительной, сколько занимательной; он даст историю войн, а не историю мирных договоров и причин, приведших к военным успехам.

Понятно, что солдаты и офицеры, не выдавшие ничего, кроме военных походов, думают, будто судьба народа зависит исключительно от успеха осад и битв. Они считают, что плотно населенная страна сильна, потому что она может выставить большое число бойцов, и что из дюжих крестьян получаются лучшие солдаты, чем из горожан. Но правительство более дальновидное не опустошает деревень и не истощает источники доходов государства, чтобы иметь средства против врага и содержать хороших генералов. О влиянии военного набора в деревнях на сокращение прироста населения можно судить по воздействию, которое оказывает постоянное ополчение, введенное в королевстве около тридцати лет тому назад. Первоначально это мероприятие казалось настолько удобным, что нелегко было заметить непоправимые потери, причиняемые им государству. В основе это ополчение состоит из 60 тысяч человек, которые замещаются каждые шесть лет, и из 20 тысяч человек, которые на протяжении этих же шести лет предназначены для восполнения потерь. В итоге это составляет 80 тысяч взрослых людей, которые не могут жениться и из которых не возвращается домой при их замещении даже 20 тысяч. Таким образом, на протяжении каждых тридцати лет страна теряет потомство от 300 тысяч человек. Размер каждой из последовательно сменяющих друг друга семей исчисляется в 4 души. Поэтому отсутствие потомства у 300 тысяч человек означает сокращение последовательного прироста населения на 1200 тысяч мужчин и женщин.

нов продукцию, *равную даваемой одной третью Франции, т е* 130 миллионами арпанов. В число доходов нельзя включать поступления от сдачи домов и от ренты, выражающейся в деньгах, так как дома и деньги представляют бесплодное имущество, и для оплаты жилья и ренты нужно иметь доход от другой собственности.

Более двух третей ополчения падает на сельские местности, так как большие города и лица привилегированные от набора в него освобождены. В итоге из 60 тысяч человек, которые набираются безвозвратно в ополчение на шесть лет, деревня дает более 40 тысяч, это составляет около 7 тысяч в год, т. е. примерно одну восьмую деревенских юношей, достигающих в данный год возраста 17 лет. Но постепенно эта восьмая часть превратилась в седьмую и шестую; таким путем за тридцать лет ополчение лишило деревню 200 тысяч человек и тем сократило население на 800 тысяч человек. Еще более влияло на обезлюдение деревни уход в город юношей, желающих избежать жеребьевки в ополчение. Поэтому вместо одного юноши, попавшего в ополчение, деревня теряет не менее трех. В итоге за тридцать лет убыль составляет еще 400 тысяч человек, потомство которых утрачено для деревни. В результате ополчение сократило население в сельских местностях за тридцать лет больше чем на 2 миллиона мужчин и женщин. Если такое положение будет продолжаться, то деревня обезлюдет за срок менее одного века.

Военные считали, что учреждение постоянного ополчения даст большие преимущества. Оно обеспечивало государству постоянный контингент в 60 тысяч человек сверх обычных армий. В военное время можно было бы часть их ввести в состав регулярных полков или сформировать за их счет особые полки королевских гренадер, французских гренадер и т. д., что увеличило бы постоянный контингент наших армий. Но все эти преимущества вытекали из мысли, что королевству для его существования обязательно требуются военные действия, причем забывались вызываемые ими огромные расходы.

Узкая точка зрения военных побуждает их учитывать лишь интересы армии и притом лишь армии наземной, потому что преимущества, даваемые будто бы ополчением, не относятся к нашему военному флоту, напротив, вызываемое им сокращение населения очень вредно для последнего.

, Однако Франция — морская держава, которой больше приходится защищать себя на море, чем на суше, с тех пор как Англия со своим военным и торговым флотом стала опорой наших врагов. Кроме того, Франция дол-
•*щиз* поддерживать свою торговлю и защищать свои за-

морские владения. Большая часть государств, входящих в состав Германии, будучи лишена преимуществ, которые дает мореплавание, не может создать себе больших богатств продажей продуктов питания собственного производства. Доходы этих государств весьма ограничены, юни не в состоянии были бы содержать большие армии и не могли бы даже выводить их за пределы земель, где эти армии кормятся, если бы им не помогала Англия своим богатством, которое ей доставляет ее флот. Именно поэтому последняя так боится роста нашего флота Она не скрывает, что если бы мы противопоставили ее силам на море, обеспечивающим ее господство, достаточные собственные силы, то мы изменили бы европейскую систему и не нуждались бы в большом увеличении своих наземных войск; в этом случае наши соседи, предоставленные своим собственным силам, не могли бы выдвигать против нас многочисленные армии. Действительно, если бы торговля Англии была пресечена или очень затруднена нашими морскими силами, то она перестала бы служить для нее неиссякаемым источником богатства, притом, принужденная производить весьма большие расходы на морях, чтобы защищаться от наших громадных сил, Англия не могла бы поддерживать с помощью денег направленные против нас конфедерации Наши соседи, видя истощение ее ресурсов, были бы менее склонны участвовать в ее предприятиях и поддерживать ее честолюбивые планы. Войны стали бы для нас менее опасны, менее часты и менее разорительны, потому что те войны, которые нам пришлось бы вести на морях против этой морской державы, требовали бы гораздо менее расходов, чем войны, которые она возбуждает против нас на суше

В морской войне нет таких огромных расходов на артиллерию, требующую продовольствия, фуража и кадров, как на суше. Она не сопровождается вывозом богатств нации за границу, в ней участвуют небольшие военные силы; она не требует кавалерии; морские офицеры более сдержаны в своих расходах. Для покупки продовольствия и боевых припасов всегда заключаются соглашения, получают льготы и достигаются такие цены, которые невозможны при сухопутных войнах.

Морские силы обеспечивают упрочение и прогресс внешней торговли, которая содействует повышению до-

ходов с земельных владений. При поддержке военного флота, страшного для других морских держав, наша торговля распространилась бы повсюду, увлекая за собой население. Никто не диктовал бы ей свои законы, и заграничные конторы вели бы спокойно и свободно двухстороннюю торговлю с другими торговыми и соперничающими странами. Исчезли бы всяческие стеснения, запрещения, поборы и притеснения, препятствующие продаже товаров; корабли обеих сторон беспрепятственно входили бы во все их порты, и торговля приняла бы нормальный характер к выгоде всех торговых наций. Они вынуждены были бы признавать все условия и соглашения, содействующие общим интересам. Они должны были бы только стремиться к развитию у себя тех видов торговли, которые для них наиболее выгодны. Никто не смел бы создавать другим мелочных затруднений и вредить им; на торговлю смотрели бы с более широкой точки зрения и поняли бы, что обе стороны должны взаимно содействовать друг другу, что чисто активная торговля представляет собой химеру, так как продавцы нуждаются в покупателях, что каждая сторона должна быть как тем, так и другим и что их богатства одинаково содействуют процветанию обеих сторон.

Знаменитый Навигационный акт Кромвеля⁸, закрывший порты Англии для иностранцев, отнюдь не был так выгоден для английской торговли, как думают англичане и как думаем мы сами. Большинство авторов, писавших о торговле и особенно о торговле продовольствием нашего производства, считают, что для содействия нашему судоходству вывоз наших продуктов морским путем должен быть сохранен полностью за Францией, но вопрос об этой монополии был поставлен исключительно под влиянием частных интересов торговцев. Они очень правильно доказывают, что для распространения нашей торговли и для нашего обогащения надо установить полную свободу в продаже наших продуктов за границей. Но они считают, что непосредственной целью развития нашей торговли должно быть увеличение нашего флота, что мы сами должны перевозить свои продукты за границу и привозить приобретенное там, наконец, что наш торговый флот учит большое количество людей мореплаванию в интересах военного флота.

Несомненно, что внешняя торговля даст указанные хорошие результаты, но она должна дать их независимо от других условий, препятствующих общему развитию торговли и вредных для национального дохода. Нам следует насколько только возможно облегчать и расширять сбыт наших продовольственных товаров. Но этого нельзя достигнуть, запрещая вход в наши порты иностранным судам, прибывшим для закупок, или не давая свободного доступа в них товарам, привозимым самими иностранцами, с целью лишить их выигрыша на фрахте и обеспечить последний нашему судоходству.

Таковы взгляды наших негодяев, стремящихся лишь к большим заработкам и боящихся конкуренции иностранцев при продаже продовольственных товаров нашего производства. Их сограждане всегда оказываются жертвами их ложных доказательств и их частных интересов. Они стремятся лишь к снижению цен на продовольственные товары в собственной стране; дешевые цены при покупке, говорят они, представляют первый источник заработка и облегчают продажу за границей.

Они убеждают нас, что это единственный способ расши-
рять торговлю. По их словам, получается, что единствен-
ный способ расширения нашей внешней торговли заклю-
чается в извлечении из нее прибыли за счет собственной
нации. Подобные взгляды стали источником всяких привилегий, запрещений и монополий, причем рост такой разрушительной торговли привел лишь к тому, что наша продукция утратила свою ценность, что народ был вынужден покупать по более дорогим ценам привозимые товары и что от этого пострадала торговля в целом. Кроме того, подобные принципы не приносят никакой пользы нашему земледелию, не содействуют умножению наших стад и расширению посевов льна.

Если сделка выгодна покупателю, то продажа товара облегчается, и продавец, заинтересованный в том, чтобы как можно лучше продать и расширить сбыт, не должен препятствовать покупателю в получении прибыли. Если мы стесним торговлю своих соседей, для того чтобы содействовать росту нашего флота, то это будет означать, что мы подчиним главную задачу частной, притом мы не достигнем поставленной себе цели, потому что меры, препятствующие успеху торговли и вредящие обеспечению нации продуктами питания, окажутся столь же опасными

для нашего флота, как и для доходов государства. Сверх того, вынуждая других подчиняться условиям, для них невыгодным, надо считаться с тем, что они со своей стороны выставят условия еще более вредные для нашей торговли и для нашего судоходства. Итак, все эти мелкие и порочные мероприятия обращаются постоянно против тех, кто к ним прибегает, потому что они больше стесняют и ослабляют собственную торговлю, чем благоприятствуют своему судоходству.

Расширение английского судоходства вызвано было не Навигационным актом 1660 г. Оно объясняется ослаблением нашего военного флота, а последнее отнюдь не представляет следствия этого акта, который оказался лишь вреден для торговли издавшего его государства и сократил его доходы.

Если бы наш военный флот смог защищаться, го англичане легко обнаружили бы невыгодность этого акта и отменили бы его. Успех торговли зависит от ее свободы и от законов, содействующих общему благу, потому что торговля процветает, если она выгодна обеим сторонам.

Но больше всего будет содействовать успеху нашего флота рост государственных доходов. Как военный флот поддерживает торговый, так последний благоприятствует военному. Они могут расти лишь совместно и поддерживая друг друга: военный флот может стать мощным, только поскольку торговый снабжает его людьми, опытными в судоходстве, а торговый не может развиваться, если его предварительно не поддержит военный. Но расходы на военный флот покрываются лишь нашими доходами. Торговый флот зарабатывает, а военный расходует, но благодаря ему сокращаются армии и сухопутные войны. Прибыли торгового флота привлекают в морскую торговлю много людей, приобретающих опыт в судоходстве; источником этих прибылей служат избытки продуктов нашего земледелия и возможность их сбыта, а также поддержка со стороны населения и со стороны морских и сухопутных сил.

Чтобы не остаться без хороших солдат и матросов, надо их хорошо оплачивать и добывать средства на эти издержки путем высокой культуры (par une riche culture) и развития внешней торговли, которая повышает доходность земельных владений в королевстве. Только таким образом сможет Франция стать действительно

военной нацией, т. е. действительно могущественной нацией.

Когда Франция была разделена на несколько крупных государств, состоявших в вассальной зависимости от короны, она была военной страной в другом смысле: каждый из вассалов должен был защищать свои владения, находившиеся в его державной власти, и был занят только обработкой своих земель и военным делом; но с тех пор как вся Франция объединена под властью одного государя и права владельцев стали защищены законом, она превратилась вследствие этого единства и своего положения в державу морскую, торговую и земледельческую, потому что ее богатства и мощь могут сохраняться и возрастать только при помощи ее сельскохозяйственной продукции, ее торгового и военного флотов; ведь она должна препятствовать другим государствам захватить господство над морями и овладеть торговлей с даваемыми ею выгодами, что могло бы превратить их в преобладающие державы в Европе. Несмотря на наши военные силы, они стали бы диктовать нам законы, мы сделали бы зависимыми от них и обнаружили бы нашу слабость и их преобладание

Итак, основная задача правительства заключается в облегчении при помощи развития торговли сбыта производственных товаров собственного производства. Без такого сбыта даже изобилие продуктов земледелия не увеличит доходов государства; напротив, как раз это изобилие приведет к падению ценности, доходы не возместят земледельцам издержки (*frais*) их производства, а доходы с земельных владений сведутся на нет. К изобилию сельскохозяйственных продуктов в какой-либо стране надо стремиться только при наличии сбыта и таких цен, которые возмещают издержки и обеспечивают доходы. Для достижения подобного положения надо создать все возможности торговли с границей, тогда сбыт совместно с хорошими ценами создаст доход, который вызовет рост населения: людей привлекают в данную страну доходы, вознаграждающие их труд, обеспечивающие прибыли и дающие достаток. При наличии больших доходов мы не будем нуждаться в людях для нашего судоходства и для защиты страны на море и на суше.

Нельзя благоприятствовать судоходству введением таких условий, которые ограничивают или стесняют тор-

Говлю с границей; напротив, оно расширяется при содействии торговле и при полной ее свободе; развитое судоходство, со своей стороны расширяя торговлю, увеличивает доходы страны.

Блага, которые более всего нужны людям, привлекаемым и удерживаемым ими в данной стране, заключаются в товарных богатствах в ценах и в денежном изобилии.

Богатствами товарными мы считаем такие, которые обмениваются на деньги в соответствии с ценами, которые конституируют их продажную ценность. Богатства являются продажными или товарными постольку, поскольку владельцы могут их продать и поскольку покупатели в них нуждаются. Поэтому не все блага представляют собой продажные богатства: воздух, которым мы дышим, воду, которую мы набираем в реке, и все подобные блага, или богатства, имеющиеся в изобилии и принадлежащие всем людям, не представляют собой предмета торговли, это блага, а не богатства⁹.

Блага, владение которыми носит постоянный характер, как земельная собственность, редко рассматриваются как товарные богатства. Действительно, продукты земли, которые сами по себе продажны и которые устанавливают и регулируют ценность поместья, когда его продают, и даже продовольствие, необходимое людям, не могут считаться, если они и продажны, богатствами, приносящими прибыль, если их продажная цена не превышает затрат и трудов, идущих на их производство. Поэтому нельзя смешивать все блага, нужные людям для их существования, для потребления и пользования, с богатствами продажными, которые дают выгоду благодаря их ценности в торговле.

Люди нуждаются в различных потребительных ценностях, и те из них, которые они имеют в большем количестве, чем им требуется, должны служить для приобретения таких благ, которых им не хватает и в которых они нуждаются. Поэтому люди желают иметь много таких богатств, которые можно обменивать на другие. К ним относятся богатства продажные или товарные и деньги или денежные богатства: ведь обмен всех видов продажных богатств совершается при помощи денег, а деньги обмениваются на все виды богатств. Поэтому посредством денег люди могут, имея одно какое-либо

товарное богатство, приобрести любое иное на основе цены того и другого.

Цена предмета выражает продажную ценность (valeur vénale) товарных богатств. Не надо смешивать цену товарных богатств с их потребительной ценностью, потому что обе эти величины часто не имеют никакого отношения друг к другу. Потребительная ценность остается всегда одной и той же и всегда более или менее зависит от людей, от их потребностей и от желания пользоваться данным предметом. Цена же, напротив, изменчива и зависит от различных причин столь же непостоянных, сколь независимых от человеческой воли. Она не регулируется потребностями людей, но в то же время не является ценностью устанавливаемой произвольно или соглашениями между коммерсантами¹⁰.

Продажная цена бриллиантов, наименее полезных из всех товарных богатств, почти всегда на много превосходит продажную цену продуктов питания, за исключением случаев крайнего недостатка в последних.

Но при величайшей нужде в продовольственных товарах цена на них может повышаться беспрельдно, и в этих условиях потребительная ценность случайно определяет их продажную цену. Я говорю — случайно, так как неурожай или вообще недостаток продуктов, вследствие которого повышается их цена, зависит от причин, не имеющих никакого отношения к потребительной ценности богатств. Итак, ценность всех богатств, которые считаются продажными, не определяется их ценой (ne consiste que dans le prix). Прибыль, получаемая при производстве этих богатств, не связана с их потребительной ценностью. Сетье пшеницы или кусок кружев одинаковой ценности представляют равное богатство для тех, кто их продает, и для тех, кто желает использовать их. Товарные богатства же потому являются богатствами, что их цена определяется разумом. Поэтому о богатстве народа и об его процветании надо судить по изобилию товарного продовольствия и по устойчивым высоким ценам на него.

Хотя ценность товарных богатств отнюдь не произвольна и не создается путем соглашения торговцев между собой, но государство все же может посредством своих губительных мероприятий вызвать большое и вредное расстройство цен. Особенно это возможно

в Государстве морском И торгбвом, поf-бму чД6 правительство, не имея никакого влияния на другие торговые народы, может создать своими односторонними мерами такие цены, которые будут расходиться с ценами повсеместными и общими для всех других наций, свободно торгующих между собой. В результате понижаются доходы того государства, в котором торговля стеснена правительством. В то же время, как мы докажем, цены повсеместные и общие для всех торгующих наций очень мало подвержены изменениям, весьма устойчивы и выгодны для всех этих наций.

Цена товарных богатств регулирует обмен их в деньгах или на денежные богатства, которые поступают в обмен на всякого рода товарные богатства. Деньги представляют собой род богатства, эквивалентного при сделках продажной цене всех видов товарных богатств.

Деньги или золото и серебро, поскольку они служат деньгами, отнюдь не представляют сами по себе потребительских богатств. Ведь деньги являются, так сказать, только орудием торговли, которое не подвержено порче, не изнашивается, не ветшает, исполняя свое дело при покупках, которое спустя десять лет после тысячи и ста тысяч покупок продолжает существовать и оставаться по-прежнему полезным при покупках. Поэтому при непрерывных сделках с продажными богатствами может постоянно и неизменно служить очень небольшое количество денег. Чаще всего при продажах и покупках они служат лишь для обозначения цены товарных богатств и имеют в торговле только отвлеченное значение. Заменяющие их письменные обязательства более удобны. Они обслуживают в письменных сношениях купцов непрерывные сделки в виде продаж и покупок товарных богатств без участия наличных денег, эквивалентных этим богатствам. Поэтому процветание государства не заключается в количестве его денег, а зависит от изобилия товарных богатств и от их хорошей цены.

Количество денег можно всегда восполнить, но нельзя возместить недостаточность товаров или их цен, которые создают основу богатств и их продажную цену. Всякий частный человек во Франции, имеющий 100 мюид вина, цена которого сейчас составляет 54 ливра за мюид, так же богат, как если бы он имел 100 марок

С Денежной формё; если только бн з&хочет, то он сможет действительно получить эту сумму, равную продажной цене его вина. В торговом государстве всегда имеется достаточно денег для обмена товаров в соответствии с их ценами. Ведь сама цена товаров служит верным доказательством того, что их желают обменять на деньги, исходя из теперешней цены.

Если данная страна бедна, то не потому, как обычно говорят, что у нее мало денег, а потому, что у нее не хватает товарных богатств, или потому, что в этой стране их цена слишком низка. Ведь сельскохозяйственная страна может быть богата только при большом годовом производстве и при хороших ценах. Иначе говоря, ее богатство обеспечивается хорошей обработкой земли и обширной внешней торговлей продуктами собственного производства, которая не только дает возможность сбыта, но и поддерживает выгодные и устойчивые цены, опирающиеся на сделки торгующих народов. Государство достигает высокого уровня благосостояния не при помощи большого количества денег. Ведь государство, которое не имеет собственных рудников, может увеличить сумму своих денежных богатств, только продавая продукты своего земледелия за границу. Поэтому их изобилие и хорошие цены всегда составляют источник образования денежных масс, но деньги сами по себе без торговли остаются бесплодны. Они не могут увеличить богатства народа иначе, как путем выгодного обмена на товарные богатства, купленные за границей. Поэтому деньги не должны накапливаться в стране, так как это препятствует росту богатств, создаваемых торговлей.

Чрезмерное накопление денег в какой-либо стране не составляет богатства, которое может принести выгоды. Поэтому все нации пускают свои деньги в оборот в интересах взаимной торговли. Вся же масса денег распределяется между торговыми нациями в пропорции, соответствующей намерениям дельцов, которые считают, что задача торговли заключается в том, чтобы забирать друг у друга деньги. Купцы следуют совсем другой системе. Они всегда используют свои деньги на покупку товаров, которые они экспортируют и которые они привозят, зарабатывая в обоих случаях и, кроме того, на мореплавании.

Земледелец и фабрикант, продающие купцу, также заставляют деньги, получаемые от купца, приносить доход, так как с их помощью они восстанавливают товарную продукцию. Землевладелец употребляет деньги, получаемые от фермера, на покупку иностранных товаров, привезенных купцом, а этот передает их фермеру, продающему ему свои сельскохозяйственные продукты. Рабочие, оплачиваемые фабрикантом, земледельцем и всеми теми, кто их нанимает, тратят деньги на продукты питания и другие товары с целью их потребления. Деньги снова идут на обработку земли и на другие работы, где также совершается воспроизводство. Поэтому количество денег в стране должно приблизительно соответствовать количеству и цене ее товарных богатств. Но основа ее богатства не изменится от того, будет ли денег больше или меньше при наличии неизменного количества товарной массы.

Доходы государства зависят от цены производимых им сельскохозяйственных продуктов, а их цена устанавливается и регулируется посредством внешней торговли, так как в стране, не торгующей с другими странами, т. е. не имеющей экспорта и импорта, цена сельскохозяйственных продуктов ничем не регулируется и не подчинена никакому порядку; она неизбежно следует за сменой в стране недостатка в продуктах их избытком, а государство страдает от обесценения продуктов и от их дороговизны, одинаково вредных и неизбежных.

Фундаментальная¹¹ цена товаров зависит от затрат или от издержек, которые нужно сделать для их производства или приготовления; если они продаются по более низкой цене, чем себестоимость их производства, то получается убыток, если же они продаются по такой цене, которая дает достаточную прибыль, позволяющую продолжать или увеличивать производство, считается, что цена на них хороша. Если же при неурожае они достигают цены, обременительной для народа, то наступает дороговизна. Если бы цена намного превышала цену фундаментальную, но не была бы обременительна для народа, то ее можно было бы считать только высокой и очень выгодной. Так обстояло бы дело с высокой ценой на пшеницу в стране, где она всегда имела бы в изобилии, где ее много продавали бы за

границу и где эта высокая цена на пшеницу давала бы большие доходы государю и землевладельцам и обеспечивала бы жителям заработка или прибыли, которые покрывали бы их повышенные расходы на пшеницу. Поэтому внешняя торговля может создать в стране высокие цены на пшеницу или на любой другой сельскохозяйственный продукт, которые не будут обременительны для населения и в то же время очень выгодны государству. Надо изучить все эти условия, прежде чем судить о том, хороши ли цены на сельскохозяйственные продукты нашего производства, не продаются ли они по слишком высокой цене и не нужно ли стремиться к их снижению.

Иначе обстоит дело, когда цены низки и длительно не превышают фундаментальных, потому что не может быть такого случая, чтобы они не были разорительны и не вынуждали прекратить производство того продукта, цена которого систематически стоит так низко. Поэтому никакое правительство не должно считаться с теми выгодами, которые по предрассудку приписываются ценам, в просторечии называемым дешевыми, так как они одновременно могут подрывать доходы государя и землевладельцев, заработка остальных жителей, рост населения и расширение производства в стране. Их вредное влияние можно наблюдать в наших провинциях, в которых сельскохозяйственные продукты обесценены; жизнь там дешева, но жалование так низко, люди так мало зарабатывают, что их труд не дает им никакого достатка; не привлекаемые заработком, они предаются лени и живут в бедности. Собственники земель получают такие маленькие доходы, что не могут производить необходимых затрат, чтобы улучшить свои угодья, чтобы дать работу и приличный заработок рабочим и ремесленникам. Последние покидают провинцию и идут в города, где жизнь дороже и заработка больше; поэтому страны, в которых продукты питания дороги, имеют более густое население, а люди в них более трудолюбивы и живут в большем довольстве, чем в странах, в которых продукты питания слишком дешевы. Потребности людей не ограничиваются одной только пищей, им нужна одежда, орудия труда и другие предметы, чтобы они могли жить в довольстве. Французы уезжают за море и селятся на острове Сен-

Доминго или Мартинике и т. д. не в поисках хлеба, их привлекают заработки, которые могли бы дать достаток.

Как мы уже говорили, в стране, которая ведет с другими народами двухстороннюю экспортную и импортную торговлю, ничем не затрудненную и совершенно свободную, цены не подвержены большим колебаниям. Объясняется это тем, что цены в таком государстве равны общим ценам, существующим в других странах. В этих случаях плохие или изобильные урожаи в указанной стране обычно не вызывают никакого изменения в ценах; ведь в один и тот же год в одних странах может быть хороший урожай, а в других — плохой, но благодаря свободной и незатрудненной торговле между этими странами те, у которых недостаток, снабжаются теми, у которых излишки, а затем, наоборот, первые будут снабжать вторых, когда те окажутся в нужде. При такой связи стран и последовательной смене у них изобилия голодом цены остаются на постоянном среднем уровне, который зависит от общих фундаментальных цен в этих странах, объединенных торговлей.

Голландцы и англичане, у которых торговля зерном свободна, не испытывают таких громадных колебаний в ценах зерна, каким мы подвержены во Франции ¹², в которой экспорт и импорт зерна за границу запрещен. Наши урожаи, служащие только для прокормления собственного народа, оказываются то чрезмерными, то много ниже необходимого, и потому цены подвержены беспорядочным колебаниям между дороговизной и обесценением. Поэтому в стране, лишенной свободы или возможности вести экспортную и импортную торговлю, в цены на продукты питания не может быть внесено никакого порядка, и они лишаются всякой устойчивости. В урожайные годы земледelec теряет слишком много, а в неурожайные простонародье гибнет от голода и от эпидемических болезней, которые следуют за голоданием. Понятно, что сильные и частые колебания в ценах являются причиной пагубной бедности и сокращения населения.

Они не менее вредны для доходов государства: хотя может казаться, что при смене высоких цен ценами чрезмерно низкими они уравнивают друг друга и создают какую-то общую, на которой покоятся наши

доходы, но в действительности эта общая цена сама неблагоприятна для доходов с земель. Колебания цен и колебания урожаев при своем сочетании и уравновешивании создают для продавца общие цены гораздо более низкие, чем общие цены покупателя. Общая цена покупателя, который каждый год покупает одно и то же количество пшеницы для своего потребления, создается как результат колебаний цен на протяжении нескольких лет. Но общая цена продавца, который не собирает и не продает каждый год одно и то же количество пшеницы, создается как результат различных цен и неравных количеств пшеницы, проданных по разным ценам на протяжении ряда лет. Она отличается от цены покупателя, возникающей из покупки одинаковых количеств пшеницы на протяжении тех же лет. Но экспортная и импортная торговля исключает возможность больших колебаний в ценах, поэтому цена продажная оказывается в этом случае много ближе к цене покупной. Это будет видно из таблицы, дающей колебание цен на пшеницу во Франции в связи с качеством урожая, и из такой же таблицы, относящейся к Англии.

П Ш Е Н И Ц А

Состояние цен на пшеницу во Франции,
где вывоз зерна запрещен

Годы	Сетье на арпан	Цена сетье в ливрах	Всего с арпана в ливрах	Выручка, подать и арендная плата на арпан в ливрах
Изобильный	7	10	70	74
Хороший .	6	12	72	
Средний .	5	15	75	
Слабый ..	4	20	80	
Плохой ..	3	30	90	
Итого	25	87	387	370

Общая фундаментальная цена 370 ливров расходов, распределенных между 25 сетье, дают 14 ливров 16 денье, которые представляют собой среднюю себестоимость (coût) каждого сетье для земледельца (см. статью «Фермеры»),

Общая покупная цена. Человек потребляет 3 сетье в год, т. е. 15 сетье в 5 лет, которые ему стоят 261 ливр, или три раза по 87 ливров, что, как показано выше, составляет себестоимость 5 сетье. Если 261 ливр разделить между 15 сетье, то получится 17 ливров 8 денье, составляющих цену одного сетье. Такова обычная общая цена во Франции с давних пор.

Общая продажная цена 387 ливров общих поступлений за 5 лет, разделенных между 25 сетье, дают 15 ливров 9 денье, а одна пятая этой суммы будет ценой сетье. Таким образом, общая цена продавца превосходит фундаментальную цену лишь на 13 денье, что составляет на арпан 3 ливра 8 денье. Она на 2 ливра 4 денье ниже цены покупателя, так что если бы в годы дороговизны цена на пшеницу была ниже, то земледелец всегда терял бы и посев пшеницы прекратился бы. Он не мог бы продолжаться без экспорта и при более обширных посевах, потому что если бы собиралось большое количество пшеницы, то общая продажная цена упала бы ниже фундаментальной и давала бы убыток, причем прекратилось бы также поступление доходов короля и народа.

Состояние цен на пшеницу в Англии,
обусловленных ее экспортом

Годы	Сетье на арпан	Цена сетье в ливрах	Всего с арпана в ливрах	Годовая выручка, подать и аренда на арпан в ливрах
Изобильный . . .	7	16	112	74
Хороший	6	17	102	
Средний	5	18	90	
Слабый	4	19	76	
Плохой	3	20	60	
Итого . .	25	87	387	370

Общая фундаментальная цена. 370 ливров расходов, разделенным между 15 сетье, дают 14 ливров 16 денье, которые представляют собой среднюю себестоимость (coût) каждого сетье для земледельца.

Общая покупная цена. 3 сетье превращаются за 5 лет в 15 сетье, которые стоят 370 ливров. Сумма эта,

разделенная на 15, дает 18 ливров себестоимости (coût) одного сетье.

Общая продажная цена. 440 ливров общих поступлений за 5 лет, разделенных между 25 сетье, дают 17 ливров, 12 денье как цену сетье. Таким образом, общая цена продавца превосходит фундаментальную цену на 2 ливра 16 денье и лишь на 8 денье меньше общей покупной цены. В предшествовавшем случае за отсутствием экспорта продавец получал только 15 ливров 9 денье, так что его прибыль составляла всего 2 ливра 3 денье на один сетье. На арпан это дает 10 ливров 15 денье, что вместе с 3 ливрами 9 денье составляет 14 ливров 3 денье, причем покупатель не платит дороже за пшеницу.

Мы собираем ежегодно около 45 миллионов сетье, так что на своем урожае пшеницы мы теряем 100 миллионов, не считая выручки от пропажи примерно 3 или 4 миллиона сетье, которые мы могли бы сбывать за границу *. Но наш сбор пшеницы мог бы быть увеличен на 20 или 30 миллионов сетье. В результате воздействия одного лишь экспорта на состояние цен как самой пшеницы, так и разного другого зерна, которые последуют за пшеницей, увеличатся более чем на 150 миллионов доходы с земельной собственности, причем не возрастет ни цена пшеницы в стране, ни выручка от продажи того зерна, которое мы вывезем за границу**.

* В статье «Зерно» наш сбор пшеницы был оценен в обычный год в 45 миллионов сетье, полученных в крупных хозяйствах, и в 34 миллиона — в мелких хозяйствах. Но при оценке последней в общее количество пшеницы было включено все зерно, произведенное в этих хозяйствах (для устранения лишних подробностей). Пшеница этих хозяйств была оценена по более низкой цене, чтобы свести все зерно в целом к общей цифре. Но если быть точным, то мы собираем всего 45 миллионов сетье пшеницы, остальное же количество заключается в разном эквивалентном зерне. Этот урожай должен представлять собой продукцию 15 миллионов арпанов хорошо обработанной земли, но мы имеем 60 миллионов земли, пригодной для обработки. Таким образом, наше земледелие не использует трех четвертей площади.

Франция, ограничивая земледелие потребностями своего народа, лишает свои земельные владения трех четвертей дохода. Отсюда легко понять, каким образом Англия со своими 20 миллионами арпанов хорошо обработанных земель получает больше доходов, чем Франция. (См. данные о результатах хорошей обработки в статье «Зерно».)

** Англичане, торговля которых с заграницей обширнее и устойчивее, чем наша, вывозят более миллиона сетье пшеницы

Но экспорт дает еще то преимущество, что он препятствует возникновению чрезмерной дороговизны, которая разоряет народные низы и губит множество людей из-за голода и еще более из-за эпидемических болезней, следующих за ним. Могут возразить, что Англия, несмотря на удивительный урожай, все же испытала дороговизну. Но это был исключительный случай для английского королевства, который не может быть приписан экспорту, так как именно экспорт всегда его предохранял от сильного повышения цен вследствие вызываемого им расширения земледелия. Вообще одного экспорта недостаточно для повышения цен на зерно, так как Англия вывозит не более одного миллиона сетые пшеницы в год, что не составляет и одной двадцатой ежегодного урожая. Поэтому ей надо было бы повысить цену пшеницы в соответствующей пропорции, что немисливо. Так редко наблюдающаяся в стране дороговизна должна иметь какие-то особые причины, которые она не пожелала обнаружить.

О всех этих вопросах, относящихся к экономической политике, смотрите статьи: «Ферма», «Фермеры», «Зерно», «Налоги», «Проценты на деньги» и др.

Ценам на сельскохозяйственные продукты не уделялось достаточного внимания, между тем доходы могут быть правильно оценены лишь, исходя из цен на продукты, даваемые землей. Но сама по себе продукция не дает дохода: она действительно может быть очень большой и в то же время бездоходной. Если цена, по которой она продается, не превышает фундаментальной цены, т. е. себестоимости, то она вызывает убыток для земледельцев, так что она создает доход только в той степени, в которой цены превышают затраты или расходы, требуемые этой продукцией. Поэтому, чем выше цены, которые она может достичь благодаря торговле с границей, тем это выгоднее для государства, для собственников, для народа, тем больше они способствуют росту населения и благосостояния. Государству это выгодно, потому что благодаря росту цен увеличивается национальное богатство, собственникам — пото-

и миллионна сетые другого зерна. Продажа зерна во всей международной торговле в Европе составляет в целом около 10 миллионов сетые. Поэтому за отсутствием покупателей торговля Англии зерном, естественно, ограничена.

му что растут их доходы, народу — потому что возрастают затраты, благодаря которым получается зерно; с точки зрения роста населения это важно, потому что изобилие зерна привлекает людей и благоприятствует естественному его приросту, а в отношении благосостояния это существенно, потому что прибыли побуждают расширять производство. Но только цены, достигаемые вследствие торговли с заграницей, имеют решающее значение для национального богатства. Можно думать, что если бы какой-нибудь народ был так изолирован, что не имел бы никакого общения с другими народами и вел бы внутреннюю торговлю лишь в интересах собственного потребления, то он интересовался бы продуктами питания только с точки зрения своей потребности в них, а не их продажной ценой, так что низкая цена была бы очень желательна, потому что освобождала бы от тяжелого бремени лишних денег. Однако если бы этот воображаемый народ состоял, подобно другим, из людей разных категорий, имел бы в своей среде земледельцев, землевладельцев, государя, правительство и представителей разных доходных профессий, то оказалось бы, что государю, как и землевладельцам, нужны доходы, тем, кто участвует в управлении, — жалование, представителям разных профессий и рабочим, которых нанимает земледелец, — заработки. Итак, годовой доход этого народа должен был бы распределяться так же, как у всех других народов, между этими категориями людей, посредством купли и продажи в соответствии с продажными ценами годовой продукции и физического труда. Как и повсюду, здесь были бы годы хороших урожаев и годы недорода, что вызывало бы сильные колебания в ценах. Поэтому для такой нации продажная цена товарных богатств была бы почти столь же существенна, как и для других.

Но когда нация должна защищаться от своих соседей с помощью денежных богатств, то ее продукция становится для нее драгоценной в той мере, в какой она может стать источником этих богатств; я говорю — в той мере, в какой она может стать источником богатств, а не в какой она действительно им становится. Эти два условия надо различать, чтобы создать себе правильное представление о богатствах государства. Если какой-нибудь товар может доставить 100

SKto, TO этого Достаточно, чтобы он сам Считался равным этим 100 реальным экю. В этом смысле все богатства представляют собой действительные денежные богатства в соответствии со своей ценой, даже когда они вовсе еще не обращены в деньги. Поэтому богатства нации, торгующей с заграницей, состоят как из богатств денежных, так и из богатств реальных, оцениваемых в соответствии с их ценой за границей.

Таким образом, нация, которая имела бы сельскохозяйственные продукты ценностью в два миллиарда, но не имела бы денег, была бы столь же богата, как другой народ, который имел бы на два миллиарда денег, но не имел бы сельскохозяйственных продуктов.

Но для наличия таких продажных богатств необходима двухсторонняя внешняя торговля. Если бы два торгующие друг с другом народа не имели никаких сношений или никакой торговли с заграницей, то один из них не мог бы получить деньги за свои продукты, а другой не имел бы возможности истратить свои деньги на удовлетворение своих потребностей. Поэтому они оба будут одинаково нуждаться во внешней торговле — один для того, чтобы затратить свои денежные богатства, эквивалентные продуктам, а другой, чтобы обеспечить своим продуктам такую цену, которая делает их эквивалентными денежным богатствам.

Однако о своих богатствах надо судить не по количеству денег, извлекаемых из-за границы путем продажи продуктов, а по цене на эти продукты, установленной посредством постоянной двухсторонней торговли, свободной у обоих народов. Если бы вы вывозили в год всего только 100 сетье пшеницы, не имея возможности продавать больше, то общая цена пшеницы, существующая у торгующих наций, будет иметь такую же силу для вас, как если бы вы продавали 10 миллионов сетье. Эта общая цена создается таким же образом, как уровень воды в сообщающихся водоемах: если на протяжении какого-либо времени океан не получает воды из Средиземного моря, а последнее не получает ее из океана, то уровень воды в обоих этих водоемах будет все же одинаков, потому что он обеспечивается сообщением их между собой. Так же обстоит дело с равенством цен у торгующих народов: оно устанавливается и неизменно сохраняется благодаря

ийсМянной связи в виде Двухсторонней торговли. Поэтому, если вы в этом году не продадите пшеницы своим соседям, а они также не продадут вам, потому что вы имеете ее столько, сколько вам требуется для вашего потребления, но не больше, то цена ее все же будет у вас не ниже и не выше, чем у соседей. Потому что если бы цена вашей пшеницы оказалась ниже, то при свободе внешней торговли вы стали бы ее вывозить и тогда цена в вашей стране уравнилась бы с ценой, по которой вы продавали ее за границей. В этом заключается преимущество свободы двухсторонней внешней торговли: она позволяет вам всегда пользоваться общими ценами на любой продукт, даже когда вы не имеете возможности продавать его или покупать. Эта общая цена создает реальную и относительную по связи с соседями продажную цену ваших продуктов, а эта относительная продажная цена создает ваши реальные богатства. Всякая же цена, относящаяся только к внутренней торговле страны, не могла бы сама по себе сделать эту нацию ни более богатой, ни более бедной, но в меру своей беспорядочности и неустойчивости могла бы разрушить экономический порядок для частных лиц, администрацию и сельское хозяйство. Поэтому продажная ценность товаров реализуется только при посредстве общей и устойчивой цены, действующей у торгующих наций, ибо каждая торговая нация может действительно продать их за границу по этой цене. И тогда самой богатой нацией окажется та, которая обладает самыми обширными и плодородными земельными площадями.

Если благодаря внешней торговле товары становятся богатствами, эквивалентными деньгам, а деньги— богатством, эквивалентным товаром, то никакого смысла не имеют сетования, что покупаемый за границей товар лишает нас наших денег. Подобные жалобы тем более лишены всякого содержания, что внешняя торговля почти всегда происходит в виде взаимных покупок друг у друга и что вообще эта внешняя торговля происходит у наций в виде взаимной продажи товаров. Нет никакого смысла в изучении баланса внешней торговли для суждения об ее выгодности. Если одна сторона приобрела больше денег, то другая купила больше товаров. Которая из них стала богаче?

К тому же торговый баланс не показывает прибыли, полученные одной стороной на своих деньгах, а другой — на товарах.

Но мы очень хорошо знаем, что без двухсторонней торговли сельскохозяйственные продукты не имели бы в данной стране устойчивой продажной ценности, что внутренние цены в ней были бы беспорядочны и неустойчивы, так как зависели бы от смены урожайных лет недородами, и что, кроме того, общая цена, вытекающая из этих колебаний, очень неблагоприятна для национальных доходов. Поэтому морская держава, пренебрегающая вывозной торговлей сельскохозяйственными продуктами собственного производства, наносит огромный ущерб росту своих богатств и своего населения, а также своему могуществу.

Рост населения полностью зависит от прироста богатств, от способа применения труда, людей и самих этих богатств

Люди собираются и плодятся повсюду, где они могут приобрести богатства, жить в довольстве и спокойно владеть в качестве собственников тем, что добыто их трудом и усердием. Человек может приобретать богатства лишь с помощью тех богатств, которые он уже имеет, и прибылей, которые ему доставляют чужие богатства. Человек, не обладающий потребительскими богатствами, не мог бы поселиться в пустыне. Он погиб бы, если бы не нашел животных или другие произведения природы, чтобы питаться до тех пор, пока обработанная им земля станет давать средства для удовлетворения его потребностей. Это значит, что надо уже предварительно располагать богатствами для приобретения богатств, необходимых для существования и для достижения такого уровня зажиточности, который благоприятствует размножению. Государство, в котором доходы растут, привлекает возможными в нем заработками новых поселенцев, поэтому рост богатств сопровождается приростом населения.

Но для прироста богатства и населения надо, чтобы люди были уверены в своей свободе и в обладании своими богатствами. Люди не привязываются ни к своему

Гбсударн}, ни к родине, если они лишены защиту, прав и собственности. Если и остается кто-нибудь, преданный своей нищете, то такие существа бесполезны государству. Тот, кто примиряется с бедностью, кто привыкает к дурной пище, к плохой одежде, ко всякого рода лишениям, кто, подобно Диогену, способен пить из собственной горсти, тот откажется от работы и будет чужд интересам своей родины: в пустыне царствуют тирания и нищета. Обычной причиной падения государств являются злоупотребления власти и жестокость правительств. Некоторые писатели, мало знакомые с беспорядками, вызванными тиранией римских императоров, считали, что Империя пала вследствие роскоши. На самом же деле причина заключалась в чрезмерном обложении провинций, за счет которых поддерживалась эта роскошь в Риме. Когда же провинции были разорены, то такой громадный город не мог больше сам себя поддерживать и сохранять свое господство. Провинции и Империя испытали революцию, подготовленную громадными поборами правительства. Историки упоминают некоторые подробности, наводящие ужас: «Галерий пренебрегал законами, позволял себе все и разрешал такое же своеволие судьям, которых он посылал в провинции; эти люди знали только войну, были лишены всякого образования и всех принципов и слепо обожали деспотизм, орудие которого они представляли. Но всеобщее отчаяние в провинциях было вызвано переписью всего населения государства и оценкой его имущества. Комиссары вызвали повсюду такое беспокойство и страх, как если бы появился неприятель и вся империя Галерия с края и до края казалась населенной пленниками. Измерялись земельные участки, сосчитывались виноградные лозы, деревья и как бы даже бугорки земли; регистрировались люди и животные; города наполнились множеством крестьян и рабов, пришедших для подачи сведений, отцы влекли за собой детей. Такое притеснение населения могло бы казаться простительным вследствие справедливости самого принципа пропорционального обложения, если бы его смягчало человеческое отношение и если бы это обложение само по себе было выносимым. Но, напротив, повсюду раздавался свист бичей и стоны: дети, рабы, женщины подвергались

Пыткам для проверки показаний отцов, хозяев и мужей; терзали самих владельцев, их заставляли под пытками показывать, что они владеют большим имуществом, чем на самом деле; ни старость, ни болезни не избавляли людей от необходимости являться в назначенное место; возраст людей устанавливался произвольно, а так как по закону обязанность платить поголовную подать начиналась и прекращалась в известном возрасте, то детям прибавляли годы, а старикам их убавляли. Первые комиссары действовали с безжалостной суровостью, чтобы удовлетворить жадность государя, однако Галерий несколько раз посылал новых, для того чтобы те, оказав еще большее давление на его несчастных подданных, нашли новые источники обложения. Новые комиссары, для того чтобы перещеголять своих предшественников, обременяли население по своей прихоти и вносили в реестры гораздо больше имущества и людей, чем находили в самом деле. Животные подыхали, люди умирали, но после этого их оживляли в реестрах и требовали налогов с тех и других. Природная жестокость Галерия и терпеливость его подданных создавали источник, который он считал неисчерпаемым. Новая стая вымогателей распространилась по его государству, и они безжалостно похищали то, что удалось спасти от предшествующих притеснителей. Они грабили дома, обирали жителей, которых лишали даже надежды на будущий урожай, так как не оставляли земледельцам ничего для посева, у них забирали даже то, что земля им еще не дала. Эти несчастные умирали от голода и нищеты, чтобы дать возможность государю проявлять свою щедрость.

Максенций считал имущество всех своих подданных собственным достоянием; он не щадил даже храмов своих богов; это была бездна, поглощавшая все богатства мира, которые около одиннадцати веков накапливались в Риме. Италия кишела доносчиками и убийцами, разделявшими его неистовства и прикармливаемыми частью его добычи. Из-за такой тирании города и деревни пустели, люди скрывались в самых потайных убежищах, земли оставались незасеянными и необработанными *. В царствование Диоклетяна и Валенти-

* Histoire du Bas Empire par M Le Beau.

йиана III грабеж управителей вызвал восстания в Галлии и людей убивали, отняв у них предварительно имущество *. Затем другие народы овладели этими разоренными провинциями, не имевшими ни сил, ни средств для поддержания Империи, которая стала столь же слаба и презренна, как раньше она была богата и мощна. Испания была захвачена готами, Англия — саксами, Галлия — франками, Германия — аллеманами, Италией овладели турсилинги и ломбарды».

К этим губительным результатам привел военный деспотизм в Римской империи, я сказал — военный деспотизм, потому что деспотизм всегда представляет собой союз государя с каким-нибудь сословием в государстве, ставшим более мощным, чем сам государь. Монархический деспотизм — это химера, его никогда не было и не может быть. Один человек не в состоянии самовольно управлять миллионами людей; верховная монархическая власть может существовать лишь при поддержке законов и при равновесии государственных чинов, сдерживающих друг друга, причем законы, определяющие их устройство, ограничивают и обеспечивают их права. Ведь монарх не может располагать самодержавной властью, если он не разделяет ее с каким-нибудь сильным сословием, которое он подымает над прочими и в котором сосредоточивается вся тираническая сила, проявляемая им в отношении подданных¹³. Но подобная шагкая власть столь же опасна, сколь недостойна всеми почитаемого и законного государя! Кто бы ни поддерживал деспотизм, он всегда так же страшен для самого государя и его министров, как государь страшен для своих подданных. Военный же деспотизм в варварских странах самый буйный и беспорядочный, самый насильственный и разрушительный. Римская империя, Оттоманская империя и варварские государства дают тому разнообразнейшие и отвратительные примеры.

Богатства и население сохраняются лишь при достатке, который создается богатствами же. Люди содействуют процветанию государства посредством своей продукции и своего потребления. Для производства богатств нужны богатства. Земледелец, состояние ко-

* Richer, Histoire des Empereurs.

шрого уничтожено градом, падежом скота, податями или другими причинами, не в состоянии больше производить затрат, требуемых для обработки земли: государство теряет продукт, последовательно воспроизводимый богатствами и трудом земледельца; бедность, в которую он попал, неизбежно удерживает его в бедности и не дает ему возможности делать свое дело и устроить своих детей. Такая семья не имеет способов найти средства к существованию, и ей остается только перейти к физическому труду. Но и в качестве простого рабочего человек может быть полезным только в той степени, в какой он в состоянии посредством своего труда достигнуть зажиточности. Порабощенные налогами, сдельной работой и другими тяготами, которые убивают у них надежду на возможность чего-либо достичь, эти люди по необходимости начинают питаться плохим хлебом, носить плохую одежду, спать на соломе, лишаются всех удобств, всякого признака домоводства, всех принадлежностей домашнего хозяйства, остаются без всякого домашнего скота, который мог бы дать немного молока, масла, сыра, несколько яиц; им остается одна только крайняя бедность, которая предохраняет их от страданий, причиняемых наложением ареста на имущество. Они ограничивают свой труд таким заработком, который обеспечивает им лишь самое необходимое для существования, а этого у них не отнимешь, потому что вещи, удовлетворяющие повседневные потребности, лишены всякой ценности. В результате они оказываются бесполезными как по своей продукции, так и по своему потреблению. Поэтому в общее количество населения, приносящего доход государству, нельзя включать таких людей или, вернее, такие семьи, которые потеряли для него всякую ценность. Требуя от них слишком многого, их сделали бесполезными и несчастными, поэтому теперь ничего нельзя ждать от их детей; привыкшие к нужде, узнавшие из стонов отцов и матерей причины своих страданий, наблюдая вокруг себя праздность, они приучились к ней, и, действительно, это единственное услаждение, которое они могут себе доставить. К таким результатам приводят принципы тех жестоких людей, которые утверждают, что низшие классы общества нужно довести до нужды, чтобы заставить их работать Люди

*

И земли представляют блага, их товарная продукция представляет богатство; люди, как и земли, подвергаются запустению и теряют всякую ценность, когда истощаются. Миллионы людей в нужде и миллионы акров земли в запустении свидетельствуют о падении государства ¹¹.

Зажиточность возбуждает трудолюбие потому, что люди пользуются благосостоянием, которое оно доставляет, привыкают к удобствам жизни, к хорошей пище, хорошей одежде и боятся бедности. Они воспитывают своих детей в такой же привычке к труду и благосостоянию; они удваивают свои старания и усердие, чтобы устроить их небольшое благополучие с некоторыми удобствами, которые облегчат их труд и увеличат заработки; надежда на успех поддерживает их мужество, а удача доставляет удовлетворение их родительским чувствам и самолюбию. Вот что дают государству трудолюбивые представители низших классов, работающие с выгодой.

Никогда зажиточность не доводит низшие классы до лени, потому что она слишком для них ценна, чтобы ее лишиться; помимо сладости домашней жизни, зажиточностью дорожат ради чести, по чувству и тщеславию; человек желает быть одетым в соответствии со своим положением, иметь инструментарий и домоводство, свидетельствующие о благополучии, и не возбуждать презрения, связанного с бедностью. Поэтому не только стремление увеличить богатства с помощью богатств же является истинной причиной, побуждающей людей к труду, делающей их полезными и доставляющими богатства государству.

Результат человеческого труда не ограничивается производимой продукцией, но он служит для потребностей потребления и для покрытия издержек, которые сами представляют собой еще один источник богатств. *Все, что человек тратит из своих заработков или прибыльных доходов, приносит выгоду другим людям и возвращается к источнику возникновения и восстановления богатств*

Земледелец продал 100 сетью пшеницы за 1 600 ливров. Землевладелец получает 1 600 ливров за аренду земли, он употребляет эту сумму на постройки; рабочие, которым он уплачивает ее, покупают на нее пше-

ницу для своего питания; таким путем 1 600 ливров возвращаются к земледельцу, который продает пшеницу. Земледелец же употребляет их на обработку земли, чтобы вырастить новую пшеницу. В итоге расходы землевладельца превращаются в заработок рабочих, которые возвращают земледельцу сумму, уплаченную им землевладельцу. Если этой суммы лишается землевладелец, рабочие или земледелец, то не происходит ее последовательного возвращения. Источник богатств не доставит ее больше ни землевладельцу, ни рабочим, ни земледельцу. Средство ее постоянного восстановления в виде затрат землевладельца, рабочих и земледельцев устранено; пшеница, которая представляла реальное богатство, восстанавливавшееся и ежегодно потреблявшееся в “Качестве пищи людей, уничтожена. В итоге люди должны искать в другом месте средства существования, государство беднеет и лишается населения, потому что люди создают в стране богатства и восстанавливают их в той мере, в какой их число умножается при помощи богатств и в какой они могут умножать богатства при помощи богатств же.

Если правительство лишает богатства того источника, который их постоянно воспроизводит, то оно разрушает богатства и губит людей.

Если, например, виноделов, очень многочисленных и приносящих большие выгоды государству своим производством, довести до бедности, то они не сумеют нести расходы по виноградарству в те годы, когда мороз, град и т. п. уничтожат урожай, но и в годы изобилия они не смогут выждать благоприятного времени для продажи вина и не покроют расходов по производству вследствие обесценения урожая. Они оказываются одинаково бедными как в годы неурожая, так и в годы изобилия, поэтому они плохо обрабатывают свои виноградники, употребляют со своими семьями плохую пищу и своим потреблением не приносят никакой пользы государству.

Этот вопрос не так безразличен для нации, как это думают. Если бы два миллиона виноделов со своими семьями питались пшеничным хлебом вместо ячменного, овсяного или ржаного, то они потребили бы 15 или 18 миллионов сѣтье пшеницы, что соответственно расширило бы посевы этого зерна и создало бы в госу-

дарстве богатство в 200 миллионов, вследствие чего возросли бы доходы короля и землевладельцев и увеличились бы издержки фермеров, а это создало бы зарботки рабочим, которых землевладельцы в большем количестве привлекали бы к сельскохозяйственным работам. Рост доходов короля и землевладельцев привел бы к увеличению издержек, дал бы заработок представителям всех доходных профессий и, расширив потребление, создал бы новый источник богатств, который содействовал бы новому росту земледелия в соответствии с расширением потребления. Таким образом, пшеница, потребленная этими виноделами, вызовет прирост богатств, что в свою очередь увеличит богатства и население; если же эти виноделы потребляют дешевый хлеб, производя сами зерно и сокращая вследствие этого обработку виноградников, то все перечисленные преимущества исчезнут. Если же они будут вынуждены к еще более строгой экономии в отношении других видов питания и одежды, то потери для государства возрастут в меру их обнищания. *

Поэтому для государства не безразлично, живут ли низшие классы в довольстве или ограничивают свое потребление строго необходимым. Эта часть населения несравнимо более многочисленна, чем люди богатые. Поэтому государство теряет в соответствии с тем, насколько оно ограничивает потребление, которое должно быть обеспечено малоимущим людям при помощи их труда и правильной фискальной политики, так как это потребление сокращается вследствие плохо обдуманных налогов, истощающих источники доходов государя и нации.

Обложение сельскохозяйственных продуктов собственного производства уничтожает доходы, даваемые земельными владениями, сокращает население и доходы государя.

Например, обложение вин и водок создает искусственные на них цены, которые вызывают уменьшение потребления и производства, лишают государство источника богатства, мешая сбывать их соседям, а такой сбыт давал бы землевладельцам и государю большие доходы, обогатил бы нацию, сильно увеличил бы население за счет людей, привлеченных к обработке новых виноградников, так как в нашей стране площадь 3§-

мель, которые могли бы быть обработаны, намного превосходит площадь, требующуюся под посев зерна ¹⁵. (См. статью «Зерно».)

Соответственно с увеличением ежегодно создаваемых богатств, вызванным расширением виноградарства, возрастет и население, так как число людей в стране возрастает в соответствии с их доходами.

Указанное обложение значительно удорожает наши вина и коньяки *, что мешает их продаже за границу. Поэтому там их заменяют другими напитками и хлебной водкой, но они обходятся иностранцам дороже, чем стоили бы наши вина и коньяки при их нормальной цене. Соседние с нами страны, не имеющие собственного виноделия, очень обширны. Торговля вином могла бы быть для них очень интересна, если бы давала прибыль. Их торговля возросла бы в той же степени, в какой возросла бы наша, и прибыли были бы двухсторонни: они зарабатывали бы на продаваемых нам *TOVараix*, а мы получали бы выгоду от продажи им вина и коньяка. Дело в том, что для поддержания внешней торговли надо, чтобы она была двухсторонней. Обычно неправильно считают, что внешняя торговля совершается как внутренняя, когда купец сбывает свои товары просто с целью обратить их в деньги. Государственные люди в своих соображениях о выгодах внешней торговли не должны разделять подобных поверхностных суждений.

Если бы вследствие торговли сельскохозяйственными продуктами возросли наши доходы и население,

* Это обложение увеличивает на треть или на половину цену вина, продаваемого за границу, что чрезвычайно сокращает его сбыт (существуют другие виды обложения, еще гораздо более тягостные) Бочка вина ценностью в 100 ливров, перевезенная из Бордо в Бретань для потребления там, обладается налогом в 254 ливра («*Observations sur la culture de la Guyenne*» par Vivens, 1755). Штаты Бретани обложили напитки налогом и таким образом сократили их потребление в этой провинции по крайней мере на три четверти. В итоге это обложение падает на само государство, Интересно знать, что стало с бретанскими землями, за счет которых должно оплачиваться это обложение. Может быть, они потеряли всякую ценность или землевладельцы избегают налогов, отказываясь от производства? Если земли потеряли ценность за отсутствием сбыта для зерна, то это зло должно сопровождаться другими бедами.

то выросли бы также наши расходы, и мы покупали бы за границей товары в соответствии с ее покупками у нас.

Северные нации много бы выиграли от потребления наших вин. Напитки, которые они употребляют, особенно же хлебные и сахарные водки, им очень вредны. Мы со своей стороны могли бы много выгадать на товарах, продаваемых ими для нашего потребления, потому что народы восстанавливают свои ежегодно создаваемые богатства путем потребления.

Однако не следует думать, что такая двухсторонняя торговля создаст равенство в богатстве торгующих народов. Ясно, что они могут быть богаты лишь в меру годовой производительности своих земельных угодий и развития торговли. Поэтому страна, обладающая лучшей и большей земельной площадью, притом более совершенно обработанной, будет богаче другой. Но она заинтересована в благоприятствовании торговле соседей для того, чтобы облегчить самой себе сбыт сельскохозяйственных продуктов своего производства. Такая страна всегда превзойдет другие своим богатством и количеством населения, поскольку она превосходит их продуктивностью своих земель. При этом торговля, сводящаяся к покупке у другого народа с целью перепродажи для получения прибыли, может увеличить богатства народа, но подобная торговля преследует слишком мелочные цели для великого государства. У него она должна быть торговлей земельных собственников, т. е. сводиться к сделкам с сельскохозяйственными продуктами собственного производства. Поэтому источником богатств является не торговля, а территория, которая должна удовлетворять потребности страны и создавать ей богатства.

Благодаря торговле нации обмениваются своими излишками и разнообразят свои богатства путем покупки. Настоящие богатства только такие, которые потребляются и ежегодно восстанавливаются. Их желают приобрести, они представляют предмет торговли и создают прибыли только потому, что они потребляются. О процветании государства надо судить отнюдь не по массе денег. Оно богато вследствие своих ежегодно создаваемых богатств и их цены, потому что оно ими пользуется, потому что эти богатства воспроизводятся

и восстанавливаются и за них государство всегда может достать деньги, если оно в них нуждается.

Деньги не представляют собой предмета торговли. Государство, добывающее их в своих рудниках, превращает их для их восстановления в реальные богатства, которые потребляются. При помощи этих денег нация не могла бы удовлетворить собственные потребности и тем более дать средства существования рабочим, которые извлекают их из недр земли, очищают от примесей и превращают в средство торговли. Поэтому эти деньги, восстанавливаемые трудом, являются в отношении добывающих их рабочих тем же, чем в отношении нас являются ежегодно создаваемые богатства, которые мы добываем путем обработки наших земель. Деньгами этими никто не пользуется, и они восстанавливаются только путем превращения в богатства, т. е. потребления денег. Поэтому сами по себе деньги не представляют предмета торговли. Последняя выгодна только в той степени, в какой она доставляет нам богатства, нужные для потребления и увеличивающие и воссоздающие наши доходы посредством этого потребления. *Выгоды торговли вовсе не заключаются в изъятии денег у других народов.* Такого рода торговля не только не может существовать, но она вынуждала бы постоянно превращать эти деньги в потребляемые богатства для восстановления богатств, подлежащих торговому обмену. Сами купцы это отлично понимают! Как только они продают свои товары за границу, они покупают там другие, причем выгадывают как на тех, которые привезли, так и на тех, которые увозят, что делает торговлю еще более доходной.

Мы можем, однако, представить себе такую внешнюю торговлю, при которой получались бы только деньги. Такова была бы, например, внешняя торговля народа, который бы продавал продукты своего сельского хозяйства другому народу, покупающему на деньги, добытые в его рудниках, и не имеющему товаров для продажи. Возникает вопрос, не была ли бы такая торговля более выгодна народу, продающему свою сельскохозяйственную продукцию, чем внешняя торговля, приносящая товары. На первый взгляд может показаться, что она действительно была бы много выгоднее. Ведь при помощи денег, полученных за

границей за проданные там товары, можно было бы расширить обработку земель, дать заработок многим рабочим и ремесленникам, что увеличило бы потребление в стране! Благодаря этому возросли бы доходы и численность населения. Кроме того, питаюсь только продуктами собственного производства и потребляя товары и изделия, приготовленные и сфабрикованные ею самою, страна сохранила бы все деньги, полученные за границей. Таким образом, внешняя торговля, полностью активная, должна умножить численность населения, реальные и денежные богатства страны.

Но такая чисто активная внешняя торговля предполагает два химерических условия: 1. Надо, чтобы со страной, торгующей при помощи только денег, добытых в ее рудниках, вело торговые сношения лишь одно государство; ведь если много народов будут привозить ей свои продукты, то ни один из них не сможет иметь с ней настолько обширной активной торговли, чтобы сбывать ей все продукты или товары, которыми он располагает. Конкуренция настолько раздробила бы эту торговлю, что она стала бы не более выгодной, чем взаимный обмен товарами. Дело в том, что каждый народ стал бы с целью получения денег так снижать цены на свои продукты, что свел бы выгоду от этой чисто активной торговли до уровня выгоды от двухсторонней торговли. В итоге прибыльность обоих видов торговли уравнилась бы.

2. Для того чтобы сохранить деньги, полученные от торговли полностью активной, надо, чтобы народ не покупал никаких товаров за границей! Но частные лица, имеющие деньги, желают пользоваться ими и приобретать иностранные товары, нужные им или удовлетворяющие их. Очень важно, чтобы государство не стесняло ни потребления, ни торговли. Поэтому надо предоставить гражданам свободу в расходовании денег и не терять притом из виду выгоды, проистекающие из этого для сбыта собственной продукции. Ведь всякий товар, приобретенный за границей, представляет собой эквивалент какого-то числа бочек вина или других продуктов нашего производства, которые мы продали за границу. Затем торговец, продающий после своего возвращения привезенный им товар, снова покупает §ино или другие продукты для вывоза их за границу,

Своей торговлей он создает постоянный сбыт для нашей продукции и способствует ее воспроизводству.

Чисто активная торговля, приносящая не больше денег, чем на величину ценности иностранных товаров, получаемых при продаже наших продуктов, не более выгодна, чем двухсторонняя торговля. Она доставила бы не больше богатств и содействовала бы не больше, чем двухсторонняя, росту наших доходов и населения, а может быть, содействовала бы тому даже меньше, потому что не могла бы в той же степени побуждать частных лиц к расходованию своих средств, что благоприятствует сбыту и производству сельскохозяйственной продукции.

Однако может казаться, что при производстве дома тех изделий, которые мы покупаем, мы зайдем большее число людей, а это вызовет рост населения, потребления и доходов. Но изделия, производимые дома, не связаны с потреблением вина или других продуктов, продаваемых нами за границу. Потребление же наших продуктов за границей нам так же выгодно и так же содействует росту наших доходов, как если бы оно происходило дома. Потребление является необходимым условием воспроизводства. Но они оба связаны одним общим существенным условием, именно, ценой. Без продажной цены не существовало бы связи или правильного взаимоотношения между потреблением и воспроизводством. Цена служит мерилем богатств, которые могут быть воспроизведены при помощи эквивалента, извлекаемого из потребленных богатств. Поэтому рост или падение цен решает вопрос о большем или меньшем количестве богатств, которые могут быть воспроизведены в данном году. Торговля, как внутренняя, так и внешняя, имеет своей целью выигрыш на цене или на обесценении товарных богатств. Наша внешняя торговля должна вследствие даваемой ею прибыли содействовать ежегодному воспроизводству и росту наших богатств. Но другое преимущество этой торговли заключается в том, что она обеспечивает нашим продуктам очень устойчивую и благоприятную цену или продажную ценность, вследствие чего обеспечивается также их воспроизводство.

Может казаться, что с ростом населения дело складывается иначе, потому что изделия, которые мы

покупаем у других народов, производятся иностранными рабочими. Но при нашей двухсторонней торговле иностранцы также покупают изделия наших рабочих, так что они дают работу и нашему населению, увеличивая тем его численность.

Если рассматривать людей только с точки зрения пользы, приносимой ими государству, то окажется, что рабочие, занятые в своей стране, не более полезны, чем чужие, производящие изделия, которые продаются нам. Ведь потребление ими продуктов, продаваемых нами и стоящих столько, сколько труд этих рабочих, нам так же выгодно, как если бы это потребление происходило дома. Поэтому хотя это не наши люди, но они дают нам прибыль, а она способствует росту нашего населения. Чем больше мы увеличиваем свои богатства вследствие расширенного потребления наших продуктов за границей, тем сильнее растет наше население вследствие увеличения заработка доходных профессий.

Большой экспорт, например, вина занял бы множество людей обработкой виноградников. А эта культура действительно может быть очень выгодной для Франции, потому что никакая другая не требует большего количества людей, не дает большего дохода и не содействует так, как она, росту населения вследствие производимых ею богатств.

Чем больше люди производят сверх своего потребления, тем они полезнее государству, но чем больше люди тратят сверх своих доходов или потребляют сверх полезной продукции, создаваемой их трудом, тем они обременительнее для государства.

Этот общий принцип позволяет судить о том, как применять труд людей самым выгодным способом и какое количество населения требуется для государства. С точки зрения полезной для людей продукции можно население разделить на две группы: одна действительно производит богатства своим трудом, другая косвенно содействует производству или сохранению богатств своими услугами. Слуга, приготавливающий обед своему хозяину или делающий другую работу, необходимую для существования нанимателя и для удовлетворения его потребностей, сберегает своему хозяину время, которое требуется на такие занятия и которое он может употребить на производительный

труд. Таким образом, слуга косвенно содействует производительности труда своего хозяина.

Строго говоря, только люди, трудом которых производятся необходимые человеку продукты, создают богатства, потому что все доходы землевладельцев и государя, вся оплата рабочих, все жалованье прислуги и заработки доходных профессий, извлекаются из ценности этих продуктов. Люди, делающие товар своими руками, не создают богатств, потому что их труд увеличивает ценность такого товара только на сумму уплачиваемого им жалованья, которая извлекается из продукции земли. Фабрикант, делающий ткани, портной, шьющий одежду, сапожник, выпускающий обувь, создают не больше богатств, чем повар, готовящий обед своему хозяину, чем рабочий, который пилит дрова, чем музыканты, дающие концерт. Все они оплачиваются за счет одного и того же источника, исходя из заработка, который обычен для их работ и который тратится на средства существования. Поэтому они потребляют столько же, сколько производят. Продукт их труда равен издержкам, которые он требует. В итоге не получается никакого прироста богатств. Поэтому только труд, примененный к земле и дающий продукцию, ценность которой превосходит затраты, создает богатства или ежегодные доходы. Итак, все группы граждан, за исключением рабочих, занятых изготовлением или торгом изделиями, продаваемыми за границу, извлекают свои доходы или заработки из продукции земли.

Земля предоставляет средства существования тем, кто занят ее обработкой и дает доходы государю и землевладельцам, а также десятину духовенству. Расходование этих доходов создает заработки для представителей доходных профессий. В результате население королевства возрастает или уменьшается в соответствии с ростом или сокращением этих доходов. Это сокращение или рост не зависят от народа, но всегда связаны с мероприятиями правительства данного государства. Однако правительство объясняет упадок государства ленью народа, и необработанные земли как будто подтверждают такой взгляд. Но человек всегда стремится к достатку и к богатству и никогда не ленился, если может его достигнуть. Его лень отражает

Только его бессилие, а его бессилие есть результат действий правительства. Бессилие создает упадок духа и побуждает покидать родные места, деревня теряет население, и земли остаются необработанными, города переполняются людьми, которые существуют за счет последних ресурсов правительства, а население в целом сокращается до такого количества, какое только возможно в состоянии полного упадка.

При этом раздаются жалобы на нехватку людей для сельских работ, но никто не жалуется на то, что не хватает богатств, которые позволили бы людям производить богатства. Стране нужно много зерновых хлебов, но никто не интересуется тем, сколько стоит земледельцу обработка полей. При этом сбыт хлеба затруднен, но никто не замечает, что земледelec не получает в обычный год даже и одной двадцатой урожая за свои труды и риск. Но ведь невозможно при таком маленьком доходе достичь расширения посевов зерна, цена которого стала бы убыточной при увеличении урожаев. Никто не замечает, что продажная цена зерна, которая стоит ниже себестоимости, разоряет крестьянина. Земледелие приходит в полный упадок, земли теряют свою ценность, иссякают доходы короля и землевладельцев, а также заработки людей всех других классов, население королевства уменьшается и, наконец, наступает полная гибель государства, *если обложение не будет сокращено* в ту меру, какая требуется для исправления положения, вызванного ошибками правительства.

Этот упадок простодушно объясняется ленью жителей и их уходом из деревень. Кольбер создал в 1666 г. проект, по которому он жертвовал доходами королевства ради устройства мануфактур, выпускавших предметы роскоши. Он содействовал снижению хлебных цен в течение десяти лет и, не имея более средств для ведения войны, должен был прибегнуть к займам и торгу со сторонниками. (Это первая стадия экономического упадка, установленная Сюлли.)

Все понимают, что нужно увеличить сельское население, но никто не хочет знать того, что рост населения прежде всего зависит от прироста богатств, что люди плодятся и увеличивают богатство только при содействии тех же богатств и что надо заниматься не

увеличением населения, но увеличением богатств, потому что люди станут действительно полезны только тогда, когда будет обеспечена успешность их труда.

В королевстве имеется 30 миллионов арпанов земли, которая могла бы быть обработана, но находится в запустении, а остальные земли обрабатываются плохо, потому, что посев зерна не возмещает затрат. (См. статью «Зерно».) Виноградные лозы уничтожаются, и запрещается сажать новые. Между тем виноградарство может с выгодой занять большое количество людей, оно содействует росту населения и дает возможность вести большую торговлю с границей. Несмотря на это, считают, что жаль занимать земли под виноградники и лучше засеять их зерном, в то время как половина наших земель, пригодных для обработки, обесценена, а земледелие ограничивается потребностью страны в зерне. Очевидно, при таком порядке нельзя сеять больше зерна, чем теперь, потому что цена его упадет так, что оно станет убыточным, а изобилие его вызовет падение доходов и сокращение населения в королевстве.

Посмотрим же, какова фундаментальная цена пшеницы и какова обычная цена, получаемая земледельцем. Вы увидите, насколько бездоходны посевы пшеницы, и согласитесь, что невозможно их расширять, потому что никто не захочет посвящать себя бесполезному труду и производить затраты, разорительные для земледельца и для государства.

В этих условиях неизбежны голодовки, потому что посевы, ограниченные в урожайные годы потребностью населения в хлебе, окажутся недостаточными при недороде. Неужели же не ясно, что вся эта неурядица является следствием мероприятий, стесняющих торговлю и свободу земледельца?

Для того чтобы предотвратить голод, которого вообще можно было избежать, вводят законы, препятствующие созданию изобилия и мешающие росту населения, потому что они лишают страну способов сбыта продуктов земледелия. Подначальная администрация, мало понимающая в сельском хозяйстве и находящаяся под воздействием представителей частных лиц, имеющих правдоподобный характер, добилась введения губительных законов, в то время когда среди народа

Господствовали предрассудки. Такого рода ошибки почти неизбежны.

Не следует также удивляться тому, что трибуналы поддержали * закон о виноградниках, более того, что они сами выносили определения об уничтожении виноградных лоз и об ограничении площади виноградников. Они со всей строгостью заставляли выполнять эти определения с целью расширения площадей под пшеницей, причем это происходило в королевстве, где посевы ее ограничены в силу запрещений, препятствующих ее сбыту, и где имеется столько пустующих земель, потерявших вследствие этих запрещений всякую ценность.

Цель заключалась в том, чтобы во вред национальным доходам понизить цену пшеницы. Но при этом не изучили фундаментальную цену, которая создает непреодолимое препятствие для такой необдуманной меры, как эти постановления. Устанавливая продажную цену сельскохозяйственных продуктов, они лишали государство части его богатств, заключавшихся именно в цене этой продукции; уничтожая прибыль, они вызывали сокращение производства и создавали голод и дороговизну, тем более опасные, что власть не позволяла их предотвратить.

Все управление экономикой, стремящееся к увеличению сельского населения, должно ставить перед собой задачу увеличения сельскохозяйственной продукции в виде продуктов питания для населения путем бережного отношения к людям и богатствам, нужным для этих работ, и путем соответствующих затрат на земледелие.

Самая выгодная культура — это та, которая дает наибольший доход, производит самые нужные продукты, выше всего оплачиваемые за границей. Частные лица, производящие затраты, должны сами решать этот вопрос.

Если земля, дающая пять сетье пшеницы, может производить в другом зерне эквивалент шести сетье пшеницы, то не дает ли она во втором случае больше пшеницы, чем в случае ее фактического засева пшеницей? Но возникает вопрос, кто же даст нам пшеницу

* Здесь пробел в рукописи. (Прим. фр. изд.)

для нашего потребления? Ее дадут нам страны, которые так же хотят ее продать, как мы — купить; они будут состязаться в стремлении нам ее дать. Но в отношении нас этот вопрос бессмыслен. Вследствие обширности нашей территории мы могли бы с избытком производить всевозможную продукцию для своего потребления и для продажи другим, если бы только наша торговля была свободна.

В наше время правительство, более просвещенное, судит правильнее о способах применения труда людей, о земельных владениях и о преимуществах свободной торговли.

Естественно, что люди, производящие в сельском хозяйстве и в торговле годовые богатства нации, являются самыми полезными для государства. Чем больше людей будет с пользой занято в земледелии и во внешней торговле, тем сильнее увеличатся наши богатства и наше население*.

Земли, обрабатываемые с помощью домашних животных, требуют меньше людей, чем обрабатываемые одними человеческими руками. Так же точно обработка с помощью лошадей требует меньше людей, чем обработка с помощью волов. Но чем меньше обработка земли нуждается в людях, тем она выгоднее для государства.

Расходы, увеличивающие цену продукта, но не содействующие его росту, должны быть в меру возможного устранены. Но отсутствие средств у земледельцев принуждает их при применении рабочей силы к расходам, не соответствующим продукции. Они могли бы их избежать, если бы имели достаточно средств для ведения работ. (См. статью «Зерно» в «Энциклопедии».)

Такие виды сельскохозяйственной культуры, как виноградарство, и прочие, которые требуют человеческих рук, нуждаются в большом количестве людей и потому связаны с большими затратами. Но эти затраты неизбежны и должны входить в цену подобного рода продуктов, так что люди работают в этом случае с выгодой. Такого рода культуры могут содействовать заселению деревень больше, чем посевы зерна. В зерновом хозяй-

* См статьи «Фермеры», «Зерно», «Налоги» и др. в «Энциклопедии».

стве труд одного человека прибыльнее, чем в виноградарстве. (См. о продукции зернового хозяйства в статье «Зерно».) Но виноградники все же не менее выгодны для государства. Всюду, где труд человека необходим и производит больше, чем сам человек потребляет, государство извлекает прибыль, которую оно должно всячески увеличивать. Ведь продукция и потребление этих полезных людей, которые потребляют и производят или торгуют, содействуют потреблению и удовлетворению потребностей других людей... * (См. о продукте виноделов в статье «Налоги».) Люди, занимающиеся уходом за скотом и его разведением, образуют другую группу производительного занятого населения, связанную с земледелием, ибо скот дает удобрение для полей и тем обеспечивает хорошие урожаи, а земледелие снабжает его кормами в виде зерна и фуража во время выпадения снега и в холода, когда пастбища недоступны.

Скот представляет собой особый род продукции, очень прибыльной в хорошо управляемом государстве. В то же время эта отрасль сельского хозяйства больше всего страдает от неурядицы, вносимой произвольным обложением, и всяких притеснений, которым подвергаются жители сельских местностей. Благодаря своей ценности и легкости выращивания скот представляет удобный объект при взимании оброка и соляной пошлины, при вымогательствах хозяйских приказчиков или сборщиков налогов, при наложении произвольных штрафов администрацией; в итоге крестьянская корова навлекает на своего хозяина всякого рода притеснения, пока, наконец, ее не уведут вовсе! Если правительство не следит за сохранением этих производительных богатств, то в деревне начинается упадок, земли лишаются удобрений и остаются необработанными, а крестьяне оказываются без всяких средств. Мясо, которое имеет такое значение для потребителей, становится столь редким продуктом, что низшие классы, т. е. почти все население, лишается его вовсе. Количество шерсти и других продуктов скотоводства сокращается в той же пропорции. Нация же в целом теряет огромные богатства, которые могли бы значительно содействовать благосостоянию сельского населения, увеличить доходы с зе-

* Фраза не закончена. (Ред.)

Мельных владений, способствовать сохранению людей и их счастью, росту населения и процветанию государства. Но такие блага могут давать только имущества, хорошо управляемые. Английское правительство уделило много внимания этому вопросу. Известно, насколько англичане увеличили свои богатства в этой области. По сообщению одиого английского автора, Англия уже в XIV в. извлекала из своей шерсти 10 миллионов ф. ст., или 230 миллионов ливров.

С тех пор успех этого рода богатства был так велик, что сейчас оно представляет, помимо удовлетворения нужд внутреннего потребления, одну из основных статей английского экспорта. Действительно, от богатства, доставляемого скотоводством, зависит богатство сельского хозяйства, а от последнего — доходы нации, количество населения и могущество государства.

Среди людей, ведущих хозяйство собственным трудом, наименее полезны государству те, которые потребляют только то, что сами производят, и все, что они производят. К ним относятся бедные крестьяне, которые выращивают немного продуктов, не имеющих цены, питаются ими, ничего не продают, ничего не покупают, не приносят никакой пользы другим людям и заняты лишь тем, чтобы с трудом и самым жалким образом удовлетворять собственные потребности. Прирост этого населения вполне соответствует его бедственному состоянию, а оно вызвано теми, которые им управляют и, разоряя его, разоряют государство. В итоге население покидает земли и исчезает, а под властью государя остаются пустыри.

Люди, занятые рыболовством, должны также быть отнесены к тем, кто производит. Хотя рыболовство не может быть сравнено с сельским хозяйством, его все же можно считать очень прибыльной отраслью. Улов макрели и сельдей в одном только департаменте Дьеппа оценивается больше чем в 13 миллионов. Отсюда можно судить, что дает рыболовство во всех наших портах. Рыболовство в открытом море, т. е. лов кита и трески и т. п., представляет предмет очень важный и заслуживает большого внимания. Оно является первой школой для людей, готовящихся к службе во флоте, и достигло бы гораздо больших успехов, если бы не чрезмерное его обложение. Улов мог бы сильно возрасти,

если бы это обложение не было таким обременительным. При возросшем количестве продукции увеличился бы и объект обложения, рыболовство привлекло бы большее число матросов и вызвало бы прирост национальных богатств. Но интересы частных людей не подчиняются той точке зрения, которая учитывает общее¹⁵; благо. Лишь мудрость правительства может привести к описанным результатам.

В таком же разумном отношении нуждается продукция людей, занятых извлечением минералов и металлов из рудников¹⁶. Это занятие также представляет обильный источник продукции и богатств. В действительности это не богатства, предназначенные для питания людей или для удовлетворения их¹ потребностей, которые по естественным условиям представляются самыми ценными или необходимыми. В торговом обществе нельзя руководствоваться нормами естественного порядка, потому что продукты представляют собой товарные богатства только по причине своей цены. Поэтому несущественно, какова должна быть их сущность и для чего они служат, но важно только, чтобы каждое из них могло быть обменено при помощи денег или непосредственно на любое другое богатство в соответствии с его ценой. Каждый может предпочитать то или другое из них в зависимости от нужды в нем. Но, рассматривая их в качестве товарных богатств, надо оценивать их в зависимости от их цены. Поэтому, каковы бы ни были предметы, которые торговая нация может получить с помощью своего труда, наиболее прибыльны для нее те, которые дают наибольшее богатство благодаря своему изобилию, цене и минимальным затратам. Каждое частное лицо должно само направлять свой труд и расходы на такое производство, которое для него наиболее выгодно, в зависимости от его способностей, места жительства и собственников земли, предназначенной им для извлечения самого выгодного для него продукта. Если он ошибется, то собственные его интересы заставят его быстро разглядеть ошибку.

Купцы должны быть причислены к тому классу людей, которые производят¹⁷, если только они содействуют общему достатку при помощи хороших цен, достигаемых в торговле с границей. Но мы видим постоянно в их писаниях, что они придерживаются иного взгляда

на выгоды, даваемые их торговлей, и собственные их интересы заставляют их забывать интересы нации. По их мнению, низкая цена благоприятствует торговле. Торговля, говорят они, увеличивает сбыт, сбыт создает изобилие, а изобилие вызывает понижение цен. Поэтому если расширится торговля и они могут покупать по низким ценам, то их цель достигнута. Ведь сбыт, расширенный при помощи торговли, вызовет изобилие, содействующее снижению цен на продукцию земли; покупка по низким ценам поможет продать за границей, облегчив конкуренцию с другими соперничающими нациями. Эта низкая цена расстроит их торговлю или разорит их, сократив их доходы, и заставит понизить цены на товары.

Таковы принципы, которые наши купцы всегда старались внушить правительству, чтобы побудить его издавать выгодные им правила и запрещения и создавать привилегированные компании. Таким способом они обеспечивали себе большие барыши при покупке наших сельскохозяйственных продуктов и продажу нам по очень дорогой цене тех товаров, которые они нам привозили. Они хотят, чтобы иностранным судам был запрещен вход в наши порты. Мы не можем, говорят они, выиграть на фрахтах при конкуренции с голландцами, потому что судоходство обходится им очень дешево. Из всего этого видно, что наши торговцы заняты только своей выгодой в ущерб всей нации и интересам торговли в целом.

Надо надеяться, что их торговля создаст изобилие посредством сбыта, а изобилие вызовет снижение цен на продукты питания не только во Франции, но и у других торгующих народов. Правда, изобилие может вызвать такое падение цен, которое будет равно обесценению продуктов, а обесценение не создает изобилия: затраты, необходимые для производства продуктов питания, обуславливают фундаментальную цену, и продажная цена вызывает убыток, когда она падает ниже этой фундаментальной цены. Нам могут возразить, что фундаментальная цена снизится в меру падения продажных цен, потому что средства существования рабочих будут менее дороги. Но в фундаментальную цену входит обложение и арендная плата (*fermage desterrres*), поэтому нельзя снизить издержки производства, не

уменьшив заработков сельских жителей, доходы земельных собственников и короля. Итак, если вы сопоставите эти губительные последствия с тем химерическим изобилием, которое вам обещают, то вы легко обнаружите, что целью купеческой системы не является общее благо.

Но не следует ли нам рассматривать как большое достижение разорение торговли других морских народов, которые испытают те же бедствия, что и причиненные нашей торговлей нам самим? Однако что мы приобретем, разорив себя с целью разорить других? Мы даже не сумеем повредить им так, как мы повредим себе. Но если бы даже вред, причиненный той и другой стороне, был одинаков, то мы сами испытаем все же лишь вред без всякой для себя пользы. Притом наши дурные намерения могут относиться только к голландцам и англичанам.

Голландцы занимаются посреднической или обменной торговлей и покупают продукты продовольствия с целью их продажи. Они всегда регулируют покупную цену по продажной, они продают не свою продукцию, снижение цен не понизит ни их доходов, ни прибылей от их торговли. Торговля англичан, правда, в значительной степени заключается в сбыте собственной продукции, но охватывает и много других отраслей, в которых они не конкурируют с нами и которые не потеряют никакого ущерба от низкой цены продуктов питания, продаваемых нами за границей. Поэтому они испытывают лишь частичный ущерб, мы же понесем его полностью.

Но не увеличивает ли морская торговля наше влияние в отношении других народов, лишенных такого преимущества? Англия, вынужденная нести огромные расходы на море, чтобы противодействовать нашим морским силам, не сумеет предоставлять им средства для ведения сухопутной войны с нами. Как же могут торговцы нас убедить, что мы должны снизить цены на наши продукты продовольствия, сократить свои богатства и утратить преимущества, которые нам дает торговля и которые мы разделяем с некоторыми другими морскими нациями под предлогом причинить ущерб конкурирующей с нами нации, но разорив при этом и ослабив самих себя в отношении всех других стран?

Итак, наша морская торговля может быть для нас выгодна только при высоких ценах на продукты, которые мы продаем, и при дешевизне тех, которые мы покупаем. Когда купцы начнут следовать этим принципам, они будут содействовать обогащению нации, заслужат уважение сограждан и получают право на почести.

К классу купцов можно причислить лиц, занимающихся посреднической и обменной торговлей, которые покупают у одних наций с целью продать другим, а также фабрикантов, производящих изделия, которые продаются за границей. Ведь они создают для страны прирост богатств, получаемый из прибылей, которые они извлекают из других наций и которые тратят дома. Но такой результат может быть достигнут нацией только в том случае, когда она обладает избытком населения.

Обыкновенно нации, ведущие посредническую и обменную торговлю, почти совсем не имеют сельскохозяйственных площадей, их население живет в приморских городах, где оно легко может вести морскую торговлю. Таковы голландцы, гамбуржцы, генуэзцы и т. д. Такой вид торговли является источником существования для наций, у которых деспотизм разрушил земледелие и которые имеют только богатства, легко поддающиеся утайке и увозу. Таковы варварские государства, Турция, еврейский народ и т. д. При помощи судоходства, караванов и взаимных письменных сношений они поддерживают торговлю в интересах городов, где они находят приют и где они менее подвержены притеснениям со стороны тирана и его агентов, наделенных властью, потому что города, особенно столицы, требуют больше осторожности.

Произвол властей проявляется полностью только в деревнях, почему они и пустеют. Подобная власть дерзает изощряться только в отношении крестьян и достигает того, что земледелие гибнет, а провинции опустошаются.

Обменная торговля очень ограничена и составляет слабый источник средств в больших государствах. Дело в том, что нации, ставшие богатыми благодаря своему производству и удобно расположенные для судоходства, сами торгуют своими продуктами продовольствия с заграницей. Они очень ограничивают поле деятельно-

сти посредничающих наций, так что большинство последних является только перевозчиками и комиссионерами. Их прибыли в основном проистекают из экономии в потреблении, они не располагают никакими продуктами собственного производства и могут заработать только на продаже того, что покупают. Поэтому, чем больше они потребят, тем меньше получат прибылей. Напротив, нация, обладающая большим производством, поддерживает свои богатства посредством потребления, потому что потребление содействует высоким ценам на продукты! Их постоянное уничтожение вызывает их постоянное возрождение, а это означает восстановление богатств нации.

Производство изделий, которые могут быть проданы иностранцам, не заслуживает большого внимания со стороны государств, богатых земельными угодьями, в особенности когда нет большого количества людей, способных сделать их ценными. Вообще число людей, которые могут быть заняты работой для иностранцев, очень ограничено.

Население всех стран всегда соответствует их ежегодно производимым богатствам; последние обеспечивают каждой стране то число людей, которое ей нужно для производства изделий, ей необходимых. Только богатые люди тратят деньги на вещи редкостные или на причуды; они покупают то, что им нужно, за границей. Поэтому итог внешней торговли такими изделиями имеет всегда ничтожное значение для большого государства по сравнению с вывозом сельскохозяйственных продуктов собственного производства.

Можно превозносить сколько угодно продукцию наших модных товаров, шелковых мануфактур и других предметов экспорта, вообще весь этот мелочный товар¹⁸. Но мы навсегда останемся при том мнении, что, отвлекаясь от вопроса о сырье, эта продукция, возмещающая лишь цену физического труда, имеет ничтожное значение для большого государства по сравнению с доходами, которые могут давать земельные угодья.

Мы должны рассматривать наших наемных рабочих, производящих изделия для продажи за границей, как нахлебников, которые оплачивают нам свое содержание за счет заработка, получаемого ими за труд и не превосходящего их издержек.

Рыболовство, дающее очень малую часть нашей продукции и значительно менее охраняемое, чем мануфактуры, выпускающие предметы роскоши, обремененное чрезмерным обложением и не привлекающее внимания, является питомником наших матросов; оно в сотню раз более выгодно, чем эти мануфактуры, занимающие людей, которые могли бы найти гораздо более полезное занятие в земледелии или во флоте.

Мануфактурное производство тканей шелковых, бумажных и из привозной шерсти так сократило потребление нашей собственной шерсти, что может казаться, будто оно поставило себе целью уничтожить наши стада, необходимые для удобрения полей и для повышения потребления мяса, являющегося предметом первой необходимости. Все эти выгоды приносятся в жертву торговле, имеющей лишь видимость реальной, так как торговля сводится к покупке иностранного сырья, которое при обработке не дает нашим рабочим и государству более, чем издержки их существования. Ради этого мы сокращаем чашу внешнюю торговлю хлебом и теряем продуктивную работу людей, которые отвлекаются от обработки земли и занимаются разорительным производством.

Могут возразить, что покупка мануфактурами, выпускающими предметы роскоши, сырого материала содействует торговле с заграницей и тем самым способствует продаже сельскохозяйственных продуктов нашего производства. Но нам было бы гораздо выгоднее покупать эти предметы роскоши готовыми, они обходились бы в два раза дороже ¹⁹. Это позволило бы нам продавать в обмен гораздо больше продуктов собственного производства, уменьшило бы у нас распространение роскоши, которая уничтожает наши стада, делает наши земли бесплодными и занимает людей, требующихся для более выгодных работ.

Поэтому не будем забавляться мелкой торговлей предметами роскоши, которая возмещает только издержки физического труда, ибо мы очень богаты земельными угодьями. Будем удобрять наши земли и продавать как можно больше зерна, вина, конопли, тканей и собственной шерсти. Разнообразная продукция — реальное богатство, и эти ежегодно возрождающиеся богатства обеспечат нас всевозможными изделиями

мануфактур и промышленными товарами всех сортов. Богатство — это мать ремесел и роскоши.

Земельные собственники могут также рассматриваться как люди производящие, так как они управляют землями и улучшают их. Даже государь и его министры содействуют косвенно в общей форме приросту богатств посредством управления экономикой государства. Процветание нации зависит и от них, но администрация не должна терять из виду истинный источник богатств королевства.

До открытия Америки Испания извлекала свои богатства из земледелия, и ее население было очень многочисленно. Но после того как рудники Перу стали источником доходов короля и грандов королевства, земледелие было оставлено. Крупные земельные собственники, благосостояние которых зависело теперь только от королевской казны, довели свои земли до обесценения, королевство обезлюдело, а его плодородные земли, запустев, представляют собой обширные пустыни. Количество населения стало соответствовать ежегодно создаваемым в рудниках Перу богатствам. Таким образом, Испания, извлекая из этого источника сотню миллионов, потеряла миллиарды на продукции земледелия.

Когда крупные собственники в каком-нибудь государстве не имеют для покрытия своих расходов другого источника, кроме продуктов, даваемых землей, то они поддерживают земледелие и защищают его благодаря своему влиянию от злоупотреблений низшей администрации. Они *уведомляют* правительство, и беспорядок прекращается. Сельские жители сохраняют средства, необходимые для того, чтобы земельные владения не теряли ценности, для оплаты аренды и податей и для обеспечения своим семьям существования, соответствующего привычному для них положению.

Крупные собственники, которые живут в своих имениях, поддерживают их и улучшают, предупреждают их упадок из-за фермеров слишком бедных или нерадивых. Они идут на затраты, вызванные разными улучшениями и расширениями, работами, которые могут обеспечить или увеличить доходы, или необходимостью оказать помощь фермерам при случающихся у них затруднениях. Они предоставляют последним отсрочки

при уплате арендной платы (du fermage) в случае, если условия для продажи их продукции оказываются неблагоприятными. Покойный маршал Мирпуа предоставил в распоряжение управителя своего имени²⁰ сумму в 10 тысяч ливров для оказания помощи фермерам, пострадавшим от заморозков, падежа скота или от других несчастий. Этот вельможа утверждал, что указанная сумма не уменьшилась, что фермеры весьма добросовестно и при первой же возможности возвращали заимствованные деньги. Если бы все крупные землевладельцы проявляли такую же готовность прийти на помощь, то они сохранили бы государству множество хороших фермеров, погибающих от несчастий, которым подвержено дело земледельца. Монастыри, имеющие земли, являются почти единственными сейчас владельцами, выполняющими такого рода обязанности. В результате их земли всегда находятся в хорошем состоянии и они сохраняют своих фермеров, передающих аренду от отца к сыну, в течение нескольких веков. Они отказываются содействовать вредному соревнованию фермеров, которые неосмотрительно заявляют о желании повысить арендную плату. Фермер, хорошо обрабатывающий землю, всегда может быть уверен, что она останется за ним. Такие землевладельцы содействуют выгодам земледельца и соглашаются на получение платежей в удобное для него время. Но обычно фермеры, сидящие издавна на их землях, в состоянии платить в положенные сроки, потому что они располагают временем спокойно создать себе достаток, основанный на труде и хорошей обработке земель. Чем выше их зажиточность, тем лучше они могут обрабатывать землю, тем точнее могут производить платежи, спокойнее выжидать время, благоприятное для продажи продукции, и выдерживать несчастия, которым они подвержены. Поэтому для государства очень полезен такой собственник, который хорошо управляет своими землями, увеличивает их продукцию при помощи вкладываемых на их улучшение средств, выбирает хороших фермеров, способных хорошо обрабатывать землю, помогает им в их расходах и трудах и способствует их достатку. Чем богаче такой землевладелец, тем больше он содействует годовому производству национальных богатств, потому что, чем он богаче, тем легче ему увеличить свои доходы

путем улучшения своих владений. При таком благоразумии земельных собственников ценность земель в королевстве может удвоиться и утроиться. В Англии крупные землевладельцы живут часть года в имениях, и они достигли очень многого в улучшении своих земель; объясняется это тем, что там земледелие составляет источник их богатства.

Производители составляют основную часть населения, прочие же представляют собой часть вспомогательную или дополнительную, всегда пропорциональную первой. Эта вспомогательная часть населения помогает основной части сберегать время, которое ей пришлось бы затрачивать на разные занятия для удовлетворения своих потребностей, для защиты страны и сохранения продуктов своего труда, а также для защиты земельных владений, которые представляют источник богатств, ежегодно возрождаемых.

Всякий человек, только пользующийся богатствами королевства или не пользующийся ими вовсе, бесполезен государству. Однако можно сказать, что человек полезен благодаря своему потреблению. Это действительно так, если он возмещает свое потребление трудом или пользой, приносимой прямо или косвенно производству того, что он потребляет, или того, что он присваивает. Потому что если он не возвращает массе богатств ценности того, что он извлекает, то эта масса неизбежно уменьшается. Но не восстанавливает ли он ее, если платит за свое потребление? Нет, потому что если он не зарабатывает, то он платит тем, чем владеет, и в лучшем случае возвращает массе богатств то, что поступило из нее в его владение. Сам же он не содействует воспроизводству того, что потребляет; богатства же возрождаются и неизменно воссоздаются только при помощи человеческого труда. Поэтому всякий человек, который не работает над восстановлением богатств, им присвоенных или потребленных, безвозвратно уничтожает то, что им потреблено. Может казаться, что, уплачивая, он восстанавливает для общества потребленное им, но нет сомнения, что той части богатств, которые потреблены им, в воспроизведенных богатствах не будет, потому что он сам не содействует ни прямо, ни косвенно такому воспроизводству. Можно возразить, что другие люди воспроизведут без него: другие люди дей-

ствительно воспроизведут все, что может дать их труд или что связано с приносимой ими пользой, но они не воспроизведут того, что должен был бы воспроизвести он сам своим трудом или посредством приносимой обществу пользы, так как он потребляет, но не возмещает того, что потребил. Поэтому его потребление составляет чистую потерю, ибо оно не входит в состав воспроизведенных богатств. Если же он продолжает потреблять, не возмещая потребленного, то необходимо, чтобы эта часть богатств все же воспроизводилась вследствие продолжающегося потребления. Действительно, она производится, но трудом других людей, а того, что он не производит ни прямо, ни косвенно, все же не хватает. Поэтому с точки зрения национальных богатств такого бесполезного человека как бы вообще не существует. Можно возразить, что дети, ничего не производя, потребляют и не считаются бременем для государства, потому что полезность человека для общества складывается на протяжении всей его жизни. Годы детства и дряхлости возмещаются годами, когда он приносит пользу. Не надо также думать, что иностранец, приезжая к нам тратить свои деньги и потреблять наши богатства, не приносит пользы, ибо, как известно, он оплачивает нам свое потребление иностранными богатствами, а не нашими. Но разве праздный рантье, возразят мне, не приносит пользы, тратя свои доходы? Делают вывод, что он полезен, потому что не замечают последствий и путают человека с богатствами, потребляемыми им. Правда, если бы богатые люди, ничем не содействующие производству богатств, не тратили свои доходы, то они были бы крайне вредны. Но хотя они не настолько вредны, однако из этого не следует, что они полезны. Было бы даже хорошо, чтобы они тратили также свой капитал (capital), который, переходя к людям трудовым, становился бы еще более полезным; принадлежа людям праздным, не приносящим лично никакой пользы и ничего не дающим, эти богатства можно считать плохо помещенными. К счастью, таких людей не слишком много. Среди знати мало людей, которые бы не посвятили себя какому-нибудь важному делу или видной должности, будь то в церкви, в армии, в управлении королевством или в суде и т. д.

Лица, не обладающие очень большим состоянием, обращаются к занятиям, соответствующим их возможностям и образованию. О полезности людей богатых и денежных и вообще тех, кого называют людьми деловыми, можно судить на основании их доходов, которые свидетельствуют о ценности их трудов для процветания государства.

При применении человеческого труда государство должно не только считаться с пользой, приносимой людьми фактически, но оно также обязано учитывать возможность извлечения более значительной пользы для королевства при данном уровне его населения путем применения их труда на других, более выгодных работах. Оно должно также сокращать число людей, занятых на работах, которые можно было бы вести с меньшим числом людей и с меньшими расходами. Люди, которые без надобности употребляются на таких работах, отвлекаются от других работ, где они могли бы принести пользу государству. Затраты, которые благодаря им без всякой пользы увеличивают цену товара или сельскохозяйственных продуктов, сокращают их сбыт и продукцию. Лица, более интересующиеся ростом населения, чем увеличением богатств, могут сказать, что даже эти затраты приносят государству пользу, потому что дают возможность существовать более многочисленному населению, увеличивают потребление, расширяют сбыт и производство сельскохозяйственных продуктов.

Все эти выгоды только воображаемы, так как затраты, увеличивающие цены на продукты, не увеличивая их количества и дохода собственников, сокращают сбыт, потребление и производство. Потребление соответствует богатству потребителей, и богатства эти зависят от национального дохода. Рост же издержек не увеличивает доходов, напротив, он их сокращает, потому что снижает ценность продовольствия, которая должна выражать истинную цену. Обременяя его лишними затратами, делают его таким дорогим, что он лишился бы сбыта, если бы цену не снизили до пределов возможного в ущерб истинной ценности²¹ продукта. Отсюда ясно, что затраты, которых можно было бы избежать и которые образуют заработок множества людей, не дающих того, что им платят, сокращают до-

Ходы или богатства потребителей и уменьшают сбыт и производство продуктов.

Сокращений продукции означает сокращение богатств. Но население страны всегда соответствует годовой продукции и доходам нации. Поэтому люди, которые лишь увеличивают расходы по производству сельскохозяйственных продуктов или товаров, не только вредны для роста богатств, но и препятствуют увеличению населения. Таким образом, все машины, сокращающие расходы на человеческий труд, и все каналы и реки, позволяющие избегать труда возчиков, способствуют созданию таких цен, которые соответствуют истинной ценности продуктов или товаров. Они благоприятствуют сбыту и производству, что помогает увеличивать богатства и, следовательно, численность населения, потому что рост богатств вызывает увеличение расходов, которое сопровождается приростом заработков всех доходных профессий и привлекает к ним повышенное количество людей. Поэтому неверно, будто население может возрастать в ущерб годовому производству богатств: часть населения, потребляющая сверх того, что она производит, не так многочисленна, как думают.

В этом положении заключается ответ на множество вопросов, связанных с сокращением издержек, которые увеличивают цену товаров нашего производства. Так, например, возникает вопрос, не следует ли запретить каботажное судоходство голландцам, которые перевозят из одного французского порта в другой наши товары с меньшими издержками, чем мы сами. Говорят, что наше судоходство теряет прибыли, которыми пользуются иностранцы. Но нация выигрывает на дешевизне голландских услуг, поэтому надо решить, следует ли предпочесть частные интересы судоходства общим интересам нации. Могут возразить, что интересы судоходства тесно связаны с национальными интересами и оба требуют ликвидации голландского каботажного мореплавания, потому что такая ликвидация будет способствовать развитию нашего торгового и военного флотов. Подобное запрещение, конечно, полезно для успеха нашего торгового флота, так как обеспечит ему прибыли, которые позволят расширить эту важную часть нашего судоходства; оно также полезно и для военного флота, потому что даст возможность привлечь большое

количество людей к мореплаванию. Но можно ли во* обще смешивать каботажное плавание с торговым флотом, не представляет ли оно особую область, так как его задача не заключается в торговле с границей, а сводится к перевозке товаров из одного порта в другой, что связано только с нашей внутренней торговлей? Поэтому сокращение расходов по такой перевозке одинаково интересует продавца и покупателя, принадлежащих к одной нации. Повышение же расходов по этой перевозке, хотя и выгодно для нескольких соотечественников, может нанести большой ущерб сбыту, потреблению и производству сельскохозяйственных продуктов, а отсюда неизбежно последует сокращение годовой продукции богатств в стране.

Сокращение богатств государства равносильно причинению ему вреда в самой его основе. Что касается умножения числа матросов, то это, несомненно, важное дело, но оно зависит не столько от мелкого каботажного судохозяйства, сколько от прироста населения и богатств. Если у нас есть богатства для того, чтобы хорошо их оплачивать, то найдутся и матросы, особенно если мы будем содействовать успехам рыболовства, которое представляет собой рассадник моряков и в то же время источник богатств. Но если для их умножения примут такие меры, которые вызовут сокращение богатств, то уменьшится и население, потому что оно всегда соответствует богатствам. Подобные меры не только не будут благоприятствовать частным интересам, которые ими преследуются, но еще меньше будут способствовать общему благу. Итак, в ожидании желанных нам перемен можно по крайней мере сказать, что существующее положение для нас не опасно.

Когда население в сельских местностях притесняется и беднеет, когда обработка земель не поддерживается и не обеспечивает средств существования людям, живущим в деревнях, то они уходят в большие города. Там их привлекают в слишком большом количестве такие занятия, в которых они оказываются мало полезными и даже совсем бесполезными или становятся бременем для прочих граждан. В особенности же чрезмерно многочислен класс розничных торговцев и класс прислуги.

Строго говоря, купец, ограничивающийся внутренней торговлей, не занят производительным трудом²².

Он оказывает услуги нации, и нация его оплачивает. Число купцов и их прибыли так неопределенны и так независимы от какого-либо установленного порядка, что количество розничных торговцев всякого рода может умножаться беспредельно. Каждый из них старается по крайней мере обеспечить свою семью, поэтому, чем многочисленнее эти семьи, тем розничная торговля становится дороже и обременительнее для населения. Благодаря тому, что каждый, имеющий немного денег, легко может приняться за сбыт какого-либо товара, получается, что множество людей, спасающихся в больших городах от разорения в деревне, начинает торговать; они вкладывают в торговлю те небольшие средства, которые их отцы затрачивали бы на земледелие. Таким путем произвольное обложение, призыв в ополчение, принудительные работы, стеснения торговли сельскохозяйственными продуктами и другие притеснения отвлекают и отнимают от земледелия рабочие руки и средства! Множество торговцев, поселяющихся в больших городах, вызывают в ущерб граждан повышение цен вследствие необходимости иметь заработок, соответствующий их численности. Высокие же цены, вызванные изобилием торговцев, позволяют тем из них, которые имеют сбыт, сколотить состояния, вредные для общества, потому что прибыли, создающие эти состояния, намного превосходят затраты и потребление таких крупных торговцев.

Собранные и задержанные богатства образуют скопления и препятствия, мешающие циркуляции производительных богатств, которые должны систематически проходить через земледелие для ежегодного воспроизводства богатств и государственных доходов.

Между тем накопление таких состояний, вредных для земледельческого государства, рассматривается как показатель национального богатства, в то время как оно представляет, напротив, причину упадка.

Нельзя считать средства земледельца аналогичными средствам мелкого городского торговца. Земледелец, обрабатывая землю, может заработать только посредством труда, выгодного для государства, и только ежегодно затрачивая свои богатства на выплату заработной платы крестьянам, которых он нанимает для работ в своем хозяйстве. Такие последовательные заработки

создают ему состояние, если ему вообще удастся его создать, но они не составляют даже одной пятнадцатой ежегодно производимого им продукта. Поэтому, чем больше такое состояние, тем, следовательно, полезнее тот, кто его приобрел, и тем целесообразнее было применение им своих богатств при создании состояния. Дело в том, что большие затраты на земледелие увеличивают в три и четыре раза продукцию земли, в то время как недостаточные затраты дают продукцию, лишь на 30% превосходящую издержки, а достаточные затраты дают 100% прибыли в отношении вложений, часть которой идет государству, а часть земледельцу. Таким образом, именно богатства, создаваемые земледельцем, обеспечивают доход нации, могущество государя и процветание страны. Поэтому профессия земледельца заслуживает гораздо большего внимания вследствие своего значения и характера применения богатств, чем профессия торговца, который приступает к делам в трудные времена, в момент роста количества обращающихся ценных бумаг. Такая торговля, ставшая неизбежной, отклоняет денежные средства от производительного процесса. Учетно-ссудные кассы не только не содействуют своим состояниями воспроизводству богатств, но изымают еще деньги из обращения и выкачивают мало-помалу все небольшие сбережения нации.

В такие-то периоды в столице сосредоточиваются все деньги королевства. Людям, которые могут предложить заимодавцам только ипотеки, трудно заключить заем. Прибыль слишком мала, когда она сводится к простому проценту за отчуждение капитала. Приходится обходить закон, чтобы обеспечить себе большие прибыли и быстрое возвращение денег.

Под влиянием больших удач, достигаемых в финансовом мире, малопроницательные граждане думают, что количество обращающихся денег возросло и что государство обладает хорошими источниками средств. Но эти удачи не представляют собой, как они думают, источника средств для государства. Дельцы (l'agioteur) беспрерывно обогащаются в периоды, когда, как они знают, нужда в кредите поддержит ценность векселей, учитываемых ими. Но они никогда не откажутся от распоряжения своими богатствами и выставляют их лишь тогда, когда им обеспечена полная безопасность, а затем пря-

чут их в кладовые. И тогда остаются лишь тяжелые последствия пережитых времен.

Люди, которые считают, что было бы целесообразно восполнить количество золота и серебра в королевстве посредством постоянного обращения известной суммы государственных билетов и других коммерческих государственных бумаг, не понимают, что такого рода векселя пригодны только для поддержания обременительной и недобросовестной торговли, ничего не производящей, существующей единственно за счет денежной массы и помогающей профессиональным дельцам удерживать в своих руках часть денег королевства. Эти деньги отвлекаются от обращения, благодаря которому они постоянно восполняли бы источник реальных богатств и удовлетворяли бы потребность в авансах, необходимых издержках, делаемых для ежегодного возрождения этих же богатств. Деньги не порождают денег. Поэтому обманчивая торговля, в которой деньги представляют одновременно товар и средство расчета, обогащает дисконтера в ущерб тому, кто учитывает. Профессия дельца может быть только вредной для общества. Единственный вид торговли, который дает деньги, который может быть выгоден как для продавца, так и для покупателя и полезен для всей нации, заключается в обмене товара на деньги. Обращение государственных и коммерческих бумаг не может считаться подлинным восполнением богатств государства; достаточно иметь товары и беспрепятственно производимую свободную торговлю, чтобы не было недостатка в деньгах.

Народ обращает больше внимания на чрезмерное количество людей, покидающих деревни с целью наняться в прислуги в Париже, чем на занятия городских жителей, кидающихся в розничную торговлю и в торговлю деньгами. Правда, наем в прислуги означал бы потерю земледелием людей, если бы оно давало им возможность существовать и если бы они не подвергались опасности попасть в ополчение или измучиться на принудительной дорожной повинности (*corvée*), доводящей до нищеты. Они не могут вести земледельческих работ за собственный счет, если не имеют требуемых для того средств, и не могут вести их за счет фермера, если последний сам не в состоянии их нанимать и платить заработную плату, достаточную для обеспечения

им существований в течение всего года. Но в большинстве провинций фермеры и исполщики с таким трудом добывают средства существования для своих семей и извлекают так мало денег из своего зерна, сбыт которого не свободен, что они не в состоянии осуществлять крестьянские работы, если не обеспечена скромная и хотя бы не полностью соответствующая их тяжелому труду цена; далеко не все сельские рабочие могут трудиться и в состоянии выдержать тяготы такой бедности и перегрузки. Можно ли удивляться, что они получают отвращение к такому тяжелому и нищенскому труду и предпочитают наняться в прислуги, чем оставаться в своем жалком положении?

Нельзя, сохраняя гуманность, приостановить обезлюдение деревень. Если бы можно было удержать людей принудительно, то все запустевшие места оказались бы заселенными несчастными.

Может быть, следует вспомнить те королевства, где крестьяне являются сервами крупных собственников и обязаны работать в пользу своих господ, которые обеспечивают их лишь самым необходимым. Но такое устройство, которое столь же сильно подрывает власть государя, как и процветание государства, глушит всякое соревнование и всякую активность. Кроме того, оно несовместимо с развитием судоходства и торговли; эта феодальная тирания не годится ни для морского королевства, ни для правительства истинно монархического, потому что толцко свобода и частный интерес оживляют государства.

Напрасно предлагают во Франции изгнать из деревень сельских учителей. Это мелкое средство, которое иногда приветствуют, но которое нелепо и приведет лишь к еще одному притеснению! Умеют ли несчастные крестьяне читать или не умеют, им достаточно знать, что в Париже они смогут просуществовать, достаточно иметь там родственников или земляков, которые их примут и устроят. С этим можно бороться только одним способом — улучшением их положения. В деревне крестьяне крепко привязаны к своей местности и не покидают ее, если только нужда не принуждает их к тому. Если деревня теряет своих жителей, то это происходит потому, что ей не хватает богатств; люди там бесполезны, когда они не могут приобрести какую-то зажи-

точность. Ведь без зажиточности и спокойствия они не имеют ни возможности, ни мужества отдаться с пользой для дела обработке земли. Таким образом, в подобных крайних случаях, когда крестьяне покидают свои места, чтобы, может быть, принести на чужбине какую-нибудь пользу, государство ничего не теряет, так как потребление этих людей ограничивается самой плохой пищей и самым жалким платьем; они ничего не покупают и ничего не продают, а труд их так бесплоден, что не позволяет им удовлетворять даже насущнейшие потребности. Хотя изобилие слуг мало способствует годовому производству богатств, они все же как-то содействуют ему косвенно.

Надо предоставить богатым свободу производить расходы. Если роскошь побуждает их кормить и оплачивать бесполезных людей, то не следует, правда, причислять таких слуг к числу производительно работающих людей, но надо все же рассматривать их как потребителей, которые помогают распределению денег богачей между всеми доходными профессиями. Ведь слуги не накапливают сокровищ, извлекаемых из денежного обращения, которое предназначено к постоянно повторяющемуся возвращению в источник ежегодно производимых богатств. Их пища, одежда и жалование представляют собой полезное для общества потребление. Богатый, пользуясь своими богатствами, возвращает их обществу. Отнюдь не следует мешать богатым пользоваться своими богатствами или доходами, потому что это содействует возникновению и воспроизведению богатств! Таким образом, изобилие слуг, вынужденных вследствие бедности пойти в услужение, менее вредно, чем их нищее и бесцельное существование в деревне. С этими слугами дело обстоит как с рабочими, занятыми изготовлением предметов роскоши на пользу нации. Ведь подобные рабочие полезны только постольку, поскольку они побуждают богатых делать расходы и поскольку они сами расходуют заработки, полученные за труд. Однако те и другие бесполезны в королевстве, не имеющем достаточно людей для того, чтобы сделать ценной земельную собственность (*faire valoir les biens — fonds*).

Но если правительство отказывается от доходов с земельных владений, если оно ограничивает с помощью

законов обработку земли только выращиванием продуктов, необходимых для существования нации, то всегда некоторое число людей в соответствии с общим количеством населения, как бы мало оно ни было, окажется полезным только своим потреблением. Возможно даже, что многие люди будут обременительны для нации.

Если не противодействовать злоупотреблениям и неурядицам, которые помогают одним создавать вредные для общества состояния, а других ввергают в нищету и ничтожество, то роскошь будет доведена до крайности, побуждающей граждан всех разрядов производить разорительные траты, потому что положение и уважение можно заслужить только богатством; богатство смешивает все социальные положения, уничтожает ранги, отличия, добродетели, заслуги и вообще все основные общественные качества; с его помощью можно купить себе покровителей, чтобы разорять слабых и получать должности, по праву принадлежащие людям способным и заслуженным. Подобный беспорядок убивает заинтересованность людей в общем благе, ломает пружины, на которые опирается правительство в своей внутренней политике, нарушает экономический порядок и потрясает государство. Рим был всего богаче и расточительнее именно тогда, когда он опустошал провинции, подчиненные его господству. Но эта расточительность послужила искрой того пожара, который загубил²³ силы Империи и подчинил ее врагам.

Когда государство достигает высшей степени процветания как в отношении численности населения, так и изобилия продукции, то люди приносят больше пользы стране своими богатствами, чем численностью. Когда богатства эти велики, то население живет в достатке и его потребление, соответствующее достатку, содействует производству богатств и поддерживает мощь государства. Но если бы население оказалось слишком многочисленно в отношении к количеству богатств, ежегодно извлекаемых им из земельных угодий и из внешней торговли, то такое избыточное население не могло бы уже содействовать приросту богатств, но своим потреблением привело бы к повышению цен на продукты питания. Однако рост цен не увеличил бы фонд богатств, а нужда людей, возросшая вследствие их численности, понизила бы зажиточность всего населения.

Если бы население стало чрезмерно многочисленным, то потребление населения свелось бы к насущно необходимому. В результате нация стала бы бедной среди процветания. Люди не имели бы возможности ограничить свое потребление, чтобы уделить какую-то часть его на издержки, необходимые для правительства и для защиты государства. Такая нация была бы вынуждена свести свою продукцию земли к предметам первой необходимости и ограничить ими также свое потребление. Так обстоит дело с населением в Китае, обширной и плодородной территории которого едва хватает, чтобы обеспечить ему рис и некоторые другие зерновые хлеба для питания. Китайский народ, хорошо управляемый, незнающий войн и не захватывающий чужих стран, разросся до такой степени, что его численность превосходит те средства существования, которые может дать хорошо обрабатываемая обширная территория. Однако такой совокупности обстоятельств, которые благоприятствуют чрезвычайному росту населения, не имеется в других государствах.

Деспотизм государей и их заместителей, недостаточность и неустойчивость законов, беспорядок в администрации, необеспеченность владения землей, войны, неупорядоченное обложение губят людей и богатства государей. В мире почти нет народов, которые довели бы свое население до такой численности, которая позволила бы извлекать из земли все то, что она способна дать, и помогла бы создать богатства, достаточные для пользования возможным в таких условиях благосостоянием.

Правительства всегда стремятся к увеличению населения, потому что люди умножают богатства. Но, слишком жадные, они спешат изъять богатства, которые должны служить делу повышения доходов государства и роста населения. Они сами себя обрекают на бедность, спеша воспользоваться имеющимися богатствами сверх меры, допустимой без нанесения ущерба земледелию. Они изымают эти богатства путем разорительных и плохо регулируемых налогов, путем насилия и расходов, связанных с их взысканием, путем препятствий, чинимых сбыту продукции, путем лишения торговли всякой свободы или же путем наложения пошлин на продукты продовольствия, продаваемые за границу.

Такие плохо обдуманые пошлины имеют следствием сокращение доходов короля, так как они вызывают повышение цен как самих по себе, так еще более из-за издержек, связанных с их взысканием, а повышение цен препятствует производству и продаже продуктов питания, в особенности тех, которых не имеют другие страны и которые мы можем производить в изобилии. Именно эти продукты могут представлять для государства источник огромных богатств и давать средства существования многочисленному населению не только потому, что их производством может быть занято много людей, но и еще более потому, что расходование этих богатств создает заработок представителям доходных профессий. Франция могла бы производить огромное количество вина и продавать его соседним нациям по ценам, которые были бы им выгодны, а нам давали бы большие доходы. Богатства увеличились бы на много миллионов, а население возросло бы на миллионы людей.

Однако земледельческое государство обогащается не только благодаря росту своих богатств. Дело в том, что изобилие богатств содействует более, чем изобилие людей, приросту этих богатств, но, с другой стороны, прирост богатств содействует увеличению числа людей, занятых доходными профессиями. Например, мелкое земледелие, в котором за недостатком средств используются волы, занимает гораздо больше людей и получает гораздо меньше доходов, чем крупное земледелие, которое пользуется лошадьми. Последнее требует более крупных авансов, но оно может давать сто процентов прибыли, а в первом, занимающем гораздо более людей, затраты дают только 20% (см. статью «Зерно», Политическая экономия); тем не менее крупное земледелие, занимающее меньше людей, обеспечивает больший прирост населения, потому что оно дает заработок и средства существования гораздо большему количеству людей **.

* Земли, обрабатываемые богатыми фермерами, имеющими крупные фермы, менее населены, чем земли, обрабатываемые мелкими фермерами или польщиками. Если бросить взгляд на топографическую карту местностей Бос и Перш, то первая покажется пустынной по сравнению со второй. В Бос имеются только большие приходы, разделенные значительными пространствами, в Перш же приходах очень много, и они напротив, стоят тесно,

Таким образом, рост богатств нации дает ей возможность достичь еще большего роста этих богатств, а также населения и могущества страны.

Государства, лишенные судоходства, которое позволяет вести большую торговлю продуктами продовольствия собственного производства, почти совсем не в состоянии увеличить свои богатства и свое население. Ведь за отсутствием внешней торговли они даже не могут расширять земледелие, потому что изобилие может обесценить их продукцию и уничтожить доходы землевладельцев и государя. Изобилие, снижающее цену на продукты, не благоприятствует росту населения, потому что бедность отнюдь не удерживает людей в стране и не привлекает их туда. Действительно, если соответствие между богатствами и людьми нарушается и людей оказывается относительно больше, то такой избыток людей будет содействовать все большему обеднению государства. Заработная плата будет падать пропорционально росту числа людей, а потребление — пропорционально падению заработной платы, что доведет людей до такой бедности, которая принудит их покинуть страну. Так же обстоит дело с сокращением доходов, даваемых земельной собственностью, потому что собственники уменьшат в этом случае свои издержки, что вызовет опять-таки уменьшение заработка представителей всех доходных профессий, а в итоге сократится население.

То же самое происходит с морской нацией, которая по своей территории может иметь большой избыток продуктов питания, но запрещает их вывоз или же препятствует их сбыту при помощи налагаемой на них пошлины. В итоге устанавливается убыточная для земледельца цена, а поступление доходов с земель прекращается. Тогда остается одно только средство, именно

доходы, даваемые землями в Бос, намного превосходят доходы с земель в Перш. В итоге Перш, хотя и более населенный, чем Бос, гораздо меньше содействует росту населения в королевстве. О целесообразности использования людей в деревне надо судить по их занятиям и по их способности увеличивать ценность земельной собственности. Наибольшие доходы и самое многочисленное население будут обеспечены такому государству, земли которого обрабатываются богатыми земледельцами. Необходимо богатства фермера сохранять, а доходы собственника издерживать. Первые создают доходы, а последние предоставляют населению средства существования.

восстановление внешней торговли, либо же строгое ограничение земледелия потребностью нации в средствах существования, что создает для народных низов опасность частого голода в неурожайные годы. Но обесценение продуктов еще более опасно, потому что оно сокращает земледелие, уничтожает доходы и источники существования для нации, уменьшает население и разоряет государство.

Поэтому когда вывоз хлеба запрещен, то не надо жаловаться на то, что жители деревень не поднимают пустошей и не создают избытка хлебов! Избыток наряду с обесценением означает бедность, потому что, как бы изобильны ни были хлеба, если они возмещают земледельцу только его издержки, то изобилие не означает увеличения богатств; заработки и доходы не образуются, когда продажная цена превосходит издержки. Поэтому всегда надо тщательно изучать, не превысят ли издержки цену продукции, не вызовет ли расширение обработки земель ликвидации доходов с тех земель, которыми ограничивались до сих пор из-за необходимости держать цену зерна на определенном уровне, вернуть издержки, оплатить аренду и налоги и возместить труд и риск земледельцев. Тогда только станет ясно, не нужно ли, напротив, точно ограничить при помощи законов пределы обрабатываемой площади, следуя примеру нации, весьма просвещенной в коммерческих делах, которая бросает в море некоторые избыточные товары с целью поддержать цены на продаваемую их часть их²⁴. Такие законы были бы более разумны, чем запрещающие продавать за границу избыток продукции, который получился бы при обработке земель, обесцененных благодаря этому губительному запрету. Они были бы также разумнее, чем законы, запрещающие делать новые посадки виноградной лозы и предписывающие ее вырывать для расширения посевов зерна, сбыт которого затруднен. В королевстве еще имеется более 30 миллионов арпанов необрабатываемых земель, пригодных для посева зерновых хлебов, но их нельзя вспахивать во избежание такого падения цены на зерно, которое вызовет уменьшение национальных доходов, а также во избежание уменьшения населения, которое наступит при потере доходов и при упадке земледелия, следующего за уменьшением населения.

Неужели, вводя эти запретительные законы, верили, что низкая цена на пшеницу будет способствовать изобилию зерна и росту населения? Разве не ясно было, что в них заложена цепь явлений, ведущих к общему упадку? Сегодня уже нет надобности искать его причин. Для того, чтобы освободиться от этого вредного предвзвешивания, достаточно бросить взгляд на провинции, лежащие по ту сторону Луары, где из-за отсутствия сбыта зерно очень часто обесценивается и где крестьянин зарабатывает так мало, что не может воспользоваться его низкой ценой и питаться пшеничным хлебом. Это самые бедные и слабо населенные провинции, возделывающие очень мало земель. Весьма печально, что Франция, государство морское, земледельческое и торговое, должна была ознакомиться с этими истинами на собственном опыте. Их легко было бы обнаружить из опыта соседних народов, лишенных преимуществ мореплавания.

НАЛОГИ

Обложение подданных или подати, которые они платят государству для покрытия расходов правительства, опираются на ежегодно воспроизводимые богатства народа. Эти богатства можно разделить на четыре группы:

- 1. Доходы, приносимые земельными владениями;**
- 2. Богатства, которые служат для возмещения издержек или затрат, необходимых для восстановления доходов;**
- 3. Богатства, создаваемые промышленностью;**
- 4. Доход по государственным бумагам или проценты на фонды, сдача в наем домов * или другой недвижимости и имущества, собственник которого извлекает из**

* Мне кажется, что доход от сдачи домов в городах в наем должен рассматриваться как настоящий доход. Действительно, тот, который его уплачивает, не извлекает из него никакой выгоды и оплачивает его за счет других своих доходов. Но не менее верно, что для собственника дома это чистая и ничем не обремененная прибыль, правда, не вытекающая из производительной и творческой эксплуатации. Надо изучить вопрос о том, не представляет ли собой налог на дома совместно с обложением годовых доходов с земель двойного обложения? Это возможно, но такое двойное обложение не имеет места, если дома облагаются только при снятии налога с земли. В этом случае имеется не столько двойное обложение, сколько обложение косвенное. Но подобное косвенное обложение не сопровождается теми неудобствами, как косвенное обложение, взимаемое за счет промышленности и торговли сельскохозяйственными продуктами. При этом оно имеет большое преимущество в виде единообразия и простоты (Тьюро)

Него Доход, но которое Не дает никакой прибыли тому, кто платит, в отличие от земель, дающих ежегодный доход, который фермер уплачивает землевладельцу. Перечисленные виды дохода, строго говоря, им вообще не являются, но представляют собой годовые долги, которые платятся за заем денег и за наем домов. Но хотя эти доходы извлекаются из особых фондов и не являются продуктом богатств, циркулирующих в государстве, они все же могут рассматриваться с точки зрения собственников, которым они платятся как настоящие доходы (потому что для них они представляют собой реальный доход). Поэтому они, так же как прочие доходы, должны облагаться. Исключение представляют проценты по закладным на землю, но в этом случае их нельзя отличать от дохода, даваемого земельной собственностью, поскольку они создаются за счет этого же дохода *.

Денежные богатства

Мы не говорим здесь о другом виде богатств, который может быть очень значительным и который можно рассматривать как часть денежных богатств, употребляемых на ежегодное воспроизводство. Этот вид богатств, как бы похищаемых у государства и называемых циркулирующими финансами (*finance circulante*),

* Сельскохозяйственные и торговые предприятия не могут существовать без авансов и, следовательно, без фондов. Необходимо, чтобы у нации было большое количество денежных богатств, предназначенных на такое авансирование; отсюда неизбежно возникает торговля между владельцами денег и теми, кто нуждается в них для своих предприятий; поэтому торговля деньгами сама по себе ничуть не хуже, чем всякая вообще торговля, хотя она занимается лишь посредничеством между потребителем и производителем и всегда оплачивается за счет доходов с земельных владений, в чем она похожа на любой вид торговли. Подобная торговля деньгами становится злом только тогда, когда нужды правительства, вызванные его беспорядочностью, принуждают государство прибегнуть к кредиту, причем злоупотребление последним принимает самый разнообразный и неожиданный характер. В этом случае торговля деньгами становится азартным делом, на котором спекулируют негодяи, думающие обогатиться за счет простаков. Но правительство покровительствовало такому ажиотажу не больше, чем запутавшиеся молодые люди покровительствуют ростовщикам (Тюрго).

представляет собой денежные средства, накопленные в столице, иногда даже при посредстве государственных бумаг. Они служат для сделок на разницу в курсе или для игры путем противопоставления одних фондов другим, причем они доставляют при учете биржевых бумаг большие прибыли тем, кто располагает крупными денежными средствами для такого рода сделок.

Большие денежные средства, которые как будто свидетельствуют о богатстве государства, в действительности говорят об его упадке и разрушении, потому что они создаются в ущерб земледелию, судоходству, внешней торговле, ремеслу и доходам государя.

Они губят массу производительных богатств и укрываются от обложения, по этой причине мы не относим их к богатствам, содействующим доходам государя. Однако если бы обложение стало по своему характеру менее вредным для государства и если бы сельское хозяйство окрепло и торговля сельскохозяйственными продуктами собственного производства получила свободу, то указанные денежные богатства сами по себе вернулись бы в общую систему, потому что их привлекли бы прибыли, более обеспеченные и более устойчивые, чем те, какие дают сделки на разницу или биржевая игра, совершаемая при посредстве биржевых бумаг, представляющих почти всегда государственный долг².

Воспроизводимые богатства

Богатства, воспроизводимые и возмещающие расходы, произведенные для получения прибылей, не должны считаться новыми богатствами, так как они только возмещают издержки или расходы, авансированные для того, чтобы земельные угодья дали продукцию, необходимую для удовлетворения постоянных потребностей людей. Богатства, употребленные для получения прибылей, должны рассматриваться как семена, дающие урожай, которые должны быть извлечены из сбора для посева на следующий год. Эти семена, изымаемые из сбора зерна, не являются частью прибылей, даваемых урожаем, поскольку они представляют лишь возмещение тех семян, которые были затрачены для получе-

ния урожая, и поскольку они должны быть возвращены земле для производства каждый год нового урожая.

Так же точно обстоит дело с издержками земледельца при обработке им земли. Эти издержки, приблизительно составляющие две трети продукта, даваемого урожаем, должны быть возвращены земледельцу при сборе урожая для того, чтобы он мог снова затратить их на обработку земли. Поэтому указанные две трети урожая отнюдь не составляют части прибыли, извлекаемых из урожая. Ясно, что налоговые обложения не должны обременять собой этот вид богатств, служащих для обработки земли, потому что если землевладелец лишается какой-то их части, то тем самым уменьшается продукция земельных угодий.

Такое неправильно налагаемое обложение постепенно в корне разрушает доходы народа и государя, ослабляет и в конце концов полностью губит государство. Налоги не должны обременять собой богатства земледельца, предназначенные на обработку земли.

Чистый продукт

Ежегодно создаваемые богатства, которые образуют доходы нации, представляют продукт, составляющий после изъятия всех издержек прибыли, извлекаемые из земельных владений.

Землевладельцы не должны удерживать чистый продукт

Необходимо, чтобы собственники земли, получающие эту прибыль, ежегодно ее тратили и благодаря этому распределяли ее среди всей нации. Без такого распределения государство не могло бы существовать. Если бы землевладельцы удерживали эту прибыль, то необходимо было бы ее у них отнять. Этот вид богатств принадлежит государству столько же, сколько собственникам; последние пользуются им только для того, чтобы его растратить*.

* Так как пользоваться можно только тратя, то нечего бояться, что землевладельцы перестанут трать (Тюрго).

Землевладельцы полезны государству только своим потреблением: их доходы избавляют их от труда, они ничего не производят. Если бы их доходы не распределялись между представителями доходных профессий, то государство обезлюдело бы от скупости таких несправедливых и жестоких собственников³. В этом случае⁴ пришлось бы при помощи законов принять меры против таких бесполезных для общества людей, удерживающих богатства родины.

Таким образом, прибыли или доходы, извлекаемые землевладельцами из их земельных владений, представляют собой истинные богатства нации, богатства государя, богатства подданных, богатства, служащие потребностям государства, т. е. богатства, за счет которых оплачиваются налоги, устанавливаемые для того, чтобы правительство могло производить необходимые ему расходы и оборонять государство.

Доходы промышленности

Промышленность производит вещи, удовлетворяющие потребности людей и облегчающие их жизнь. Эти вещи представляют собой богатства для тех, кто эти вещи покупает. Поэтому надо, чтобы те, кто их покупает, обладали богатствами для их оплаты, но эти богатства могут проистекать лишь из прибылей или доходов, даваемых земельными владениями. Только продукт, даваемый землей, представляет собой богатство первоначальное, даровое, всегда возрождающееся, за счет которого люди оплачивают все, что они покупают.

Вещи, изготовляемые человеком, требуют со стороны тех, кто их производит, издержек и расходов, равных ценности этих изделий. Такие издержки подобны затратам земледелия, которые служат для пропитания сельских рабочих: люди, их зарабатывающие, тратят их на свои потребности, земледелец, платящий их, извлекает их из продукции, земли. Эти издержки представляют собой одновременно богатство и расход. Они представляют собой богатство, потому что служат для пропитания тех, кто их зарабатывает, и в то же время они представляют собой расход, потому что изымаются

у тех, кто платит, и потребляются теми, кто зарабатывает. Подобные издержки не могут сами себя порождать. Они рождаются землей при помощи человеческого труда. Не надо смешивать порождающий их источник богатств с самим человеческим трудом или с производимыми человеком изделиями. При суждении о природе этих богатств надо рассматривать богатства, циркулирующие в промышленности, и богатства, составляющие расходы земледелия, как подобные друг другу: первые дают средства существования людям, занятым в городской промышленности, вторые — рабочим в деревнях; те и другие ежегодно восстанавливаются за счет продукции земледелия.

В этом отношении сравнение правильно, но что касается их действия, то богатства, представляющие собой издержки земледелия, сильно отличаются от богатств промышленности. Первые порождают прибыли, вторые же производят изделия, ценность которых равна лишь вызванным ими же затратам. Рабочий, изготавливающий ткань, покупает сырье и производит траты на удовлетворение своих потребностей, возникающих во время производства; плата, получаемая им при продаже своего изделия, возмещает ему расход на сырье и на удовлетворение собственных потребностей. Выручка, доставляемая ему работой, представляет собой только возмещение произведенных им расходов, причем это возмещение позволяет ему существовать своим трудом. Конкуренция рабочих, стремящихся иметь подобную выручку, ограничивает таким возмещением плату за труд. Итак, эта выручка или возмещение издержек не представляет собой, как доход, даваемый землей, первоначального богатства и чистого дохода; даже если бы эта выручка превосходила издержки, то она все же могла бы существовать только благодаря наличию первоначальных богатств, всегда восстанавливающихся, которые оплачивают рабочие руки. Богатства, создаваемые промышленным трудом, возникают при помощи доходов, даваемых землей, и являются сами по себе богатствами бесплодными, которые воспроизводятся только при помощи доходов от земельных угодий. Нация существует лишь благодаря потреблению и постоянному воспроизводству. Богатства, поддерживающие существование нации, требуют восстановления, богатства же

бесплодные служат только потреблению и уничтожаются этим самым потреблением. Если их воспроизводству не служат другие богатства, то они не могут обеспечить непрерывного удовлетворения человеческих потребностей и последовательного восстановления богатств.

Денежные богатства

О денежных богатствах мы говорить здесь не будем. Такие богатства не являются ежегодно воспроизводимыми, они представляют собой в государстве только фонд богатств вспомогательных или скрытых и находящихся в обращении, который в торговле олицетворяет богатства реальные. О^ами денежные богатства не воспроизводятся. Деньги сами по себе не удовлетворяют потребностей людей и не порождают денег. Без реальных богатств денежные богатства оставались бы богатствами бесплодными и бесполезными. Но деньги, как богатства скрытые, оказываются очень полезными людям, так как помогают приобретать богатства реальные и устанавливают для этих видов богатств меру сравнения в виде ценности потенциального богатства. В итоге, при существующем порядке обмена богатствами между людьми, достаточно обладать денежным богатством, чтобы иметь возможность всегда приобрести все другие; причем деньги в своем обращении не потребляются и не воспроизводятся, но всегда служат обмену богатств таких, которые годны только для потребления, и таких, которые неизменно существуют благодаря воспроизводству. Руководители хозяйства должны учитывать эту существенную разницу между двумя видами богатств. Все нации должны постоянно стремиться к увеличению суммы реальных богатств и привлекать в страну обращающиеся богатства при помощи цен на богатства реальные. Но среди последних надо отличать богатства производительные, дающие доходы, от богатств бесплодных и потребляемых, т. е. удовлетворяющих потребности людей. К последним относятся изделия промышленности или ремесел, которые оплачиваются за счет дохода, но сами дохода не создают.

Внешняя торговля

Могут возразить, что при помощи торговли изделиями промышленности доходы, даваемые земельными угодьями какой-либо нации, могут служить для оплаты промышленного труда другой нации и что, благодаря такой торговле, последняя может привлечь к себе часть иностранных богатств. Но обычно торговля бывает двухсторонней, и, таким образом, плата за товары, приобретаемые одной нацией у другой, возвращается к первой нации вследствие продажи ею товаров второй нации; таким путем взаимные продажи возмещают те средства, которые послужили для покупок. Поэтому продажа изделий промышленности данной нации не ведет к привлечению богатств из-за границы и эти изделия оплачиваются за счет доходов производящей их нации. Если бы даже торговый баланс оказался положительным для какой-либо страны, то все же этот результат был бы весьма сомнителен, потому что сумма цен проданных изделий промышленности не представляет собой суммы извлеченной из них прибыли; ведь сумма цен включает не только ценность сырья, но также издержки и выручку рабочих и торговцев.

Однако надо признать, что есть нации, получающие мало доходов от земельных владений и создающие свои богатства при помощи заработков от торговли и промышленного труда. Но такие богатства достаточны только для городов или для маленьких государств, расположение которых благоприятствует судоходству. В этом случае море или реки представляют собой как бы землю или угодья и дают им богатства, заменяющие доходы скорее при помощи торговли, чем при помощи промышленности.

Большие государства, которые расположены так же благоприятно и могут благодаря своим земельным угодьям вести обширную торговлю продуктами собственного производства, не должны довольствоваться ресурсами таких маленьких стран, потому что зажиточность последних слишком мала для большого государства. Амстердам ведет большую заморскую торговлю только благодаря разрушению Антверпена. Следовательно, эта торговля настолько ограничена, что ее не могут вести одновременно даже два города в одной

стране. Наши мануфактуры, производящие предметы роскоши, сохраняются в нескольких городах только при помощи исключительных привилегий *, а их изделия продаются больше в собственной стране, чем за границей.

Обширные государства, у которых земельные угодья, реки, порты и моря соперничают в создании крупных доходов, должны интересоваться только продукцией земли и ее сбытом для получения ежегодно больших доходов от сельского хозяйства и торговли продуктами собственного производства. Им не следует заниматься развитием промышленности, потому что оно обеспечено им в соответствии с их доходами. Фабриканты, ремесленники, рабочие всегда оказываются в государстве в количестве, соответствующем наличию богатых земледельцев. Земледельческие богатства оплодотворяют земли, создают зажиточность и обеспечивают крупную торговлю товарами собственного производства **.

В государстве, обладающем большой территорией и благоприятно расположенном в отношении сбыта продукции, богатства землевладельцев, государя, торговцев, фабрикантов, ремесленников и рабочих зависят от богатств земледельца. Вся нация будет богатой, если в ее народе много богатых земледельцев.

К земледельцу надо присовокупить коммерсантов, перевозящих наши сельскохозяйственные продукты в чужие страны, где они могут быть проданы по хорошей цене, ибо расширение их сбыта и увеличение ценности способствуют увеличению их производства. Эти богат-

* Мысль, что мануфактуры, производящие предметы роскоши, не могут действовать без исключительных привилегий, совершенно ложна и служит предпринимателям предлогом для давления на правительство. Исключительные привилегии являются, напротив, почти всегда причиной того, что они не могут выдержать конкуренции иностранцев. Хотя им очень выгодно платить низкие проценты на деньги, но при наличии свободной и деятельной конкуренции это преимущество исчезнет вследствие экономии расходов на перевозку и вследствие предусмотрительного размещения подобных мануфактур в местах для них благоприятных либо по дешевизне рабочих рук, либо же по легкости сбыта; впрочем, если мануфактуры не могут действовать без исключительных привилегий, то Кенэ совершенно прав, считая, что попытка их поддержать представляет собой весьма невыгодное дело (Тьюро)⁴.

** См. статьи «Фермеры» и «Зерно».

ства, привлекающие средства из-за границы, также составляют источник богатств для нации. Их надо* освободить от обложения, потому что они производительны и содействуют приросту доходов королевства. Но нельзя смешивать такого коммерсанта с купцами или торговцами, ограничивающимися внутренней торговлей, которые ничего не производят, обслуживают нацию и ею оплачиваются. Более того, надо заметить, что, чем значительнее их прибыли и чем сильнее возрастают их состояния, тем больше богатств они изымают из массы их, производительно употребляемых. Те, кто защищают торговлю, часто не отличают процветания торговли внутренней от процветания торговли внешней, и такое заблуждение привело к ошибкам, очень вредным для народа*.

Внешняя торговля сама склонна к многочисленным злоупотреблениям, которые очень вредны для государства и против которых правительство не принимает мер. Купцы и их сотрудники никогда не имеют в виду общего блага нации. Они интересуются в торговле только своей выгодой и всегда стремятся захватить правительство врасплох, чтобы получить прибыль за счет нации, вместо того чтобы извлекать ее из-за границы. Они стремятся убедить других, что выгода их торговли для нации пропорциональна ее размеру и что внешняя торговля в 60 миллионов всегда более выгодна для государства, чем торговля в 40 миллионов. Эти рассуждения о размере торговли влияют на тех, кто не обладает достаточными знаниями для проникновения в сущность такого рода торговли. Если торговля снизится с 60 миллионов до 40 миллионов, то купцы заявят, что необходимо понизить цены на сельскохозяйственные продукты в королевстве. Для того, чтобы их можно было прода-

* Здесь вкралось недоразумение: правительство губило доходы, даваемые земледелием, не тем, что чрезмерно покровительствовало торговле, а по совсем другим причинам. Точно говоря, оно отнюдь не защищало торговлю, напротив, оно препятствовало ей всякими стеснениями, регламентацией, обложением и монополиями, которые вредили как торговле, ограничиваемой ими, так и сельскому хозяйству, терпящему в конечном итоге ущерб от косвенного обложения, которое при чрезмерном развитии уничтожает чистый продукт и делает бесплодными авансы земледельцев (Тюрго)⁵,

вать за границей по более низким ценам, чем назначают другие страны, конкурирующие с нами. Они будут утверждать, что благодаря этому наша торговля сильно возрастет, что это облегчит сбыт продуктов сельского хозяйства внутри королевства и вызовет увеличение их производства, а все это приведет к дешевизне и изобилию в королевстве. Наша торговля одержит верх над торговлей других наций. Их богатства сократятся, а наши возрастут *. Все города будут прибегать к одинаковым доводам для получения исключительных привилегий в интересах собственной торговли и в ущерб другим городам или провинциям королевства. Будут доказывать, что конкуренция большого числа купцов в одной отрасли торговли ее губит, что такая конкуренция поддерживает цены на сельскохозяйственные продукты на слишком высоком уровне и снижает их за границей, что неизбежно губит внешнюю торговлю.

Подобные доводы кажутся довольно убедительными, поэтому можно не заметить, что претенденты на привилегии стремятся только к собственному обогащению посредством монополий в ущерб нации. Никогда подобные мнимые защитники внешней торговли не вскрывали того, что продукты, которые они хотят покупать по низкой цене, имеют в королевстве *цену фундаментальную*⁶, вытекающую из издержек, требуемых их производством, и что в случае если продавцы этих продуктов не получают соответствующей цены и должной прибыли, то производство их сократится. Поэтому легко доказать на опыте, что, чем больше были исключительные привилегии торговцев, тем меньше защищено было производство сельскохозяйственных продуктов в королевстве, и что привилегированные купцы обогащаются всегда в ущерб нации и никогда в ущерб иностранцам. Чем больше они покупают по низким ценам у своих соотечественников, тем больше они зарабатывают и тем значительнее потери нации; чем больше они зарабатывают, тем сильнее они распространяют свою торговлю и тем больше

* Все эти глупости противоречат как принципам торговли, так и принципам правильного управления хозяйством. Но нередко частные интересы отдельных купцов воздействуют на невежественных администраторов (Тюрго).

вливают на нацию и правительство. Торговля боится конкуренции, а страна должна бояться привилегированного купца, который создает себе состояние благодаря своему влиянию и при посредстве монополии распоряжается ценами продуктов, которые он покупает.

Английская торговля

Англичане, лучше, чем мы, осведомленные о выгодах внешней торговли и об издержках, которые требуются для производства сельскохозяйственных продуктов, представляющих объект торговли, не упускают из виду расходы и прибыли земледельца при организации своих торговых дел. Эти стороны вопроса так тесно связаны, что нелепо было бы думать, будто нация может выиграть на росте своей внешней торговли, если она теряет на производстве сельскохозяйственных продуктов. Англия, стремящаяся как можно более расширить экспорт зерна, могла бы действительно сильно его увеличить, если бы купец покупал у хлебопашца хлеб по 16 ливров вместо 20 ливров. Но хорошо осведомленное правительство знает, что без роста земледелия успех торговли бесплоден. Поэтому для благоприятствования одновременно торговле и земледелию, оно выдает сверх цены зернового хлеба премию на каждый его экспортированный квартал.

Франция принимает в интересах своего привилегированного купечества меры обратные указанным. После того как купцы уничтожили культуру конопли в королевстве, Индийская компания предложила в 1719 г. Совету весьма странное средство для ее восстановления: она просила дать ей привилегию на закупку конопли в королевстве по цене 33 ливра за квинтал при условии, что ей будет поручена поставка конопли для флота по той же цене. Постановлением Совета эта привилегия была ей предоставлена. Но такое постановление можно рассматривать только как позволение сеять коноплю в королевстве под условием, что весь урожай будет продан Индийской компании по цене 33 ливра за квинтал. Земледельцы не приобрели ничего от этого постановления, так как восстановление культуры конопли было для Индийской компании лишь предлогом; следуя

традиции купцов, она в своих расчетах не учла издержек, требуемых этой культурой. Совет также не был знаком с этим вопросом, и весь проект оказался погрязшим в основе; ■ флот по-прежнему продолжал закупать коноплю за границей, а культура ее в королевстве не была восстановлена.

Привилегии, предоставленные торговцам сукном и другими шерстяными тканями,¹ привели не к лучшим результатам в отношении роста стад, дающих шерсть, и удобрение наших земель за счет этого источника не усилилось. Покровительство, слепо предоставленное торговцам шелковыми и бумажными тканями, повело к ускоренному сокращению нашего скотоводства. Следовательно, привилегии, благоприятствуя купцам, но не торговле, по крайней мере не торговле продуктивной, ведут только к полной гибели источников нашего производства и доходов нации и государя.

Купцы обладают большой ловкостью и имеют хорошую защиту со стороны своих покровителей, а потому они извлекают из внешней торговли всю ту прибыль, на которую можно рассчитывать. Сейчас следует ждать более разумных мероприятий со стороны тех, кому поручено руководство этой важной частью правительственного дела.

Налогам можно обременять без вреда землевладельцев, купцов, ремесленников *, но они отнюдь не должны касаться земледельцев и коммерсантов, ведущих внешнюю торговлю, и не должны сокращать их богатств, потому что, занятые обработкой земли и торговлей с заграницей, они ежегодно восстанавливают богатства королевства. Последние могут постоянно тратиться, так как их неизменно восстанавливают земледельцы и коммерсанты. Итак, нетрудно понять, какую часть ежегодно создаваемых богатств королевства можно облагать. Но не менее важно найти такую форму обложения, которая была бы наименее обременительной для нации.

Давно уже говорят, что для государств гибельны не сами налоги, а способ их взимания. Эта истина была

* Кенэ здесь дает поправку, он знает, что налоги не должны платить ни торговцы, ни ремесленники, а одни только земледельцы (Тюрго) ⁷.

угадана, но она не была ни доказана, ни углублена. Все же было предложено много проектов для того, чтобы взыскивать налоги способом наименее обременительным для государства. Но все они были недостаточно обоснованы, чтобы их осуществить. Произвольное обложение состояний частных лиц и торговли сельскохозяйственными продуктами, представляющее наиболее вредную форму обложения, применяется издавна как наиболее верный и легкий способ обложения или, скорее, как способ наиболее темный и удобный для тех, кто управляет сбором налогов.

Измерение богатства

Для введения такой формы обложения, которая делала бы его пропорциональным состоянию подданных, надо хорошо знать источники богатств государства.

Действительно, сейчас известно, что продукция земельных угодий, промышленности и ремесел образует ежегодно восстанавливаемое богатство народа. Но невозможно было найти мерку или определенный измеритель для установления количества и ценности этой продукции.

Талья

Изучая продукцию в самом ее источнике, пришли к выводу, что можно определить с приблизительной точностью продукт, даваемый землей, и предложили разные приемы для установления обложения, пропорционального доходам частных лиц. Но видя, что трудно найти верные методы для оценки продукции промышленности и ремесла, пришли к выводу, что следует всю систему обложения построить на обложении земли. Некоторые считали, что вообще трудно его распространить на промышленность. Эта форма обложения была введена в провинциях под названием талья. Но другие думали, что эта подать переобременяет землю и что промышленное производство, будучи весьма значительным, должно быть также подвержено обложению. Вобан, стремясь устранить произвольность в обложении, долго

и тщательно разрабатывал систему королевской десятины, которая охватывала бы оба эти объекта, но оказалась не подходящей ни к одному из них *.

Для того чтобы вернее взysкивать налоги, требующиеся на покрытие государственных расходов, и не слишком обременить плательщиков, правительство не ограничилось тальей, которой произвольно облагаются источники ежегодно воспроизводимых богатств подданных. Оно распространило налоги (taxes) на сами сельскохозяйственные продукты, которые представляют собой объект торговли и предмет потребления, и создало управление сборами и откупщиков для взимания ■ этих податей с помощью множества агентов, которые оказались гораздо более обременительны для нации, чем сами налоги.

Однако злоупотребления, связанные с таким обложением, и вытекающие из него неудобства хорошо известны. Все знают также, что король не извлекает из него больших доходов.

Действительно, легко было бы доказать, что налоги, накладываемые на источники ежегодно воспроизводимых богатств или же взимаемые с их общего потребления, в сущности обременяют один и тот же фонд. Можно также доказать, что способ их взимания в первом случае гораздо более прост и менее тягостен, чем во втором. Но, как бы они ни взимались, расходы на их сбор делают их еще более тягостными.

* См. статью «Зерно» с замечаниями о талье. Королевская десятина с урожая хлебов непригодна, несмотря на пример церковной десятины. Как доказано в статье, на которую сделана ссылка, десятина, взysканная с плохой земли, представляет двойное обложение по сравнению с десятиной, взятой с хорошей земли. Поэтому десятина, взимаемая с зерновых хлебов, является обложением несправедливым в смысле своей пропорциональности при обложении разной продукции земледелия. Правда, она пропорциональна продукции, но не пропорциональна издержкам и ценности посевного материала при различном качестве земли. С виноделием дело обстоит иначе, потому что качество вина совершенно различно на землях, производящих мало, и на землях, производящих много. Поэтому, хотя издержки тут и там почти одинаковы, разница (в качестве) вина возмещает малую производительность земель, дающих лучшее вино. В итоге десятина, взимаемая с виноделия, далеко не так несправедлива, как десятина, взимаемая с зерна (Тюрго).

Косвенное обложение

Обложение сельскохозяйственных продуктов и товаров создает очень большие трудности, связанные с его распределением и со всякими его деталями, причем управление ими и сбор их очень сложен. Все это дело требует большого числа людей, рассеянных по всему королевству, которые угнетают граждан, стесняют торговлю и обеспечивают себе прибыли и состояния только благодаря государственным субсидиям и тайному притеснению народа. Эти чрезмерные издержки, налагаемые на сельскохозяйственные продукты, создают искусственную цену, которая их значительно удорожает и наносит большой ущерб их реальной цене и потреблению. Оба эти обстоятельства одинаково способствуют расстройству основного источника королевских доходов и доходов народа.

Доходы королевства пропорциональны цене сельскохозяйственных продуктов

Доходы королевства всегда пропорциональны цене сельскохозяйственных продуктов. Когда она является их реальной ценой, то дороговизна не сокращает потребления, потому что оно всегда соответствует заработкам и доходам частных лиц*. Но, если дороговизна сельскохозяйственных продуктов вызвана их фиктивной ценой, связанной с расходами, которые не увеличивают их реальной ценности, то она сокращает реальную цену, потребление, производство и доходы. Эта дороговизна сокращает реальную цену сельскохозяйственных продуктов, потому что фиктивная цена, сделавшая их слишком дорогими, мешала бы их сбыту, если бы дороговизна не была уменьшена путем снижения реальной цены. Однако эта дороговизна все же еще чувствуется настолько, что она побуждает сокращать потребление. Доходы уменьшаются, потому что снижение реальной цены и сокращение потребления вызывают в итоге сжатие производства, которое определяет доходы, и, наоборот, сокращение доходов сопровождается сниже-

* См. статью «Зерно», замечания о цене.

нием потребления, так как расходы всегда соответствуют доходам. Снижение же доходов и снижение потребления содействуют уменьшению реальной цены, потому что то и другое способствует уменьшению сбыта, который поддерживает реальную цену продуктов.

Кардинал Ришелье очень правильно заметил *, что «если увеличение доходов короля не может быть достигнуто иначе как увеличением обложения всякого рода сельскохозяйственных продуктов, то ясно, что при расширении благодаря этому поступлений возрастут также и расходы, потому что придется покупать по более дорогой цене то, что раньше покупали дешевле. Если мясо подорожает, если цена тканей и всяких вещей подыметя, солдату будет труднее прокормиться и содержать самого себя, так что придется увеличить его жалование, и заработки всех ремесленников станут больше, чем они были раньше, так что рост расходов приблизится к росту заработков, а это создаст большие потери для частных лиц, при очень ничтожном выигрыше для государя».

Один автор, большой сторонник хорошо организованных генеральных откупов, пытался опровергнуть эти соображения, говоря, что «правительство не понимало необходимости увеличения откупов в соответствии с ростом торговли и увеличением достатка народов» **.

«Налоги, — говорит он, — повышают цену сельскохозяйственных продуктов, на которые они налагаются вследствие большого размера обложения. Но если эти налоги невелики, то ими надо облагать преимущественно сельскохозяйственные продукты, не имеющие первостепенного значения. Это дает два преимущества: во-первых, налог оплачивается всеми потребителями без всякого исключения; во-вторых, наибольшая часть налога падает на самых состоятельных потребителей». (Это рассуждение тем более убедительно, что оно соответствует распространенному взгляду.) «Из этого вытекает, что налог в экстренном случае можно вводить без особых опасений, если он носит всеобщий характер и падает на зажиточных потребителей в большей сте-

* Политическое завещание кардинала Ришелье, стр. 380. Приписывается Полю Хай, маркизу дю Шастеле (Примеч. фр. изд.)

** «финансист-гражданин», т. I, стр. 21. (Примеч. фр. изд.)

пени, чем на Несостоятельных; я прибавлю, — говорит автор, — что подобный налог сможет укрепиться и расшириться и его не следует отменять» *.

Однако автор согласен, что эти зажиточные потребители будут платить больше, так как он говорит, что на них падает большая часть обложения. В действительности они заплатят значительно больше, чем неимущие, вследствие расходов по сбору налогов, которые более обременительны, чем сам налог. Под этими зажиточными потребителями автор понимает тех, которые имеют значительные доходы, так как потреблять можно только в соответствии с доходами. Но неизбежно должно случиться, что дороговизна продуктов уменьшит их доходы. Тут дело идет об увеличении не реальных цен на продукты, но цен фиктивных, что не вызовет роста дохода. Такое уменьшение потребления, как уже доказано, причиняет ущерб всем, кто продает сельскохозяйственные продукты, уменьшает доходы с земель, производящих эти продукты и заработки промышленных рабочих. Подобное уменьшение заработков и доходов отражается на землевладельцах, купцах, фабрикантах, ремесленниках и рабочих. Поэтому неверно, что налог или, точнее, издержки по его сбору падают только на зажиточных потребителей; очевидно, что они сокращают заработки, доходы нации и основу доходов государства. В то же время наш автор предполагает, что усовершенствование откупов, успехи торговли и рост достатка народа должны происходить одновременно. Но такое предположение трудно понять. Я думаю, что его следует объяснить указанным ниже образом: чем больше повышается обложение, тем успешнее развивается откупное дело и тем дешевле обходится управление им в смысле относительной его себестоимости; ведь если взыскивание одного экю подати требует расходов в одно экю, то при повышении подати в два или три раза расходы остаются прежними. К этому сводится основа развития откупного дела, которое сделает обложение более легким, поможет расширить торговлю и увеличит благосостояние народа. Поэтому «подобное обложение будет расширяться, оно сможет удержаться, и его не следует отменять». Автор с основанием заме-

* «Финансист-гражданин», т. I, стр. 23.

Чает, что кардинал Ришелье не смог разъяснить эту тайну.

Таким образом, когда откупа хорошо организованы, то выгодно постепенно все более увеличивать обложение вина; по мере его роста бремя расходов по его сбору будет относительно сокращаться, это даст выгоду, потребление вина увеличится и больше людей станет заниматься виноделием. Торговля вином расширится, и земли под виноградниками начнут давать больше доходов. Отсюда проистекает для государства хорошо организованный рост поступлений по податям, а для народа обеспеченное увеличение доходов! Если же опыт не оправдает ожиданий автора, то объясняет он это тем, что финансисты получают чрезмерные барыши от откупов.

Расходы по сбору податей

Однако улучшению общего положения, на которое рассчитывает автор, мешают не столько чрезмерные барыши финансистов, сколько тяжесть содержания огромного количества чиновников, несправедливости и стеснение торговли. Утверждение, будто бы увеличение налогов ведет к сокращению огромных издержек по их сбору, которые делают эту форму обложения такой губительной, неправильно, напротив, увеличение налогов ведет лишь к росту их бремени. Откупа в самом деле сопровождаются большими успехами, о которых не имел понятия кардинал Ришелье, но привели ли эти успехи к тем результатам, которые ожидал автор? Судить об этом надо по реальному ходу вещей.

С основанием замечают, что множество людей, занятых сбором налогов, которыми обложены сельскохозяйственные продукты, само по себе означает потерю людей для государства. Все эти люди, оплачиваемые нацией, не производят для государства своим трудом никакого богатства, так что расходы и сами люди представляют чистую потерю для королевства. Борьба с контрабандой, которой сопровождается такая форма обложения, прибавляет к уже существующему новому бедствию, столь же вредное государству, сколь противоречащее человечности.

Ясно, что налоги на сельскохозяйственные продукты и товары вызывают расходы и сопровождаются потерями, которые разрушают и губят могущество и богатства государя.

Реальные источники

Теперь остается рассмотреть возможность обложения самих источников ежегодно воспроизводимых богатств нации и результат такого обложения.

Богатства создаются ежегодно земельными угодьями, промышленностью и внешней торговлей.

Богатства, производимые землей, сами зависят от труда человеческих рук, поэтому надо отличать труд людей, позволяющий рождаться богатствам, производимым землей, от изготовления разных изделий с помощью человеческого труда в промышленности. Последнее обеспечено в любой стране лишь в ту меру, в какую она обогащается сельским хозяйством, так как трудами земледельца создаются доходы, привлекающие купцов, фабрикантов, ремесленников, рабочих. Ведь издержки землевладельцев поддерживают существование представителей всех этих доходных профессий благодаря тем богатствам, которые собственники земли ежегодно привлекают из ее обработки.

Но не надо думать, будто доходы землевладельцев и государя создаются просто земельными угодьями вследствие даваемой ими продукции. Они обуславливаются также ценами на эту продукцию. Всякое определение величины налогов должно основываться на оценке доходов собственников, которая может быть сделана только исходя из цен на продукты питания. Для получения больших доходов недостаточно, например, чтобы земля давала большой урожай. Надо еще, чтобы снятый хлеб продавался по хорошей цене. В таких странах, где продукция самой плодородной земли обесценена или же продается по очень низкой цене, землевладельцы и государь не получают почти никаких доходов. Изобилие без хороших цен разорительно, потому что оно не позволяет земледельцу возмещать издержки. Всякая цена, которая не дает возможности возмещать издержки, сопровождается убытками, и изобилие не означает тогда богатства. В таком случае налоги становятся

гибельными. Но обесценение сельскохозяйственных продуктов всегда вызывается в стране, лежащей близко к морю, ошибками правительства. Плохая администрация государства, стремясь увеличить доходы государя, может вызвать их большое уменьшение.

Тщетны будут все усилия поднять доходы государства посредством расширения земледельческого производства, если правительство не умеет держать цену сельскохозяйственных продуктов на том уровне, который существует за границей, ибо в этом случае нация будет каждый год терять огромные богатства. Кроме того, численность населения страны всегда соответствует ее доходам и мудрости ее правительства. Плохая власть, допускающая снижение цен на сельскохозяйственные продукты, стесняющая торговлю и угнетающая народ, вызывает сокращение населения по мере уменьшения доходов, вызванного падением цен на продукты земледелия, бедностью жителей деревень и уходом их оттуда. О целесообразности податей, о доходах нации и о населенности страны можно судить, только зная способности и умение тех, кому поручено управление страной.

Сюлли, достигший благодаря своим военным заслугам одного из самых высоких положений в армии, стал еще более знаменит, когда начал руководить экономикой страны. По правде говоря, великие государственные деятели такого рода гораздо более редки, чем великие полководцы. Но разве такое просвещенное государство, как наше, не может приобрести сейчас нового Сюлли?

Прибыли фермеров и заработки людей, которые работают на этих фермах, надо отличать от ежегодных доходов землевладельцев, получаемых ими благодаря земледелию, потому что только издержки и прибыли полowników (colons) обеспечивают существование земледелия и получения доходов.

Только благодаря богатствам, создаваемым фермерами, улучшаются земли. Обработка их требует больших издержек, и чем больше эти издержки, тем плодороднее становятся земли и тем больше дают они заработков сельскохозяйственным рабочим, прибылей фермерам и доходов землевладельцам*.

* См статью «Зерно: »

Поэтому нельзя облагать производительные богатства половников, так как это означало бы разрушение источника ежегодного воспроизводства богатств страны.

Богатство земледельца и большой размер его прибыли обеспечивают хорошую обработку земли. При этом деревня станет богата стадами, земля покроется обширными нивами, крестьяне будут заняты, а их заработки обеспечены, доходы же страны умножатся. Поэтому не надо им завидовать и пытаться уменьшить их богатства. Они должны быть под охраной, потому что они представляют то начало, которое лежит в основе богатств государства.

Самое существенное и ненарушимое правило, которым должно руководствоваться управление экономикой, заключается в том, чтобы не посягать посредством налогов на обеспеченность и успехи земледелия. Только тогда защищаемое правительством земледелие расцветет и создаст богатства, которые по его же собственному указанию можно будет обложить способом самым верным и необременительным для народа. Тогда можно будет с успехом обложить доходы землевладельцев, а не создающие их прибыли земледельцев. Я говорю — с успехом, потому что налоги, падающие на землевладельцев, менее вредны, чем обложение земледелия или сельскохозяйственных продуктов.

Легко доказать, что обложение, падающее на собственников земли, менее вредно для них самих, чем обложение земледелия, т. е. ресурсов фермеров, потому что доходы, как было отмечено выше, сокращаются по мере того как налоги уменьшают ресурсы земледельцев. Налоги, которыми обложены неземледельческие доходы, не затрагивающее земледелия, не причиняют никакого ущерба, потому что земледелие в полную меру возместит землевладельцу вследствие доставляемого ему дохода те подати, которые обременят его доходы. Это положение было развито и полностью доказано в статье «Зерно».

Легко также понять, почему обложение доходов менее обременительно для землевладельцев, чем обложение сельскохозяйственных продуктов или товаров. Дело в том, что землевладельцы, потребляя и производя траты, оплачивали бы не только налоги, но и огромные

расходы, связанные с их сбором при обложении ими продуктов земледелия и товаров.

Талья, пропорциональная доходам землевладельца, налагаемая на основе арендной платы, уплачиваемой фермером и установленной в арендном договоре с соблюдением правил, изложенных в статье «Зерно», не требовала бы издержек по ее сбору. Она не наносила бы ущерба фермеру, потому что он знал бы ее размер, беря в аренду землю у собственника. Чувствуя себя в этом отношении уверенным, фермер спокойно и не таясь брал бы на себя все издержки, необходимые для разведения скота и для хорошей обработки земли. Угодья землевладельца всегда содержались бы прекрасным образом, и он мог бы при каждом возобновлении аренды извлекать доход, соответствующий хорошему состоянию земель. Эти доходы были бы ему обеспечены, потому что была бы обеспечена обработка земли. Фермер не получал бы прибыли за счет землевладельца, но она представляла бы плод сделанных им самим издержек. Конкуренция фермеров при возобновлении аренды всегда приводит доходы землевладельца в соответствие с продукцией земли. Талья, пропорциональная доходам, даваемым землей, ничего не меняет в положении землевладельца, потому что она всегда оплачивается за счет продукции земли. Но зато фермер был бы освобожден от злоупотреблений, связанных с произвольным обложением.

Эти злоупотребления так огромны, что фермеры не решаются вкладывать свои богатства в обработку земли. Они или их дети покидают землю и ищут других занятий. Землевладельцы не могут найти фермеров, которые были бы в состоянии должным образом использовать их земли. Земельные угодья приходят в упадок и распадаются на мелкие участки. Действительно, в таком печальном состоянии они находятся почти во всех провинциях королевства, а это — последняя степень упадка земледелия. Об этом можно судить по доходам: земли, которые арендуются по 10 ливров за арпан при крупном хозяйстве, доходят до 12 или 13 буассо при мелком хозяйстве, и если обложение не считается с этой деградацией, то земля вообще забрасывается. Арпан земли при крупном хозяйстве продается по 200 или 300 ливров, при мелком же он стоит 20 или 30 ливров; земель-

ные владения сами по себе ничего не стоят, если в Ло^
женные в них богатства не придают им ценности.

Трудно примирить эти факты с идеями дельцов, которые хотят нас убедить, что обитатели деревень должны быть бедны! Между тем именно от их богатства зависит богатство нации; при их бедности доходы падают, земельные владения теряют ценность. Если жители деревень бедны, то кто же (будет богат? Можно ответить, что богаты будут те, кто их разорит. Но что создадут их богатства? Государство позаимствует их, но, обременив себя долгами, не сумеет их оплатить. Тогда наступит полное уничтожение государственных богатств.

Из статей, цитированных выше, видно, что теперешнее зерновое хозяйство, выплачивающее тальи примерно на 30 миллионов, могло бы выплатить при своем восстановлении с помощью богатых фермеров приблизительно 200 миллионов. При этом доходы земледельцев и прибыли фермеров возросли бы более чем на три четверти того, что они составляют теперь. Если бы при этом расходы собственников земли были освобождены от обложения, взимаемого откупщиками, то талья могла бы быть увеличена, притом к выгоде первых. Дело в том, что фермеры, сами освобожденные от этого обременяющего их обложения, могли бы повысить арендную плату за земли.

Эти 200 миллионов тальи составляют только часть тальи, наложенной на имущества и подданных королевства, т. е. на виноградники, луга, дома, на всякое другое добро, на товары, ремесленников, рабочих и т. д.

Талья с виноградников

Если бы виноградные и яблочные вина были освобождены от налога (*droit d'aides*), то виноградники и яблочные сады могли бы быть обложены тальей, которая давала бы королю больше, чем эти права, осуществление которых связано с большими издержками. Указанные *droit d'aides* не дают королевскому казначейству и 15 миллионов. Если вместо него ввести налог в десять ливров, т. е. обложить каждый арпан виноградников десятью ливрами в среднем, исходя из большей

Ми меньшей плодородности угодий под виноградниками, то эта подать возместила бы прежнее обложение. Но здесь дело идет не о том, чтобы получить немного больше или меньше, а о том, чтобы наладить эту отрасль хозяйства и правильно ею руководить.

Такая подать, налагаемая на виноградники и выплачиваемая в один год, позволила бы виноделам-предпринимателям, находящимся в стесненном положении, продать вино и оплатить подать за счет выручки. Прежде им давали отсрочку на два или три года, чтобы облегчить уплату тальи; благодаря ей годы хороших урожаев помогали пережить годы плохих и винодел мог дожидаться благоприятного момента для продажи вина, между тем как, вынужденный платить подать в неблагоприятные годы, он совершенно разоряется. Когда урожай плох или цена вина слишком низка, виноделие требует особого внимания правительства. Если бы вино было свободно от всех повинностей (*tous droits*), то оно продавалось бы по более дорогой цене и выручка вполне вознаграждала бы винодела за наложенную на него талью. Действительно, ясно, что обложение виноградника не падает ни на винодела, ни даже на виноградник, потому что оно естественно входит в цену вина и оплачивается покупателем. При обложении всех виноградников продавцы возместят себе эту подать при продаже вина, как и всякий другой расход, связанный с виноделием, так как в обычный год цена вина соответствует всем таким расходам. Поэтому цена вина приспособляется также к этой постоянной подати в соответствии с качеством вина. Причем обложение должно устанавливаться отдельно для каждого виноградника. Подать естественно возместится виноделу благодаря цене вина, которая везде будет соответствовать обложению.

Правда, если заменить подать десятиной, которую собирали бы сами фермеры, назначенные для этого по каждой провинции, то оплата была бы еще легче для виноделов, потому что такая десятина в вине и сидре избавила бы их от расходов на бочки для этой части продукции, а в годы изобилия, когда цена на вина низка, этот расход обременителен. Им легче было бы заплатить наполовину больше за счет вина, чем идти на дополнительные первоначальные затраты. Фермер,

который нуждается меньше виноградаря в спешной продаже вина, идущего на десятину, мог бы выиграть, выжидая благоприятного времени для продажи. Десятина вина могла бы быть установлена в одну 10-ю или в одну 9-ю, при этом фермеры дали бы королю больше, чем обложение вина, а государство избежало бы огромных расходов, которые сильно увеличивают цену вина, сокращают его потребление, стесняют торговлю им и сопровождаются большими злоупотреблениями.

Внутренняя и внешняя торговля вином стала бы гораздо активнее и шире, доходы, даваемые виноградниками и виноделием, расширились бы повсеместно и давали бы вследствие этого гораздо больший доход государству, чем винные откупа. Эта отрасль сельского хозяйства представила бы источник значительных для государства богатств, что дало бы средства существования большому числу людей.

Виноградники составляют важную отрасль хозяйства для королевства, так как для него большое значение имеют владения, позволяющие обогащаться за счет дорогой продукции, которая не может быть получена в другом климате, но в которой нуждаются за границей. Поэтому не следует облагать сам этот продукт, он представляет собой особую привилегированный товар, торговлю которым надо облегчать, для того чтобы наша нация полностью могла использовать преимущество, предоставленное ей природой в отличие от других наций.

Нелепо было бы опасаться недостатка земли для насаждения виноградников, ибо, помимо посева хлебов и существующих уже виноградников, мы располагаем для обработки больше 30 миллионами арпанов земли, часть которой может быть использована для расширения площади под виноградниками*.

Однако надо заметить, что расширение виноградников должно происходить с учетом роста посевов зерна, так как по мере такого роста увеличивается потребность в людях при сборе урожая. Помимо людей, постоянно занятых обработкой земли под посевы зерна, их требуется во время снятия урожая, в течение нескольких месяцев, в пять или шесть раз больше. Между тем зем-

* Сч. статьи «Зерно» и «Фермеры».

ледельцы уже теперь испытывают недостаток рабочих, что часто вызывает значительные потери, потому что они не могут воспользоваться благоприятным временем для снятия урожая. Надо, чтобы в деревнях было большое число людей, занятых другими работами, которые они оставляли бы на время сбора урожая, чтобы участвовать в нем. Как раз виноградники требуют больше людей, чем всякая другая культура в деревне, и могут дать земледельцам во время урожая много рабочих рук, потому что виноградники не нуждаются в них в это время года. Хорошо оплачиваемая работа по сбору урожая хлебов помогла бы виноградарям производить требующиеся культурой винограда затраты.

Рост производства зерна, увеличивающий доходы, и рост доходов, увеличивающий население городов, благоприятствуют расширению виноделия, ибо при росте населения возрастает потребление вина. Таким образом, посев зерна и виноделие способствуют друг другу и содействуют вместе росту продукта земли.

Расширение виноградников на три миллиона арпанов дало бы занятие одному миллиону взрослых мужчин, что предполагает также один миллион заинтересованных в этом женщин, не считая детей, не достигших зрелого возраста, которые рождаются от браков этих мужчин. Поэтому увеличение виноградников на три миллиона арпанов вызвало бы рост населения приблизительно на 2 500 000 человек, которые, если рассматривать их с точки зрения потребления, потребовали бы не менее 6 миллионов сетев зерновых хлебов, не говоря о других предметах, необходимых для существования, а это увеличило бы продукт земледелия примерно на 100 миллионов. Их прочее потребление составило бы более 100 миллионов, которые также производятся землей.

Если мы будем рассматривать теперь расширение виноградников на три миллиона арпанов с точки зрения производства вина, то обнаружим, что применение труда людей в этой отрасли хозяйства не менее полезно для государства, чем занятие их зерновым хозяйством. Правда, при одинаковой продукции виноградники требуют в три раза больше людей, но она получается с угодий в три раза меньших и была бы нам гораздо выгоднее во внешней торговле, если бы правительство

покровительствовало этой торговле и если бы ее не губило обложение, вредное государству и сокращающее доходы государя. Прочие народы покупают мало хлебов и почти все его продают. Англичане, внешняя торговля которых гораздо более прочна, чем наша, едва могут за отсутствием покупателей экспортировать миллион сетые хлебов. Нам едва ли можно рассчитывать на более широкую внешнюю торговлю нашим зерновым хлебом.

Рост наших богатств в зерне зависит от увеличения численности населения в королевстве, т. е. от увеличения народного потребления, виноградная лоза представляет собой, как мы это доказали, важнейшее средство увеличить население во Франции. А такой рост, как было указано, нужен также для расширения посевов зерна. Если ограничить виноградарство, то тем самым будет ограничено также зерновое хозяйство. Между тем виноделие не связано нашим потреблением. Все соседние с нами южные народы не производят вина. Вследствие плохого руководства нашей торговлей они вынуждены пользоваться напитками вредными в их климате, например пивом, от которого люди, дышащие влажным воздухом, тяжелеют и слабеют. Хлебная водка, которую они много потребляют как возбуждающее средство, является ядом, вредящим мозгу и нервам и делающим людей вялыми и меланхоличными. При этом они находятся в соседстве со страной, которая могла бы им поставлять изобилие напитков целительный в их климате.

Наши раздоры в двухсторонней торговле с другими странами лишают обе стороны больших выгод, которые можно было бы из нее извлечь. Соперничество или неправильно понятые интересы, препятствующие развитию двухсторонней торговли между народами, причиняют ущерб обеим сторонам. Более разумный народ должен сам устранить препятствия на пути развития торговых отношений.

Нам надо ликвидировать обложение, которое губит нашу внешнюю торговлю и, препятствуя сбыту собственных сельскохозяйственных продуктов, сокращает их производство, размер этого губительного обложения мешает восстановлению торговли и сельского хозяйства; потеря средств, доставляемых такими податями, была

бы стократно возмещена торговлей и наступившим изобилием.

Для того чтобы в этом убедиться, рассмотрим подробно продукцию виноградарства, сделав при этом предположение о росте населения, соответствующем по меньшей мере успехам сельского хозяйства. Будем исходить из расширения виноградников на три миллиона арпанов: один арпан требует на средства существования винодела, на шпалерник, бочки, уборку урожая 100 ливров затрат, что дает 300 миллионов затрат на три миллиона арпанов. Эти расходы возмещаются продуктом виноделия и ежегодно выплачиваются другим заинтересованным в земельных владениях сторонам. Таким образом, ежегодный реальный продукт составляет 300 миллионов. Помимо этих расходов, надо упомянуть еще 10 ливров арендной платы за каждый арпан, 10 ливров тальи и 15 ливров прибыли винодела. Поэтому понятно, что общая продукция трех миллионов арпанов достигнет 405 миллионов.

При одном миллионе человек, занятых обработкой трех миллионов арпанов под виноградниками, каждый из них производит 405 ливров и, кроме того, зарабатывает 30 ливров при снятии урожая. Итог равен 435 миллионам. Женщины и дети, занятые культурой конопли, прядением, уходом за скотом и птицей и т. д., производят издержки или прибыль (*produisent en frais ou profit*) примерно на 10 франков в день, или 200 ливров в год, так что общая продукция достигает 200 миллионов; если их прибавить к 435 миллионам, то получится более 600 миллионов ежегодно производимых этой отраслью дополнительных богатств при росте населения на 2 500 000 мужчин и женщин разного возраста.

Трудно понять соображения тех, кто способствовал запрещению насаждения виноградников в некоторых провинциях и побуждает соблюдать его со всей строгостью. Говорят, что виноделы страдают в годы, когда виноградники дают малый урожай, потому что теперь уже не смеют говорить, что не хватает земли для посева зерновых хлебов. Так что сейчас беспокоятся только о судьбе винодела. Правда, трудно примирить такие гуманные чувства с притеснением крестьян, обременяемых тяжелой дорожной повинностью! Действие

тельно, виноделам приходится очень трудно в годы плохих урожаев, но это происходит потому, что они чересчур бедны и угнетены. Не следует ли поэтому, до того как они будут совершенно разорены, поискать другие ресурсы, а не губить их безвозвратно. Мы оставляем в стороне иные объяснения такого отношения к ним; но при использовании людей, когда выгоды государства так же очевидны, как и выгоды самих людей, которые лучше понимают свои интересы, чем те, которые хотят решать за них, трудно выставить предлоги, достаточно убедительные, чтобы явно противодействовать общему благу.

К счастью, взгляды и благие намерения людей, на которых теперь возложена обязанность управлять провинциями, несомненно, склоняются к тому, чтобы восстановить свободу, необходимую для развития сельского хозяйства и для успеха торговли. Они стремятся создать правильный порядок в деле наложения податей, чтобы внушить доверие земледельцам впредь до того времени, когда правительство проведет общую реформу для эффективного восстановления деревень.

При управлении страной никогда нельзя упускать из виду, что ценность продукции земельных угодий и заработков людей не может быть установлена иначе, как только посредством цен, что государство не может быть богатым без разумных цен, что доходы короля должны регулироваться на этой же основе и что оборот торгового государства реален только в той мере, в какой он связан с границей. Поэтому все внимание правительства при уменьшении годовой продукции в стране должно быть направлено неизменно на то, чтобы не допускать снижения цен на сельскохозяйственные продукты ниже уровня обычных цен, существующих за границей. Оно может успеть в этом деле только путем всемерного способствования внешней торговле. Состояние богатств всякого народа всецело зависит от поведения правительства в этом отношении. Всякое обложение вывоза и ввоза, всякие запрещения и всякое регламентирование, препятствующие внешней и внутренней торговле, сокращают фонд богатств государства и доходы государя; всякое обложение, причиняющее ущерб торговле и производству продуктов продовольствия, является губительным.

При обложении надо исходить из общего количества наибольшей возможной продукции и из влияния различных ее частей в их взаимодействии на уровень цен, на увеличение численности населения и на производство сельскохозяйственных продуктов; при этом не следует основываться на цене и на количестве каждого продукта в отдельности- надо изучать их воздействие друг на друга, приводящее ко взаимной поддержке.

Виноделие надо рассматривать как вспомогательную отрасль сельского хозяйства, имеющую очень большое значение и требующую особого внимания; так же точно следует рассматривать разведение скота, работающего в земледелии и дающего удобрения. Виноградники представляют собой земли, приобретающие ценность из-за особой культуры, издержки которой надо вычесть из цены производимого вина, чтобы определить доход, даваемый ими. Но для сохранения уровня дохода надо поддерживать цены, возмещающие издержки винодела; обложение должно исходить из этого основания. Если оно умеренно, то будет способствовать распределению количества насаждений; если оно слишком велико, то в результате его уменьшится площадь насаждений. А это создаст ущерб для богатств государства и для государя.

Талью, налагаемую на дома и на другое имущество, легко определить и установить пропорционально плате за наем домов.

После сказанного нетрудно понять, что талья, наложенная пропорционально всем объектам обложения к выгоде всего народа, создаст королю без посредничества дельцов значительные доходы, помимо других выгод, на которые мы укажем ниже.

Промышленность, которая концентрирует производство изделий или товаров ручного труда, труднее обложить пропорциональной тальей. Но связанные с этим неудобства не так разрушительны, как талья, произвольно налагаемая на обрабатываемые земли, ибо производство изделий ремесленного труда не является, как земледелие, первоначальным источником богатств. Оно не создает дохода, а только возмещает цену труда ремесленника и существует благодаря доходам, создаваемым земледелием. Именно эти доходы оплачивают труд ремесленника; число промышленников, ремесленников,

купцов, рабочих, живущих и существующих в королевстве, соответствует доходам, даваемым землей.

Я не обсуждаю вопроса о продаже их изделий за границу; если исключить полотняные и шерстяные ткани, то это дело слишком мелко для большого государства. Но мануфактуры, производящие полотна и шерстяные ткани и связанные с торговлей продуктами нашего собственного производства, нельзя смешивать с изделиями ремесленников и еще менее с производством предметов роскоши, требующим иностранного сырья и особенно шелка, применение которого получило широкое распространение в королевстве в ущерб торговле нашей шерстью, размножению стад и удобрению полей. Вся продукция, выпускаемая нашей промышленностью для нашего собственного потребления, не нуждается в особом покровительстве, она оплачивается самим народом. Такие производства всегда будут процветать в государстве, в котором сельское хозяйство дает хорошие доходы, потому что промышленников, ремесленников, купцов, рабочих и слуг привлекают и удерживают на новом месте заработки, которые обеспечивают землевладельцами, пользующимися этими доходами. Когда земледелие и внешняя торговля сельскохозяйственными продуктами процветают, то можно не бояться, что талья, не вполне пропорциональная, повредит этим профессиям, потому что потребность в ремесленных изделиях и товарах всегда обеспечит занятие и прибыли фабрикантам, ремесленникам, купцам, рабочим и слугам в соответствии с доходами и расходами нации, они будут оплачены так, что возместят себе налоги, налагаемые на них. Ведь обложение падает на доходы. В отношении этой части хозяйства важно только, чтобы обложение было правильно распределено; тут могут интересоваться лишь размеры издержек, связанных с взысканием налогов и обременяющих более или менее государство, так как издержки эти одинаково убыточны для государя и нации.

Талья, налагаемая на эти части хозяйства, требует мало издержек, но равномерное ее распределение сложно. Произвольное обложение плохо тем, что оно несправедливо, а не тем, что оно вредно для государства, ибо 'промышленность', производящая предметы нашего потребления, сумеет сохраниться вследствие

богатств нации; однако если нельзя совершенно устранить несправедливость, то можно ее сильно ослабить. Некоторые города просили о том, чтобы талья была распределена между их цехами. В этом случае цехи сами раскладывают подать между своими членами, и такая форма обложения удовлетворяет плательщиков всюду, где она применяется. Города могут принять эту форму обложения, однако им надо оставить свободу выбирать ее самим, ибо обложение городских жителей не касается земледелия и относится только к самим городам, так что им следует предоставить возможность решать, какая его форма для них наименее тяжела.

Купцов и ремесленников в деревнях очень немного, и к ним можно применять ту форму обложения, которая называется «обложением по положению» (*taxe d'office*), достаточно только следить за тем, чтобы это обложение не было слишком обременительно для мелких торговцев. Падающая на них часть налога не составляет в доходах короля такой существенной части, чтобы приходилось требовать строгого взыскания. Возможно, что следует вообще исключить из обложения реальную торговлю, ограничивающуюся сделками с зерном, вином и скотом; этой торговле надо покровительствовать, ибо она очень полезна земледелию, как будет указано ниже при обсуждении видов торговли, которой могут заниматься дворяне.

С такой же умеренностью надо облагать крестьян, батраков или поденщиков; очень важно, чтобы налоги на деревенские низы не были чрезмерными и чтобы они были спокойны в отношении их размеров. При той неуверенности, которая создается произвольной тальей, они не могут возлагать никаких надежд на свою работу. Они даже боятся работать из опасения, что заработки, доставляемые этой работой, вызовут увеличение обложения. Более того, они даже не уверены, что сумеют извлечь из нее какую бы то ни было пользу; они не знают, смогут ли они даже сохранить свою постель или другие предметы обихода; они предаются бедности и лени; подобная беспечность представляет большой вред для государства. Если крестьянин не имеет возможности пользоваться хорошей пищей, носить хорошую одежду и употреблять другие предметы обихода, соответствующие его положению, если он **НЕ**

может достичь того уровня зажиточности, который оправдывал бы его труд и усердие, если он ни в чем не может помочь своим детям в их устройстве, то он теряет мужество. Он становится бесполезен, он почти ничего не зарабатывает, ничего не производит, ничего не продает, ничего не покупает; он существует, потребляя плохие продукты своей земли, так что он не содействует ни своими расходами, ни своей продукцией росту богатств королевства. Такая утрата имеет для государства огромное значение, ибо покупка множеством людей необходимых им вещей колоссально увеличила бы потребление. Таким образом, не следует усиливать налоги для расширения доходов короля.

Большие доходы короля не могут создаваться иначе, как восстановлением доходов нации, иначе говоря, восстановлением земледелия, а достичь этого можно только посредством увеличения богатства земледельцев и при помощи крестьян, побуждаемых к труду расчетом на заработки и уверенностью в том, что они смогут ими воспользоваться.

Богатства, изъятые из земледелия, снова должны уйти из городов и распространяться по деревням, если только их будут тщательно приберегать для земледелия, потому что лица, применяющие их в деле обработки земли, найдут это для себя выгодным и захотят навсегда остаться при своем занятии. Это приведет к ежегодному восстановлению богатств нации. Производство ремесленных изделий и внешняя торговля будут пропорциональны росту этих богатств. Таким путем фонды, облагаемые налогами, дадут королю без посредничества откупщиков доходы, достаточные для покрытия расходов правительства и для поддержания могущества страны и блеска трона.

Вопрос о том, на какие объекты падают налоги, не имеет никакого значения. Они ложатся всегда на один и тот же фонд, так как оплачиваются всегда за счет доходов с земель. Поэтому руководители хозяйства должны направить все свои усилия на рост и непрерывность поступления этих доходов; все прочие преимущества, связанные с этим, сами проявят себя и умножат успех.

Колониальные продукты

Соль, табак, наши колониальные товары и другие иностранные товары могут также содействовать росту фискальных доходов; надо лишь избегать больших расходов по их сбору, так как эти расходы всегда ложатся на государство и представляют собой чистую потерю для государя и народа. Соль, табак, продукты, производимые в наших колониях и потребляемые во Франции, могут в месте своего производства или при поступлении в королевство подлежать в отношении обложения специальному управлению по его взысканию, причем последнее должно быть невелико и не требовать больших издержек. После этого указанные товары должны поступать в ведение свободной торговли. Такое не вызывающее больших затрат обложение будет не обременительным и не должно побуждать к обману. Области, пользующиеся правом потреблять свободную от обложения соль, смогут покупать ее по такой низкой цене, что им не придется жаловаться на мероприятие, введенное для общего блага и не причиняющее им вреда. Притом они будут в достаточной степени вознаграждены отменой других податей, гораздо более для них тягостных, чем небольшое повышение цены на соль.

Колониальные продукты, потребляемые в городах, свободных от тали, не должны освобождаться от обложения, потому что справедливо, чтобы жители таких городов платили за ввоз этих продуктов наравне с жителями тех городов, которые платят талью. Ведь не обложены тальей большие города, в которых живут крупные землевладельцы, рантье, богатые купцы и ремесленники, а они-то и должны содействовать поступлениям фиска. Изъятие таких городов из обложения ввоза привело бы к тому, что в них начало бы скапливаться еще большее количество населения и богатств в ущерб сельским местностям и маленьким провинциальным городам.

Десятина, дающая приблизительно 50 миллионов, может при восстановлении сельского хозяйства превысить 100 миллионов. Этот прирост, составляющий расход фермеров и не поступающий до поры до времени в пользование тех, кто получает десятину, мог бы в какой-то части послужить на пользу королю.

Если бы оказалось нужным еще несколько увеличить доходы короля, то можно было бы сохранить подушную подать; ее поступления даже возрастали бы по мере роста численности населения, связанного с возрастанием богатств государства.

Обложение в такой его форме обеспечило бы большие доходы королю, оно означало бы значительное облегчение для народа и устранение двух губительных явлений, разоряющих государства: чрезмерные налоги, поглощаемые издержками по сбору, и обложение, налагаемое на сами основы народного дохода и разрушающее источник богатств нации. Способность земледельца обрабатывать землю так же важна для получения дохода, как сама обрабатываемая им земля. Обложение, приводящее к обнищанию земледельца, оказывает такое же действие, как град, уничтожающий жатву. Если нация располагает землями, пригодными для земледелия, если страна расположена так, что может с успехом вести торговлю своими продуктами, если земледельцы богаты, если их богатства сохраняются ими и содействуют им в обработке земли, то такая нация всегда будет жить в достатке. Правильно организованное обложение не может привести к его обнищанию, потому что государству доходы государя не менее полезны, чем доходы землевладельцев, трага которых дает заработок гражданам и приводит к росту их богатств.

Откупа

Не знаю, следует ли здесь отвечать на одно возражение, которое может казаться убедительным только людям поверхностным. Говорят, что нельзя уничтожать генеральные откупа, потому что король лишит себя возможности пользоваться большим источником средств, которые ему предоставляют финансисты в момент насущной потребности в них. В процветающем государстве нет никакой надобности в таких средствах, которые разоряют страну; государь сумеет обращаться к источнику гораздо более изобильному, именно к богатству своих подданных, вводя чрезвычайные и временные подати, которые не будут сопровождаться ростом государственной задолженности. Так, например, деся-

Тйна могла бы дать ему в три раза больше, чем она дает сейчас, и притом обременить его подданных в два раза меньше, чем теперешние откупа. Если бы государю все же пришлось в чрезвычайных обстоятельствах прибегать к займу под проценты, то он быстро нашел бы нужные ему средства благодаря богатствам своих подданных. Если бы ему потребовались авансы в счет податей, то сделанное возражение оказалось бы безосновательным, потому что когда дело идет об операции, разорительной для государства, то всегда находятся нужные для этого откупщики. Извлечение выгоды из установленных податей настолько прибыльное дело, что всегда является множество людей, желающих авансировать государству средства, от чего для получения откупа требуется протекция. Но надо надеяться, что процветающее государство навсегда избавит себя от необходимости прибегать к такому опасному источнику.

Дворянство, занимающееся торговлей

Сейчас поднят важный для государства вопрос о предоставлении дворянству возможности свободно вести торговые дела, без утраты дворянских прав. Но вопрос этот обсуждался в очень общих и неопределенных чертах, что вызвало много суждений за предоставление таких прав и против него, притом дело шло о торговле вообще, без всяких ограничений. Сторонники той и другой точки зрения приводили разные доводы в свою пользу, потому что сам предмет, взятый в целом, дает основание для противоположных суждений, заслуживающих внимания.

В споре имели в виду главным образом бедное дворянство. Поэтому дело шло не об оптовой торговле, которая для него недоступна, но о мелкой торговле, соответствующей возможностям небогатых дворян, которые нуждаются в заработках для того, чтобы содержать себя и свои семьи в то время, когда они заняты военным делом, к которому они главным образом предназначены.

Наблюдая в королевстве множество дворян, не обладающих состояниями, приходится признать, что они

нуждаются в каких-то доходных и пристойных занятиях для заработка. Но нельзя также отрицать, что занятия купца или городского торговца им при их положении не подходят. Все неприличие и все неудобство для них такого занятия хорошо доказаны, но есть и некоторые другие условия, создающие большой вред для государства.

Нет никакой надобности увеличивать количество купцов в городах, их там и так слишком много. Все обитатели сельских местностей стремятся поселиться в городах, поэтому торговля там слишком раздроблена и в ней занято чересчур много людей: вместо множества мелких торговцев достаточно было бы одного купца для ведения тех же дел. Такое положение приводит к большой потере людей для государства и к неправильному использованию их способностей.

Если бы число торговцев в городах еще увеличилось за счет дворянства, то ущерб государству возрос бы. В деревнях небогатые дворяне вынуждены обрабатывать то небольшое количество земли, которым они обладают. Если бы им было позволено превратиться в городских купцов или торговцев, то много людей покинуло бы сельские местности, что было бы очень вредно для земледелия.

Однако хорошо было бы, чтобы эта важная для государства группа населения не прозябала в бедности и чтобы она имела средства для пристойного существования и даже стала благодаря тому полезной для государства.

Обработка земель всегда была совместима с положением благородного сословия, которое обладало землями на правах собственности. Между тем если это условие ничего не меняет в самом его занятии, то оно делает менее полезными таких дворян, которые обладают очень малым количеством земли для обработки и которые едва извлекают из нее достаточно средств для самого жалкого существования своих семей.

Но если им разрешить брать земли в аренду при условии участия в пропорциональном обложении в форме подушной подати с целью облегчения платежей по талье других сельских жителей, то это улучшило бы их материальное положение, позволило бы им нанимать слуг и не пахать самим. Они помогли бы оживить

земледелие, так что это занятие было бы полезно не только им самим, но и государству.

Хорошая обработка земли требует больших издержек, а обильные урожаи создаются богатствами земледельцев. Бедные дворяне не могли бы производить такие затраты, так что все их старания остались бы безрезультатными; поэтому надо еще дать им возможность добыть нужные им средства, и это будет достигнуто при разрешении им заниматься сельской торговлей, т. е. торговлей продуктами земледелия, сводящейся к сделкам с зерном, скотом, шерстью, сеном и вином.

Никакое содействие торговле в сельских местностях не может быть чрезмерным, потому что она помогает сбывать сельскохозяйственные продукты. Чем она оживленнее, тем больше она способствует сельскому хозяйству, составляющему источник государственных доходов. При развитии сельской торговли земледелец не будет бедствовать в ожидании продажи своих продуктов; он не будет вынужден скармливать скоту зерно, когда оно продается по слишком низкой цене; он всегда сумеет покрыть разные издержки по обработке земли путем сбыта своих продуктов.

Когда торговлей в сельских местностях занято много богатых торговцев, то они покупают в годы большого изобилия продукцию земледельцев и виноделов, которые не могут выждать благоприятного времени для ее продажи. При этом благодаря конкуренции купцов цены держатся на хорошем уровне. Для земледельцев же такая торговля представляет средство сбывать свою продукцию. Купцы приносят пользу народу в целом; те из них, которые имеют возможности сберегать продукты и вина для их продажи в неурожайные годы, создают для королевства запасы, помогающие пережить тяжелые годы.

Если бы дворяне, живущие в деревнях, участвовали в сельской торговле, то они принесли бы большую пользу; в этом деле не было бы ничего не достойного их, потому что они вели бы ее при помощи своих слуг и лично помогали бы им только знанием дела и распоряжениями. Таким образом, давая возможность сельскому дворянству добывать себе средства для более широкой жизни и для несения расходов на военное дело и на обработку земли, ему позволили бы содействовать

процветанию Государства при помощи привилегий, предоставляемых для обеспечения ему существования, соответствующего его положению.

Считается, что уничтожение генеральных откупов может быть осуществлено только тогда, когда земледелие будет восстановлено в королевстве и когда поступления платежей по талье, наложенной на земли, превзойдут в три и четыре раза теперешний их уровень, так что они возместят королю потерю дохода от генеральных откупов и даже превзойдут их. Но при теперешнем состоянии земледелия во Франции талья, наложенная на имущества, хотя бы и очень высокая, не может заменить дохода, даваемого генеральными откупами. Поэтому, до тех пор пока продукция сельского хозяйства останется такой ограниченной, как теперь, уничтожение откупов будет невозможно.

Между тем эти доходы оплачиваются нацией, которая несет также огромные расходы, связанные с их сбором; несомненно, что если бы она оплачивала только эти доходы, а не расходы, вызываемые их сбором, то она несла бы гораздо меньшее бремя и не испытывала бы тех тягот, которые теперь связаны с ними. При уничтожении откупов дело не идет о том, чтобы немедленно увеличить обложение; напротив, предполагается, что оно уменьшится благодаря новому способу его взимания; оно будет, гораздо менее обременительно, гораздо менее насильственно и гораздо менее губительно для потребления, для производства и для торговли сельскохозяйственной продукцией.

Генеральные откупа дают королю 110 миллионов. Табак, соль, ввоз обложенных товаров, ввоз сельскохозяйственных продуктов в города, не платящие тальи, словом, все виды обложения, взыскиваемые генеральными откупщиками, дадут примерно ту сумму, которую выплачивают сейчас королю генеральные откупа; но при этом новая система не потребует такого множества сотрудников по всей стране, как сейчас, и взыскивание налогов не будет так обременительно для населения. Поэтому при уничтожении этих откупов дело идет только о распределении какой-то небольшой дополнительной суммы между теми, кто платит сейчас в три раза больше. Сейчас тяжелее всего обложены виноградари вследствие косвенного обложения вин и

города, платящие талью, в результате больших платежей по обложению напитков.

Виноградники, обложенные на основе числа арпанов, как мы уже указывали, в форме небольшого повышения тальи дадут больше, чем откупа по косвенному обложению вин, притом с большой выгодой для государства, потому что взыскивание этого вида обложения сопровождается сейчас весьма крупными расходами по управлению сборами.

Если бы после этого пришлось распределить еще какую-то сумму, то ее превратили бы в талью или в подушную подать с городов, подлежащих обложению тальей, в пошлину с ввоза и в подушную подать с городов, не платящих тальи Немного возросли бы пошлины на ввоз сельскохозяйственных продуктов и товаров, менее всего нужных для существования, я также увеличилась бы слепка подушная подать с богатых жителей этих городов. Одновременно была бы также соответственно увеличена талья с городов, подлежащих обложению ею, и установлена подушная подать с привилегированных жителей этих городов, которые тем самым были бы освобождены от обложения, взимаемого откупщиками. Я повторяю, что это не поведет к реальному росту платежей, производимых городами; напротив, они будут платить значительно меньше, чем теперь.

Такое распределение платежей между городами равнозначно их наложению на деревню, потому что всякие налоги в итоге падают на доходы с земель и потому что землевладельцы, и особенно крупные землевладельцы, почти все живут в городах. Поэтому, платя по городскому обложению, они в сущности платят за счет доходов, получаемых с их собственности в деревнях. Расходы купцов и городских ремесленников покрываются также суммами, извлекаемыми из доходов землевладельцев, причем цены на их товар и на их изделия возрастают в соответствии с ростом их расходов и податей. В результате увеличение городского обложения частью перелagается на доходы землевладельцев, а частью на заработки сельских жителей, которые покупают в городах нужные им товары и изделия. Строго говоря, купцы, ремесленники и рабочие только авансируют налагаемые на них суммы, так как

они перелагают их посредством цены на покупателей своих товаров и изделий или компенсируют себя при оплате своей работы, так что в итоге облагается всегда продукция земли.

Уничтожение откупов, очень обременительных для государства, и простая выплата королю тех доходов, которые они ему давали, приводит к сильному сокращению обложения. Все те, кто участвует в такой выплате, извлекают нужную сумму из одного и того же источника, т. е. из доходов, даваемых землей, но они попадают в города, где скапливаются богатства и люди. Государство содействует такому дурному распределению, обременяя податями жителей деревень и щадя горожан. Вследствие такой практики деревня лишается людей и богатств, потребных для обработки земли, доходы нации уменьшаются. Страдают от этого и города, население в стране сокращается и государство беднеет. В конечном итоге королевство сводится к нескольким крупным городам, которые могут существовать благодаря проживающим в них крупным землевладельцам, финансистам и некоторому числу богатых купцов. Но такие города, в которых обеспечивалось бы небольшой части населения страны зажиточное существование, представляют собой слишком малый ресурс для большого государства. Таким образом, неправильное распределение обложения между городом и деревней причиняет с точки зрения самого фиска большой ущерб государству. Поэтому очень важно перестроить распределение обложения, ввести такую форму взимания налогов, которая была бы наименее обременительной, и отнюдь не облагать само земледелие, но только доходы, даваемые им, и те виды занятий, которые существуют за их счет.

Такой способ обложения тальей жителей деревень, который не затрагивал бы богатств, применяемых в земледелии, заслуживает большого внимания, потому что благосостояние государства зависит от успешного проведения этого мероприятия. Если бы все земли сдавались в аренду, то верный и удобный способ для определения размера тальи заключался бы в пропорциональности ее арендной цены, определяемой договором. Исходя из теперешнего размера тальи, подушной подати и других видов обложения, она могла бы примерно

составить десять су на каждый ливр арендной платы, т. е. талья и подушная подать «месте равнялись бы половине арендной платы. Этому правилу следуют довольно точно в тех областях, где администрация следит за тем, чтобы ассесоры или сборщики податей соблюдали пропорциональность в обложении.

Но большинство земель обрабатывается испольтщиками, которые делят урожай с землевладельцем, и в этом случае земледелец участвует в земледелии только своим трудом. Большая часть издержек падает на землевладельца, и поэтому трудно определить доход, получаемый испольтщиком, и установить размер издержек. Тут талья налагается на ту долю урожая, которая причитается испольтщику. Земли, обрабатываемые таким способом, производят очень мало; та часть зерна, которую получает испольтщик, почти целиком потребляется им и его семьей. Если учесть ценность его доли, то станет ясно, что он может заплатить по обложению тальей и подушной податью не больше, чем два или три су на ливр, т. е. приблизительно $\frac{1}{6}$ или $\frac{1}{4}$ ценности его части урожая*.

Такая норма, с которой испольтщики могли бы примириться, если бы она всегда соблюдалась, годится, однако, только для тех испольтщиков, которые производят одно лишь зерно. В тех случаях, когда посевы хлебов составляют ничтожную часть хозяйства испольтщиков, которое в основном сводится к лугам и пастбищам или к скотоводству, определить его продукцию для пропорционального обложения еще труднее, так как скотоводство связано с большим риском и потому требует особой осторожности при решении такого важного вопроса. Вследствие этого в некоторых провинциях решили определять в арпанах площадь пастбищ, лугов и пахотных земель, разделив их на несколько классов в соответствии с их ценностью, чтобы затем на основе этих расчетов установить некую реальную талью. Но в этом случае надо устранить возможность двукратного учета одного и того же объекта обложения. Ведь если луга и пастбища, служащие для корма рабочего скота, применяемого при обработке пахотных земель, облагаются тальей согласно своей ценности и если про-

* См. статью «Зерно», замечания о талье.

дукция этих лугов и пастбищ смешивается с продукцией пахотных земель, для обработки которой служит этот рабочий скот, потребляющий продукцию лугов и пастбищ, то один и тот же продукт окажется обложенным дважды. Поэтому надо выяснить, как используется продукция лугов и пастбищ исполщниками, чтобы определить, служит ли она для прокормления скота, не работающего на пахотных землях, и тогда установить доход, даваемый ими, помимо обслуживания рабочего скота, что позволит ввести справедливую норму обложения.

Вся эта операция представляет в своих подробностях большие трудности, но они могут быть преодолены при помощи сведущих людей в провинциях. Даже если бы не удалось достигнуть полного успеха, то во всяком случае можно будет приблизиться к введению пропорционального и твердого обложения, исходя из которого землевладелец и исполщик сумеют вести хозяйство таким образом, чтобы издержки земледелия всегда возмещались тому, кто их несет. Это важное достижение не совместимо с произвольным и неустойчивым обложением.

Оценка земель в арпанах неизбежно будет подвержена большим изменениям. Если высокая культура земледелия сменяется культурой низкой, то продукция сильно падает; если же, напротив, низкая культура обработки заменяется культурой высокой, то продукция вырастает в два или три раза*.

Поэтому при том состоянии, в котором находится наше земледелие, нельзя установить путем оценки земель твердую и неизменную базу для введения обложения, пропорционального продукции этих земель. При изменении качества обработки они могут давать совершенно другую продукцию, чем теперь, а ценность земель меняется с изменением их продукции. В то время как правительство легко может ввести во Франции высокую культуру обработки, сейчас нельзя установить путем оценки земель твердую и неизменную талью, пропорциональную продукции. Надо найти такой способ, который позволил бы постоянно увеличивать доходы короля в связи с усовершенствованием земледелия.

* См. статьи «Фермеры» и «Зерно: ».

Подданные заинтересованы не только в пользовании своими богатствами; надо также, чтобы оно было им обеспечено и закреплено за ними властью государя; но эта власть зависит от его богатства. В результате, чем богаче государь, тем опаснее он для врагов страны, поэтому для самих подданных важно, чтобы доходы короля возрастали пропорционально росту их богатства * *.

Необходимо остановиться на такой форме обложения, которая приведет к росту поступлений от тальи в связи с совершенствованием земледелия. Оценка земель в арпанах при теперешнем их состоянии не может служить твердой и неизменной базой для установления такой тальи. Постепенность усовершенствования земледелия будет постоянно требовать частичных новых оценок, учитывающих разные подробности и создающих множество неудобств. Поэтому гораздо проще и удобнее установить талью в соответствии с годичной продукцией земель, так чтобы она неизменно регулировалась самим продуктом земли. Но этот продукт, который даже к выгоде землевладельцев может вызвать повышение обложения на $\frac{5}{6}$ его размера, не даст роста до тех пор, пока обложение не будет подвержено общей и неизменной норме.

При теперешней неурядице каждый хлебопашец, зная, что только произведенные им издержки и понесенный труд могут привести к увеличению продукции, в то же время будет бояться, что это увеличение навлечет на него дополнительное произвольное обложение, которое его разорит. Осторожность побудит его не отступать от поведения, которого придерживаются все остальные земледельцы его местности; таким образом, по вине

* Увеличение доходов короля необходимо для уверенности в оплате государственных долгов. Кроме того, жалование войскам слишком низко, что препятствует добровольному найму и принуждает повышать наборы, а это постепенно губит деревню и сокращает доходы нации. Правительство не может, однако, увеличить

- доходы короля иначе, как содействуя росту доходов подданных, потому что если оно усилит обложение, то оно станет губительным и государство будет разрушаться. Франция может подвергнуться такому упадку только вследствие порочности правительства. Благодаря своему положению, своим рекам и землям, она при свободной торговле сельскохозяйственными продуктами собственного производства должна стать самым богатым и могущественным; государством

правительства государь и страна теряют огромные богатства.

Аренда дает основание для определения размера обложения, пропорционального продукции, потому что, заключая соглашение, землевладелец и фермер в одинаковой степени соблюдают свои интересы

Можно достичь верных результатов, если устанавливать обложение в соответствии с арендной платой на земельные угодья, сдаваемые фермерам, и учитывать два вида культуры при обложении продукции земель, не сдаваемых в аренду и обрабатываемых самим землевладельцем.

Высокая культура обработки земель дает не только больше продукции, но является и более выгодной, чем низкая культура, в отношении издержек. Поэтому такие земли платят по талье в два или три раза больше, чем вторые. Почти все земли высокой культуры сдаются в аренду, и вследствие этого арендная плата может служить основанием для установления обложения. Что касается тех, которые не сдаются в аренду и обрабатываются землевладельцем, то в каждой местности можно определить их продукт по их ценности, т. е. по арендной плате тех земель в той же местности, которые сдаются в аренду.

Если, помимо обрабатываемых земель, имеются другие имущества, дающие особые доходы, то их надо оценивать тем же способом по их ценности в данной местности.

Можно опасаться какого-нибудь обмана со стороны землевладельца и фермера для сокрытия истинной цены аренды, но его возможно избежать, как уже указывалось*.

Интенданты искренне стремятся ввести пропорциональную талью в тех округах, где преобладает высокая культура обработки земель; в этом они успевают постольку, поскольку это возможно при теперешнем положении фермеров, которым постоянно препятствуют в их деле ограничением торговли сельскохозяйственными продуктами собственного производства, ежегодным изменением ставки обложения и чрезмерностью сдельных работ

* См статью «Зерно», замечания о талье

Земли, обрабатываемые в мелком хозяйстве, могут не подлежать таким точным нормам обложения, но, как уже было оказано, надо избегать злоупотреблений, вытекающих из произвольного обложения, для чего следует облагать их пропорционально той части урожая, которая причитается исполщику. Талью оценивают по качеству земель исполщика, исходя из обычных цен на зерно в данной местности. Если имеются другие угодья, как луга и пастбища, превышающие то, что требуется для корма рабочего скота, то их можно оценивать и облагать пропорционально их ценности. Ценность лугов и других угодий, не требующих обработки, не подвержена таким колебаниям, как ценность пахотных земель, которая зависит от характера культуры, обычной в этой местности. Поэтому оценка такого рода угодий дает твердое основание для реального или пропорционального обложения. В то же время при пропорциональном обложении пахотных земель приходится руководствоваться характером хозяйства, поскольку оно остается неизменным; если же мелкие хозяйства заменяются крупными, то обложение зависит от даваемого землей продукта, причем прежде всего надо учитывать большие издержки, требуемые такой заменой.

Мелкое хозяйство могло бы приблизиться по своей продукции к хозяйству крупному, если бы земледelec мог понести необходимые издержки *. Но он довольствуется своим хозяйством как раз потому, что не в состоянии их выдержать; в итоге мелкое хозяйство всегда находится в неизменном состоянии. Если предрассудки народа и даже администрации уступят, наконец, под давлением требований общего блага необходимости вывоза зерновых хлебов и перевоза их из провинции в провинцию или если разорение королевства принудит правительство установить посредством общего и ненарушимого закона свободу хлебной торговли, то земледельцы, побуждаемые предстоящими заработками, подняли бы земледельческую культуру во Франции. Распространились бы крупные хозяйства, а мелкие приобрели бы более совершенный характер. Искусственные луга позволили бы разводить стада, кормить рабочий скот круглый год в стойлах и таким путем создать хо-

* См. статью «Зерно», замечания о талье.

зайства, которые повысили бы урожай. При заметном увеличении продукта земледелия можно было бы также повысить пропорциональную талью. Но тут требовалась бы большая осторожность, чтобы не отпугнуть земледельцев, которые привыкли к тому, что при произвольно налагаемой талье их труд и издержки лишь навлекают на них разоряющее их дополнительное обложение. Их нельзя убедить путем простых рассуждений, что им выгодно платить более высокую талью, соответствующую увеличению их урожая; надо, чтобы они узнали это на опыте.

Поэтому рост пропорциональной тали не должен следовать непосредственно за успехами земледелия. Надо, чтобы земледелец настолько хорошо почувствовал выгоду таких успехов, чтобы он признал, что талья, пропорциональная им, не лишит его прибылей и что, платя более высокую талью, он при высокой культуре обработки заработает больше, чем при низкой.

Надо еще заметить, что увеличение и уменьшение суммы платежей приходов полностью уничтожает значение и воздействие пропорционального обложения. Эти платежи препятствуют урегулированию отношений между землевладельцем и ипольщиком, потому что ежегодные изменения расценок мешают крестьянину, платящему талью, чувствовать себя уверенным.

Например, фермер, арендующий на девять лет землю, не имеет никакой уверенности, что платежи по аренде и талье будут ему под силу. Он рискует разориться во время действия арендного договора вследствие возможного повышения обложения. Потому положение фермеров стало таким опасным и число их так сократилось в королевстве, что землевладельцы почти повсеместно вынуждены сдавать земли в аренду под низкую культуру. Поэтому для того, чтобы фермеры были уверены в своем деле, и для того, чтобы количество их умножалось, необходимо сохранять норму обложения неизменной; это самый верный способ увеличить доходы короля. Произвольные повышения тали мало дают государству и сильно вредят земледелию.

Однако изменение обложения приходов тальей представляется неизбежным, так как град и другие бедствия, которые обрушиваются на ту или иную местность, принуждают уменьшать обложение в одних местах и

увеличивать его в других. Но разве государство не может выдержать такие случайные потери, не нарушая порядка обложения? Подобные бедствия происходят почти каждый год в разных частях страны, что в сумме делает вызываемые ими потери почти неизменными. Не лучше ли было бы несколько увеличить талью для возмещения ущерба, понесенного государством, чем тревожить земледельцев нерегулярными надбавками, которые они не могут предусмотреть в своих сделках с землевладельцами?

Государство должно в своих интересах содействовать спокойствию и прочности положения земледельцев и оказывать им надежную помощь при наступлении губительных для них бедствий, которым они подвержены. Если введение пропорционального обложения сопровождается для администрации слишком большими сложностями, трудностями и хлопотами, то она может их избежать, поручив самим провинциям распределение наложенной суммы. Они справятся с этим делом лучше, чем частные агенты. Вопрос этот так важен, что им нельзя пренебрегать, так как от его решения зависят могущество короля, блеск трона, процветание государства и счастье народа *.

Важнейшая задача министерства финансов заключается в том, чтобы хорошо руководить земледелием и прочно обеспечить его положение, потому что оно служит основой для всей экономики государства. Сюлли направил свое внимание на произведения природы, кто другой ограничил свой кругозор ремесленным производством. Первый заинтересовался стволом дерева, второй ухватил только его ветвь. Один проник в глубь экономических основ большого государства, другой не мог оторваться от картины промышленного развития мелких торгующих народов. Один вел государство к изобилию и богатству, другой погубил то и другое **.

* См *Memoires fur les Etats provinciaux* (par Mirabeau).

** См статьи «Фермеры» и «Зерно» («Другой»), о котором здесь идет речь, — это Кольбер) (Примеч фр изд)

ОБЪЯСНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ

Производительные издержки совершаются на земледеле, луга, пастбища, леса, рудники, рыболовство и т. п. с той целью, чтобы воспроизводить беспрестанно богатства, состоящие в зерновых хлебах, напитках, лесах, скоте, в сырых материалах для изделий ручного труда и т. п.

Бесплодные издержки совершаются на изделия ручного труда, на помещения, одежду, на уплату денежного процента, на прислугу, торговые расходы, чужеземные товары и т. п.

Продажа чистого продукта, произведенного в предшествовавшем году земледельцем, при помощи 600 ливров *годовых затрат*, употребленных фермером на обработку, дает возможность уплатить собственнику 600 ливров дохода.

300 ливров *годовых затрат* на бесплодные издержки идут на образование торгового капитала и на расходы по торговле, на покупку сырого материала для изделий ручного труда, на продовольствие и удовлетворение других потребностей ремесленника, пока он не сработает и не продаст своего изделия.

600 ливров *дохода* тратятся собственником; половина дохода идет на производительные издержки: на хлеб, вино, говядину и т. п.; другая половина на одежду, мебель, посуду и т. п.

Величина тех и других трат этого дохода может быть неодинакова, смотря по тому, на что предполагает каждый тратить свой доход: на улучшение еды или обстановки. Здесь взято среднее положение, при котором издержки воспроизводства из года в год приносят один и тот же доход. Но об изменениях, могущих произойти в годичном воспроизводстве дохода, легко можно заключать по тому, насколько преобладали производительные или бесплодные издержки; об этом, говорю я, легко будет составить представление по самым изменениям, которые произойдут в схеме таблицы. Предположим, в самом деле, что издержки на роскошь в обстановке увеличились на одну шестую и у собственника и у ремесленника; воспроизводство дохода сократится в таком случае с 600 ливров на 500 ливров. Если же, наоборот, увеличатся издержки на потребление или на вывоз сырых материалов, то сообразно с этим подыметя и воспроизводимый доход с 600 до 700 ливров. Отсюда видно, что чрезмерная роскошь может чрезвычайно скоро разорить вполне богатую страну.

300 ливров дохода, согласно со схемой таблицы, истраченные на производительные издержки, дают деньгам возмещение за те затраты, которые воспроизводят 300 ливров чистого дохода, представляющего собой лишь часть воспроизведенного дохода собственника. И в конечном итоге при посредстве распределения тех сумм, которые снова возвращаются к производительному классу, ежегодно воспроизводится вся сумма дохода.

Эти 300 ливров, которые возвращаются затем к классу производительных издержек через продажу продуктов, которые собственник у них покупает, тратятся фермером; половина — на потребление продуктов, добытых этим самым классом, другая же половина — на поддержание одежды, посуды, орудий и т. п.; последние издержки совершаются в виде вознаграждения класса бесплодных издержек. И эти издержки воспроизводятся вместе с чистым продуктом.

300 ливров дохода собственника, которые перешли к классу бесплодных издержек, тратятся ремесленником — половина на покупку у класса производительных издержек средств к существованию, сырого материала, необходимого для ремесленных изделий, и на поддер-

'TABLEAU E C OK OMIOIJE.

Oojcto cLen'ttdrcr'firw sootw Π? Jcpaz* < jf z* UMI* so t in e (y [ue^
 йш/ш , 4 lea# Vistribuhim , 5 ^mrs effel? , b °o 'UUF- rlf?prod>Uion., y°(uak?
 -izppvrt? m/r eUej, S *Imrs rapport? invsc /L pppuLuiftu/ y p 0 aloec l (X~
 nc+Лы* e , to ° avec / nu'wem , n °aoret ie commerce p'l'at'ck^na^,'
 i eS oichtsoes 0 mu' Nation

O&PENSES IEPfēNSFS DU P fēVFNDEFENSES
 PRODUCTIONS E. //v^t. > C jr-ibwse it p u iaort S'rRrRrES
 < OjKicuhutr Jb < UCKltpe'zrr Jtr n zlic'ir' t ivz'ur-ef' s<
 (exLuAlbria- A<

OjJOMCSiX OU-iHilANUt. (Jl ocuta.it- au*uidf? 'M
 pourpr-^Mps u* ,, »J J<u anruof f'jur'it O'wep'z' d'zr

Sac product, ti net *^V 3 ob
 Sf<P>diiX-tlOvi.&~v' i'z* .A. " , ^p? tP* ruX<j fS <Vx

10 » ^{ttV} rep* o Outwent net	3<?o ^{tt}	Tf'acu<	3t'o ^{er}
in t-rstvd		fi** re uy	
1 r o r epr odupient nM	m.° & C.	z'up-sn**	i So
7 d) rprotiurent n<4			-7
u j a > nt ^a			Q 7 0' ³
i 10 + r ^* i < ^* itt	il 9		> > 3 V
J O ^ f l	h } 7		- F 40
i % r f u t	I 3 5		/ o S
a ll ? i ! l	o ^ b		*.n . S
S' J < ^ m f. v	z' > ° o		c S 10
o 2 ll'	7 It		o z u
c X Y > h c t not	i J		c J o

&c

PppRODVX'r TOEL bo yU 7c m<v* « plus, frai a> nau l
 & boo ^ct ieo nlrJt V*. t-wu-i' p< unx', <sj S v soJootit'eu* Je OOO* <ja-e.> ux. 1^
 tar-rer&yO/itc. Qurs Lt z q z d d z e z cot TV i'oj ftrwpy Z~ z z u Le D oo pii
 ^ tasiarZ 0 043.it 'l uo, 4>vu'u'> buuo 'Ri mpot prdsvp tt JcJ cxoznum era earzac
 » -epv? dicitu' r i. * , x^c VrpuisVEfjpbM. 1^ & . '<bp^ rwuxw#

Жание внешней торговли; другая половина идет на поддержание и возмещение *затрат* у класса бесплодных издержек. Это обращение и обоюдное распределение идет в том же порядке и в тех же пропорциях до последнего остатка тех сумм, которые обоюдно переходят от одного класса издержек к другому.

Обращение переносит 600 ливров к классу бесплодных издержек; из этой суммы 300 ливров следует вычесть на *годовые затраты*; остается 300 ливров на заработную плату. Эта заработная плата равняется 300 ливрам, которые этот класс получает от класса производительных издержек, а затраты равняются 300 ливрам дохода, переходящего к тому же классу бесплодных издержек.

За вычетом налога, десятины и процента на затраты земледельца, — каковые расходы будут рассмотрены отдельно, дабы не осложнять слишком порядка издержек, — произведения другого класса представляются собой ценность в 1200 ливров. Расходуются эти произведения в таком порядке: собственник дохода покупает их на 300 ливров; такую же сумму затрачивает на их покупку бесплодный класс, причем половина этой суммы— 150 ливров тратится на средства продовольствия в этом классе, другая половина—150 ливров идет на внешнюю торговлю, издержки на каковую являются также бесплодными. Наконец, из остающихся произведений половина ценностью в 300 ливров потребляется классом производительных издержек, т. е. людьми, которые их производят; другая же половина в 300 ливров идет на продовольствие и содержание скота. Итак, из всей суммы произведений ценою в 1200 ливров этот класс издерживает их на 600 ливров; 600 ливров сделанных им затрат возвращаются ему через те продажи, которые совершил он собственнику и классу бесплодных издержек. Одна восьмая часть всей суммы этих произведений идет на внешнюю торговлю, т. е. для вывоза, или же на сырые материалы и на пищу тех туземных рабочих, которые продают свои произведения другим нациям. Продажи купцов уравниваются покупками товаров и золотых и серебряных слитков, которые получают из-за границы.

Таков распределительный порядок потребления сырых материалов между классами граждан и таково

представление, которое следует доставить себе о том значении и о тех размерах, в каких должна вестись внешняя торговля в процветающей земледельческой стране.

Взаимный обмен одного класса издержек с другим распределяет между ними 600 ливров дохода, что дает по 300 ливров на каждый из этих классов, не считая затрат, которые сохраняются. Собственник существует на 600 ливров, которые он издерживает. 300 ливров, распределенные между обоими классами, вместе с произведениями, составляющими налог, десятину и т. д., могут содержать по одному человеку в том и другом классе, так что 600 ливров дохода вместе с дополнительными суммами могут пропитать троих мужчин — глав семейства. Таким образом, на 600 миллионов дохода могут просуществовать 3 миллиона семей, считая в каждой из них по 4 человека всякого возраста.

Расходы, покрываемые *годовыми затратами* класса производительных издержек, затратами, которые ежегодно воспроизводятся и около половины которых идет на прокормление окота, а другая половина на уплату вознаграждения людям, занятым в работах этого класса, дает еще 300 миллионов издержек; эта сумма с присоединением к ней части других продуктов может поддержать существование еще одного миллиона глав семейства.

Таким образом, согласно рассматриваемому порядку обращения и распределения годовых доходов, эти 900 миллионов, которые за вычетом налога, десятины и процентов на годовые и первоначальные затраты земледельца ежегодно воспроизводятся земельными имуществами, могли бы доставить средства к существованию для 16 миллионов лиц всякого возраста.

Под обращением подразумеваются здесь покупки из первых рук (*les achats de la première main*), оплачиваемые доходом, который распределяется между всеми классами людей. Торговля здесь не принимается во внимание, так как она лишь увеличивает число покупок и продаж, не умножая вещей, и является одним только увеличением общей суммы бесплодных издержек.

Богатства класса производительных издержек в стране, в которой собственники земель имеют 600 миллионов постоянного дохода, могут быть исчислены таким образом.

600 миллионов дохода, получаемого собственниками, предполагают, кроме того, 300 миллионов налога и 150 миллионов десятины с годовичного продукта, считая в том числе все расходы, падающие на земли, подлежащие десятине. Все это вместе с доходом составляет 1 миллиард 50 миллионов; сюда следует присоединить 1 миллиард 50 миллионов воспроизведенных годовичных затрат и 110 миллионов процентов на последние, считая из 10%. В конечном итоге получается 2 210 000 000 ливров.

В королевстве, в котором имеется много виноградников, лесов, лугов и т. п., лишь около двух третей этой суммы могло бы быть получено с помощью плужной обработки земли. Для этого понадобилось бы в благоустроенном государстве с крупным землевладением, в котором употребляются лошади, 333 334 плугов, считая один плуг на 120 десятин, 333 334 чело века для управления ими и 40 миллионов десятин земли.

Под эту культуру может быть употреблено во Франции более 60 миллионов десятин, что потребует 5 или 6 миллиардов затрат.

Здесь не говорится о мелком землевладении, где работы исполняются с помощью быков и где потребовалось бы более миллиона плугов и около 2 миллионов человек для обработки 40 миллионов десятин, причем получалось бы лишь две пятых того количества продуктов, которое приносит крупное землевладение. Эта мелкая система культуры, держаться которой земледельцы бывают вынуждены за неимением богатств, необходимых для первоначальных затрат, составляет невыгодное употребление самих этих земельных имуществ, тогда как земля обрабатывается здесь в большинстве случаев лишь для того, чтобы окупить расходы; на содержание массы людей, занятых в этом роде культуры, тратятся чрезмерные суммы, которые поглощают почти все количество получаемого продукта. Эта неблагоприятная система культуры, являющаяся признаком бедности и упадка страны, в которой она господствует, не имеет никакого отношения к схеме таблицы; последняя предполагает такое состояние земледелия, при котором земля обрабатывается половинным употреблением каждого плуга и в котором годовичные затраты могут при

помощи фонда первоначальных затрат [Произвести 166 на 100.

Первоначальные затраты, вполне достаточные для обеспечения работы одного плуга при крупной культуре и совершенные на приобретение животных, инструментов, семян, пищи, содержания, на выдачу заработных плат и т. п., в период 2 лет до первой жатвы вычисляются в 10 000 ливров. Таким образом, вся сумма, требуемая для употребления 333 334 плугов, равняется 3 333 340 000 ливров*.

Эти затраты должны приносить по меньшей мере 10%, потому что продукты земледелия подвержены разным губительным случайностям, которые в десять лет поглощают по крайней мере ценность годовой жатвы. Кроме того, надо много средств, чтобы держать эти затраты на известном уровне и возобновлять; таким образом, сумма процентов на издержки, употребленные земледельцами на первоначальное обзаведение, равняется 333 322 000 ливров.

Лука, виноградники, пруды, леса и т. п. требуют со стороны фермера небольших первоначальных затрат. Ценность этих затрат, включая сюда первоначальные издержки на насаждения и другие работы, производимые за счет собственников, может быть принята в 1 000 000 000 ливров.

Виноградники и садоводство требуют больших годовичных затрат, но вместе с затратами на остальные отрасли культуры можно включить их, не вникая в больший или меньший размер всех затрат вообще, в общую сумму вышеприведенных годовичных затрат.

Годовое воспроизводство чистого продукта (la reproduction totale annuelle en produit net), годовичных затрат и процентов на них, процентов на первоначальные затраты, исчисленное согласно с схемой таблицы, может быть оценено в... 2 543 322 000 ливров.

Французская территория, принимая во внимание затраты, делаемые в ней, и сбыт ее продуктов, могла бы производить столько же и даже гораздо более.

Из приведенной суммы в 2 543 322 000 ливров, 525 миллионов составляют половину воспроизведенных годовичных затрат, употребленных на прокормление скота.

* См. в «Энциклопедии» статьи: «Ферма», «Фермеры», «Зерно».

Таким образом, из Общей суммы ОСфатс (если 40Лы?6 весь налог входит в обращение и если он не падает на затраты земледельца) 2 018 322 000 ливров.

На расходы людей идет по приблизительному расчету около 504 580 500 ливров на каждый миллион глав семейства, что дает на одного главу 562 ливра; разные случайные бедствия могут уменьшить эту сумму до 530 ливров. При таком положении вещей государство можно считать богатым, а людей — живущими в довольстве.

Земля производит ежегодно на человеческую пользу 2 543 322 000 ливров, из которых 1 050 000 000 ливров составляют чистый продукт. Если капитализировать приносимый ею продукт из 30%, то он явится с этой точки зрения богатством в 33 455 000 000 ливров, к которому еще следует прибавить 4 333 340 009 ливров * первоначальных издержек; общая сумма, включая сюда еще 2 210 500 000 ливров годового продукта, будет равняться 36 788 340 000 ливров.

Общая сумма богатств класса производительных издержек вместе со всеми расходами будет равняться.....
40 332 660 000 ливров.

При этом не вычислена особо ценность и доходность скота, потому что как та, так и другая были приняты во внимание при оценке затрат фермеров и при исчислении суммы годовых продуктов.

Мы включаем сюда земли на том основании, что они благодаря своей продажной ценности могут быть рассматриваемы до некоторой степени как движимые богатства, ибо цена земель подвержена изменениям в зависимости от уровня стоимости других богатств, необходимых для культуры, поэтому, по мере того как убывают богатства фермеров, земли ухудшаются и собственники теряют на их продажной ценности.

Богатства класса бесплодных издержек составляются:

Во-первых, из фонда годовых бесплодных затрат...
525 000 000 ливров. *⁴⁰

* Согласно с предшествующим текстом 3 333 340 000 ливров, точно так же и стоимость годового продукта равняется не 2 210 500 000 ливров, как напечатано строкой ниже, а 2 543 322 000 ливров. Вследствие этих ошибок и общая сумма оказалась равной 40 332 660 000 ливров, а не 39 331 662 000 ливров, как следовало бы. (Примеч. проф. А Н Миклашевского.)

Во-вторых, из первоначальных затрат этого класса на устройство мануфактур, на орудия, машины, мельницы, кузницы, или другие принадлежности и т. п.— 2 000 000 000 ливров.

В-третьих, из монеты или денежного фонда богатой земледельческой страны, равного почти чистому продукту, который она получает ежегодно с земельных имуществ через посредство торговли 1 000 000 000 ливров*.

* Или около 18 600 000 марок серебра. Следует заметить, что и в Англии наблюдается почти та же пропорция между денежным фондом и чистым продуктом страны: при настоящем положении богатств последней денежный фонд ее держится приблизительно на 26 миллионах фунтов стерлингов, или на 11 миллионах марок серебра. Если благодаря своим войнам Англии и случилось испытывать страшную нужду и прибегать вследствие этого к чрезмерным займам, то это случалось не вследствие недостатка денег, а потому, что расходы государства превышали его доходы; так что, если бы денег и было вполне достаточно для покрытия займов, доходы тем не менее были бы поглощены долгами, а нация была бы разорена, ибо в данном случае самый источник доходов испытывал прогрессивное ухудшение, которое уменьшило годичное воспроизводство страны. С этой именно точки зрения и следует рассматривать положение страны, так как в государстве, богатства которого постоянно возобновляются без умаления, в денежном фонде недостатка никогда не будет. В продолжение почти целого столетия, т. е. с 1450 по 1550 гг. в Европе замечалось большое уменьшение количества денег, о чем можно судить по цене товаров за это время. Но это уменьшение денежных фондов не оказало какого-либо влияния на государства Европы; продажная ценность этого богатства оставалась все время одной и той же во всех странах; точно так же и количество денежного фонда оставалось в том же соответствии к их доходам, ибо они повсеместно измерялись однообразной ценностью денег. В подобных случаях для людей было бы удобнее, если бы ценность восполняла количество, а не наоборот, если бы количество восполняло ценность. Принято думать, что благодаря только открытию Америки в Европе появилось большое изобилие золота и серебра; между тем еще задолго до наплыва золота и серебра из Америки в Европу ценность денег в последней понизилась сравнительно с товарами до того уровня, на котором находится теперь. Но все эти общие изменения ничего не изменяют в положении денежных запасов каждой страны; последние всегда пропорциональны доходам с земельных имуществ и барышам внешней торговли. В прошлом столетии при Людовике XIV марка денег стоила 28 ливров. Таким образом, 18 600 000 марок стоило тогда около 500 миллионов. Приблизительно таково было состояние денежных запасов Франции в это время, когда королевство было богаче, чем йод конец царствования этого монарха.

В-четвертых, из ценности земли под четыремя миллионами домов или помещений для 4 миллионов семей, которая, если оценивать землю под каждым домом средним числом в 1500 ливров, равняется 6 000 000 000 ливров.

В-пятых, из ценности обзаведения и мебелировки 4 миллионов домов, которая, считая, что на этот предмет идет годовой доход, или заработок, 4 миллионов глав семейства, равняется 3 000 000 000 ливров.

В-шестых, из ценности серебряных изделий, драгоценных камней, изделий из них, зеркал, картин, книг и * 42

В 1716 г. после общей переливки монеты количество ее не превышало 400 миллионов; марка чеканенного серебра стоила 42 ливра 12 су; так что все количество перечеканенной монеты не превышало девяти миллионов марок, т. е. было более чем наполовину менее количества ее при общей переливке 1683 и 1693 гг. Эта масса денежных запасов могла увеличиться ежегодно чеканкой денег лишь в том случае, если бы национальный доход увеличился. Как бы значительна ни была сумма ежегодной чеканки, она менее содействовала увеличению количества монеты, чем пополнению того количества ее, которое ежегодно поглощалось контрабандой, различными отраслями пассивной торговли и другими способами, отвлекавшими деньги за границу; если хорошо вычислить, сколько за 44 года утекло подобным образом денег, то получится довольно значительная сумма. Увеличение стоимости монеты, которая довольно продолжительное время держится на высоте 54 ливров, отнюдь не доказывает того, что количество денежных запасов страны значительно увеличилось. Эти рассуждения мало согласуются с ходячими представлениями относительно количества монеты, необходимого для страны. Простой народ воображает, что богатства государства состоят только в деньгах, но деньги, подобно всем остальным произведениям, являются богатством лишь вследствие их продажной ценности; их не труднее достать, чем всякий другой товар, уплатив за них товарами. Количество денег ограничивается в государстве их употреблением, которое регулируется годичными издержками на покупки и продажи; издержки же регулируются в свою очередь доходами. Нация должна иметь поэтому только такое количество денег, которое стоит в соответствии с ее доходами, большее количество денег было бы для нее совершенно бесполезно; она могла бы обменять излишек своих денег на иного рода богатства других стран, для нее более полезные и выгодные, и это потому, что обладатели денег, даже наиболее осторожные, всегда не прочь извлечь из них доход. Если можно в стране отдать деньги в рост под высокий процент, то это служит доказательством, что их обращается количество недостаточное в вышеуказанном смысле, иначе употребление их или потребность в них не оплачивалась бы так дорого; такой денежный процент держится во Франции уже давно.

разных других изделий ручного труда, которые покупаются или переходят по наследству, которые могут равняться у богатого народа... 3 000 000 000 ливров.

В-седьмых, из ценности торговых и военных судов и их принадлежностей, если только страна морская; артиллерии и других прочных орудий для сухопутной войны, зданий, построек и других прочных общественных сооружений; совокупность всего этого имущества может быть оценена в 2 000 000 000 ливров.

Здесь не говорится об изделиях ручного труда, предназначенных для торговли, о съестных припасах, вывозимых или ввозимых, о произведениях, находящихся в лавках и магазинах торговцев и предназначенных на пользование и годовичное употребление; все эти предметы вычислены и включены в общую сумму произведений и годовичных издержек согласно с схемой таблицы.

Совокупность богатств класса бесплодных издержек равняется 18 000 000 000 ливров.

Общая же сумма богатств страны равняется 59 000 000 000 ливров.

Предположим, что мы ошиблись приблизительно на Уго, тогда общая сумма богатства будет от 55 до 60 000 000 000 ливров.

Мы говорим здесь о богатой нации, владеющей территорией и производящей затраты, которые ежегодно возвращают ей без ущерба 1 миллиард 50 миллионов чистого продукта. Иначе обстоит дело, когда земледельческая страна приходит в упадок; в таком случае все богатства, последовательно поддерживаемые годовичным продуктом, могут уничтожиться или потерять свою ценность просто в силу сокращения затрат на производительные издержки, а это может произойти в весьма непродолжительное время вследствие восьми главных причин:

1) Дурной формы обложения; если бы, например, последнее коснулось затрат земледельца, *Noli me tangere* — вот в чем заключается девиз этих затрат.

2) Излишнего бремени налогов вследствие чрезмерности издержек по их взиманию.

3) Излишества в роскоши на всякого рода украшения.

4) Чрезмерных расходов на ведение тяжб.

- 5) Отсутствия внешней торговли произведениями земли.
- 6) Отсутствия свободы во внутренней торговле сырыми материалами и в культуре земель.
- 7) Личной несвободы (vexations personnels) обитателей деревни.
- 8) Отсутствия возврата (defaut du retour) годовичного чистого продукта к классу производительных издержек.

ФИЛОСОФИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

(Глава VII из книги В. Мирабо)

ОТНОШЕНИЯ ИЗДЕРЖЕК МЕЖДУ СОБОЮ

§ I. Основная идея этой главы ¹

Мы рассмотрели природу и сущность издержек, мы изучили их влияние; теперь обсудим их отношение к продукции и ко всем частям хозяйства и движимости, которые составляют костяк и основу общественного здания. Первые шесть частей показали сущность вещей и их естественный ход; последние шесть дадут картину взаимоотношения издержек.

Начнем с взаимоотношения издержек между собой и будем рассматривать их детально, в связи с различием их характера, назначения, размера, в связи с отношением к разным видам воспроизводства, к доходу предпринимателей, к вознаграждению представителей производительного класса и класса бесплодного и т. п., словом, учитывая все стороны, соответствующие и содействующие друг другу, их роль в экономическом целом и их различные особенности. Тема эта важна, а к цели можно прийти, только идя простым путем и следуя физическому порядку вещей, переходя от причин к следствиям, оставляя в стороне результаты нерегулярного вмешательства политической власти, потому что мы ищем лишь простейшую правду путем ясного изображения всех частей экономического целого. Прежде всего нужно ознакомиться с ходом механизма воспроизводства. Дело идет о необходимости разобрать его и

выяснить его организацию посредством установления анатомии всех его частей в их взаимодействии, их связи и результата их совместного действия.

В природе все является лишь следствием взаимодействия. Говорят, что разные силы находятся в состоянии борьбы, но они, напротив, поддерживают и содействуют друг другу. Стремление каждого начала к господству дает противоположному началу силу сопротивления и животельной реакции. Сосредоточение усилий и действий представляет результат борьбы и сопротивления, а возрождение и долговременность творений природы являются следствием сосредоточения и напряжения ее великих сил. Система и ход этой изумительной машины предустановлены окончательно ее Создателем. Великий закон, предначертанный для всего в целом, распространяется на отдельные части и управляет ими всеми².

§ II. Предварительные замечания³

Издержки делятся на различные группы, которые все имеют тенденцию привлекать к себе наибольшую часть доходов или даже все доходы целиком. Вся экономическая наука сводится к умению направить их на максимально возможное воспроизводство посредством изучения физических законов, обеспечивающих человеческому обществу восстановление и повторение издержек. Для разрешения этой простой, но тонкой и обязательной задачи, необходимо выяснить природу издержек и в особенности их взаимоотношения.

Взаимоотношение издержек и продукции, представленных в Таблице

Эти взаимоотношения определены и, так сказать, представлены на обозрение в Экономической Таблице настолько отчетливо, что их основная и взаимная связь обнаруживается со всей ясностью, так что невозможно предположить какого-либо изменения в количестве или в распределении этих затрат, не признавая очевидного воздействия такого изменения на всю систему экономического порядка. Действительно, это воздействие будет предпрещено точностью приведенного внизу Таблицы

итога годового воспроизводства в ценах, действующих между торгующими нациями; этот итог окажется возросшим или сократившимся в зависимости от того, было ли обсуждаемое изменение выгодным или вредным. Когда изменится одна лишь цифра в этой пропорциональной зависимости или в продажной цене, выраженной в деньгах, то влияние такого изменения скажется на всех частях Таблицы и потребует нового общего расчета, который приведет к совершенно новым результатам.

Из Таблицы видно, что производительные издержки представляют основу богатств. Предполагается, что авансировано 2000 ливров, в качестве годовых производительных издержек; при наличии всех условий, необходимых для успешной обработки земли, эти расходы дадут сто процентов дохода, а также восстановление тех же самых издержек и средств, авансируемых ежегодно бесплодным классом классу производительному; последние служат источником процента на капитал, предоставляемый производителю для его первоначальных затрат. Во главе Таблицы стоят богатства предсуществовавшие, затрата которых ежегодно возрождает одни и те же богатства; таким образом, если производительному классу авансировано 2000 ливров, то это даст 2000 ливров дохода и 1000 ливров возмещения аванса бесплодному классу; при затрате этих 5000 ливров, возвращающихся целиком к производительному классу, восстанавливаются 5000 ливров вследствие производительного применения средств, авансированных этим классом.

Таким образом, от сохранения или от увеличения авансов, ежегодно возрождающих богатства, зависит благоденствие земледельческих наций. Потому что если эти авансы недостаточны для воспроизводства с широтой, обеспечивающей наибольший возможный доход, то нация теряет продукт, который она могла бы извлечь из своей земли. Если же эти авансы так малы, что могут лишь восстанавливаться, то исчезнет доход, авансы, предоставляемые бесплодным классом, уничтожатся, и вся продукция строго ограничится количеством, необходимым для существования земледельца и его рабочих. При этом вся нация будет состоять из людей, вынужденных ограничиваться простыми средствами

питания, необходимыми для существования, так как она сумеет жить только в полной изоляции от других наций, не подвергаясь воздействию их предприятий. Средства существования, доставлявшиеся илотами спартиатам, могли быть плохи, бедны и ограничены. Но несомненно, что если бы земли Спарты давали только то, что необходимо для пропитания земледельцев, то спартиаты погибли бы или должны были бы изгнать своих рабов и сами (приняться за возделывание земель. В результате они сами превратились бы в илотов и забыли бы гимнастические упражнения, общие трапезы и защиту отечества.

Сохранение средств эксплуатации земли должно
интересовать правительство и собственников земли
столько же, сколько самих земледельцев, которым эти
средства принадлежат

Собственники и правительства часто бывают недалекими и в падении земледелия видят лишь бедствие для земледельцев; они относятся к нему с безразличием, не понимая, что первыми будут разорены они сами, потому что при общей гибели последний колос все же получает земледелец. Поэтому внимание нации должно быть привлечено не только положением земледельца, которое рассматривается часто с таким спокойствием. Его положение будет обеспечено, когда нация со знанием дела займется улучшением собственного положения. Земледелец, предоставленный самому себе, нуждается лишь в простейших средствах существования. Но нации нужно, чтобы земля производила как можно больше и чтобы продукт имел как можно более высокую продажную цену: ведь на этой цене основываются доходы и богатства. Действительно, если продажная цена не превышает издержек по земледелию, то не окажется ни доходов, ни богатств, как бы обильна ни была продукция. Тогда все люди будут вынуждены работать на земле, даже если ее продукт не даст им ничего, кроме средств питания. Они будут лишены возможности всякого обмена и удовлетворения других потребностей; ведь никто не захочет работать для производства излишнего продукта, бесполезного ему. Все люди будут равны и независимы друг от друга. Та же сила, т. е. сила физическая, утратит свое значение, так

Кйк все бѹдут заинтересованы в ѳе подавлений в іцелйХ безопасности. Ее носители будут лишены возможности объединяться для обеспечения себе преобладания; ведь там, где продукция и услуги не оплачиваются, там, говорю я, где нет вознаграждения, там не может быть ни коммерции, ни обязательств, ни хозяев, ни слуг, ни военной силы, ни гражданской власти. Такое состояние общества может быть только временным, потому что оно будет тотчас захвачено соседями или же превратится в общество дикарей и пастухов, осужденное на рассеяние его жителей.

Продажная цена создает богатства

Земледельческая нация должна стремиться к возможно более высокой цене продукции, поддерживать ее на возможно более высоком уровне, ввиду того что дороговизна содействует ее росту, из чего проистекает максимальное процветание. Ведь перепродавцы (если они составляют всю нацию) сами не страдают от дороговизны продукции. Между тем именно опасение такой дороговизны приводит в беспокойство ограниченные умы и служит причиной упадка земледельческих наций, которые, не ведая истины столь существенной и легко доказуемой, губят себя ложными суждениями о настоящем источнике богатства и, губя сами себя, снижают и разрушают ценность своей продукции. Боязнь дороговизны продуктов питания нелепа, например, у нации, земля которой дает хорошие урожаи зернового хлеба, между тем как нации, не имеющие земельных угодий, естественно не принимают никаких мер для устранения предполагаемой беды. Указанное опасение приводит к принятию ряда мер против дороговизны хлебов, в то время как, содействуя высоким ценам, нация могла бы достигнуть величайшей власти и благополучия вследствие благоприятных условий для торговли и размера своей земельной площади.

Продажная цена в деньгах есть общая мера богатств, принятая нациями

Простой продукт, получаемый с земли, не составляет еще дохода нации, надо чтобы этот продукт имел продажную цену, превосходящую цену издержек по

обработке Земли. Только эта разница между ценой и издержками составляет доход, или чистый продукт (produit net). Таким образом, чем больше эта разница превосходит издержки, тем выше будет доход нации. Но доходы и налоги выражаются в деньгах. Поэтому все издержки и весь продукт должны быть оценены в деньгах. В итоге продажная цена в деньгах служит базой всех расчетов и всех исчислений в политической экономии и всех подсчетов соотношения богатств у наций. Поэтому все мероприятия правительства, ведущие к снижению продажной цены, не могут не наносить ущерба государю и собственникам и не нарушать экономической системы и соотношения богатств разных наций. Если вы откажетесь считаться с этой ценностью, выраженной в деньгах и принятой всеми странами, то вы лишитесь средства измерения как своих богатств, так и богатств других народов, а слово «богатство» утратит свое значение. Поэтому для оценки ежегодно создаваемых нацией богатств, а также для определения соотношения этих богатств между собой и градации наций по их торговле и могуществу, надо изучить весь комплекс в целом, именно: 1) количество продукции; 2) ее цену в денежном выражении. Эти два условия связаны с тремя другими: 1) с качеством земельных угодий, 2) с характером земледелия, 3) с состоянием торговли продуктами.

Из этих трех условий два первых определяют количество продукции, а третье — ее цену в деньгах. Поэтому нельзя установить действительный доход нации, не определив точно эти пять условий. Управление политикой и экономикой не может сохранить или увеличить доход нации иным путем, как благоприятствуя перечисленным условиям, ибо они тесно связаны с доходом и с ежегодно создаваемым богатством нации.

Условия, существенные для собственности земледельческих наций

Перечисленные пять условий сами сопряжены с другими условиями и имеют с ними существенные связи. Изучение этого комплекса отношений естественно ведет к анализу средств эксплуатации, продукции, дохода, населения, обильного вознаграждения путем издержек,

о применении дохода и об экономическом действии все[^] этих пружин. Изучение всего вопроса будет вестись на основе расчетов площадей и благосостояния, представленных в Таблице. Приведенный там расчет отнюдь не вымыслен, он соответствует уровню благосостояния в империях, хорошо управляемых. В 1698 г. в Англии успешно занялись восстановлением земледелия путем введения свободной внешней торговли зерновым хлебом и отмены личного и произвольного обложения. Кадастр земель, площадь которых определена в 50 миллионов акров для одного лишь королевства Англии, позволил установить налог в 2 су на ливр дохода в мирное время. Это обложение, дцвавшее фиску 19 миллионов ливров, сейчас вследствие прогресса земледелия упало приблизительно до семи денье на ливр чистого дохода собственника. Таким образом, этот доход, составлявший в 1678 г. лишь 190 миллионов ливров, достиг сейчас приблизительно 800 миллионов, без учета других видов обложения. Акр земли соответствует $\frac{9}{10}$ французского арпана. Поэтому 50 миллионов акров соответствуют 45 миллионам арпанов, что составляет приблизительно треть территории французского королевства. Если бы при новом кадастре земли были обложены, как первоначально, в размере одной десятой дохода, то они дали бы фиску примерно 80 миллионов, а удвоение во время войны повысило бы поступления фиска до 160 миллионов, помимо доходов, получаемых от Шотландии и Ирландии и от колоний, а также дохода от торговли. Таким образом, предполагаемое нами благосостояние оказывается много ниже действительного у нации, о которой мы только что говорили; позже мы обсудим это более подробно. Но если бы при таком уровне благосостояния во Франции, две седьмых чистого продукта с облагаемых земель поступали в королевский доход, то без всякого другого обложения король стал бы намного сильнее других государей Европы. Таким образом, мы доказали на основании фактов, очень близких к нам по времени, что в Таблице нет никакого преувеличения в расчетах дохода. Еще более решающими будут примеры, относящиеся к богатству и к положению населения во Франции в разные периоды. Итак, в основе наших предположений нет ничего фантастического.

Высокая культура земли предполагает достаточно большие авансы на эксплуатацию, обеспеченную прибыль для тех, кто эксплуатирует землю, и затем — разнообразные издержки на улучшение качества плохих земель, которые в большей своей части должны быть сделаны собственником. Однако для успеха этих затрат требуются знания, которыми не располагают земледельцы и собственники, не посвятившие себя изысканиям, исследованиям и опытам, необходимым для обеспечения успеха разнообразным издержкам, которые требуются при теперешних несовершенных качествах земли. Сельскохозяйственные академии, учрежденные мудрым правительством в провинциях королевства⁴, должны заняться изучением этого вопроса и проблемами экономической науки. Но они не должны касаться вопросов, связанных с техникой земледелия. В стране, в которой богатому сельскому хозяйству обеспечены все условия для процветания и где земледелие дает по меньшей мере 100% чистого продукта, земледельцы не могут утратить необходимые им знания. Прежде чем прибегать к мерам чрезвычайным и противоречащим обычным приемам, столь выгодным и надежным, надо во всех провинциях королевства достигнуть высокого уровня земледелия с помощью методов, уже известных мастерам своего дела.

§ III. Изучение торговли в связи с вызываемыми ею издержками и доходами от земельной собственности

Мы уже говорили о торговле и будем еще часто о ней говорить, потому что все здесь связано с торговлей, доходами и расходами, а общие проблемы, рассмотренные в деталях, принимают в связи с ней различный облик; торговля, как я утверждаю, должна изучаться в отношении ее расходов или ее издержек, а также в связи с доходом. Надо, рассматривая вызываемые ею издержки, отличать те, которые составляют издержки земельной собственности, изымающие часть чистого продукта, и те, которые оплачивают из дохода или чистого продукта, получаемого собственником. Эти оба момента надо иметь в виду: 1) изыскивая способы уменьшения

издержек На торговлю, следует увеличивать потребление в тех провинциях, в которых продажа из перзых рук местной продукции дает мало прибыли, либо же следует искать более выгодных мест сбыта, пользуясь путями, сокращающими издержки перевозок; 2) необходимо отличать потребителей, издержки которых во внутренней торговле продовольственными продуктами относятся на земельную собственность и уменьшают даваемые ею доходы от тех потребителей, издержки которых оплачиваются доходами собственников, постоянно и бесперывно циркулирующими в стране. Поэтому существуют торговцы, исходящие в своих надеждах на коммерческий успех только из расчетов на денежную циркуляцию; но есть и такие, более дальновидные, которые руководствуются в своих предприятиях видами на потребление и на изобилие или же расчетами на недостаток продуктов питания.

**Изыятие части дохода, поглощаемого издержками
сельской торговли, и его отношение к массе продукта,
даваемого землею**

Любой продукт продается по разной цене в различных местах королевства или провинции. Какова же тогда действительная ценность этого продукта в королевстве? Сажень дров, привезенная в Париж из близких или дальних мест, одинаково продается за 40 ливров. Если издержки по перевозке составили только 3 ливра, а расходы по производству — 34 ливра, то собственник может продать дрова на корню за 34 ливра; но если издержки по перевозке равны 34 ливрам, а издержки производства — 3 ливрам, то собственник не продаст их дороже, чем за 3 ливра. Однако сажень дров стоит в последнем случае не меньше, чем в первом, поскольку ценность в Париже покрывает издержки в 34 ливра на перевозку, в 3 ливра на производство и плату в 3 ливра собственнику, что составляет в целом 40 ливров. Ценность издержек перевозки столь же реальна, как и цена, уплачиваемая собственнику, поскольку она представляет вознаграждение возчика и издержки на кормление его лошадей. Но эту сумму в 34 ливра нельзя смешивать с доходом собственника, поскольку она не взята из 3 ливров чистого продукта.

Если угодно, то доход собственника уменьшен на эти 34 ливра, но они не представляют издержек, которыми оплачен его наличный доход. Поэтому этот род издержек не должен входить в счет действительных издержек собственника. Они не составляют теперь части его дохода, поскольку они получены торговцем для возмещения торговых издержек. Их нельзя в то же время отнести в количество издержек, связанных с извлечением дохода для того, кто покупает эту сажень дров в Париже, поскольку она куплена не дороже, чем при издержках на перевозку в 3 ливра. Ему пришлось бы в Париже даже заплатить дороже за дрова, привезенные из более близкого места. Таким образом, эти издержки покрываются за счет собственника леса в ущерб чистому продукту или доходу собственника. Следовательно, такого рода издержки могли бы быть отнесены на счет бесплодного класса, если бы они входили в порядок распределения издержек по извлечению того дохода, который извлек этот класс. Но поскольку он изымается непосредственно из земли, по исключению дохода или чистого продукта, он должен быть отнесен к расходам производительного класса. Но при этом его нельзя смешивать с издержками этого класса, идущими на производство и содержащимися в Таблице, из которой видно, что восстановление этих издержек обеспечивает ежегодное возобновление земледельческого производства. В то же время надо отличать издержки по торговле продовольственными продуктами от издержек по торговле ремесленными продуктами, потому что последняя не может их относить непосредственно и немедленно на счет недвижимости, ибо вознаграждение того, кто из первых рук продает ремесленный товар, производится тотчас же тем, кто его покупает. Иначе говоря, эта оплата происходит посредственно или непосредственно за счет реального дохода собственника, как это видно из системы распределения издержек, связанных с этим доходом.

Эти объяснения были необходимы для того, чтобы дать себе отчет во всей системе, связанной с землей, чтобы понять совокупность расходов по эксплуатации земли и постигнуть разные мероприятия экономического управления. Они помогут разобраться в различии всевозможного рода издержек по эксплуатации от издер-

жек, связанных с доходом собственников, и m издержек, вызванных вознаграждением агентов производительного класса, а также агентов класса бесплодного, как это изображено в Таблице. В ней пришлось ограничиться доходами одной лишь нации, а также наций, связанных с ней. Все они объединены общей подчиненностью единой системе распределения, поскольку только доход составляет богатство, которым можно распоряжаться. Все прочее имеет определенное предназначение, и ни одна часть его не может быть произвольно употреблена, не создав опасности для ежегодно восстанавливаемого богатства земледельческой нации.

Но при этом надо изучать богатства, идущие на эксплуатацию, вызванные ею расходы и их восстановление, потому что все это так существенно связано с ежегодным воспроизводством дохода, что рост или сокращение отдельных видов этих богатств оказывает соответствующее влияние на все остальное.

**Воспроизводство постоянно возобновляется издержками,
а издержки возобновляются воспроизводством**

Всегда надо помнить, что существует три рода богатств, ежегодно затрачиваемых: 1) богатства, ежегодно авансируемые производительным классом в 2000 ливров; 2) чистый продукт, или доход, в 2000 ливров; 3) ежегодные авансы бесплодного класса в 1000 ливров. Сказанное свидетельствует об ежегодном потреблении продукции в 5000 ливров. Этим подразумеваются ежегодные издержки в пять миллиардов; но сюда не включены некоторые другие ежегодные особые расходы, как, например, те, о которых говорилось раньше и которые не имеют непосредственного отношения к производству и к расходованию реального дохода, вследствие чего они не могут быть помещены в Таблицу. Мы не учитываем также возобновляемые расходы по покупке сырья, входящего в аванс бесплодного класса, что вместе с теми 5000 ливров, о которых мы уже говорили, вводит в Таблицу 6000 ливров расхода. Действительно, с точки зрения денежного обращения это составляет 6000 ливров расхода, но это не представляет 6000 ливров потребления. Ведь указанное возобновление сырья, как уже говорилось, представляет возме-

ние материала потребляемого, но не потребленного, последний может быть возобновлен, но не может возобновиться, ибо то, что потреблено, более не существует. Итак, авансы бесплодного класса составляют расходы двойного рода: расходы на материал, ежегодно потребляемый, и расходы на покупку материалов для возобновления потребленных. Изображенное нами здесь ежегодное потребление и восстановление предполагает большое государство, земля которого хорошо возделывается, что обеспечивает сохранность его эксплуатационных средств. В таком королевстве торговля ведется свободно и легко, а это укрепляет за его продукцией возможно более высокую продажную цену; при этом просвещенные правители и правдивые политикоэкономы создают необходимые условия для процветания.

Первоначально может казаться, что продажи и покупки, производимые за границей, должны вносить большое замешательство в дело исчисления годовых расходов нации, основанных на ежегодном производстве богатств. Но если учесть, что нельзя покупать не продавая своей продукции, то затруднение исчезает и становится ясно, что в системе регулярных расходов нации покупки предполагают продажи, так что в сущности происходит обмен. Поэтому при исчислении издержек, связанных с ежегодным воспроизводством богатств нации, можно не учитывать ее внешнюю торговлю.

Таким образом, достаточно изложить в подробностях порядок ежегодного воспроизводства этих богатств, чтобы перейти к детальному изучению ежегодных издержек, ибо раньше надо истратить и лишь затем можно восстановить. Поэтому понятно, когда говорят, что потребление и доходы — понятия однозначные.

§ IV. Подробное объяснение данного в Таблице отношения между издержками и продуктом

Внизу Таблицы показано, что по данной ей системе распределения издержек, связанных с доходами, воспроизведенный доход равен доходу затраченному и что, кроме того, земля возмещает ежегодно затраченные авансы по земледелию и, сверх того, дает земледельцу

10% на капитальную сумму его годового аванса (*du capital de ses avances annuelles*) и аванса первоначального. Но в этом полном воспроизводстве нет места для ежегодных авансов бесплодного класса, потому что эти авансы не восстанавливаются при своем расходовании и возмещаются этому классу, давшему первоначальный фонд, ежегодно при распределении издержек, связанных с доходом. В то же время указанный фонд не уничтожается своим расходованием; он ежегодно переходит к производительному классу при закупке у него сырья. Он переходит к нему полностью и удерживается им. Поэтому его нет в Таблице среди сумм, переходящих от одного класса к другому. В то же время расходование этих фондов, передаваемых производительному классу, не остается бесполезным, ибо из такого расходного фонда рождаются годовые проценты на авансы производительного класса. Поэтому этот первоначальный фонд, составляющий часть тех 5000 ливров богатств, которые ежегодно потребляются, пропорционально участвует в воспроизводстве богатств в 5000 ливров, ежегодно возрождающихся; иначе говоря, в воспроизведении 2000 ливров ежегодных авансов, 1000 ливров авансов бесплодного класса и 2000 ливров дохода, что вместе составляет 5000 ливров издержек на потребление, что и приводит к возрождению 5000 ливров.

Как мы видели, воспроизведенные 5000 ливров ежегодно возвращаются к производительному классу вследствие распределения дохода посредством покупок и вследствие перехода средств от одного класса к другому. Производительный класс платит 2000 ливров собственникам, расходует 2000 ливров и сохраняет 1000 ливров в виде процентов на ежегодные авансы. Эта последняя сумма составляет резерв, предназначенный на возмещение первоначальных авансов, покрытие ущерба, который может возникнуть из-за всяких случайностей, связанных с урожаем и т. п. Ясно также, что в бесплодном классе обращается 3000 ливров, из которых 1000 ливров есть жалование, расходуемое представителями этого класса, 1000 ливров — аванс, затрачиваемый из собственных фондов этого же класса и возмещаемый 1000 ливрами, создаваемыми сбережением; эта сумма идет на закупку сырья и постоянно возобнов-

ляется. Таким образом, сумма богатств, обращающихся между этими двумя классами, составляет 8000 ливров, из которых 5000 ливров представляют продукцию, созданную производящим классом, 2000 ливров—денежные средства, которыми оплачиваются доходы, постоянно участвуют в обращении, связанном с продажей и покупкой продукции в 5000 ливров, и, наконец, 1000 ливров представляют авансы бесплодного класса, возвращаемые ему посредством обращения 2000 ливров денежных средств, из последних 1000 ливров употребляются на закупку сырья, которое должно заместить сырье ежегодно зачисляемое. В итоге получается тот фонд в 8000 ливров, о котором идет речь.

Но из этих 8000 ливров только 5000 ливров ежегодно восстанавливаются, потому что 2000 ливров, представляющих денежные средства, не потребляются и всегда остаются в обращении для оплаты покупок и продаж. Так же обстоит дело с 1000 ливров аванса бесплодного класса. Этот класс постоянно его возмещает, иначе говоря, бесплодный класс ежегодно его одалживает и сам себе его ежегодно возмещает, изымая его каждый год из тех 2000 ливров, которые он получает и из которых он тратит на себя лишь 1000 ливров, представляющих его жалование. В этом заключается различие с производительным классом, который также получает 2000 ливров, но их тратит и в то же время сам воспроизводит; ими он покрывает фонды своих ежегодных авансов, затрачиваемых им и ежегодно восстанавливаемых. Расходование этих 2000 ливров — это издержки, возрождающие доход. Таким образом, издержки представителей производительного класса вдвое выше расходов представителей класса бесплодного. Расходы собственников составляют 2000 ливров, что в целом дает сумму в 5000 ливров ежегодных расходов на производительное потребление, которое воссоздается, покупается, возрождается, ежегодно опять приобретается и возвращается к производительному классу.

В Таблице, где доход по авансам производительного класса дан в размере ста процентов, предполагается, что, расходуемый в течение года, он переходит полностью к производительному классу, а к бесплодному классу попадает опять-таки целиком в результате постоянных переходов средств от одного класса к дру-

тому; весь этот доход полностью воспроизводится вследствие годового воспроизводства, как это показано в Таблице, данной в конце предшествующей главы.

Нельзя никогда упускать из виду, что именно покупки, оплачиваемые за счет 1000 ливров аванса бесплодного класса классу производительному, позволяют последнему восстанавливать проценты по авансам земледельца. Таким образом, если какое-нибудь нарушение порядка экономической жизни вызвало бы сокращение авансов бесплодного класса, то это сокращение повлияло бы на воспроизводство процентов по авансам класса производительного, причем уменьшение воспроизводства этих процентов было бы равносильно сокращению авансов бесплодного класса. Поэтому когда происходит уменьшение этих авансов, вследствие чего они оказываются недостаточными для оплаты процентов по авансам земледельца, то проценты возмещаются за счет дохода

§ V. Отношение издержек и продукции зерновых культур

Наибольшая часть годового продукта, даваемого землей, получается от пахотного хозяйства, а остальное — от других видов обработки или эксплуатации земли. Во Франции на площадь в 120 или 130 миллионов арпанов, из которых каждый равен ста першам, а перша — 22 футам, имеется примерно 60 миллионов арпанов пахотной земли, а остальное заключается в лесах, лугах, виноградниках, неплодородных землях, поселениях, реках, озерах, дорогах и т. д.

Мы пришли к выводу, что 60 миллионов арпанов земли могут быть эксплуатируемы посредством раздела на 500 тысяч участков высокой культуры: 120 арпанов, составляющих каждый участок, делятся на три равных поля, каждое размером в 40 арпанов, которые поочередно засеваются, притом одно из них озимым хлебом, другое — яровым, а третье остается под паром и отдыхает; его подготавливают при помощи удобрений и обработки к посезу озимых на следующий год, а после снятия урожая озимых засевают яровыми.

Расчет в деньгах зерновой продукции, без учета продукции скотоводства, связанного с земледелием

Для учета в деньгах продукции урожая зерна на арпан мы предполагаем, что вследствие свободы внешней торговли продажная цена зерна во всех провинциях королевства стоит на уровне цены, действующей между торгующими друг с другом нациями, т. е. что цена сетье озимого зерна весом в 240 фунтов составляет обычно около трети марки в серебре или 18 ливров на наши деньги. При таком расчете, если каждый арпан дает в среднем шесть с половиной сетье озимого хлеба, включая десятину, то стоимость всей продукции арпана составит 117 ливров. Урожай яровых хлебов может быть оценен приблизительно в $\frac{3}{5}$ стоимости озимого зерна, т. е. в 45 ливров. Таким образом, ежегодная продукция одного пахотного участка составит примерно 6490 ливров. Но мы оценили все зерно исходя из цены пшеницы. Между тем даже при том цветущем состоянии, в каком, по нашему предположению, находится земледелие королевства, четверть урожая озимых заключается во ржи, цена которой составляет только две трети цены пшеницы. Поэтому итог в 6490 ливров должен быть снижен до 6120 ливров; при этом надо еще исключить то зерно, которое требуется для будущего посева озимых и яровых. В итоге после всех вычетов общий годовой продукт с одного участка сведется приблизительно к 5500 ливрам, а общий продукт 500 тысяч участков — к 2 750 000 000 ливров.

Продукция, даваемая скотом хлебопашца

Существует еще один продукт, связанный с земледелием, именно продукт, даваемый скотом, т. е. овцами, быками, коровами, свиньями, птицей и т. д. Эту продукцию мы только упоминаем здесь, потому что она поглощается издержками, из-за которых она совершенно не отражается на чистом продукте, или доходе⁵. Тем не менее она все же имеет значение для эксплуатации земли и для населения, потому что издержки, которые она поглощает, идут на кормление рабочего скота и на оплату и пропитание пастухов и рабочих, обслуживающих стада и птичники. Это дополнение к пахоте,

рассматриваемое отдельно, может быть оценено в 450 000 000 ливров.

Итак, при прибавлении указанного продукта в 450 миллионов к 2750 миллионам получится общий продукт земледелия в 3200 миллионов ливров.

Продукцию остальной площади мы назовем луговой; она весьма разнообразна и, за исключением виноградарства, требует мало земледельческого труда. Сюда относятся леса, луга, пастбища, плодовые сады, пруды, ланды, горы, другие необрабатываемые пажити, каменоломни, рудники, морское рыболовство, раки и т. д. Различная даваемая ими продукция может считаться примерно разной земледельческой, что составит в итоге приблизительно 6000 миллионов ливров.

Луга по большей части используются, помимо земледельческих стад и коров, для прочего прибыльного животноводства. Они представляют пастбища для лошадей, быков, коров и другого пастбищного скота, выращиваемого для себя и для продажи на убой. Поэтому продукт животноводства, извлекаемый из лугового хозяйства, должен быть по крайней мере не меньше, чем продукт, получаемый от скота в земледельческих хозяйствах. Но нам кажется, что в луговом хозяйстве не имеется такого количества рабочего скота, как в земледельческом. При этом в луговом скотоводстве требуется также меньше людей для охраны скота и ухода за ним, потому что ланды и другие пустынные и просторные места позволяют обходиться меньшим числом пастухов. Однако мы будем по-прежнему считать, что продукт этого скотоводства лишь компенсирует издержки по питанию и по оплате людей, работающих в луговом хозяйстве, и расходы по кормлению рабочего скота; поэтому окажется, что продукт скотоводства земледельческого и лугового в целом лишь компенсирует издержки и поглощается ими полностью. Но оно помогает другим видам продукции и служит к выгоде населения благодаря вознаграждению, которое оно получает за счет этих расходов. Понятно, впрочем, что такое животноводство не может давать никакого чистого продукта или дохода иначе, как за счет другой продукции и в ущерб населению. Но хотя животноводство не дает продукции, которая могла бы влиять на доход, оно тем не менее помогает питанию людей и удовлетворяет другие их

потребности. Поэтому продукт, получаемый от всего животноводства в целом, имеет продажную цену примерно в 900 миллионов, входящих в общую сумму ежегодно создаваемого нацией богатства в шесть миллиардов.

Когда мы показываем в Таблице продукт в 5 миллиардов, то связанная с ним проблема не ограничивается простым вопросом об отношении между производством и издержками; дело идет об отношениях гораздо более сложных, именно о связи продукции с издержками, с чистым продуктом или с доходом; о связи с издержками производства, с затратами или с доходом; о связи с авансами и с доходами и с производством авансов и дохода; о связи с ежегодным распределением богатств и вознаграждением людей каждого класса. Поэтому надо рассмотреть отдельные элементы, приводящие к получению дохода, прежде чем вносить приведенные расчеты в Экономическую таблицу.

Подробности отношения издержек к продукции земледелия

Годовая продукция одного пахотного участка была исчислена в 5500 ливров, из которых земледelec извлекает 2142 ливра для возмещения своих ежегодных авансов и 1216 ливров для процентирования своих ежегодных и первоначальных авансов, т. е. всего 3358 ливров, так что остается на прибыль 2142 ливра. Но из них четыре седьмых, или 1224 ливра, идут собственнику, две седьмых, или 612 ливра, — на налог, одна седьмая, или 306 ливров, — на десятину; таким образом, каждый арпан земли, как известно, ежегодно производит в общем 45 ливров, из которых 10 ливров достаются собственнику, 2 ливра 10 су — на десятину, и 27 ливров 10 су поступают вновь фермеру.

Десятина исчислена здесь примерно, так как эта подать весьма нерегулярна: она не везде имеет одинаковую ставку и взимается в связи со всей продукцией, которая не всегда находится в одном и том же отношении к чистому продукту. Поэтому она значительно превышает одну седьмую чистого продукта на землях плохого качества и достигает двойного и тройного размера на землях, где урожай лишь покрывает издержки по земледелию; тогда она достигает одной трети всего про-

дукга. Но при рассмотрении в целом, при учете продукции, избавленной от нее, и разнообразия ставок, по которым она взимается с обложенных ею земель, она примерно относится к чистому продукту так, как мы указали.

Говоря о доходах фермера, мы упомянули только о воспроизводстве его ежегодных авансов и его процентов, ничего не сказав о вознаграждении его забот, трудов, риска, связанного со всем предприятием. Дело в том, что это вознаграждение находится в скрытом виде в расходах, относящихся к ежегодным авансам, и в продукции его производительного скота, которая возмещает ему издержки на кормление овсом его рабочих лошадей в сумме 600 ливров на плуг. Это сокращение эксплуатационных издержек, которые должны были бы входить в расходы по ежегодным авансам, туда не вносится. Таким образом, эта сумма служит к выгоде земледельца в смысле сокращения расходов по его ежегодным авансам. Она представляет вознаграждение его личного труда. Итак, его общие поступления по одному участку (*chargej* ⁶ составляют 3958 ливров, из которых 1816 ливров представляют его проценты и вознаграждение; остальное служит восстановлению его ежегодных авансов. Он не должен ежегодно тратить всю эту сумму в 1816 ливров, потому что ему надо иметь сбережения на случай каких-нибудь неожиданностей, которые могут грозить его урожаю и скоту, а также на устройство детей. Но эти сбережения могут приносить ему доход и возрастать, если он их использует в своем сельском хозяйстве.

Фермы, эксплуатируемые земледельцами, фермерами и собственниками, могут быть оценены в силу двух плугов. При этом условии в королевстве при том уровне благосостояния, которое мы предполагаем, имелось бы приблизительно 250 000 фермеров или земледельцев. Расход производительного класса на содержание этих земледельцев и их семейств составляет 600 ливров на каждое хозяйство, что равно половине их вознаграждения, исчисленного в размере 1200 ливров на хозяйство в два плуга. В итоге это дает 300 миллионов ливров, получаемых всеми 250 000 фермерами из общей суммы ежегодных авансов в 1071 миллион ливров. Эти фермеры тратят половину своего взноса в 300 миллионов

ливров как производительный класс, так что их половина составляет 150 миллионов ливров, другая же половина затрачивается на класс бесплодный.

После израсходования средств на вознаграждение земледельцев и других лиц, занятых в сельском хозяйстве, остается 771 миллион ливров, из которых половина расходуется на производительный класс, а другая половина — на класс бесплодный.

Если эти 771 миллион ливров разделить между главами семейств по 500 ливров на главу семьи, то можно было бы вознаградить 1 542 000 глав семейств, занятых обработкой земли. Прибавив к этому 250 000 фермеров, мы получим 1 792 000 глав семейств.

Если в каждой семье четыре члена, то 1 792 000 глав семейств означают 7 168 000 человек. Если 1 792 000 глав семейств распределить между 250 000 фермами размером в 2 участка каждая, то на каждую придется по 7 глав семейств. Таким образом, каждая ферма может иметь одного хозяина и шесть рабочих, наполняющих обязанности пахарей, скотников, молотильщиков, жнецов, кузнецов, шорников, тележников, поденщиков, которые, заменяя друг друга, равноценны шести постоянным рабочим.

Надо только всегда помнить, что, как мы предполагаем, дело идет о королевстве, которое благодаря хорошему и честному управлению процветает, где нация живет в довольстве, где цена сельскохозяйственных продуктов высока и где фермеры ведут богатое хозяйство, дающее по крайней мере сто процентов чистого продукта, или дохода, на ежегодно авансированные издержки.

Результат произведенных выше расчетов

Общий продукт.....	2 750 000 000
Чистый продукт в 2142 ливра на участок, что составляет 17 ливров 10 су на арпан, включая налог и десятину	
Всего	1 071 000000
Итог годовых авансов.....	1 071 000000
Сумма вознаграждения служащих и ра- бочих	771 000 000
Итог вознаграждения 250000 фермеров по 600 ливров на участок.....	300 000 000
Проценты на их авансы в сумме 1216 ливров на участок.....	608000000

Население

Главы семейств	Хозяева или фермеры 250000 Рабочие и домашняя прислуга 1 542 000	1 792 000
Число людей при четырех членах семьи.....		7 168 000

§ VI. Отношение издержек к продукции в других отраслях земледелия

Издержки и их отношение к продукции в виноградарстве

Луговое хозяйство не имеет такого количества хозяев или предпринимателей, как пахотное. Однако существуют собственники больших виноградников, сами ведущие предприятие и зарабатывающие на управлении им. Если мы предположим, что половина виноградников эксплуатируется вознаграждаемыми за это хозяевами или собственниками, то в таком государстве, как Франция, где такого рода дело должно быть прибыльно при зажиточности населения и при свободе торговли как внутренней, так и внешней, можно считать, что 1500 тысяч арпанов будут находиться в управлении эксплуатирующих их собственников. Предполагая, что в среднем каждый эксплуатирует десять арпанов, число таких предпринимателей окажется равным 150 000; их годовые авансы, исходя из 100 ливров на арпан, составят в целом 150 000 000 ливров, на которые они заработают не меньше 10 процентов, хотя и не выделенных из общего продукта. Иначе они предпочли бы сдать свои владения в аренду виноградарям и не брали бы на себя несение расходов по такому дорогому хозяйству, из которого не извлекается никакой прибыли. Поэтому в итоге проценты на их авансы в 150 000 000 ливров должны составить 15 миллионов. Другая половина виноградников, разделенная на более мелкие предприятия (*entreprises*) и эксплуатируемая виноградарями за собственный счет, должна им давать тот же процент, независимо от вознаграждения за их труд. Таким путем получают 15 миллионов, которые вместе с 15 миллионами, получаемыми собственниками-хозяевами, составят 30 миллионов; сверх этого чистого вознаграждения, восполнение ежегодных авансов в 300 миллионов.

В данном случае чистый продукт, идущий собственникам, служащий на уплату налогов и десятины, должен составить не менее ста процентов авансов. Но чистый продукт такого размера не получается в странах, где он отчуждается на уплату налогов в ущерб самому налогу, доходу собственников, качеству культуры, в ущерб потребления и, наконец, внутренней и внешней торговли вином. Однако легко доказать, что в воображаемом нами государстве общий продукт виноградарства мог бы составить по меньшей мере 630 000 000 ливров.

В некоторых провинциях были бы удивлены, узнав, что затраты на эксплуатацию одного арпана виноградников, на самую обработку, на сбор урожая, на бочки и т. д. могут составить по меньшей мере 100 ливров, потому что в местах, где продукты питания не имеют ценности и где виноград растет деревцами и очень запущен, издержки незначительны. Но мы говорим о большом государстве, густо населенном, в котором из-за очень развитой торговли продукты питания дороги; там виноделы могли бы выжидать благоприятного времени для продажи своего вина; там освобождение от губительных налогов увеличило бы выручку от продажи из первых рук и сбыт и, наконец, зажиточность и прибыли оживили бы сельское хозяйство и доставили бы необходимые авансы для получения большой продукции высокого качества.

Обработка виноградников происходит с помощью человеческого труда; поэтому более трех четвертей ежегодных авансов, требуемых этой культурой, служит для оплаты труда. Если вся сумма оплаты примерно составляет 225 миллионов, то ее хватит на вознаграждение 450 000 глав семейств по 500 ливров в год на каждого. Из этого расчета вытекает, что на обработке виноградников занято 900 тысяч человек, работающих шесть месяцев в году. Действительно, эта работа происходит лишь в течение указанного периода. Но в остальные месяцы люди заняты другими работами: обором урожая — в страдное время, а зимой — заготовкой леса и разными другими делами.

Расчеты, относящиеся к виноградарству

Общий продукт	630 000 000
Чистый продукт	300000000

Ежегодные авансы в виде заработной платы и других издержек.....	300 000 000
Сумма заработной платы рабочих.....	225000000
Проценты на авансы.....	30 000 000

Население

Главы семейств.....	450000
Число людей при четырех членах семьи.....	1 800 000

Другие отрасли сельского хозяйства

В луговой отрасли сельского хозяйства имеются еще разные другие хозяева или предприниматели. Назовем, например, тех, кто покупает и эксплуатирует леса, кто занимается оптовыми сделками с кормами и торговлей убойным скотом, кто является собственником больших стад на лугах, пастбищах, в пустынях, горах, назовем также собственников рудников, каменоломен, рыбных топей, хозяев извозного дела и торговцев продуктами питания в виде сырья. В целом все эти аграрные предприниматели могут быть отнесены к категории сельских хозяев, если судить по получаемому ими вознаграждению и по процентам, поступающим на их годовые авансы.

Отношение издержек к продукции в лесном деле

В таком государстве, как Франция, где при высоком благосостоянии и большой населенности провинций потребление обеспечивало бы сбыт, доход, доставляемый лесом, может быть оценен в 300 миллионов, как это уже указано в книге «Теория налогов». Издержки на эксплуатацию можно определить в такую же сумму, что вместе дает 600 миллионов. Этой суммой ведают 24 тысячи предпринимателей (entrepreneurs), причем каждый дает 25 000 ливров ежегодного аванса на эксплуатацию и оплату собственников. Как в каждом предприятии, связанном с риском и требующем для возвращения авансированных средств по крайней мере одного года, лесное дело должно давать 10%, что составит 2500 ливров. Если прибавить 1200 ливров на вознаграждение труда по управлению предприятием, то получится 3700 ливров, а в итоге на 24 000 предпринимателей (entrepreneurs) — 888 800 000 ливров⁷.

Труд и о эксплуатации лесов требует приблизительно столько же людей, сколько труд по обработке виноградников, т. е. около 900 тысяч человек. Однако можно их свести к 450 тысячам, потому что они тоже заняты примерно шесть месяцев в году, но в период коротких дней. Их вознаграждение в сумме составит 225 000 000 ливров.

Расчеты, относящиеся к лесному делу

Общий продукт	688 800 000
Чистый продукт.....	300 000 000
Ежегодные авансы.....	300 000 000
Вознаграждение рабочих.....	225 000 000
Вознаграждение 24 предпринимателей по 1200 ливров каждому.....	28 000 000
10% на фонды 24 000 предпринимателей, дающих по 25 000 ливров каждый.....	60 000 000

Население

Главы семейств	<table> <tr> <td>Предприниматели.....</td> <td>24000</td> <td rowspan="2">}</td> <td rowspan="2">474 000</td> </tr> <tr> <td>Рабочие.....</td> <td>450 000</td> </tr> </table>	Предприниматели.....	24000	}	474 000	Рабочие.....	450 000	
		Предприниматели.....	24000			}	474 000	
Рабочие.....	450 000							
Число людей при четырех членах семьи.....			1 896 000					

Отношение издержек к продукции в луговом хозяйстве

Эксплуатация лугов требует весьма мало издержек не только потому, что луга сами по себе незначительны, но вследствие того, что такого рода работа производится по большей части людьми, занятыми в другого рода предприятиях, а главное — рабочими пахотных хозяйств. Тем не менее можно предполагать, что приблизительно половина лугов не входит в другого рода предприятия, издержки их можно считать равными 50 миллионам, а это означает 50 миллионов вознаграждения людям. Мы ограничимся сейчас определением чистого продукта этих предприятий, который при высоком благосостоянии французского королевства можно считать равным 250 миллионам, что требует 50 миллионов на издержки по эксплуатации; в то время как половина лугов входит в фермерские хозяйства, фонд каждого предпринимателя мы считаем равным 10 000 ливров; потребуется 24 000 предпринимателей, и, как во всяком другом сельскохозяйственном предприятии, они должны получить 10% на свои авансы и вознаграждение.

Расчеты, относящиеся к луговому делу

Общий продукт.....	338 400000
Чистый продукт.....	250 000 000
Ежегодные авансы.....	50 000 000
Вознаграждение рабочих	50 000 000
Вознаграждение фермеров.....	14 000 000
Проценты на их авансы.....	24000 000

Население

Главы семейств	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 60%;">Предприниматели или фермеры</td> <td style="width: 20%; text-align: right;">24 000</td> </tr> <tr> <td>Рабочие</td> <td style="text-align: right;">100 000</td> </tr> </table>	Предприниматели или фермеры	24 000	Рабочие	100 000	} 124000
Предприниматели или фермеры	24 000					
Рабочие	100 000					
Число людей при четырех членах семьи	496 000				

Таким образом, луговое хозяйство представляет собой исключение из общего порядка в части отношения ежегодных авансов к чистому продукту.

Другие отрасли, в которых расходы по эксплуатации примерно равны продукции и которые дают мало чистого продукта, или прибыли

Надо обратить внимание на то, что имеются такие виды предприятий, в которых почти вся продукция поглощается расходами; к ним относятся морское рыболовство, рудное дело, каменоломни и др., они дают лишь возможность вознаграждать людей, занятых в них. Все эти предприятия, которые могли бы все вместе давать продукции на 300 миллионов, не дают даже 80 миллионов чистого продукта. Но они своей продукцией предоставляют средства существования по крайней мере 400 000 рабочим, являющимся главами семей, из которых 20 000 хозяев извлекают 20 миллионов в виде процентов и вознаграждения.

Эти обе отрасли, из которых у одной, именно луговой, почти весь продукт является чистым, а у другой почти весь уходит на издержки по эксплуатации, до известной степени компенсируют друг друга; так что в итоге восстанавливается обычное соотношение между чистым продуктом и эксплуатационными расходами производительного класса.

Расчеты, относящиеся к этим последним отраслям

Общий продукт.....	300 000 000
Ежегодные авансы	200000 000

Чистый продукт	80 000 000
Вознаграждение рабочих.....	200 000 000
10% на авансы.....	20 000 000

Население

Главы семейств		Предприниматели 20000 J	420 000
		Рабочие	
Число людей при четырех членах семьи		1 680 000

Отношение издержек к продукции в скотоводстве,
когда при возмещении издержек продукцией не
получается чистого продукта, или прибыли

Мы признали продукцию скотоводства, дающую прибыль, в луговой отрасли сельского хозяйства равной его же продукции в пахотной отрасли, т. е. оценили его продукцию в 450 миллионов, балансирующихся с 450 миллионами издержек на рабочий окот, применяемый в луговой отрасли хозяйства, и на вознаграждение лиц, занятых охраной этого скота и уходом за ним. Общая продукция обеих этих частей скотоводства составит 900 миллионов, из которых 600 миллионов идет на содержание рабочего скота обеих этих частей, 200 миллионов — на вознаграждение 400 000 пастухов или глав семей, а 100 миллионов — на вознаграждение 800 тысяч рабочих скотных дворов. Сумма первоначального аванса на производительное скотоводство луговой отрасли может быть оценена не меньше чем в 2 миллиарда, а ежегодные авансы — в 150 миллионов. Проценты на обе эти суммы из расчета 10 на 100 составят 215 миллионов. Таким образом, хозяева или предприниматели извлекут из своего скотоводства 215 миллионов, так что каждый получит в среднем 1000 ливров, т. е. в луговой отрасли вся сумма процентов делится между 215 тысячами хозяев.

Результаты частной калькуляции издержек
к продукции скотоводства

Общая продукция.....	900000000
Эта общая продукция в 900 миллионов поглощается следующими издержками:	
ежегодные авансы на вознаграждение пастухов и рабочих.....	300 000 000

расход на рабочий скот в разного рода хозяйствах, приносящих прибыль.....	600 000 000
проценты хозяев в луговой отрасли*.....	215 000000

Население

Главы семейств ,,	Хозяева.....	210000	} 610000
	Пастухи.....	400000	

Число людей при четырех членах семьи. . . 2 440 000

Рабочие скотных дворов..... 800000

3 240 000 человек

Издержки в торговле сельскохозяйственными продуктами, покрываемые продукцией земли с исключением прибыли

Продукция производительного класса, извлекаемая из 'прибыли или чистого продукта для покрытия издержек по перевозке продовольственного сырья, составляет по крайней мере 760 миллионов, из которых 300 миллионов расходуются на кормление упряжных или грузовых лошадей, а 100 миллионов'—на вознаграждение людей, занятых в этой торговле, где имеется 100 тысяч хозяев или 'предпринимателей. Каждый из них получает 2400 ливров в виде 10% на свои авансы и 1200 ливров вознаграждения, а всего вместе — 360 миллионов.

Оба эти элемента производительного труда, содействующие созиданию прибыли, но не дающие ее, т. е. производительное скотоводство и торговля сельскохозяйственными продуктами, о которых теперь идет речь, не включены в Таблицу, показывающую порядок распределения расходов и воспроизводства дохода путем расходования этого самого дохода. Не давая дохода, они, естественно, не могут быть внесены в Таблицу, показывающую распределение и воспроизводство доходов. Поэтому достаточно их оценить и присовокупить к общему ежегодному воспроизводству, с тем чтобы восполнить детали и дать общие соображения о взаимоотношении продукции и расходов.

* Последняя статья, которая не может быть покрыта за счет общего продукта, поглощаемого расходами в 900 миллионов, возмещается прибылью, даваемой работой скота, применяемого в таких частях хозяйства, которые не связаны с пахотой

Расчет, относящийся к торговле
сельскохозяйственными продуктами

Ежегодные авансы		Расходы на грузовых и упряжных лоша-	
		дей	300000000
		Вознаграждение возчиков.....	100000000
<hr/>			
Вознаграждение 100 000 предпринимателей по 1200 ливров			
		каждому	120 000 000
		10% по их авансам.....	240000000
<hr/>			
Общий итог расходов Внутренней тор-			
говли сельскохозяйственными продук-			
тами			760 000 000

Население

Главы семейств		Предприниматели.....	100000]	} 300 000
		Возчики и другие рабочие... 200 000]		
Число людей при четырех членах семьи.....				1200000

Общие результаты расчетов отношения
издержек к продукции

Прибыль, или чистый про- дукт		Пашня.....	1 071 000000
		Виноградарство.....	300000 000
		Леса	300000 000
		Луга.....	250000 000
		Рудники, каменоломни и пр	80000 000

Всего 2 001 000 000

Ежегодные авансы		Пашня.....	1 071 000 000
		Виноградарство.....	300000 000
		Леса	300 000 000
		Луга	50 000 000
		Рудники, каменоломни и пр.....	200 000 000

Всего..... 1 921000000

Вознаграждение прислуги и рабочих		Пашня.....	771 000 000
		Виноградарство.....	225000 000
		Леса.....	225 000 000
		Луга.....	50000 000
		Рудники, каменоломни и пр.	200000 000
		Скот.....	300 000000

Всего..... 1 717 000 000

Вознаграждение предпринимателей	Пашня.....	. 300 000 000	
	Леса 28 000 000	
	Луга 14 400 000	
	Торговля сельскохозяйственными про дуктами	-	. 120000 000
	<hr/>		
Всего 463 200 000	

Проценты на ежегодные и первоначаль- ные авансы	Пашня.....	608 000000	
	Виноградарство.....	30 000000	
	Леса.....	60 000 000	
	Луга.....	24 000 000	
	Рудники, каменоломни и пр.....	20 000 000	
	Скот луговой отрасли	215 000000	
	Торговля сельскохозяйственными продуктами	240 000 000	
<hr/>			
Всего*		1 197 000 000	

Общий продукт	Пашня.....	2 750 000 000	
	Виноградарство.....	630000 000	
	Леса	688 800 000	
	Луга	338 400000	
	Рудники, каменоломни и пр.....	300000000	
	Производительное скотоводство . .	900000 000	
	Торговля сельскохозяйственными продуктами	760 000 000	
<hr/>			
Всего		6 367 200000	

Общее количество населения

Главы семейств производи- тельного класса	Собственники.....	1 000 000	
	Предприниматели.....	635 000	5 177 000
	Слуги и рабочие.....	3 542 000	
	Число людей при четырех членах семьи.....	20 708 000	
	Слуги.....	800 000	21 508 000
	<hr/>		
Всего ..		21 508 000	

* Если эти 1 197 000000 удесятить, то общая сумма авансов составит 11 970 000 000.

Главы семейств класса бесплодного	Высшие категории наемного труда или предприниматели по 2000 ливров каждый	300 000
	Низшие категории наемного труда или ремесленники по 500 ливров каждый в среднем*	1 800 000
<hr/>		
Всего		2 100 000

Число людей при четырех членах семьи.....	8 400 000
Общее количество людей обоих классов	29 900 000

Взаимоотношение воспроизводства и издержек

	Ежегодное воспроизводство составляет	6 367 200 000
	Из дохода, составляющего 2 миллиарда, тратится.....	1 000 000 000
	Рабочие, исполщики и слуги	883 000 000
Фермеры или предприниматели	На питание.....	231 600 000
	На поддержание первоначальных авансов.....	598 500 000
	Затрата части процентов, использованных производительно или израсходованных, так как все резервы или сбережения последовательно используются или расходуются . .	598 500 000
	Кормление скота.....	900000000
Бесплодный класс тратит	На авансы по своим изделиям и по экспортной торговле.. .	1 437 066 667 l
	На средства существования.....	718 535 333 J
<hr/>		
	И т о г расходования ежегодной продукции.....	6 367 200000

* При определении вознаграждения каждого рабочего — главы семьи — в 500 ливров, мы исходили из среднего вознаграждения всех слуг и рабочих, принадлежащих как к производительному, так и к бесплодному классу, вообще вознаграждение очень неравномерно у разного рода служащих и рабочих. Но в целом, оценивая средства существования и учитывая наличие разных категорий и различие способностей (за исключением нищеты), можно считать, что в среднем оно не должно быть меньше 500 ливров в государстве, где цена продукции стоит на высоком уровне

Для того чтобы наши подробные расчеты не казались простыми гипотезами, мы возьмем в качестве примера такое государство, где сельское хозяйство действительно достигло требуемой высокой степени благосостояния и где, исходя из цены зерна, из состояния сельскохозяйственной культуры и из размера площади под ней и ее качества, можно строить расчеты об ежегодно производимых богатствах. Мы выбираем Англию, потому что ее угодья обрабатываются богатыми земледельцами и потому что в этом случае имеются все нужные условия для оценки ее сельскохозяйственной продукции.

* Доход с земельной площади английского королевства
в собственном смысле

Площадь Англии в собственном смысле слова считается равной 50 миллионам акров или 45 миллионам арпанов, при этом предполагается, что около 30 миллионов арпанов дают продукцию.

Предполагая, что эти земли в целом обладают средним плодородием, можно считать, что они дают при хорошей обработке шесть сетье пшеницы, включая десятину и вычитая семенной материал. Предполагается, что эти 30 миллионов арпанов разделены между тремя полями, поочередно засеваемыми: одно — пшеницей, другое — яровыми хлебами, причем третье остается под паром, или отдыхает. Последнее не имеет места, но мы делаем такое предположение, чтобы наши расчеты приводили к более низкому результату.

Урожай пшеницы, следуя предшествующему расчету, должен быть равным 60 миллионам сетье, урожай яровых также должен составлять 60 миллионов сетье. Урожай яровых мы делим пополам, чтобы сделать эквивалентными одно сетье озимых и яровых. Таким образом, урожай пшеницы и яровых составит 90 миллионов сетье, что при цене в 21 ливр за сетье даст 1 890 000 000 ливров, из которых одна половина, т. е. 945 миллионов представляет чистый продукт, или прибыль, другая же изымается снова земледельцами в соответствии с состоянием земледелия в этой стране, где авансы вследствие хорошей цены на сельскохозяйственную продукцию дают 150%.

Нам известно, что в Англии урожай зерновых далеко не так велик, как мы считали, ведь в ней много земель занято искусственными лугами, льном, коноплей, хмелем и т. п., дающими более значительный доход, чем посев зерна. Итак, наш итог снова оказывается ниже реального. Кроме того, мы не учитываем продукцию естественных лугов, лесов, рыболовства, рудников и т. п., а сводим все к продукции, даваемой 30 миллионами арпанов земли среднего качества, хорошо обрабатываемой под зерно. Ведь если площадь, которая может быть обработана под зерно, используется, например, под искусственные луга, то нет сомнения, что земледelec учитывает издержки на эти культуры и возмещает их. Поэтому ценность зерна в стране служит указанием на цену продукта, даваемого, например, искусственными лугами, если они предпочитают в этой стране зерновой культуре, ценность же продукта, даваемого искусственными лугами, которые подобны естественным лугам и пастбищам, свидетельствует о ценности продукта последних и т. д. Итак, цена зерна может служить основой для оценки других продуктов, предпочитаемых культуре зерна, которая была взята нами как основа для наших расчетов, учитывавших лишь две трети площади, для того чтобы итог был скорее преуменьшен, чем преувеличен.

Но наш итог может показаться слишком малым, если вспомнить других авторов, которые утверждают, «что из площади Англии з собственном смысле слова в 50 миллионов акров лишь не более трех миллионов бесплодны; к тому же в это количество входят горы, болота, озера и площади, заливаемые морем в заливах, бухтах и образуемых им излучинах». Однако такая оценка слишком оптимистична. Надо прибавить еще площади, занятые жилищами, дорогами и реками. В то же время следует учесть, что здесь речь идет лишь о площадях и доходах Англии в узком смысле и не рассматриваются прочие части английского королевства. Поэтому приведенный здесь доход не составляет, может быть, даже половины общего дохода всех частей королевства *.

* Для более правильной оценки земельных угодий Англии в узком смысле слова мы дадим обзор территории всех провинций королевства, для чего используем «Essai géographique sur les lies Bntanniques»,

Акциз, или косвенный налог, которым в Англии обложено потребление и дома, дает 159 миллионов и 15 миллионов на управление сборами, а всего 174 миллиона. Эта сумма обременяет, естественно, как это будет показано ниже, доходы собственников.

ЮЖНАЯ ЧАСТЬ АНГЛИИ

Суффолк,

Очень населен Воздух приятен и здоров, земля плодородна, в особенности на северо-западе, со стороны же моря он полон песка и влаги Конопля и хлеба рождаются в изобилии, выкармливается много скота, насчитывается более сорока выгонов, которые используются для самого разнообразного животноводства

Эссекс

Орошается несколькими реками, вследствие чего воздух влажен, но почва хороша, жирна и плодородна она производит зерновые хлеба и шафран Лесов мало Пастбища очень хороши, выращивается много скота

Кент

Это одна из самых прекрасных провинций Англии и одна из самых населенных Часть ее, расположенная в сторону Франции, покрыта дюнами и довольно бесплодна Иные части низки и болотисты, что превращает их в отличные пастбища Прочие части провинции очень хороши, имеется много лесов, и хлеба выращиваются в изобилии.

Суссекс

Почва плодородна и богата Имеется несколько железных рудников

Суррей

Воздух довольно сух и хорош, почва плодородна в некоторых частях и бесплодна в других Хлеба произрастают в изобилии, имеются пастбища

Мидлсекс

Страна приятна и плодородна

Гарфорд

Это одна из самых плодородных провинций Англии

Кембридж

Южная часть хорошо обрабатывается. Там снимают большой урожай хлебов и шафрана Кроме того, имеется много хороших пастбищ В северной части много болот, тем не менее она изобилует скотом, дичью и рыбой

Бедфорд

В своей северной части это графство орошается рекой Узой, очень извилистой, и дает хорошие урожаи зерна, она богата пастбищами

Букингам

Эта маленькая провинция очень богата пастбищами, в особенности долина Эльсбери, где пасется большое число овец, дающих очень хорошую и высоко ценную шерсть.

Акциз, или косвенный налог, в 174 миллиона нарушает правильное соотношение между ежегодными авансами на обработку и доходом.

Поэтому, чтобы сохранить прежний уровень обработки земли и прежнее ежегодное воспроизводство, как это имеет место в Англии, где авансы приносят 150%,

Варвик

Страна хороша и урожайна. Имеется немного леса в северной части.

Ворчестер

Саверна, протекающая по всему графству с севера на юг, делает его плодородным и богатым, особенно пастбищами, на которых выращивается много скота; собирается также большой урожай зерновых хлебов.

Герефорд

Страна плодородна, орошается несколькими реками. Имеются леса и горы. Производится все необходимое для жизни, главным образом хлеба, и ведется большое животноводство, особенно много выращивается овец, дающих очень хорошую шерсть. В большом количестве производится лучшее в Англии яблочное вино.

Монмаус

Имеются небольшие леса; в остальной части страна довольно плодородна и орошается несколькими небольшими реками. Много гор.

Глочестер

Эта провинция очень хороша и плодородна; выращивается много овец, дающих очень хорошую шерсть. Кроме того, имеются леса, вырабатываются железо и сталь. Прежде были виноградники, но их уничтожили и насадили вместо них яблони; производится отличное яблочное вино.

Оксфорд

Провинция эта хороша и плодородна; имеются прекрасные равнины и хорошие пастбища, орошаемые двумя реками, из слияния которых образуется Темза.

Соусемптон

Очень приятен, его орошают две реки и несколько ручьев; собирается много зернового хлеба; пастбища очень хороши, а шерсть отличная.

Дорсет

Очень красивая страна, дающая много зернового хлеба и богатая пастбищами; скот и дичь имеются в изобилии, реки богаты рыбой, конопля рождается очень хорошего качества и в большом количестве. Леса, хотя и необширные, дают отличный матчевый лес. Имеются хорошие каменоломни и мраморные разработки.

Соммерсет

Одна из самых прекрасных и населенных провинций Англии. Почва хороша и плодородна, ее орошают несколько рек. Земля дает хорошие урожаи зерна и фруктов, особенно же она изобильна пастбищами, поэтому выращивается много скота.

надо, чтобы фермеры платили меньше арендной платы вследствие потери, причиняемой им косвенным обложением, падающим прежде всего на обработку земли; это значит, что они должны сократить свои платежи зем-

Дивон

Воздух хорош, почва плодородна; страна богата хлебами, пастбищами, скотом, шерстью. Имеются оловянные и свинцовые рудники. Есть также небольшие леса.

Корнуэл

Внутренняя часть этой провинции покрыта горами, знаменитыми своими оловянными и медными рудниками и мраморными и шиферными карьерами. Почва здесь менее плодородна, чем в других частях Англии, тем не менее в долинах сеют хлеба и находятся хорошие пастбища. Как реки, так и все приморские районы богаты рыбой. Поэтому жители много занимаются рыболовством, особенно ловлей сардин и сельдей, которых сбывают в большом количестве во Францию, в Испанию и в Италию. В целом страна довольно густо населена.

СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ АНГЛИИ

Нортумберленд

Эта провинция на востоке ограничена морем; страна хороша и почва очень плодородна. Имеется много гор и лесов; некоторые места совсем не обрабатываются и не населены. Она дает большое количество каменного угля, который перевозится в другие районы Англии и особенно в Лондон.

Дурхам

Западная часть покрыта горами; имеются угольные шахты, свинцовые и железные рудники. Южная часть более низкая, а морское побережье очень красиво и плодородно.

Кумберленд

Здесь воздух чист и почва довольно плодородна, хотя имеются горы и много озер и маленьких речек. В изобилии водится рыба. Есть несколько угольных шахт и медных и свинцовых рудников.

Уэстморленд

Эта маленькая провинция очень плоха и мало населена; в ней множество гор и скал, много озер и ручьев.

Йорк

Эта провинция одна из наиболее значительных и пространных в Англии; почва довольно хороша, сеют хлеба, она изобилует скотом и дичью; разводятся лошади, очень ценимые; протекает несколько рек.

Ланкастр

Довольно плодородная провинция, орошаемая реками; почва жирна; пшеница и ячмень дают обильные урожаи, а пастбища очень хороши; поэтому выращиваемые здесь быки достигают необычайного размера.

Иль де Ман

Почва довольно плодородна, а территория очень велика, но недостает леса, поэтому жгут торф.

левладельцам па 174 миллиона, изъятых акцизом; более того, лишь в ту меру, в какую их авансы сумеют воссоздать прежнюю сумму ежегодных богатств по-

Честер

Эта страна увлажняется реками, ручьями и озерами; имеются леса и горы. Почва плодородна; есть очень хорошие равнины, служащие пастбищами для овец и лошадей. Когда король проезжал через эту провинцию, его сопровождали жители с целым кортежем запряженных в плуги лошадей, для того чтобы выразить ему благодарность за успехи сельского хозяйства.

Дерби

Страна дает хорошие урожаи хлебов и изобилует пастбищами, поэтому здесь выращивается много скота. Имеются леса и несколько гор с карьерами плиточного камня и мрамора, есть также жерновой камень для мельниц и известняк, есть несколько угольных шахт и железных рудников; свинцовые рудники знамениты: считается, что они дают самую лучшую и чистую руду.

Стафорд

Страна орошается несколькими реками; почва не везде одинаково хороша. На юге она производит в изобилии хлеба, на севере находятся бесплодные горы, но имеются хорошие пастбища и есть несколько водоемов, откуда добывают соль.

Ноттингем

Орошается несколькими реками. В восточной части почва плодородна, на западе много лесов. Добывается также каменный уголь.

Линкольн

Эта провинция велика и красива. Ее южная часть низка, богата болотами и перерезана маленькими каналами, вследствие чего она не дает много хлебов, но зато она изобилует рыбой и дичью. Северная и западная часть более возвышенны и значительно более урожайны.

Норфолк

Он граничит с морем на севере и на востоке. Почва весьма разнообразна: в некоторых местах она жирна и плодородна, в других растет лишь вереск и имеется немного лесов. Часть, примыкающая к морю, плоская, хлеба произрастают там в изобилии. Море богато рыбой, жители побережья ловят особенно много сельди. Кроме того, эта провинция дает шерсть, мед, шафран. Мануфактурное производство шерсти превышает сумму в 100 000 ф. ст. (на наши деньги 2 300 000 ливров).

Рутленд

Почва плодородна и жирна. Изобилует очень хорошими пастбищами.

Гантингтон

Поверхность очень разнообразна: юго-запад горист, на севере — болота, а в центре — прекрасные равнины, дающие хорошие урожаи хлебов. Прежде было много лесов, теперь они сведены.

Норсепттон

Очень красив и плодороден. Изобилует хлебами и скотом; есть также леса-

средством устойчиво высоких цен на продукцию, они сумеют сократить арендную плату на сумму, равную 174 миллионам косвенного обложения, как это следует из двух следующих таблиц.

Лейчестер

Богат хлебами и пастбищами. Много выгонов, где выращивается много скота. Имеется каменный уголь, но очень мало лесов.

Шроп

Довольно плодороден и населен.

Княжество Уэльское

Страна гориста и менее плодородна, чем большинство других английских провинций, однако недостатка в продуктах питания нет. Выращиваются хлеба, имеется скот, особенно много овец. Есть лес и каменный уголь. Следующие провинции входят в состав княжества Уэльского.

Энглси

Почва хороша и дает отличные урожаи хлебов, территория изобилует пастбищами, где пасется много скота.

Кернервен

Страна хороша у океана и на юге благодаря морскому климату. Изобилует скотом, дичью и лесами.

Денбиг

Эта маленькая провинция гориста и мало населена; имеются свинцовые рудники.

Флингт

Он невелик, имеется много гор и довольно плодородных долин.

Мерионес

Маленькая гористая провинция, малоплодородная, с небольшим населением.

Монтгомери

Покрыт горами, среди которых есть очень красивые и очень плодородные долины.

Брекнок

Страна покрыта горами и равнинами. Горы бесплодны, а равнины плодородны и хорошо обрабатываются.

Кардиган

Изобилует хлебами, скотом, рыбой и дичью.

Раднор

В этой маленькой провинции почва неблагоприятна и бесплодна, поверхность покрыта горами.

Кармарден

Богат и плодороден; имеются угольные шахты и свинцовые рудники.

Пемброк

Эта провинция плодородна.

Глеморгем

Северная часть окружена горами, но южная так плодородна, что ее называют садом Уэльса.

Из приложения видно, что земли, примерно составляющие $\frac{1}{3}$ территории Англии в собственном смысле, могут считаться ниже среднего качества; $\frac{2}{3}$ составляет территорию плохих площадей и $\frac{1}{3}$ — площадей среднего и отличного качества. Итак, ясно, что территория Англии в собственном смысле с точки зрения плодородия в целом много выше среднего. Кроме того, известно, как хороша там обработка земли и как высоки цены на зерновые хлеба. Поэтому имеются все необходимые нам элементы для оценки и исчисления доходов этого королевства.

Таблица, показывающая сокращение доходов от земель в Англии вследствие акциза или косвенного обложения

Ежегодные авансы производительного класса	ДОХОД 945 млн.		Ежегодные авансы бесплодного класса
630 млн.			394 млн.
Половина дохода, затраченного на этот класс	474	474	Половина дохода, затраченного на этот класс
	Акциз изымает 87	Акциз изымает 87	
	остается 386	остается 386	
Переход затрат бесплодного класса к классу производительному	350	315	Половина производительных авансов, израсходованных этим классом
Всего 736 млн. получено производительным классом после уплаты акциза, компенсирующей подорожание всех товаров и увеличение всех платежей производительного класса, вызванных этим налогом.			Всего 701 млн. получено бесплодным классом после уплаты акциза, который возмещается этому классу производительным классом и землевладельцами

**Ежегодная Общая продукция равна сумме, которая
затрачивается на производительный класс, именно:**

Производительный класс по- лучает 736	За исключением поступления 174 млн. от косвенного об- ложения, которые могут быть исключены или возвращены в обращение и которые бу- дут учтены ниже
Авансы производительного класса..... 630	
Авансы бесплодного класса, послужившие на покупку сырья производительным классом, составляя поло- вину полученного первым, они равны..... 350	
Воспроизводство . . 1 716	
Земледелец получает 945	
Акциз или косвенный налог изымает..... 174	
1 119	
Остается на доход 597	

Вместо 1890, разница в 174, которые должны вернуться в обращение вследствие расхождения налога, как это будет видно из следующей таблицы

Вместо 945; разница в 348.

Губительному влиянию косвенного налога на сельское хозяйство можно противодействовать только путем восстановления правильного соотношения между затратами земледелия и доходом землевладельцев.

Сами же землевладельцы и фермеры должны в своих же интересах решиться на эту меру, установив порядок, представленный в следующей таблице.

Таблица, показывающая отношение между суммами, получаемыми фермерами, и доходом собственников, возмещающих сумму в 174 млн. косвенного обложения, которую фермеры вычитают из дохода, уплачиваемого ими собственникам, что сводит его с 945 к 771

Ежегодные авансы производительного класса	ДОХОД	Ежегодные авансы бесплодного класса
	630 771 вместо 345394	
Половина дохода, затраченного на производительный класс	$\overbrace{386 \quad 386}$ $\diagdown \quad \diagup$	Половина дохода, затраченного на бесплодный класс
Переход затрат представителей бесплодного класса к производительному классу	$393 \quad 315$ $\diagup \quad \diagdown$	Половина авансов производительного класса, затраченная на бесплодный класс
Возвращение денег, изъятых акцизом и затраченных на производительный класс	$87 \quad 87$ $\underbrace{\quad \quad}$	Возвращение денег, изъятых акцизом и затраченных на бесплодный класс
Получено производительным классом	$\underbrace{\quad \quad}$ Всего 867	Получено бесплодным классом, который передал половину дохода производительному классу.
	$\underbrace{\quad \quad}$ Всего 788	

Общее ежегодное воспроизводство равно суммам издержек, израсходованным на производительный класс, именно:

Производительный класс получает	867	
Авансы производительного класса	630	
Авансы бесплодного класса, затраченные на производительный класс, в виде закупки сырья . .	394	
<hr/>		
Воспроизводство . .	1891	за вычетом небольших сумм, что сводит воспроизводство, как указано раньше, к 1890 миллионам

Суммы, возвращаемые фермерам по их ежегодным авансам и по процентам на их ежегодные и первоначальные авансы	9 4 5	
Акциз или косвенное обложение, взимаемое ежегодно	174	*
<hr/>		
Всего	1119	
Остается дохода.....	771	вместо 945; разница равняется 174 млн., составляющим косвенное обложение.
771 млн. дохода обложены прямым налогом, в виде двойного военного налога на земли в сумме.....	38 млн.	
Налог для бедных	30 млн.	
<hr/>		
Всего	68 млн.	
За вычетом всего прямого и косвенного обложения остается в военное время чистого дохода у собственников в сумме.....	703 млн.	

Следует заметить, что мы очень сильно уменьшили итог расчета, так как предположили, будто треть земли обесценена и не обрабатывается, будто треть обрабатываемых земель находится под паром или в состоянии покоя, что в Англии не имеет места; затем мы оценили всю продукцию на основе цен на зерно, в то время как повсюду арпан хороших лугов или выгонов дает больше дохода, чем арпан, хорошо обрабатываемый под зерно. Отсюда ясно, что наш расчет дает преуменьшенные результаты. Но тут имеется одна ошибка, которую надо устранить.

В Англии запрещено вывозить необработанную шерсть за пределы королевства, где предприниматели, владеющие мануфактурами, покупают ее много дешевле, чем они могли бы ее купить при свободной торговле. Эта потеря на цене при продаже из первых рук полностью переносится на собственников земли; правительство же думает, что мануфактуры, занятые фабрикацией тканей из этой шерсти, сильно выгадывают вследствие

выигрыша на сдельной плате и вследствие распространения мануфактур, занимающих значительную часть населения и содействующих более широкому потреблению ежегодной сельскохозяйственной продукции. Однако все эти мнимые преимущества, всегда привлекавшие нации, занятые сельскохозяйственным трудом, оказываются вымышленными при правильной калькуляции.

Предположим, что потеря от продажи из первых рук необработанной шерсти уменьшит на 100 миллионов доход всего английского сельского хозяйства и сведет его с 945 миллионов к 845 миллионам. Составим сравнительную таблицу обоих этих положений.

Ежегодные авансы производительного класса		Ежегодные авансы бесплодного класса $418\frac{3}{4}$ вместо 393, так как авансы бесплодного класса должны быть равны половине дохода этого класса
	ДОХОД 630 845 вместо 945	
Половина дохода истраченного на этот класс	42272 вместо 4721 $\frac{1}{2}$ P	4223 $\frac{1}{2}$ вместо 472 $\frac{1}{2}$ _a составляет половину дохода, истраченного на этот класс
Половина дохода бесплодного класса тратится на него же, другая идет на авансы производительному классу	418 $\frac{3}{4}$ вместо 393	315
		Половина производительных авансов, затраченных на этот класс ¹⁰⁰
		100 Извлечено из дохода в интересах этого класса
Итого выручки и этого класса	841 Vi	837 $\frac{1}{2}$ _g * Итого выручки этого класса
	Вместо 8657г *	Вместо 7877г

* Ошибочно вместо 837 $\frac{1}{2}$ _i,

**Общее воспроизводство равняется суммам,
поступающим к производительному классу
и затрачиваемым на него, именно:**

Выручка производительного класса.....	841 ¹ / ₄
Авансы производительного класса.....	630
Авансы бесплодного класса, затрачиваемые на производительный класс.....	418 ³ / ₄
<hr/>	
Общее воспроизводство.....	1 890

Вычитается:

945 миллионов, поступающих к земледельцам, а
именно:

630 миллионов на авансы
315 миллионов на проценты
100 миллионов потерь предпринимателей при
продаже необработанной шерсти, так что
остается 845.

Выручка бесплодного класса возрастает 'всего лишь на 50 миллионов, остается 50 миллионов потери для нации; соответственно этой потере сокращается народонаселение, а собственники земель теряют 100 миллионов дохода. §

§ VII. Замечания, относящиеся к этой главе

Нами дан подробный анализ продукции одной страны и сделана ее оценка в соответствии с Таблицей и положенными в основу ее расчетами⁸. Последние можно суживать или расширять в зависимости от реальных возможностей и территориальных и природных особенностей рассматриваемого государства и общества. Но все соображения такого рода будут всегда подчинены основным началам, твердо здесь намеченным и установленным. Приведенные расчеты, 'механически выведенные, могли показаться сухими тем читателям, которые желают овладеть наукой путем легкого чтения за туалетом. Таким путем нельзя научиться ничему, тем менее тому, что так важно знать. Здесь представлено дерево жизни во весь его рост, и поскольку мы взяли на себя труд его искать и его обнаружили, то пусть те, которые намерены воспользоваться его плодами, по крайней мере не поленятся следовать вехам, намечающим путь.

%

Важно не только определить взаимоотношение издержек, но и установить их наличие, их природу, размер, назначение, а также изучить распределение, соответственно которому размещаются средства существования, и указать, что получает каждый на свою долю.

Все эти вопросы обсуждены в главе о взаимоотношении издержек, притом даны экономические оценки благ, распределяемых природой и рассчитанных этой общей матерью по ее планам. Сухость этой главы объясняется деталями, от которых избавлены остальные главы, потому менее сухие. Это позволяет наполнить почти всю прочую часть книги изложением одних только принципов и развитием уже установленных положений. Но в настоящей главе содержится основа расчетов, как бы расходная книга дома, и потому ее полезно перелистывать и просматривать, хотя она и менее занимательна.

В ней показано отношение издержек к земледелию, к торговле, к промышленности, к богатствам, которые двигают каждую из этих отраслей и все их вместе, наконец, к населению, к средствам существования и к издержкам перечисленных отраслей как внутри каждой из них, так и вовне. Устанавливая взаимоотношение всех этих элементов, глава определяет и ясно отмечает ту точку, в которой все элементы общественной жизни сосредоточивают свои действия, создающие непрерывную циркуляцию при помощи воспроизводства.

Мы ясно видим, что если издержки претендуют «а независимость в выборе места применения, на бережливость при вкладывании, на расточительность как единовременную, так и годовую при приобретениях, то они увеличивают богатство средств эксплуатации земледелия, создают препятствия в торговле и отклоняют ее от правильного пути, приносят убытки промышленности, сокращают население, разрушают систему продовольствия и сокращают средства питания. Мы видим, что если земледелие привлекает к себе в ущерб доходу более значительную часть продукции, оно приостанавливает нормальное движение издержек и благодаря этому вредит всем остальным отраслям, укрепляющим здание в целом и обеспечивающим его существование. Мы видим, что если торговле удастся захватить первенство и

заставить считать свои доходы выгодными для государства, она создает ошибочный взгляд на природу вещей, понуждает рассматривать издержки как доходы, налоги — как расходы, а свои прибыли — как благоденствие. Мы видим, что если промышленность побуждает считать свои достижения за прирост богатств, а покровительство себе — за одну из первых обязанностей государства, то она даст издержкам ложное направление и вызывает все беды, которые связаны с нарушением важнейшего движущего начала. Мы видим, что если население оценивается по числу людей, а не по их занятиям; если оно оценивается по занятиям, а не по заработку, даваемому этими занятиями; если оно оценивается по заработку, а не по средствам существования, обеспечиваемым этим заработком; если оно оценивается по средствам существования, а не по продажной цене, даваемой потреблением продовольственным продуктам, которая одна позволяет земледельцу продолжать и расширять свои труды и увеличивать доходы, — то производится перестановка и государственное здание получает форму перевернутой пирамиды. Наконец, мы видим, что если средства существования рассматриваются в качестве благ, а не как богатства; если они оцениваются по своему количеству, а не по своей продажной цене; если они учитываются в своей массе или по общему продукту, а не по чистому продукту, — то такой способ рассматривать общую массу обычного продовольствия ведет к отказу от всех преимуществ, вытекающих из возможности располагать доходом. Вследствие этого теряется возможность содействовать тем началам, которые создают государство и поддерживают его. Остается лишь узкое задание кормить людей и сохранять общество, лишенное богатств, которые могли бы быть объектом торговых сборов. Подобная практика неприемлема, потому что обесценение продовольственных товаров лишает земледельца возможности возместить свои издержки, уничтожает доходы собственников и государя, а также заработки, на которые существуют разные классы людей данной нации; она приводит в упадок промышленность, мануфактуры, мастерство, военную силу, лишает государство защиты, доводит население до нищеты и побуждает жителей[^] к выселению.

Давая важные сведения, эта глава, кроме того, показывает, как происходит распределение разнообразной ежегодной продукции. К вопросу о распределении присовокупляется проблема оценки богатств общества, а обе эти процедуры неотделимы друг от друга вследствие потребности в воспроизводстве. Так как воспроизводство и возобновление издержек зависят от беспрепятственности этих издержек, от вкладывания соответствующих сумм, от направления их и от равномерной и правильной циркуляции во всех артериях общества, то необходимо проследить и распознать, выяснить и выявить мельчайшие каналы, установить строение всего механизма, чтобы быть уверенным в правильности его работы. Именно поэтому обсуждаемая глава трудна, но она очень важна, ибо может служить как бы внутренним светочем, позволяющим распознавать наступление политических неурядиц; трудность борьбы с ними происходит от незнания заключенных в ней принципов.

Наконец, если потребовалось столько труда, чтобы мысленно рассеять политический организм, то излишне говорить, что для сохранения его здоровья необходимо иметь в руках скальпель. Множество бед, приведших в отчаяние человеческий род с его склонностью к наведению порядка, отнюдь не произошло, по крайней мере в большинстве случаев, от алчности, которая появляется позже, прикрываясь хорошими словами. Напротив, большинство этих бед обязано первоначальным своим происхождением неведению того, что мир движется сам по себе. *Il mondo va da se*, говорит итальянец, и слова эти наполнены глубокого смысла. Пусть только установится порядок и добросовестность в управлении и пусть все идет своим естественным ходом, и мы увидим тогда, как все наши принципы осуществляются вследствие начал, заложенных в самой жизни. Правительству останется лишь облегчать им дорогу, убирать камни на их пути и дать свободу действия конкурентам; ведь именно они обеспечивают богатства народа.

Но было очень важно установить и показать принципы, чтобы навсегда устранить ложные взгляды на предмет, который можно легко выявить и который служит основной пружиной всего, потому что все люди одинаково хотят жить и действовать. В тяжелые вре-

мена упадка обычно жалуются на склонность каждого на свой манер обсуждать вопросы управления. Такая жалоба лишь отражает беспокойство начальства, нарушающего свои обязанности по подкупности или слабости, а также апатию праздных людей, удовольствия и развлечения которых нарушаются подобными спорами. Такая жалоба была бы, правда, весьма обоснованна со стороны умного и трудолюбивого народа. Однако легко удержать беспокойные умы в должных границах, давим нужные сведения, подтвержденные доказательствами. Прежде всего надо, чтобы каждый привязался к своему делу; лучший гражданин это тот, который всегда занят своими делами и не интересуется чужими. На основе живых, скромных и естественных знаний таких граждан первые законодатели, положившие начало обществу, построили те могущественные учреждения, которые оказались так устойчивы, несмотря на воздействие веков и страстей. Но как только в тиши кабинетов под влиянием мечты рождаются идеи, с помощью которых хотят управлять ходом вещей и руководить экономической жизнью народа, так тотчас на место правды становится заблуждение, весь порядок под его воздействием клонится к упадку и быстро идет к гибели. С этого момента ложные правила заменяют во всем естественный ход вещей. Умение рассуждать относительно средств существования может привести лишь к идеям, обладающим ложной правдоподобностью, а ведь люди не питаются иллюзиями. Все страдают, и подобно тому как в доме больного все считают себя врачами, так и в государстве, которое истощается, граждане становятся в соответствии со своими способностями к логическим рассуждениям политиками и реставраторами. Усилия, направленные на разрушение господствующих предрассудков, ведут лишь к тому, что предметы самые простые и самые важные ставятся под сомнение и вызывают противоречивые суждения. Среди такого замешательства возобладают отнюдь не мнение того или иного гения; победить могут только принципы, притом только принципы, основанные на правильном и разумном расчете, могут привести к истине. Сколько заблудившихся путников должны были вернуться по длинному и кружному пути к тому же месту, с которого они начали; так же точно нужны разумные и последова-

тельные изыскания, чтобы вернуть нас на простые дороги, которые требуются природой, и удержать «ас на них, противодействуя нашему стремлению идти по ложным путям, указуемым научными гипотезами. В этом заключается вся задача нашего труда. В мореплавании вовсе не требуется, чтобы моряк не сводил глаз с компаса; на него надо смотреть лишь всякий раз, как возникает опасность сбиться с курса.

Теперь пора перейти к другим предметам и изучить различные иные части нашего инвентаря. Мы начнем с самой важной из всех, именно с населения.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО

Глава I

Что представляет из себя естественное право людей

Естественное право человека может быть определено приблизительно как право человека на вещи, пригодные для его пользования.

Прежде чем говорить об естественном праве людей, следует рассмотреть самого человека, его различные физические и интеллектуальные способности и разнообразные отношения к остальным людям. Рассмотрение этих вопросов должно предшествовать изложению естественного права каждого человека; иначе невозможно было бы понять, что оно из себя представляет*.

Лишь вследствие игнорирования этих предварительных вопросов философы пришли к столь различным и даже противоположным понятиям об естественном праве человека. Одни, и не без основания, совершенно не хотели признавать его; другие, с несколько большим основанием, признавали его; истинным же является и то и другое мнение. Но одна истина относительно какого-либо объекта исключает другую, раз только он меняет свое положение, точно так же как при существовании одной формы другая форма в одном и том же теле абсолютно немыслима.

* Об естественном праве, справедливом и несправедливом, так же много рассуждали, как и о свободе, причем эти относительные понятия хотели рассматривать как абсолютные, между тем как полное и точное представление о них можно получить не иначе, как относя эти понятия к определяющим их коррелятивам, при отсутствии которых они представляют из себя лишь отвлеченные и пустые абстракции.

Тот, кто сказал, что естественное право человека сводится к нулю, сказал правду*.

Тот, кто сказал, что естественное право человека есть право, которое установила -природа для всех живых существ, сказал правду**.

Тот, кто сказал, что естественное право человека есть право, которое обеспечивает его силой и умом, сказал правду***.

Тот, кто сказал, что естественное право ограничивается частным интересом каждого человека, сказал правду****.

Тот, кто сказал, что естественное право есть всеобщий, верховный закон, регулирующий право всех людей, сказал правду*****.

Тот, кто сказал, что естественное право людей есть неограниченное право всех на все, сказал правду*****.

Тот, кто сказал, что естественное право людей есть право, ограниченное молчаливым или прямо выраженным согласием, сказал правду*****.

Тот, кто сказал, что естественное право не предполагает ни справедливого, ни несправедливого, сказал правду*****.

Тот, Кто сказал, что естественное право есть справедливое, верховное и основное право, сказал правду*****.

* См. пример, приведенный в конце этой главы.

** Подобно другим определениям, это определение Юстиниана в некоторых отношениях справедливо.

*** См. примеры, приведенные в III и IV главах.

**** См. пример в примечании ко II главе.

***** См. пример, приведенный в IV главе. Это определение, взятое в несколько более широком смысле, принимается и нами.

***** Это система софиста Тразимаха, приведенная у Платона, воспринятая впоследствии Гоббсом и после Гоббса автором книги, озаглавленной: «Принципы естественного права и политики». Изложение и опровержение этой системы см. во II главе.

***** См. пример, приведенный в главе IV.

***** Предположим, например, человека живущего в одиночестве на необитаемом острове: в таком случае естественное право этого человека на произведение острова не допускает оценки ни с точки зрения справедливости, ни несправедливости, так как справедливость и несправедливость суть относительные понятия, которые не могут существовать при отсутствии людей, к которым могли бы быть отнесены. См. начало IV главы.

***** См. конец этой главы и начало четвертой.

Но никто не сказал правды, которая оказалась бы ею во всех случаях.

Таким образом, философы в своих изысканиях относительно этого важного предмета, представляющего собой естественный принцип всех человеческих обязанностей, регулируемых разумом, не шли далее паралогизмов или несовершенных аргументов.

Ребенок, лишенный силы и разума, неоспоримо имеет естественное право на существование; его право покоится на обязанности, внушаемой природой отцу и матери. Это право ребенка является тем более обеспеченным, что обязанность отца и матери сопровождается естественным влечением, которое действует на них более сильно, чем знание естественного порядка, установившего эту обязанность. Тем не менее нельзя игнорировать, что эта обязанность, подсказываемая и обеспечиваемая чувством, входит и в область справедливого, так как отец и мать только то и делают, что возвращают своим детям то, что сами получили от своих родителей. Следовательно, всякое предписание, устанавливаемое справедливостью, обязывает всякое разумное существо.

Если меня спросят, что такое справедливость, я отвечу, что *это есть естественный и верховный закон, признанный светом разума и точно определяющий, что принадлежит индивиду и что другим индивидуам.*

Если отец и мать ребенка умрут и последний очутится без всякой помощи, предоставленный непосредственно своим силам, то он не в состоянии будет воспользоваться своим естественным правом, и оно сведется к нулю, так как относительный атрибут теряет свое значение, раз коррелятов отсутствует. Пользование глазами прекращается в пространстве, недоступном для света.

Глава II

Область применения естественного права людей

Естественное право людей отличается от *законного* (legitime) права, или права, принудительно установленного человеческими законами, тем, что с очевидностью

признается светом разума и в силу одной только этой очевидности, помимо какого-либо принуждения, обязательно; тогда как *законное* право, ограниченное положительным законом, обязательно 'в силу наказания, установленного санкцией этого закона за его нарушение, и признается нами лишь вследствие простого указания закона. Этими различными условиями определяется область применения естественного права и его различия от права *законного*.

Законное право часто ограничивает естественное право отчасти потому, что человеческие законы не столь совершенны, как законы Творца природы, отчасти же потому, что человеческие законы издаются иногда под влиянием таких мотивов, справедливость коих не всегда признается просвещенным разумом; вот почему мудрые законодатели отменяют впоследствии те законы, которые сами издали Обилие противоречивых и нелепых законов, последовательно установленных народами, несомненно доказывает, что положительные законы подвержены частым уклонениям от неизменных правил справедливости и естественного порядка, наиболее выгодного для общества.

Некоторые философы, увлеченные абстрактной идеей об естественном праве людей, предоставляющем *всем право на все*, допускали естественное прадао человека лишь в состоянии абсолютной независимости людей друг от друга и в состоянии войны между ними, которую каждый из них вел для того, чтобы воспользоваться своим неограниченным правом.

Поэтому раз человек законной властью или в силу соглашения лишается некоторой части естественного права, которое имеет на вещи, пригодные для пользования, то его общее право, по мнению этих философов, сводится к нулю, сам же он поступает в зависимость от другого или в силу заключительных условий, или в силу принудительного авторитета. Он не находится более в простом естественном состоянии или состоянии совершенной независимости, он не является более единственным судьей своего права, а подчинен суждению другого; поэтому, говорят они, он не находится более ни в первобытном естественном состоянии, ни, следовательно, в области естественного права»

Но бесплодность этой абстрактной идеи об *естественном праве всех на все* очевидна; для того чтобы согласовать ее с самим естественным порядком, пришлось бы свести это естественное право человека лишь *на те вещи, пользования которыми он может достигнуть*, и это хваленое общее право окажется в действительности сильно ограниченным.

С этой точки зрения можно заметить, что вышеприведенные рассуждения являются лишь пустыми софизмами или одной игрой ума, совершенно неуместной при исследовании столь важной материи; нетрудно убедиться, что естественное право каждого человека сводится в действительности к той части, которую может он добыть своим трудом.

Его право на все походит на право каждой ласточки на всех летающих по воздуху мошек, которое сводится в действительности к тому количеству, какое она может добыть трудом или поисками, предписываемыми потребностью.

В первобытном естественном состоянии вещи, пригодные для пользования людьми, сводятся лишь к тем, которые производит одна только природа без всякого содействия человека; причем последний может воспользоваться своим неограниченным естественным правом на эти вещи лишь в том случае, если обеспечит себе некоторую долю их своим трудом, т. е. своими поисками. Откуда следует.

- 1) что его право на все является лишь идеалом;
- 2) что та часть предметов, которой он пользуется в первобытном естественном состоянии, добывается трудом;
- 3) что его право на вещи, пригодные для пользования, должно быть рассматриваемо с точки зрения естественного порядка и с точки зрения правового порядка, с первой точки зрения оно не ограничено, пока не обеспечено действительным владением естественного права; с точки же зрения правового порядка оно ограничивается действительным владением естественного права, приобретенным трудом без нарушения права владения третьих лиц;
- 4) что в первобытном естественном состоянии люди, вынужденные удовлетворять своим потребностям с помощью поисков, не станут напрасно терять времени на ведение междоусобной борьбы; она мешала бы только их занятиям, необходимым для

добывания средств существования *; 5) что естественное право, рассматриваемое с точки зрения естественного и правового порядка, простирается на все отношения, какие только могут существовать между людьми.

Глава III

О неравенстве людей в области естественного права

Мы видели, что даже в первобытном естественном состоянии или в состоянии абсолютной независимости люди пользуются своим естественным правом на вещи, в которых чувствуют нужду, лишь благодаря труду, т. е. поискам, необходимым для их добывания; право всех на все сводится, таким образом, к праву на ту долю, которую каждый из людей может себе обеспечить, причем безразлично, живет ли он охотой, рыбной ловлей или естественно растущими произведениями земли. Но для того чтобы совершать и успевать в этих поисках, требуются известные физические и интеллектуальные способности, а также инструменты и орудия, необходимые для того, чтобы люди имели возможность действовать и удовлетворять своим потребностям. Вообще в этом первобытном естественном состоянии независимости, в котором мы не предполагаем между людьми какого-либо сочетания труда для взаимной помощи и в котором сильные могут злоупотреблять своей силой по отношению к слабым, пользование своим естественным правом должно быть сильно ограничено. Входя же в общество и заключая между собой обязательства относительно взаимной помощи, люди усиливают таким путем, пользование своим естественным правом и обеспечивают даже довольно широкое применение этого пользования, если только организация общества согласна с порядком, наиболее выгодным для людей, и соответствует основным законам их естественного права.

* В этом случае к людям, находящимся в первобытном естественном состоянии, можно обратиться со следующей поговоркой: *если ты нуждаешься в чем-либо, ступай ищи, никто тебе не мешает*; это предписание применимо и к животным одной и той же породы; находясь в подобном положении, они не стремятся к дракам, дабы не помешать друг другу в поисках за пропитанием.

Но принимая во внимание физические и интеллектуальные способности и другие ресурсы каждого человека в отдельности, мы находим еще одно большое неравенство среди людей, проявляющееся при пользовании ими своим естественным правом. По своему принципу неравенство это не может быть ни справедливым, ни несправедливым; оно вытекает из известной комбинации законов природы; и люди, не имея возможности проникнуть в замыслы верховного существа, которые оно имело при создании вселенной, не могут возвыситься до понимания неизменных правил, предназначенных и установленных им для образования и сохранения своего творения. Между тем если рассматривать внимательно эти правила, то можно без труда заметить, что *физические* причины *физического* зла являются в то же время причинами и *физического* блага¹; что тот дождик, который беспокоит путешественника, оплодотворяет земли, и если вычислять без предубеждения, то придешь к тому выводу, что эти причины производят гораздо более добра, чем зла, и предназначены лишь для того, чтобы производить добро; и что зло, которое они случайно причиняют, вытекает с необходимостью из самой сущности тех свойств, в силу которых они приносят добро. Вот почему в естественном порядке, относящемся к людям, эти причины являются обязательными законами лишь для добра, налагая на нас обязанность избегать по возможности зла, которое мы можем предусмотреть при помощи нашего благоразумия.

Следует поэтому остерегаться приписывать физическим законам то зло, которое является справедливым и неизбежным наказанием за нарушение самого порядка физических законов, установленных для того, чтобы производить добро. Если бы правительство уклонилось от естественных законов, обеспечивающих успех земледелия, разве могло бы оно приписать самому земледельцу недостаток хлеба, уменьшение населения и увеличение несчастий?

Нарушения естественных законов являются наиболее распространенными и обыкновенными причинами физических несчастий, постигающих людей; даже богатые, которые имеют большую возможность избегать их, благодаря своей самонадеянности, своим страстям и даже удовольствиям, навлекают на себя много неприятно-

стей, в чем могут винить только самих себя. Это незаметно приводит нас к другой причине физического и морального зла, несколько иного характера, чем физические законы, а именно к злоупотреблению людьми своей свободой. Свобода, которая является основным атрибутом человека и которую ему хотелось бы расширить далее ее естественных границ, всегда представляется ему непогрешимой, даже если он сам наносит себе вред и вследствие злоупотребления свободой растрчивает свое здоровье, растрчивает имущество и разоряет свою семью, — во всех подобных случаях он жалуется лишь на виновника своей свободы, так как ему хотелось бы быть еще более свободным *; он не замечает

* Что означает выражение более *свободный*? Не тождественно ли оно с выражением более произвольный, т. е. более независимый от мотивов, определяющих волю? Нет, так как если бы эта независимость была абсолютной, она свела бы волю к состоянию индифферентизма, а в таком состоянии свобода исчезла бы; стало быть, не в этом смысле следует понимать слова *более свободный*. Это выражение еще менее может быть относительно к состоянию воли, определенной неизменными мотивами. Эти две крайности представляют из себя границы, в которых должно вращаться естественное пользование свободой.

Свобода есть способность, имеющая дело с побуждающими и преодолевающими мотивами, уравнивающими и ослабляющими друг друга и являющимися представителями противоположных интересов и побуждений, которые более или менее просвещенный и подготовленный разум исследует и оценивает. Этот процесс оценки состоит из целого ряда актов пользования свободой, более или менее успешно выполняемых внимательным умом. Но, для того чтобы получить еще более ясное представление о свободе, не следует смешивать процесс оценки с решающим моментом воли; последний является простым, окончательным, более или менее порывистым актом, который завершает пользование свободой и является отнюдь не актом свободы, а лишь абсолютным определением воли, более или менее подготовленным для выбора вследствие пользования свободой.

После этих замечаний, известных каждому человеку, скольконбудь способному размышлять, можно спросить тех, которые отрицают свободу: *твердо ли уверены они в том, что никогда не обсуждали своих решений?* Если они сознаются, что им случалось обсуждать, то можно спросить: *ради чего обсуждали они?* И если они ответят, что делали это с целью выбора, то они тем самым признают существование интеллектуальной способности, производящей оценку мотивов и предшествующей окончательному решению.

В таком случае все стороны придут к соглашению относительно сущности рассматриваемой способности, а спорить о названиях совершенно бесполезно.

при этом, что он противоречит самому себе. Пусть познает свои излишества; пусть научится более целесообразно пользоваться столь дорогой ему свободой; пусть обвиняет свое невежество и беспутство, источник тех зол, которые он причинил самому себе, пользуясь свободой. По своей природе человек является свободным и разумным существом, хотя иногда не бывает ни тем, ни другим. Слепым и неразумным использованием своей свободой он может делать плохой выбор; при достаточном же развитии он может сделать более удачный выбор

Но под этим именем не следует соединять противоположных условий, как, например, возможности одинаково соглашаться со всеми действующими мотивами и возможности одинаково не соглашаться ни с одним из них условия, которые исключают всякую мысль о предпосылении, выборе и решении. Так как тогда всякое упражнение, употребление, одним словом, все существенные свойства той самой способности, которую называют свободой, не существовали бы; это название означало бы лишь такую же непригодную абстракцию, какую представляет из себя понятие о палке без двух концов. Изолировать человеческую волю от всех определяющих причин, чтобы сделать ее свободной, значит уничтожить волю, так как каждый акт воли заключается в хотении какой-либо вещи, которая сама по себе определяет волю к хотению. Уничтожить мотивы — значит уничтожить самую свободу или интеллектуальную способность, которая исследует и оценивает объекты, заставляющие волю функционировать.

Не будем останавливаться более на этом абсурде и закончим замечанием, что лишь мудрый человек занимается усовершенствованием своей свободы; другие воображают себя достаточно свободными, раз удовлетворяют всем своим желаниям; они заняты в таком случае лишь тем, как бы обеспечить себе средства увеличить выбор, который может расширить не свободу, а лишь неразумное пользование ею. Тот, кто имеет для обеда только одно кушанье, может выбирать лишь между тем, чтобы съесть его или оставить, скушать больше или меньше. Но тот, у кого двадцать блюд, имеет возможность расширять пользование своей свободой на все эти блюда, выбрать те, которые признает лучшими, и съесть выбранные в большем или меньшем количестве. Вот в каком смысле грубый человек постоянно только тем и занят, как бы расширить пользование своей свободой и удовлетворить своим страстям с столь же малой разборчивостью, как и умеренностью; это и побудило людей, живущих в обществе, самим установить законы с целью подавить разнузданное пользование свободой. Они расширяют в таком случае свою свободу с помощью мотивов, уравновешивающих друг друга и возбуждающих внимание, которое является, так сказать, *активным органом* свободы и обсуждения. Итак, свобода, или обсуждение, могут расширяться в зависимости от самих мотивов, которые ограничивают опрометчивое и неразумное пользование свободой.

и вести себя разумно, насколько позволяет это порядок физических законов, создавших вселенную *

Физическое благо и физическое зло, моральное благо и моральное зло, несомненно, стало быть, ведут свое происхождение от естественных законов. Все имеет свою неизменную сущность и свойства, неотделимые от этой сущности. Другие законы имели бы другие основные свойства, по всей вероятности, менее пригодные для совершенствования, к которому Творец природы предназначил свое создание, те же, которые он установил, справедливы и совершенны в общем плане, если только согласуются с порядком и целями, ради которых он их установил, так как он сам творец законов и правил и, следовательно, выше всех законов и правил. Но назначение их производить добро, и все подчиняется этим законам Творца, человек, одаренный разумом, обладает прерогативой созерцать и познавать их, дабы извлечь из этого возможно большую пользу и не явиться нарушителем этих законов и верховных правил.

Отсюда следует, что каждый имеет естественное право разумно пользоваться всеми способностями, какими только наделила его природа, и при всех тех обстоятельствах, среди которых она поместила его, под условием не вредить ни себе, ни другим, условие при отсутствии которого никто не был бы уверен в том, что сохранит пользование своим естественным правом, это приводит нас к следующей главе.

Глава IV

О естественном праве людей, регулирующем их взаимные отношения друг к другу

Люди могут быть рассматриваемы в изолированном состоянии и в общественном быту

Предположим, что люди рассеяны по свету и лишены способности сообщаться между собой; нетрудно заметить, что они находятся в таком случае в перво-

* Существует несколько видов и степеней безумия но всякий человек, безумный в силу плохого устройства своего черепа, ограничен в своих способностях *физическим законом, который не позволяет ему совершать наилучший выбор, или вести себя разумно*

бытном естественном состоянии или состоянии совершенной независимости, исключающем возможность применения к их взаимным отношениям понятий справедливого и несправедливого. Но подобное состояние может продолжаться лишь в продолжении жизни каждого индивида; иначе следовало бы предположить, что каждый из этих людей живет в своем убежище по крайней мере с своей женой, а это совершенно изменило бы гипотезу об их изолированном состоянии, так как эта ассоциация жены и детей, которые появились бы, допускает порядок зависимости, справедливости, обязанностей, безопасности и взаимной помощи.

Каждый человек должен заботиться о самосохранении под угрозой страданий, он страдает один, когда не исполняет этой обязанности по отношению к самому себе, что заставляет его исполнять эту обязанность раньше всякой другой обязанности. Но все те, с кем он живет в общении, наделены той же обязанностью по отношению к самим себе под угрозой того же самого наказания. Согласно с естественным порядком более сильный становится во главе семьи, но он нарушил бы порядок справедливости, если бы присвоил себе естественное право тех, которые имеют общие с ним интересы. Замена в пользовании чьим-либо естественным правом подчиняется, стало быть, известному порядку, который должен быть регулирован главой последней согласно самому порядку распределительной справедливости, согласно с предписываемыми природой обязанностями и согласно кооперации, в которой каждый содействует по мере своих способностей общему благу. Каждый содействует по-своему, но занятия одного служат к облегчению занятия другого, в силу такого разделения труда каждый может исполнять свое дело более совершенным образом, а вследствие этой взаимной поддержки каждый содействует выгоде общества почти в одинаковой степени, поэтому каждый должен пользоваться всею совокупностью своих естественных прав соответственно тому благодействию, которое вытекает из сочетания общественного труда, те же, которые не в состоянии чего-либо внести в общество, должны участвовать в благодеяниях этого сочетания в силу того довольства, которое это частное общество может себе обеспечить. Эти правила, очевидные сами собой, направляют поведение

главы семейства к тому, чтобы согласовать в обществе естественный порядок с порядком справедливости. В этом он поощряется также чувством долга, нежности, сожаления и т. п., каковые чувства указывают таким образом намерения Творца природы относительно соблюдения правил, установленных им для того, чтобы обязать людей ко взаимной помощи.

Но людей можно рассматривать еще живущими в общественном быту, в котором сношения между ними неизбежны, а положительных законов, которые соединили бы их в общество под авторитетом верховной власти и подчинили бы какой-либо форме правления, еще не имеется; в таком положении находятся дикие племена, живущие в пустынях; необходимость заставляет их питаться естественными произведениями территории или подвергаться опасностям разбоя, когда представляется возможность совершить набег на племя, у которого есть что пограбить; в подобном состоянии племена эти не могли бы добыть себе богатства ни с помощью земледелия, ни с помощью скотоводства, потому что у них нет попечительной власти (*puissance tutelaire*), которая была бы в состоянии гарантировать им какую-либо собственность. Но между ними должны существовать по крайней мере молчаливые или явно выраженные соглашения относительно личной безопасности, так как в подобном состоянии независимости люди испытывают опасения относительно друг друга, которые их всех беспокоят; освободиться же от этих опасений совсем нетрудно, раз ничто так всех не интересует, как желание избавиться от этого чувства страха. Люди, живущие в одном и том же округе, встречаются наиболее часто; они привыкают видеться, между ними устанавливается доверие: они начинают помогать друг другу, соединяются узами брака и образуют в некотором роде особое племя, в котором все соединены ради общей защиты; несмотря на это, каждый пребывает в состоянии полной свободы и независимости по отношению к прочим под условием уважения личной свободы всех остальных и соблюдения собственности на жилье и немногие предметы и орудия, которые каждый держит на свой страх в своем владении.

Если бы богатства этих племен оказались более значительными, разбросанными и более подверженными

грабежу, то их организация стала бы уже непригодной для обеспечения собственности на эти богатства; появилась бы необходимость в положительных, писанных законах или соглашениях и в верховной власти, которая заставила бы соблюдать их; иначе богатства этих племен, легко похищаемые и охраняемые одним только общественным мнением (*abandonnées à la fidelité publique*), возбудили бы в их не очень добродетельных членах желание нарушить права своих земляков.

Итак, форма общества зависит в большей или меньшей степени от рода имущества, которым каждый владеет или может владеть и сохранение которого и собственность над ним хочет обеспечить.

Таким образом, люди, которые ставят себя в зависимость или, точнее, под охрану положительных законов и попечительной власти, значительно расширяют свою способность быть собственниками; следовательно, вместо того чтобы сузить пользование своим естественным правом, они значительно расширяют его.

Г л а в а V

Об общественном праве людей, соединенных в общество под авторитетом верховной власти

Среди существующих обществ одни управляются монархической властью, другие — аристократической, третьи — демократической и т. д. Но не эти различные формы власти решают вопрос о сущности естественного права людей, соединенных в общество, так как законы сильно видоизменяются при каждой из этих форм. Законы, регулирующие форму правления и определяющие права подданных, сводятся почти всегда к положительным законам или законам человеческого происхождения; эти законы, таким образом, не представляют собой существенного и неизблемого основания естественного права и так изменчивы, что при них невозможно было бы познать состояние естественного права людей. Было бы даже бесполезно приниматься за это исследование; так как там, где законы и верховная власть не обеспечивают совсем собственности и свободы, не имеется ни сколько-нибудь пригодного правительства, ни общежития, а существует под видом правительства лишь анар-

хия; в подобном обществе положительные законы и власть покровительствуют и обеспечивают узурпацию сильных, уничтожая собственность и свободу слабых. Так что даже первобытное естественное состояние является более выгодным, чем это грубое состояние общества, подверженное всевозможного рода беспорядкам вследствие перемены форм, властей и государей. Это явление представляется столь неизбежным, что люди, занимающиеся изучением этих перемен, искренне убеждены, что существует известный фатальный порядок, в силу которого правительства возникают, развиваются, достигают высшей степени своего могущества, приходят в упадок и погибают. Но эти люди должны были бы обратить внимание также и на то, что этот порядок не отличается вполне правильной последовательностью в явлениях, что происшествия совершаются тут более или менее быстро, внезапно, однообразно, неодинаково, более или менее усложняются непредвиденными обстоятельствами, благоприятными или губительными, более или менее вызванными или случайными, в большей или меньшей степени обязанными своим происхождением благоразумию или ошибкам, развитию или невежеству, мудрости или разнузданным страстям тех лиц, которые управляют. Таким образом, они должны были бы отсюда заключить по крайней мере то, что фаталистическая неизбежность плохого правительства не зависит от естественного и неизбежного порядка, не является каким-то *первообразным типом* (l'arche — type) правительства.

Для того чтобы познать, как определять время и местонахождение, как регулировать мореплавание и обеспечить торговлю, понадобилось наблюдать и точно измерять законы движения небесных тел; точно так же, для того чтобы познать область применения естественного права людей, соединенных в общество, следует сосредоточиться на естественных основных законах возможно лучшего правления. Это правление, которому должны быть подчинены люди, заключается в естественном и положительном порядке, наиболее выгодном для людей, соединенных в общество.

Следовательно, люди, соединенные в общество, должны быть подчинены естественным и положительным законам.

Естественные законы бывают либо физические, либо моральные.

При этом под физическим законом понимается *правильное течение всякого физического явления из области естественного порядка, очевидно, наиболее выгодного для людей.*

Под моральным же законом подразумевается здесь *правильное течение каждого человеческого действия из области морального порядка, согласно с физическим порядком, очевидно, наиболее выгодным для человеческого рода.*

Совокупность этих законов составляет то, что называется *естественным законом.* Все люди и все человеческие власти должны быть подчинены этим верховным законам, установленным верховным Существом; эти законы незыблемы, ненарушимы и вообще самые лучшие законы, какие только могут существовать*; основанием наилучшего правительства является, следовательно, основное правило всех положительных законов; так как положительные законы суть не что иное, как законы управления, относящиеся к естественному порядку, очевидно, наиболее выгодному для человеческого рода.

Положительные законы суть правила, *изданные верховной властью для того, чтобы установить порядок в администрации и управлении, обеспечить защиту общества и точное соблюдение естественных законов, чтобы видоизменить или поддержать существующие в народе обычаи и бытовые привычки (les coutumes of les usages), чтобы регулировать частные права подданных применительно к их различным состояниям, чтобы восстановить положительный порядок в сомнительных случаях, возникающих из различия во мнениях и взглядах, чтобы привести в исполнение решения распределительной справедливости.* Но первый положительный закон, основной для всех прочих положительных законов,

* Естественный порядок, наиболее выгодный для людей, не является, может быть, таким же и для других живых существ, но человек имеет неограниченное право устраивать свою участь возможно лучше. Это превосходство вытекает из его разума, который в свою очередь вытекает из естественного порядка, так как человек получил этот разум от Творца природы, определившего заданы, установленные в порядке образования вселенной.

заключается в *установлении публичного и частного обучения законам естественного порядка*, являющегося руководящим образцом для всякого человеческого законодательства и всякой гражданской, политической, экономической и социальной организации. Без этого основного постановления государственное управление и человеческое поведение было бы лишь блужданием в потемках, отличаясь путаницей и беспорядочностью; без знания естественных законов, которые должны служить руководством для человеческого законодательства и верховными правилами для человеческого поведения, не было бы никакого различия между справедливым и несправедливым, сколько-нибудь ясного понятия об естественном праве, физическом и моральном порядке; никакого представления о существенном различии между общим и частным интересом, о настоящих причинах процветания и упадка народов; никакого понятия о сущности морального блага и зла, о священных правах тех, которые правят, и обязанностях тех, которым социальный порядок предписывает повиновение.

Положительное законодательство заключается, стало быть, в декларации естественных законов, на коих зиждется порядок, очевидно, наиболее выгодный для людей, соединенных в общество; можно было бы сказать совершенно просто: порядок наиболее выгодный для государя, так как то, что в действительности наиболее выгодно для государя, наиболее выгодно и для подданных. Одно только знание этих высших законов может прочно обеспечить спокойствие и процветание какой-либо империи, и чем более приблизится нация к этому знанию, тем в большей степени будет господствовать в ней естественный порядок и тем более целесообразным окажется положительный порядок. В таком государстве не предложат неразумного закона, так как правительство и граждане тотчас же заметят его нелепость.

Основанием общества являются средства для существования людей и богатства, необходимые для содержания силы, которая должна их защищать. Таким образом, лишь невежество могло бы способствовать, например, введению положительных законов, противоречащих порядку воспроизводства и правильного годового распределения богатств, производимых террито-

рией государства. Если светоч разума просветит правительства, все положительные законы, враждебные для общества и государя, исчезнут.

Здесь идет речь о глубоком разуме, развитом и усовершенствованном на изучении естественных законов. Так как простой рассудок не поднимает человека выше животного; в сущности рассудок есть не что иное, как способность или навык, с помощью которого человек может приобрести необходимые для него сведения и при посредстве последних раздобыть себе физические и моральные блага, требуемые природой его существа. Разум же по отношению к душе является тем же, чем являются глаза для тела; без глаз человек не может пользоваться светом, а без света он ничего не может видеть.

Так что в своем поведении человек не может руководиться одним рассудком; с помощью последнего он должен приобрести необходимые для него сведения и пользоваться этими сведениями для того, чтобы вести себя достойным образом и обеспечить себе блага, в которых чувствует потребность. Невежество есть первобытное свойство человека грубого и одинокого; в общественном быту оно представляет из себя наиболее пагубный человеческий недостаток; оно является даже преступлением, так как люди, одаренные разумом, должны подняться выше животного состояния; по своему составу преступление это ужасно, являясь наиболее частой причиной несчастий человеческого рода и его недостойного поведения по отношению к Творцу природы, к вечному свету, высшему разуму и первой причине всякого блага.

Но просвещенный разум, развитой и усовершенствованный до ясного представления о ходе естественных законов, является необходимым руководителем возможно лучшего правительства; соблюдая эти верховные законы, последнее значительно содействовало бы возрастанию богатств, необходимых для существования людей и содержания попечительной власти, покровительство которой гарантирует людям, соединенным в общество, собственность их богатств и безопасность их личности.

Таким образом, очевидно, что *естественное право каждого человека расширяется по мере того, как рас-*

пространяется соблюдение возможно лучших законов, устанавливающих порядок, наиболее выгодный для людей, соединенных в общество.

Эти законы совсем не стесняют свободы человека, составляющей часть его естественного права, так как выгоды этих высших законов являются результатом наилучшего пользования свободой. Разумный человек не может отказаться от должного повиновения этим законам, иначе его свобода оказалась бы вредной как для него самого, так и для других, она явилась бы свободой безумного, который при хорошем правительстве должен быть сдерживаем и укрощаем воздействием авторитета положительных законов общества.

ОТВЕТ НА МЕМУАР Г-НА М. Х.

(о пользе промышленности и торговли, о производительности так называемого бесплодного класса и т. л.)

Милостивые государи!

Заметка, которую поместили вы 15 сентября на 156 странице вашего журнала, сделалась темой серьезного спора, принять участие в котором довольно лестно Г-н М. Х. с жаром напал на эту заметку или скорее на те принципы *Экономической таблицы*, которые были в ней изложены Против этих специальных и сжатых рассуждений вы привели аргументы, которые, на мой взгляд, по меньшей мере, уравнивают их, и мне очень хотелось бы, чтобы вы сами или кто-нибудь другой разработал «*Опыт о ценах*», план которого наметили вы в своих рассуждениях и который, я полагаю, необходим для завершения спора о затронутом вопросе Но в ожидании этого произведения, которое, может быть, недостаточно еще обдуманно для того, чтобы появиться в печати, я считаю полезным дать г-ну М. Х. предварительный ответ Большая дружба, существующая между нами, убеждает меня, что, адресуя свою заметку вам, он стремился лишь способствовать выяснению истины; поэтому, возражая ему, я, вероятно, исполню только его желание Приведу сначала вашу заметку, в которой заключается постановка вопроса.

«*Производительный класс*, говорите вы согласно с *Экономической таблицей*, обнимает собою всех людей, занятых в трудах, необходимых для получения из земли продуктов, пригодных для человеческого пользования. Труды эти завершаются продажей продуктов из,

первых рук. Через посредство этой продажи продукты переходят или в качестве сырого материала в руки представителей *бесплодного класса* для производства изделий этого класса, или же в качестве товаров в руки купцов для перевозки и перепродажи их в местах потребления. Возвышение цены, которое испытывают товары после продажи из первых рук вследствие ли торговли перепродавцов, или вследствие труда других представителей *бесплодного класса*, не является увеличением богатства; это возвышение происходит лишь вследствие должного вознаграждения труда представителей *бесплодного класса* (*rétribution due aux tra-vaux...*), которым оно уплачивается из цены продукта, устанавливаемой при продаже его из первых рук. Уплата этого *вознаграждения* представителям названного класса совершается или из дохода земельных собственников, или из той суммы, которая предназначена *производительным классом* на производство издержек у *бесплодного класса*. Чем меньше будет это вознаграждение, тем большая доля дохода останется у государства и народа, ибо оно или понижает цену продуктов, продаваемых из первых рук, или же берется из доли этих самых продуктов. Сумма, полученная *производительным классом* от продаж из первых рук в продолжение года, является мерилом богатств, возобновленных в том же самом году. Промышленность и торговля не могут увеличить их сверх этого предела. Земледельческие страны, ведущие между собой торговлю, всегда подчиняются тому же закону. Ни одна из них не дает своих богатств другой иначе, как в обмен за богатства той же ценности. Таким образом, деятельность купцов не увеличивает богатств этих стран; все они оплачивают друг другу то вздорожание продуктов, которое произошло вследствие расходов, неизбежно нарастающих при занятии торговлей и промышленностью. Увеличение расходов не увеличило бы богатств тех, которые возмещают эти расходы; возвышение цен, происшедшее в силу торговых расходов, не является, стало быть, увеличением богатства для стран, которые оплачивают эти расходы друг другу при взаимных покупках и продажах. В этой меновой торговле между странами каждая из них может покупать лишь в том случае, если совершает в то же время продажи; таким образом вза[^]

имные продажи и покупки приводят их к тому уровню богатства, который каждая из них в отдельности имела до меновой торговли. Казалось бы даже, что уровень этот должен понизиться, так как каждая страна оплачивает расходы всех остальных стран; но ведь они и возмещают друг другу эти расходы, что и приводит их одинаково к тому уровню богатств, который они имели ранее. При этом предполагается, что они одинаково внимательны к своим интересам: в противном случае оставалось бы предположить, что они по очереди являются жертвами обмана; это привело бы нас к тому же выводу. Во всяком случае, выгоду получают не те страны, которые ведут торговлю преимущественно ремесленными изделиями, хотя им и возмещается более расходов. В данном случае происходит одно только возмещение тех расходов, которые совершены были при фабрикации этих изделий; издержки на эти расходы не влекут за собой увеличения богатств, подобно тем издержкам, которые идут на производство продуктов. Только последние обеспечивают чистый продукт, который, кроме потребителей, живущих на счет издержек, плодом коих является он, содержит своим излишком также и других потребителей. Вот ход издержек, изображенный в *Экономической таблице*, и вот в чем заключается предмет того большого спора, который возник между учеными, занимающимися *экономической наукой*».

Автор мемуара, напечатанного в вашем журнале в ноябре месяце, не хочет признать этого деления на *производительный и бесплодный* класс в том самом смысле, какой имеют эти противоположные названия. По его мнению, вследствие цены, придаваемой продуктам покупками, между обоими этими классами существует как бы круговое производительное общение, которое делает их одинаково и обоюдно плодотворными по отношению друг к другу. Класс, который называется в *Экономической таблице* производительным, действительно создает продукцию, но он не сообщает ей цены, придающей ей свойство богатств. Лишь тот класс, который называется в Таблице бесплодным, говорит он, своими покупками, совершаемыми у производительного класса, сообщает им продажную цену, на которой построены все расчеты Таблицы. Только этим покупкам бесплодного класса следует поэтому приписать проис-

хождение богатств 'Страны; следовательно, и класс этот не бесплоден. Совершенно неуместно, стало быть, ограничивать понятие о производительном классе лица'ми, занимающимися продажей из первых рук, так как продажа продуктов совершается благодаря классу, считаемому бесплодным. Следовательно; не бесплодным классу обязаны мы этим продуктом. Класс, якобы бесплодный, так же производителен, как и другой, потому что благодаря только ему образуется продажная цена произведений, продаваемых из первых рук. Границы производительного класса простираются, следовательно, лишь до того предела, которым завершаются труды по добыванию из земли продуктов, а отнюдь не до продажи этих продуктов из первых рук. Лишь до этого предела производительный -класс произвел все, что мог произвести; продажную же цену, которую этот класс извлекает из своих произведений, доставляет им при продаже из первых рук, так называемый бесплодный класс. Таким образом, класс, называемый бесплодным, является не в меньшей степени производительным, чем сам производительный класс.

Это специальное рассуждение, развиваемое крайне последовательно и с -большим искусством, представляется очень убедительным и совершенно изменяет объяснение расчетов *Экономической таблицы*. Но спросим автора, что именно производит, по его мнению, бесплодный класс, что он на это ответит? Не деньги ли, которые он уплатил производительному классу за продукты? Но ведь известно, что он получил эти деньги с помощью проданных предварительно изделий и что, таким образом, он не произвел денег. Кроме того, известно, что бесплодный класс старается получить при продаже как можно больше, а при покупках уплатить как можно меньше; он способствует, таким образом, возможно большему уменьшению цены тех -произведений, которые покупает, и старается, -наоборот, по мере сил и способностей поднять цену тех произведений, которые продает; с этой точки зрения он был бы производительным не в качестве покупателя, а в качестве продавца, являясь творцом той -продажной цены, которая образует -богатства. Но тогда, -в том же самом -смысле, оказался бы производительным и производительный класс, способствуя образованию продажной цены- тех

продуктов, которые продает. Но все эти рассуждения абсурдны: -цены отнюдь не подчиняются интересам покупателей или продавцов. Сами эти интересы противоречат друг другу -при продажах и при покупках, так что продавец и покупатель, 'рассматриваемые отдельно, совсем не являются создателями цен продуктов. Было бы непонятным парадоксом -сказать, что бесплодный класс, раесмагрив-аемый отдельно, является производителем продажной цены продуктов, которые производит производительный класс. Всем хорошо известно, что главными- причинами, образующими рыночную цену произведений, являются их редкость или изобилие и более или -менее сильная конкуренция продавцов и покупателей. В силу этих причин действительная цена продуктов устанавливается до их продажи и даже до продажи, совершаемой из первых -рук.

На этой-то абсолютной цене (*prix absolés*), которой подчинен -сам бесплодный класс еще до совершения своих покупок, основаны расчеты в *Экономической таблице* относительно продажной ценности -тех продуктов, появление которых вызывает производительный класс. И действительно, с этой ценой, устанавливаемой в юбилейный год, -сообразуются фермеры при установлении арендной платы, которую они обязываются платить -собственникам в -продолжение их контрактов. Это основание для расчетов нельзя, стало быть, рассматривать как *результат построения новой системы, которая должна перевернуть весь экономический строй*; это будто бы новое построение так же древне, как и земледелие. Автор стремится оставить -себе лазейку, продолжая утверждать, что *бесплодный класс-способствует*по крайней мере образованию продажной ценности тех продуктов, которые покупаются им у *производительного класса*. Но ему следует принять во внимание, что *бесплодный класс* не способствует этому точно- так же, как и *производительный класс* не содействует образованию продажной ценности произведений, покупаемых у бесплодного класса. Покупки уравниваются с -обеих сторон таким образом, что их обоюдное действие сводится к обмену ценности на равную ценность, причем эти ценности существовали, как я утверждаю, с той и с другой -стороны до обмена; так что обмен в действительности ничего не производит. Следовательно,

бесплодный класс, покупая у производительного класса продукты, не *создает* тем не менее ценности этих продуктов. То же самое следует сказать и о производительном классе по отношению к тому, что он покупает у бесплодного класса. Оба эти класса по очереди являются в одинаковой степени и покупателями и продавцами и подчинены обоюдно тем же самым условиям и тем же самым законам обмена. Автор, пожалуй, подумает, что его не поняли и что *якобы бесплодный класс является производительным* в качестве продавца, так как ценность того, что он продает, существовала даже до продажи; при этих продажах происходит только обмен ценности на равную ценность. Но что касается вопроса, о котором идет здесь речь, то следует различать ценность воспроизводимых продуктов от ценности издержек, идущих лишь на расходы (*depenses purement en frais*); эти издержки не представляют собою продуктов и возмещение их, раз оно делается не с помощью воспроизводства богатств, рождаемых природой, и является лишь новой издержкой, которая представляет из себя произведение не в большей степени, чем издержки, идущие лишь на расходы. Так что при своих продажах бесплодный класс продает лишь ценность простых издержек, пошедших на расходы. Но ведь несомненно, что издержки, пошедшие исключительно на расходы, не связаны с производством; так же ясно должно быть и то, что бесплодный класс, продавая лишь ценность этих издержек, не производит цен продаваемых произведений.

Нас, без сомнения, спросят: ремесленник, который продает свое изделие, например сапожник, продающий пару башмаков, разве он не продает вместе с этой парой и сырой материал, из которого смастерил ее, и свой труд? И разве ценность последнего не определена ценностью издержек, пошедших на продукты и товары, необходимые для существования и содержания его самого и его семейства во время работы, употребленной для того, чтобы смастерить пару башмаков? Очевидно, здесь существует лишь потребление, а совсем не производство. *А разве здесь нет производства пары башмаков?* — может быть, спросит кто-нибудь. Нет, так как, если вы различите сырой материал, из которого сделана пара башмаков, от фасона этой работы, то найдете, что

последняя состоит лишь в придании сырому материалу известной формы; причем ценность труда сапожника составляет лишь из издержек, затраченных им на средства пропитания. Если же вы спросите сапожника, в чем состоит фасон, за который он хочет взять деньги, он вам ответит, что он состоит в труде, затраченном на то, чтобы смастерить пару башмаков. Рабочий всегда говорит одинаково, что ему следует оплатить фасон, труд, расходы; все эти термины являются для него синонимами. Остается, пожалуй, оказать еще, что *этот труд производит по крайней мере средства существования, необходимые как для самого рабочего, так и для его семьи*. Но мы не предполагаем, чтобы хотели злоупотреблять словами до такой степени, чтобы потребление отождествлять с производством.

В самом деле, то производство, которое в данном случае подразумевается, является возобновлением богатства, тогда как простое потребление является уничтожением богатства. Трудно соединить два столь противоположных понятия в одно представление, в самом благоприятном случае из этого получилось бы довольно сложное понятие, которое следовало бы развить, дабы предупредить недоразумение. Рабочий выражается более точно, говоря, что он *зарабатывает* средства для существования, а не *производит* их. Но *не имеется ли здесь производства по отношению к сырому материалу, из коего вырабатываются изделия бесплодного класса?* Вот это следует тщательно рассмотреть.

Нетрудно заметить, что ремесленник не производит сырого материала для своего изделия; он его покупает и перепродает вместе с изделием. В этом отношении он является купцом-перепродавцом; заработок же, который он получает при этой перепродаже, берется или с того, кто покупает работу, или с того, кто продал сырой материал и кто в таком случае потерпел бы убыток вследствие понижения цены продаваемого продукта. Итак, здесь не было бы производства, а была бы лишь уплата расходов, совершенная покупщиком или первым продавцом. *Но разве сырой материал не получает своей продажной ценности от употребления, которое сделал из него ремесленник? Какую полезность и какую продажную ценность имел бы, например, лен, если бы он не был употреблен ткачом на производство полотна?*

Признаюсь, что в этом отвлеченном случае лен, по всей вероятности, не имел бы никакой ценности и земледелец перестал бы разводить его. Но земля, на которой произрастал лен, не осталась бы без всякого употребления, так как почва, на которой можно разводить лен, может производить и другие продукты хорошей ценности и даже такие продукты, которые не нуждались бы в переработке со стороны какого-либо представителя бесплодного класса; такими продуктами являются, например, рожь, вино и т. п. Так что земледелец продает лицам, покупающим у него продукты, то или другое употребление земли: ему безразлично при этом разводить ту или другую культуру, лишь бы эксплуатация земли была выгодна. Даже в том случае, если бы какие-либо продукты повысились в цене вследствие дальнейшей переработки их бесплодным классом, земледельцы тотчас же расширили бы культуру этих продуктов, пока цена их не сравнялась бы с ценой других продуктов. Таким образом, переработка бесплодным классом сырых материалов страны может возвысить их цену лишь на непродолжительное время. *Но разве разнообразие продуктов не способствует тому, чтобы сделать культуру земли более обеспеченной и выгодной? И раз производится одним полезным продуктом более, не происходит ли при этом соответствующего возрастания богатств?* В этом случае, если и можно что-либо заметить, так это то, что употребление земли распределяется между разнообразными выгодными культурами, не увеличивая общей суммы добываемых продуктов. Качества почвы столь разнообразны, что лишь разнообразие культуры может обеспечить выгодную эксплуатацию земель; это несомненно. Но, помимо сырого материала, идущего на произведения роскоши, имеется множество разнообразных продуктов, обеспечивающих возможность утилизации разнородных качеств почвы. Сырой материал для произведений роскоши, доставляемый культурой земли, крайне незначителен; так что, если бы фабрикация этих изделий была заброшена, земли, доставляющие для них сырой материал, были бы тем не менее употреблены для культуры иных произведений. Я говорю — *сырой материал для произведений роскоши*, так как во всякой стране, в которой культура производит много богатств, в сыром ма-

терьяле Для необходимых произведений никогда не будет недостатка,

Одна только нужда является матерью промышленности; она заставляет ремесленника заниматься ею, чтобы заработать себе средства существования; она же побуждает всех тех, которые в состоянии покупать, добывать себе требуемые изделия. Правительство может избавить себя от труда усилить этот стимул, побуждая людей заниматься промышленностью, потому что бесплодный класс всегда будет существовать в надлежащем соответствии с богатствами страны. Я говорю — *в соответствии с богатствами страны*, так как он, ничего не производя и работая лишь из-за потребления, может существовать лишь на те богатства, которые производит производительный класс. Но если нужда в достаточной степени побуждает людей, которые могут существовать лишь своим трудом, заниматься промышленностью и куплей-перепродажей; если занятия бесплодного класса в общем менее тяжелы, чем занятия производительного класса; если бесплодный класс отвлекает людей в города, пребывание в которых более приятно, чем в деревнях; если, наконец, древняя поговорка *eat qui habitant urbes* не оставляет никакого сомнения в том, что бесплодный класс всегда является наиболее многочисленной и богатой частью нации. Если все это так, то эти самые соображения заставляют еще более думать, что этот класс значительно расширяет свои труды и промышленность, что он употребляет значительное количество сырого материала для фабрикации своих продуктов и что это употребление сырого материала должно увеличить сбыт и цену продуктов, доставляемых ему производительным классом. Так что с этой точки зрения этот класс не должен быть рассматриваем как совершенно бесплодный. Мы в свою очередь заметим, что даже и с этой точки зрения следует обратить внимание на то, что он не может увеличить своих изделий сверх того количества, какое может продать. А он может продать их лишь в размере, соответствующем количеству национальных богатств, ежегодно воспроизводимых трудами производительного класса; и если бы он возвысил цену того материала, который он получает от производительного класса, он должен был бы сделать соответствующую надбавку к цене тех изделий, которые продает,

что произвело бы с рассматриваемой точки зрения лишь мнимое увеличение богатств. Впрочем, этот материал, покупаемый у производительного класса, составляет такую незначительную часть продуктов, получаемых с помощью культуры значительной территории, что слабое изменение в их цене не могло бы оказать сколько-нибудь заметного влияния на всю совокупность ежегодно возобновляемых богатств страны.

Справедливость требует сделать из этого общего правила исключение для обработки шерсти, низкая цена которой отражается на производительном классе к большой выгоде для земледелия, но и это зависит не столько от бесплодного класса, сколько от того, что сокращается употребление роскошных материй, производством коих занимается этот класс в ущерб потреблению шерсти. Но если даже и допустить, что сырой материал, идущий на изделия бесплодного класса, возвысился в цене благодаря обработке последнего, то и в этом случае нельзя было бы рассчитывать на реализацию этого мнимого увеличения богатств посредством продажи упомянутых изделий за границу, так как то самое вздорожание этих изделий, которое произвел бы своим трудом сам бесплодный класс, помешало бы их сбыту за границу. Следовательно, это вздорожание сырья может иметь некоторое значение лишь для той страны, которая не имеет рынков, доступных для внешней торговли произведениями земли и где их сбыт мог бы быть обеспечен лишь с помощью развития промышленности; так что не следовало бы смешивать средства с причиной. Но горе тем нациям, которые вынуждены прибегать к такому ресурсу, и счастливы те, которые не нуждаются в нем вследствие доступности их стран для внешней торговли; последняя всегда поддержит цены продуктов страны на уровне, слишком высоком для того, чтобы ее бесплодный класс мог конкурировать в сбыте своих изделий за границу, вследствие чего он вынужден будет довольствоваться почти одной внутренней торговлей.

Имеется один аргумент, который беспрестанно приводится и окончательно будто бы доказывает большую производительность (*fécondité opulente*) промышленности; но если хорошенько проанализировать его, то окажется, что он означает нечто другое, чем то, что навя-

зывают ему, и доказывает противоположное тому, что хотят им доказать. Утверждают, что, *чем более потребителей находится в государстве, тем более возвышают они цену продуктов, доставляемых территорией, и сообщают им свойство богатств. Следовательно, чем более людей занято в государстве промышленностью, тем более имеется в нем потребителей.* Так что и т. д. В школе 'Просто отвергли бы первую посылку, мы же удовольствуемся замечанием, что, вместо того чтобы сказать— *чем более имеется потребителей,* следовало бы сказать— *чем более развито потребление.* В потребителях недостатка никогда не будет; везде 'большинство потребителей не в состоянии потребить всего того, чего им хотелось бы. Те, которые едят только черный хлеб и пьют одну воду, не прочь есть белый хлеб и пить вино; те, которые не настолько состоятельны, чтобы питаться мясом, не отказались бы, конечно', питаться им; те, которые имеют лишь плохое одеяние, не прочь иметь хорошее; те, у кого нет дров для топки, желали бы купить их и т. д. Итак, бывает недостаток не в потребителях, а в возможности потреблять. Очевидно, следовательно, что, чем более сокращаются издержки и лишний труд, затрачиваемые бесплодным классом на фабрикацию произведений роскоши и на покупку сырого материала из-за границы, и чем больше сберегаемого труда и издержек идет на производство новых продуктов, тем более появляется потребляемых продуктов вообще и съедобных продуктов в особенности. В этом случае, стало быть, имело бы место большее потребление, так как имелось бы больше продуктов, пригодных для потребления. Следовательно, увеличилось бы количество потребителей, которые только и стремятся к возможному большому потреблению; вследствие же различия культуры расширилось бы потребление, возросли бы богатства, доходы, народонаселение и могущество государства. Но чем более возросли бы богатства и потребление, тем большая потребность ощутилась бы в этом случае в услугах бесплодного класса, занятия которого всегда расширяются в соответствии с теми средствами, которыми он оплачивается; эти же средства заметно увеличились бы у представителей производительного класса и у собственников чистого продукта, доставляемого культурой, земель, каковыми являются владельцы

земель, государство и лица, имеющие право на получение десятины. Таким образом, по мере все большего и большего увеличения произведений, способных к обмену, значительно развивается и потребление.

Даже сам бесплодный класс увеличился бы в данном случае вследствие уменьшения излишних издержек, уплачиваемых этому классу; и как вполне естественно, что умножение богатств и предметов потребления увеличивает число потребителей, так нелепо было бы думать, что затрата труда и богатств на занятия, последствием коих не являются новые богатства и которые увеличиваются лишь в ущерб издержкам и труду, производящим богатства, увеличила бы количество богатств и потребителей. Это соображение является решающим, так как доказывает, что *бесплодный* класс обременителен для *производительного класса* и отнюдь не обогащает его и нацию. Ничто не доказывает лучше *бесплодности*, даже более, чем *бесплодности* этого класса, как то обстоятельство, что, чем более увеличиваются издержки на фабрики, перевозку, транспорт и т. п. и т. п., тем обременительнее является он для производительного класса. Нельзя утверждать, что, чем более уменьшится бесплодный класс вследствие сокращения всех этих расходов, тем более уменьшится количество *потребителей*, ибо, чем более увеличивается труд производительного класса в силу сокращения бесплодного класса, тем большее количество *потребителей* содержит он. Следовательно, не вследствие промышленности процветает производительный класс и обогащается государство. Благодаря только производительному классу и производимым им богатствам бесплодный класс возрастает, государство становится могущественным и увеличивается население.

Что же касается до того, что автор говорит о пользе торговли с целью доказать ее производительность, то то же самое он мог бы сказать и о пользе дорог, необходимых для перевозки продуктов; и он, конечно, доказал бы этими рассуждениями, что жатвы приносятся дорогами. С помощью подтасовки искусно подобранных идей можно все доказать лицам, не привыкшим к анализу. *Зерновой хлеб обесценился бы*, говорит он, *если бы вывоз его за пределы государства не охранялся*, И т, д. Стоит предположить недостаточную охрану под-

вод во время езды по дорогам, и легко будет заметить пародию на рассуждения автора. Так что мы можем избавить себя от труда опровергать их.

Торговля представляет из себя обмен вещей, которые уже существуют и имеют соответствующую продажную ценность по отношению друг к другу. Сверх того существует потребность обмена — условие, без которого не было бы обмена или торговли; все эти обстоятельства предшествуют процедуре обмена. Обмен или торговля не порождает богатств, совершение обмена ничего, стало быть, не производит; оно необходимо лишь для того, чтобы удовлетворить потребность, которая является настоящей причиной обмена. В данном случае следует поэтому различать то, что является простой необходимостью, от того, что производительно; если то, что производительно, необходимо, то отсюда еще не следует, как утверждает автор, чтобы то, что необходимо, было и производительно. Путаница служит убежищем для софизмов, раскрыть которые можно лишь с помощью анализа.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ

Анализ арифметической формулы Экономической таблицы, показывающей распределение ежегодных издержек земледельческой нации

Нация состоит из трех классов граждан: *класса производительного, класса собственников и класса бесплодного.*

Классом производительным является тот, который возмещает путем обработки территории ежегодные богатства нации, делает затраты на расходы по земледельческим работам и оплачивает ежегодно доходы собственников земли. В зависимости от этого класса находят все затрачиваемые для этой цели издержки и весь труд вплоть до продажи произведений из первых рук, продажа, которая определяет ценность ежегодного воспроизводства богатств нации.

Класс собственников включает в себя государя, землевладельцев и получателей десятины. Этот класс существует на доход, или *чистый продукт*, от земледелия, уплачиваемый ему ежегодно производительным классом, после того как последний вычел из ежегодно воспроизводимых им богатств часть, необходимую на возмещение ежегодных затрат и на поддержание богатств, употребляемых на обработку.

Класс бесплодный образуют все граждане, выполняющие другие занятия и другие виды труда, помимо относящихся к земледелию. Издержки их оплачиваются классом производительным и классом собственников, которые в свою очередь получают свои доходы от производительного класса.

Чтобы проследить и в ясной форме представить отношения, существующие между этими различными классами, необходимо остановиться на каком-либо определенном случае, ибо нельзя основать верного расчета на простых абстрациях.

Итак, предположим большое государство, территория которого при самой высокой степени развития земледелия доставляет каждый год сумму воспроизводства ценностью в *пять миллиардов* и где постоянство этой ценности основано на постоянных ценах, принятых в сношениях между торговыми нациями, при условии постоянного существования свободной конкуренции в торговле и полной обеспеченности собственности на богатства, занятые в обработке земли.

Экономическая таблица обнимает три класса и их ежегодные богатства и описывает обращение их в следующей форме:

Класс производительный	Класс собственников	Класс бесплодный
Затраты	Доход	Затраты
<i>ежегодные этого класса, достигающие двух миллиардов *, произвели пять миллиардов, из которых два миллиарда, представляют собой чистый продукт, или доход.</i>	<i>этого класса составляет два миллиарда, из которых один миллиард расходуется на покупку у производительного класса, а другой миллиард — на покупки у бесплодного класса.</i>	<i>этого класса составляют сумму в один миллиард, который расходуется бесплодным классом на покупки сырых материалов производства у производительного класса.</i>

Таким образом, *производительный класс* продает на *один миллиард* своих произведений *собственникам дохода* и на *один миллиард* — *бесплодному классу*, покупающему у него сырые материалы для своих изделий, что составит 2 миллиарда. *Миллиард*, который *собственники дохода* израсходовали на покупку у *бесплодного класса*, употребляется последним для поддержания существования лиц, из которых состоит этот класс,

* Ежегодные затраты заключаются в расходах, производимых ежегодно на сельскохозяйственную работу; эти затраты должны быть различаемы от первоначальных затрат, которые составляют фонд сельскохозяйственного оборудования (l'établissement) и которые по стоимости приблизительно в пять раз превышают ежегодные затраты,

на покупку произведений, полученных от *производительного класса*, что составит еще / миллиард. Итог покупок, сделанных собственниками дохода и бесплодным классом у *производительного класса*, составит 3 миллиарда. Из этих трех миллиардов, полученных *производительным классом* за три миллиарда в произведениях, проданных им, он должен уплатить собственникам за текущий год два миллиарда дохода, а один миллиард он расходует на покупки изделий, доставляемых бесплодным классом. Этот последний удерживает эту сумму на возмещение своих затрат, которые были совершены им вначале на покупки у *производительного класса* сырых материалов, употребляемых в изделиях *бесплодного класса*. Следовательно, его затраты ничего не производят; он совершает их и они возмещаются ему, оставаясь всегда в запасе (en réserve) из года в год.

Сырые материалы и труд, затрачиваемый на изделия, поднимают продажи *бесплодного класса* до суммы в два миллиарда, из которых один миллиард был израсходован на средства существования лиц, составляющих этот класс; очевидно, что здесь имеет место только потребление или уничтожение произведений, а отнюдь не воспроизводство, ибо этот класс существует только на последовательную уплату присвоенного его труду вознаграждения, неотделимую от расхода на средства существования, т. е. от расхода на чистое потребление без восстановления того, что уничтожается этим бесплодным расходом, который целиком падает на сумму ежегодного воспроизводства земли. Другой миллиард был сохранен для возмещения издержек этого класса, которые в следующем году будут вновь совершены на покупки у *производительного класса* сырых материалов для изделий, производимых бесплодным классом.

Таким образом, три миллиарда, которые *производительный класс* получил за совершенные им продажи собственникам дохода и бесплодному классу, были употреблены *производительным классом* на уплату дохода текущего года в размере двух миллиардов и на покупки в размере одного миллиарда изделий, за которые он уплачивает бесплодному классу.

Ход этой торговли между различными классами и ее основные условия не являются гипотетическими. Каждый, кто захочет подумать над этим, убедится, что они

верно отражают действительность, но предпосылки (*données*), которыми пользовались при расчетах, как уже указывалось, приложимы только к рассмотренному случаю.

Различные состояния процветания или упадка земледельческой нации представляют массу других случаев и, следовательно, других *предпосылок*, из которых каждая является основанием для особого расчета, свойственного во всей своей точности только ей одной.

Те предпосылки, из которых мы исходили, определяют в соответствии с наиболее постоянным законом в естественном порядке итог воспроизводства в сумме *пяти миллиардов* рублей, восстанавливаемых ежегодно производительным классом с помощью *двух миллиардов* ежегодных затрат на территории, подобной описанной нами. Согласно этой гипотезе, на каждую сотню ежегодных затрат воспроизводится двести пятьдесят. Доход собственников может быть тогда равен ежегодным затратам. Но эти предпосылки основаны на условиях *sine quibus non*: они предполагают, что свобода торговли поддерживает продажу произведений по высокой цене, устанавливая, например, цену хлеба в 18 ливров за сатье. Они предполагают, кроме того, что земледелец ни прямо, ни косвенно не уплачивает иных повинностей, кроме дохода собственников, часть которого, например *две седьмых*, должна образовать *доход* государя. При наших предпосылках, при всем доходе в два миллиарда, часть государя была бы равна 572 миллионам; часть собственников составляла бы *четыре седьмых*, или 1 миллиард 144 миллиона; часть получателей десятины — *одну седьмую*, или 286 миллионов. Никаким иным способом нельзя *установить налог*, могущий доставить столь большой общественный доход, не причиняя при этом никакого ухудшения в ежегодном воспроизводстве богатств нации.

Собственники, государь и вся нация весьма заинтересованы в немедленном установлении налога, целиком падающего на доход от земли, ибо всякая другая форма обложения противоречила бы естественному порядку, была бы вредна и для воспроизводства и для самого налога, один налог падал бы на другой. Все подчинено в этом мире законам природы: люди одарены достаточным разумом, чтобы постигнуть эти законы и соблюдать

их, но множество объектов наблюдения требует и множества различных выводов, образующих предмет весьма обширной науки, построенной на очевидности (*d'une science évidente*), изучение которой необходимо для того, чтобы избежать ошибок на практике. Из *пяти миллиардов* всей суммы воспроизводства *собственники дохода и бесплодный класс* купили на *три миллиарда* для покрытия своего потребления; следовательно, в руках *производительного класса* остается еще на *два миллиарда* произведений. Кроме того, этот класс купил на *один миллиард* изделий у *бесплодного класса*, что составило фонд в *три миллиарда*, потребленный различными лидами, входящими в состав этого класса и занятыми на различных работах, оплачиваемых затратами на земледелие. Он расходовался также на различный текущий ремонт земледельческого оборудования, оплачиваемый процентами, о которых речь будет ниже.

Таким образом, ежегодный расход *производительного класса* составляет *три миллиарда*, а именно: *два миллиарда* в произведениях, удерживаемых им на покрытие своего потребления, и *один миллиард* в изделиях, покупаемых им у *бесплодного класса*.

Эти *три миллиарда* образуют то, что называется *обратными поступлениями* (*les reprises*) *производительного класса*; из них *два миллиарда* составляют ежегодные затраты, употребляемые на *прямой труд* по воспроизводству *пяти миллиардов*, которые этот класс воссоздает ежегодно, чтобы покрывать и беспрерывно продолжать расходы, уничтожаемые потреблением. *Следующий миллиард* удерживается тем же классом с его продаж с целью покрытия процентов на издержки по основному оборудованию. Мы сейчас покажем необходимость этих процентов.

1. Фонд богатств, употребляемых на обработку и составляющих первоначальные затраты (*les avances primitives*), подвержен ежегодному ухудшению, которое требует постоянных восстановлений, совершенно необходимых для того, чтобы этот важный фонд остался в том же самом состоянии, а не стремился бы прогрессивно к полному уничтожению. Последнее погубило бы земледелие, а следовательно, и воспроизводство, следовательно, также и богатства государства, следовательно, также и население.

й. Земледелие неотделимо от многих больших бедствий, почти совершенно уничтожающих иной раз жатву. Таковы заморозки, град, хлебные паразиты, наводнения, падеж скота и т. д., и т. д. Если земледельцы не располагают никаким запасным фондом, то в результате они после подобных бедствий или не в состоянии будут уплатить собственникам и государю, или не в состоянии будут покрыть расходов на свою культуру в следующем году. Этот последний случай является как раз тем, который всегда происходит, так как государь и собственники обладают властью заставить себе заплатить. Скоро почувствуются губительные результаты такого упадка земледелия, которые не замедлят отразиться, не оставляя никакой надежды на будущее, на собственниках, на государе, на получателях десятины и на всей остальной части нации.

Проценты на затраты по оборудованию, совершаемые земледельцами, должны быть включены, следовательно, в их ежегодные обратные поступления. Они служат для противодействия этим большим бедствиям и для текущего поддержания богатств, употребляемых на обработку и требующих беспрестанного восстановления.

Выше было замечено, что *первоначальные затраты* на приведение земли в годный для обработки вид почти в пять раз превышают *ежегодные затраты*. По принятому предположению, ежегодные затраты составляют *два миллиарда*, следовательно, *первоначальные затраты* равны *десяти миллиардам*, ежегодные проценты в размере *одного миллиарда* составляют в таком случае десять процентов. Если принять во внимание количество расходов, которые должны покрываться этими процентами, если подумать о важности назначения последних, если поразмыслить о том, что без них уплата арендной платы и налога не будет никогда обеспечена, что восстановление расходов общества прекратится, что фонд богатств, затрачиваемых на обработку и, следовательно, само земледелие исчезнут, что это опустошение уничтожит большую часть рода человеческого, а меньшую принудит вновь вернуться к жизни дикаря,— то легко убедиться, что норму в десять процентов в отношении процентов на подверженные уничтожению затраты в земледелии нельзя признать слишком высокой.

Мы не говорим, что земледельцы ежегодно¹ извлекают, помимо их ежегодных затрат, еще *десять процентов* на их первоначальные затраты, но мы утверждаем, что таково одно из главных условий процветания, что всякий раз, когда у какой-либо нации это не имеет места, данная нация находится в состоянии упадка и притом упадка прогрессирующего из года в год, так что, когда известно направление движения, можно определить путем расчета момент полной катастрофы. Мы говорим, сверх того, что фонды, помещенные так же выгодно для нации, как и фонды ее затрат на земледелие, должны сами собой приносить фермерам, присоединяющим к ним свой труд и свой разум, ежегодный процент по крайней мере в таких же размерах, как процент, уплачиваемый праздным рантье.

Общая сумма этих процентов ежегодно расходуется, ибо земледельцы не оставляют их лежать без дела. В промежутках, когда они не вынуждены употреблять их на увеличение и улучшение своей культуры, без чего они не могли бы устоять против больших бедствий. Вот почему проценты засчитываются в сумме ежегодных издержек.

Резюме

Общая сумма в *пять миллиардов*, разделенная вначале между *производительным классом и классом собственников*, будучи израсходована правильным образом, обеспечивающим постоянно неизменную сумму ежегодного воспроизводства, дает *один миллиард*, израсходованный *собственниками* на покупки, совершенные у *производительного класса*, и *один миллиард* — на покупки, совершенные у *бесплодного класса*. *Производительный класс*, продающий на *три миллиарда* произведений двум другим классам, возвращает из них *два миллиарда* на уплату дохода и издерживает *один миллиард* на покупки, совершенные у *бесплодного класса*. Таким образом, *бесплодный класс* получает *два миллиарда*, которые он употребляет на покупки у *производительного класса* средств существования для входящих в его состав лиц и сырых материалов для своих изделий. *Производительный класс* расходует сам ежегодно на *два миллиарда* произведения, что завершает расход или

итог потребления *пяти миллиардов* годового воспроизводства

Таков правильный порядок распределения издержек в *пять миллиардов*, восстанавливаемых ежегодно *производительным классом* путем израсходования *двух миллиардов* ежегодных затрат, которые включаются в общий итог издержек в *пять миллиардов*, составляющий сумму ежегодного воспроизводства

Теперь вниманию читателя будет предложена арифметическая формула распределения этих издержек.

Направо *, наверху, находится сумма затрат *производительного класса*, которые были издержаны в предшествующем году для создания жатвы текущего года. Под этой суммой проведена линия, отделяющая ее от столбца сумм, полученных этим классом.

Налево указаны суммы, полученные *бесплодным классом*.

Посредине, наверху, указана сумма дохода, которая распределяется направо и налево между двумя классами, где она расходуется.

Распределение издержек отмечено пунктирными линиями, которые исходят из суммы дохода и идут, спускаясь по наклонным линиям, к одному и другому классу. В конце этих линий, с одной и с другой стороны, указана сумма, расходуемая собственниками дохода на покупки у каждого из этих классов.

Обоюдная торговля между двумя классами также обозначена пунктирными линиями, которые идут, наклонно спускаясь, от покупающего класса к классу, где совершаются покупки. В конце каждой линии находится сумма, получаемая одним классом от другого благодаря обоюдной торговле, совершаемой между ними на их расходы **.

* В действительности в схеме, помещаемой ниже, поступления производительного класса находятся налево, а бесплодного — направо (Примеч составителя)

** Каждая сумма, получаемая производительным классом и классом бесплодным, предполагает существование двойной стоимости, потому что налицо продажа и покупка, а следовательно, стоимость того, что было продано, и стоимость суммы, уплаченной за покупку. Но действительное потребление совершается только на стоимость в *пять миллиардов*, составляющих итог поступлений производительного класса. Суммы денег, проходящие через руки каждого класса, распределяют в них путем обращения определенную сумму денег, возобновляющую каждый юд то же самое обра-

Наконец, исчисление заканчивается на каждой стороне итоговой суммой поступлений каждого из двух классов Нетрудно заметить, что в данном случае, когда распределение издержек следует в порядке, подробно описанном выше, поступления производительного класса, включая в них его затраты, равны итогу годового воспроизводства В таком случае земледелие, богатства, население остаются в том же самом состоянии, не возрастая и не приходя в упадок Иной случай, как было указано выше, дал бы и иной результат.

Формула Экономической таблицы

Общий итог воспроизводства 5 миллиардов

	Затраты ежегодные производительного класса	Доход собственников земли, государя и получателей десятины	Затраты бесплодного класса
		2 миллиарда	
Суммы, употребляемые на уплату дохода и процентов на первоначальные затраты	2 миллиарда	1 миллиард	1 миллиард
Издержки на ежегодные затраты	1 миллиард	1 миллиард	1 миллиард
	1 миллиард	1 миллиард	1 миллиард
	2 миллиарда		Итого — 2 миллиарда, из которых половина удерживается этим классом для затрат в следующем году
	И т о г . . . 5 миллиардов		

Эту сумму денег можно предполагать большей или меньшей в ее размерах и обращение более или менее быстрым, ибо быстрота обращения может возместить в значительных размерах количество денежной массы В тот год, например, когда при отсутствии уменьшения И, однако, в воспроизводстве произошло бы значительное повышение цен произведений в силу ли облегчений, предоставленных торговле, или в силу других причин, увеличение денежной массы не было бы необходимым, чтобы оплатить покупки этих произведений И, однако, через руки покупателей и продавцов прошли бы значительно большие суммы денег, и это заставило бы большинство думать, что масса денег сильно возросла в государстве Эта видимость, заменяющая действительность, является весьма таинственной для простого народа

Если бы собственники расходовали больше в *производительном классе*, чем в *классе бесплодном*, с целью улучшения их земель и увеличения их дохода, то этот прирост (surcroît) издержек, употребленный на работы производительного класса, должен рассматриваться как добавление к затратам этого класса.

Расход сумм дохода предполагается здесь, при состоянии процветания, распределяющимся поровну между производительным и бесплодным классами, в то время как производительный класс передает только треть своих издержек бесплодному классу, потому что своими издержками земледелец менее свободно может распоряжаться, чем собственник — своими. Но чем более земледелие находится в упадке, тем большая часть издержек, которыми можно распоряжаться по свободному усмотрению, должна быть посвящена ему с целью его восстановления.

СУЩЕСТВЕННЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

Первое замечание

Нельзя смешивать издержек, совершаемых собственниками в *бесплодном классе* и употребляемых последним на свое пропитание, с теми издержками, которые собственники непосредственно совершают в *производительном классе* для поддержания существования самих себя и содержимых ими слуг и животных. Ибо те издержки, которые собственники делают в *производительном классе*, могут быть значительно выгоднее для земледелия, чем издержки, совершаемые в *бесплодном классе*.

Между собственниками дохода имеется большое число людей весьма состоятельных, потребляющих произведения, имеющие самую высокую цену. Следовательно, масса произведений, потребляемых ими, представляет собой пропорционально значительно меньшую величину, чем масса произведений, потребляемых другими классами по гораздо более низким ценам. Соразмерно этому люди, расходующие доход и покупающие столь дорого, должны быть значительно менее многочисленны сравнительно с суммой их покупок. Но их расходы поддерживают цену продуктов лучшего качества, что в свою очередь путем градации поддерживает хорошую

* «Observations importantes jointes ou «Analyse du Tableau économique»,

цену на другие произведения, к пользе для доходов от земли.

Совсем иначе обстоит дело с теми 'большими' издержками, которые *собственники* могут совершать в *бесплодном классе*, и именно в этом состоит различие между роскошью в средствах пропитания и роскошью в украшениях. Результатов первой не следует бояться, подобно результатам второй.

Тот, кто покупает фунт сладкого горошка за 100 ливров, уплачивает их земледельцу, употребляющему эти деньги на издержки по земледелию, которые идут на пользу ежегодному воспроизводству. Тот же, кто покупает золотой позумент за 100 ливров, уплачивает последние рабочему, употребляющему часть из них на новую покупку за границей сырого материала, и только вторая часть, употребляемая на покупку средств его пропитания, возвращается к *производительному классу*. Но даже этот возврат не может быть столь же выгодным, как непосредственные издержки собственника в *производительном классе*, так как рабочий не покупает для своего потребления произведений, имеющих высокую цену, и, следовательно, не содействует, подобно собственнику, поддержанию ценности и доходов с хороших земель, способных производить ценные продукты питания. Что касается той части, которая уходит на покупки за границей, если она даже и возвращается к *производительному классу* (как это и происходит в действительности, по крайней мере частично, у наций, где имеется взаимность в торговле произведениями), то возвращается всегда обремененная торговыми издержками, уменьшающими ее и препятствующими этому возвращению быть полным.

Второе замечание

Издержки простого потребления являются издержками, которые сами по себе уничтожаются безвозвратно. Они могут быть покрыты только *производительным классом*. Что же касается последнего, то он может обойтись собственными силами. Следовательно, эти издержки, когда они не употреблены на воспроизводство, должны быть рассматриваемы как бесплодные или даже

*

как вредные Издержки роскоши в том случае, когда они являются излишними и вредными для земледелия.

Наибольшая часть издержек *собственников* представляет собой по меньшей мере *бесплодные* издержки, из них можно исключить только те, которые совершаются ими для сохранения и улучшения имений и для развития ими земледелия. Но так как на *собственниках*, согласно естественному праву, лежат заботы по управлению и по совершению издержек на восстановление своих родовых имений, то их нельзя смешивать с той частью населения, которая образует класс абсолютно бесплодный.

Третье замечание

В государстве, находящемся в состоянии процветания, на территории которого земледелие, свобода и легкость торговли достигли самой высшей ступени своего развития, где, следовательно, доход *собственников* уже не может более возрастать, последние могут издерживать *половину* этого дохода на покупки у *бесплодного класса*. Но если территория еще не обработана и не улучшена полностью, если не хватает дорог, если необходимо еще сделать реки годными для навигации и провести каналы для перевозки произведений, то *собственники* должны быть бережливими в тех издержках, которые они делают у *бесплодного класса*, с целью увеличения путем необходимых издержек своих доходов и наслаждений, насколько только возможно. Пока они этого не достигнут, их излишние издержки у *бесплодного класса* были бы издержками роскоши, вредными как для их благосостояния, так и для процветания нации. Ибо все то, что невыгодно для земледелия, приносит ущерб также и нации и государству, а все то, что благоприятствует земледелию, выгодно и для государства и для нации. Именно эта необходимость издержек, которые могут совершать одни только *собственники* для возрастания своих богатств и для всеобщего блага общества, именно эта необходимость делает обеспеченность поземельной собственности основным условием естественного порядка в управлении государством.

Феодальная политика рассматривала некогда эту поземельную собственность как опору военной силы сеньоров, но она принимала во внимание только собственность на самую землю. Отсюда столько обычаев и столько странных законов в порядке наследования земельных имуществ, которые существуют еще до сих пор, несмотря на изменения, происшедшие в монархии. В то же время обращалось весьма мало внимания на обеспеченность собственности на движимые богатства, необходимые для земледелия, которые одни только могут поддерживать высокую ценность земельных имуществ. Не обращалось достаточно внимания на то, что опорой военной мощи государства является само благосостояние нации.

Рим сумел покорить и подчинить себе много наций, но он не умел ими *управлять*. Он разграбил земледельческие богатства стран, подчиненных его господству. С этих пор его военная мощь исчезла, обогатившие его завоевания были отняты у него, и сам он беззащитным был предан грабежу и насилию неприятелей.

Четвертое замечание

В правильном порядке, которому мы следуем здесь, вся сумма покупок, производимых ежегодно *собственниками и бесплодным классом*, возвращается ежегодно к *производительному классу* на уплату ежегодного дохода собственникам в размере двух миллиардов и для оплаты самим себе процентов по своим первоначальным затратам и ежегодных затрат,

Нельзя ничего исключить из этого распределения издержек без ущерба для земледелия. Равным образом нельзя ничего исключить при помощи каких бы то ни было поборов или каких бы то ни было помех в торговле из обратных поступлений (*reprises*) земледельца, так как результатом этого были бы упадок в ежегодном воспроизводстве богатств нации и уменьшение населения, что легко обнаружить при помощи расчета. Следовательно, *именно на основе распределения издержек в соответствии с тем, возвращаются ли они или нет* производительному классу; *в соответствии с тем, увеличи**

чивают ли они его затраты или уменьшают их; поддерживают ли или заставляют падать цену произведенной, можно исчислить результаты хорошего или плохого управления нацией.

Бесплодный Класс может расходовать на пропитание своих агентов только около половины получаемых им *двух миллиардов*, ибо другая половина употребляется на покупки сырых материалов для его изделий. Таким образом, этот класс может составлять приблизительно только одну четверть нации.

Мы указывали, что в сумме обратных поступлений *производительного класса* в размере *трех миллиардов* имеется *один миллиард*, предназначенный для уплаты процентов на первоначальные и ежегодные затраты этого класса и употребляемый постоянно на восстановление этих затрат. Таким образом, у этого класса остается приблизительно *два миллиарда* на издержки его собственных непосредственных агентов, которые, следовательно, приблизительно вдвое превосходят число агентов *бесплодного класса*. Но каждый из них с помощью рабочего скота может вести воспроизводство, достаточное для пропитания восьми человек, т. е. для своей семьи, состав которой можно предположить в четыре человека, а для другой семьи такой же численности, принадлежащей к *бесплодному классу* или к *классу собственников*.

Если захотят войти в более подробное изучение распределения издержек нации, то его можно найти в «Philosophie rurale», глава 7. Там увидят, что, помимо *пяти миллиардов*, падающих здесь на долю нации, есть еще другие издержки: таковы издержки на торговлю и на прокормление рабочего скота, употребляемого в земледелии. Эти издержки не включены в распределение издержек, представленное в Таблице, и если их присоединить к последним, то они поднимут общую ценность годового воспроизводства до *шести миллиардов трехсот семидесяти миллионов*. Необходимо заметить по этому поводу, что торговые издержки могут увеличиваться к ущербу или уменьшаться к пользе для нации в зависимости от того, находится или нет эта часть издержек В противоречии с естественным порядком-

Пятое замечание

В том расчете издержек, который был изложен, предполагалось, что нация ведет только внутреннюю торговлю. Но нет государства, территория которого производила бы все виды богатств, способных удовлетворять потребности его жителей. Таким образом, является необходимость во внешней торговле, при помощи которой нация продает за границу часть своих произведений с целью покупки там тех произведений, в которых она сама испытывает нужду. Однако, так как она может купить за границей только на такую сумму, на какую продает ей, то состояние ее издержек должно всегда соответствовать воспроизводству, ежегодно воссоздаваемому на ее территории. Исчисление этих издержек можно правильно построить, исходя из этого самого воспроизводства и абстрагируясь от всякой внешней торговли, детали которой неопределенны, не поддаются исчислению и бесполезны для расчета. Достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что при условии свободной конкуренции во внешней торговле происходит только обмен ценности на равную ценность, без потери или барыша для той или другой стороны.

Что касается издержек на перевозку, нация и заграница оплачивают их, с той и с другой стороны, в своих продажах и в своих покупках. Они образуют для торговцев фонд, отличный от фонда нации, потому что во внешней торговле земледельческих наций всякий неограниченный иностранцем по отношению к интересам этих наций. Следовательно, земледельческое и торговое государство объединяет две нации, отличные друг от друга: одна образует существенную часть общества, неотделимую от территории, приносящей доход; другая представляет собой внешний придаток, составляющий часть общей республики внешней торговли. Торговля эта совершается и оплачивается земледельческими нациями. Издержки ее, хотя и необходимые, должны рассматриваться как накладной расход, вычитаемый из дохода собственников земли, следовательно, они должны быть свободны от всякой монополии и всяких добавочных обложений, которые отразились бы опустошительным образом на доходах государей, и **Других собственников,**

При наличии свободной конкуренции во внешней торговле цены, поддерживаемые в сношениях между торговыми нациями, должны быть основой для исчисления богатств и ежегодных издержек наций, имеющих легкую и свободную торговлю. Внешняя торговля более или менее развита в зависимости от разнообразия в потреблении жителей и от большего или меньшего разнообразия в произведениях. Чем более произведения какого-либо государства разнообразны, тем меньше экспорт и импорт, тем более нация оберегает на расходах по внешней торговле. Однако последняя должна быть совершенно свободна, избавлена от всяких стеснений и исключена из всяких обложений, ибо только путем торговых сношений, поддерживаемых между нациями, может быть обеспечена наилучшая цена на произведения во внутренней торговле и наибольший доход для государя и для нации.

Шестое замечание

Нетрудно заметить, что одни и те же произведения проходят несколько раз через руки купцов и ремесленников, но необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что эти повторения продаж и покупок, которые умножают бесплодно *обращение*, представляют собой лишь перемещение товаров и умножение издержек, не производящих никаких богатств. Счет произведений сводится, следовательно, только к их количеству и к цене их продаж из первых рук.

Чем более эти цены подчинены естественному порядку, чем постоянней они держатся, на высоком уровне, тем более выгодны они также в обменах, совершаемых с границей, тем более они стимулируют земледелие, поддерживают ценность различных произведений почвы, увеличивают доходы государя и собственников; тем более они увеличивают также количество звонкой монеты нации и массу заработных плат, уплачиваемых в вознаграждение за труд или службу тех, кто не является первоначальным владельцем произведений.

Употребление этих заработных плат, хорошо или плохо распределенных, содействует в значительной степени благосостоянию или упадку государства, строгости или развращенности нравов народа и возрастанию

или уменьшению населения. Людям может наскучить деревня, роскошь и удовольствия будут привлекать их в столицу, или же они могут быть равномерно распределены по провинции. В последнем случае они могут поддерживать свое потребление в соответствии с производством, в то время как в первом случае они не смогут избежать больших расходов по перевозке, что заставит упасть цены произведений при продажах из первых рук и уменьшит доход земли, массу заработных плат и население.

Торговля, заключающаяся в перепродаже, может развиваться в зависимости от активности и способностей торговцев, но торговля земледельческой нации регулируется размером ежегодного воспроизводства на ее территории. Барыши, составляющие чистую прибыль туземных торговцев, отнюдь не должны смешиваться с богатствами нации, ибо последние не могут быть подняты выше сбыта суммы действительного воспроизводства ее территории, подчиненного текущим ценам, существующим при продажах из первых рук. Торговец стремится покупать по возможно более низкой цене и перепродать по возможно более высокой, чтобы возможно больше увеличить свою прибыль к ущербу для нации; его частный интерес и интерес нации противоположны друг другу. Отсюда не следует, однако, что все сословие торговцев и даже каждый отдельный член этого огромного сословия, рассматривая вещи во весь рост и в их истинном объеме, не заинтересован весьма действительно в том, чтобы произведения постоянно продавались из первых рук по самой высокой цене, какая только возможна. Чем по более высоким ценам они продаются, тем больше земледелие дает чистого продукта; чем более земледелие дает чистого продукта, тем более оно выгодно; чем выгоднее земледелие, тем более оно увеличивается в своих размерах, тем больше оно производит, тем больше поступлений приносит оно для земледельцев, дохода для государя, собственников, получателей десятины и заработной платы, для всех других категорий граждан; тем более возрастают расходы всякого рода, доставляющие торговле объект, удобный случай и побуждающие ее к активности; тем более, следовательно, увеличивается общая „сумма барышей торговцев от действий самой конкуренции, которая в каж*

дом отдельном случае препятствует этим барышам быть чрезмерными, к ущербу для цен на продукты.

Но найдется весьма мало торговцев, заглядывающих столь далеко, и еще меньше таких, которые способны были бы пожертвовать сегодняшним барышом для обеспечения больших выгод в будущем. Наконец, отнюдь не торговцы, но потребности потребителей и средства удовлетворения их обеспечивают первоначально цены на произведения при продаже из первых рук. Негоцианты не создают ни цен, ни возможности торговли, но как раз, напротив, возможность торговли и существующие цены порождают негоциантов.

Седьмое замечание

Мы еще не говорили о денежной массе, которая обращается в торговле каждой нации и которую простой народ рассматривает как истинное богатство государств, ибо при *помощи денег*, как говорят, *можно купить все, в чем нуждаются*. Но не задаются при этом вопросом: при помощи чего можно получить деньги в свое распоряжение. Однако же это богатство не дается даром: оно ценится во столько, сколько стоит тому, кто его покупает. Торговля доставляет деньги нациям, не имеющим ни золотых, ни серебряных рудников, но сами эти нации не имели бы ни золота, ни серебра, если бы не имели чем заплатить за них, и они всегда будут их иметь столько, сколько пожелают, или согласятся купить, при условии если они располагают произведениями, могущими быть отданными в обмен на них.

Я сказал столько, сколько согласятся купить, ибо деньги не являются богатством, в котором люди нуждаются для удовлетворения своих потребностей. Только блага, необходимые для жизни и для ежегодного воспроизводства этих же самых благ, являются такими, к обладанию которыми нужно стремиться. Превращение произведений в деньги извлекло бы эти деньги из издержек, выгодных для земледелия, и означало бы уменьшение в таких же размерах годового воспроизводства богатств. Денежная масса в какой-либо нации может возрастать только в таких, размерах, в каких возрастает само воспроизводство. Увеличение денеж-

ной массы сверх этих размеров могло бы произойти только к ущербу для ежегодного воспроизводства богатств. Однако уменьшение этого воспроизводства повлекло бы за собой немедленно и неизбежно и уменьшение массы денег и обеднение всей нации. В то же время масса денег может быть уменьшена в какой-либо нации без соответствующего уменьшения богатств этой нации, ибо можно многими способами заместить (*suppléer*) деньги при богатстве нации и при наличии в ней свободной и легкой торговли, но ничто не может возместить без потери недостатка в ежегодном воспроизводстве богатств, способных удовлетворять потребности людей. Нужно даже предположить, что денежные запасы (*le réscule*) бедной нации должны быть относительно более значительны, чем нации богатой, так как и у той и другой из них они определяются суммой, в которой они нуждаются для своих продаж и покупок. Однако бедные нации испытывают гораздо большую нужду в посредничестве денег при торговле; там нужно все оплачивать наличными деньгами и нельзя почти положиться на чье-либо обязательство. У богатых же наций есть много людей, хорошо известных как люди богатые, письменное обязательство которых считается вполне верным и хорошо обеспеченным их богатствами. Таким образом, все значительные продажи совершаются там с помощью кредита, т. е. при посредстве ценных бумаг, заменяющих деньги и значительно облегчающих торговлю. Следовательно, не по большему или меньшему количеству денег следует судить о богатстве государств. Равным образом денежный запас, равный доходу собственников земли, можно считать более чем достаточным для земледельческой нации, где обращение происходит правильно и где торговля основана на доверии и полной свободе.

Что же касается всемирной торговой республики, распространенной на различные страны, и что касается небольших чисто торговых наций, которые являются лишь частями этой огромной республики и могут быть рассматриваемы как ее главные города или, если хотите, как ее главные конторы, — то их денежная масса пропорциональна объему их торговли по перепродаже. Они увеличивают эту массу настолько могут, своими прибылями и своими сбережениями с целью увеличения

фондов (le ions) своей торговли. Деньги являются их единственным родовым имуществом Торговцы употребляют деньги в своих покупках только с целью извлечь их с прибылью из своих продаж Они могут, следовательно, увеличивать свое денежное имущество, только причиняя ущерб нациям, с которыми они ведут торговлю Оно всегда сохраняется в их руках, и если выходит из их контор и поступает в обращение, то только для того, чтобы вернуться обратно с приростом. Таким образом, эти деньги не могут входить составной частью в богатства земледельческих наций, всегда ограниченные суммой их воспроизводства, из которой они и оплачивают барыши торговцев. Последние, в какой бы стране они не обитали, связаны с различными нациями через посредство своей торговли. Именно эта торговля и является их отечеством и хранилищем их богатств, Они занимаются продажей и покупкой и в месте своего жительства и в иных местах; их профессия не знает ни определенных границ, ни особой территории. Наши торговцы являются также торговцами других наций, а последние— нашими, и, кроме того, те и другие торгуют также между собой. Таким образом их торговые сношения проникают и простираются повсюду, всегда устремляясь в конце концов к деньгам, которые самую же торговлей доставляются и распределяются между нациями в соответствии с ценами Последние же подчиняются естественному порядку, повседневно регулирующему текущие цены произведений Но земледельческие нации имеют иную исходную точку зрения, более полезную для них и более широкую: они должны стремиться только к возможно большему воспроизводству с целью постоянного увеличения богатств, способных удовлетворять потребности людей. Деньги являются для них лишь незначительным посредническим (intermédiaire) богатством, которое исчезло бы моментально при отсутствии воспроизводства.

О ТОРГОВЛЕ

Первый диалог между М. Х. и М. Н.

М. Х. — Вы продолжаете утверждать, мой друг, что торговля, искусства и ремесла представляют собой *бесплодные занятия*. Между тем вы не можете не согласиться, что если в занятиях торговлей, искусствами и ремеслами господствует свободная конкуренция, то соперничество купцов и ремесленников принуждает их довольствоваться меньшим вознаграждением к выгоде тех наций, которые оплачивают их услуги. Следовательно, вы не можете отрицать и того, что *торговля*, рассматриваемая в состоянии свободной конкуренции, *доставляет* или *производит прибыль*. Было бы бесполезно входить здесь в исследование относительно точного значения слов *производить* и *доставлять*; стоит только согласиться, что при помощи торговли, искусств и ремесел получается прибыль, чтобы согласиться также и с тем, что торговля, искусства и ремесла не *бесплодны*. Вот, строго говоря, та настоящая точка зрения, на которой я настаиваю в настоящую минуту для того, чтобы свести вопрос к наиболее простой постановке. Нельзя же утверждать, в самом деле, что все то, что *доставляет прибыль*, могло бы обозначаться словом *бесплодный*, или могло бы характеризоваться так правительством, стремящимся обеспечить нации все те выгоды, какие только могут доставить ей торговля, искусства и ремесла.

М. Н. — Я с удовольствием вижу, мой друг, что вы усвоили себе, наконец, ту точку зрения, с которой сле-

дует рассматривать наш вопрос. Но во взятом вами случае та *прибыль*, которая так поражает вас, не может быть приписана торговле; причем все равно, рассматривать ли последнюю как известную услугу со стороны торговцев, или же, как и следует смотреть на нее, как простой обмен. Эта *прибыль*, столь подчеркиваемая вами, сводится лишь к сбережению, которое продавец из первых рук и покупатель-потребитель делают на расходах, вызываемых торговлей купцов-перепродавцов (*marchande-revendeurs*); получается же она благодаря только полной конкуренции между торговцами, заставляющей довольствоваться их меньшим вознаграждением или барышом. Следовательно, то, что вы называете *прибылью*, есть, строго говоря, не что иное, как предотвращение потери (*privation de perte*) для продавца из первых рук и для покупателя-потребителя. Предотвращение же потери не представляет собой реального *продукта* или прироста богатств, полученного с помощью торговли, если только рассматривать ее как простой обмен независимо от расходов на перевозку или же совместно с ними. Напротив, вы видите, что торговля, обремененная расходами на перевозку, всегда является занятием более или менее дорогим и что, чем менее нуждаешься в нем, тем менее оно обременительно. А то, чего следует по возможности избегать ради получения наибольшей прибыли, не может быть источником богатств. Как же можете вы заключать отсюда, что торговля, которая является не чем иным, как обменом ценности на равноценность, и вызываемые торговлей расходы, представляющие собой лишь обременительные издержки, не *бесплодны*?

М. Х.—Я полагаю, однако, мой друг, что вы согласитесь по крайней мере с тем, что свободная конкуренция среди торговцев-перепродавцов, перевозящих произведения одной страны в другую, увеличивает цены в той стране, где они слишком высоки; отчего в одной стране получает *прибыль* продавец из первых рук, а в другой — покупатель-потребитель. Следовательно, торговля доставляет этим странам двойную *прибыль*. Каким же образом хотите вы доказать, что она *бесплодна*?

М. Н. — Остановитесь, мой дорогой друг! Вы смешиваете здесь влияние свободных торговых сношений

Между различными странами с влиянием самой торговли. Последняя есть не что иное, как обмен одного произведения, имеющего продажную ценность, на произведение равной ценности; обмен, при котором, если только рассматривать его *в чистом виде*, нечего терять и выгадывать, строго говоря, ни тому, ни другому из контрагентов; хотя вследствие вполне независимых от торговли причин, которые могут с одной стороны понизить, с другой возвысить цены, какой-либо из контрагентов и может потерпеть большой убыток. Продавец из первых рук теряет, когда цены слишком низки, покупатель-потребитель — когда они слишком высоки; следовательно, то, что уничтожает причины этого неравенства цен в этих двух странах, дает возможность избежать потерь, которые продавец из первых рук потерпел бы и стране, в которой цены слишком низки, а покупатель-потребитель — в стране, где цены слишком высоки. Но наступившее уравнивание (*retablissement de la compensation*) этих цен обеспечивает обеим сторонам лишь предотвращение потерь, а отнюдь не какой-либо реальный продукт. Наступление этого уравнивания цен не предполагает никакой прибавки к сумме произведений; оно парализует только влияние причин, действующих на неравенство цен. С этой точки зрения торговля сама по себе является, строго говоря, *бесплодным* занятием. Нельзя, конечно, сомневаться, что во взятом вами примере перевозка произведений необходима для предотвращения потерь; точно так же и море само по себе необходимо для перевозки произведений морским путем. Но заключать отсюда, что и перевозка и море производительны, значило бы смешивать условия сообщений, о которых идет здесь речь, с причиной, производящей продукты, способные обращаться в торговле, или с причинами, производящими цены и существовавшими постоянно до торговли, сообразуясь с которыми торговец строит свои расчеты.

М. Х. — Разве выигрывать не значит того же, что не терять, а терять того же, что не выигрывать? Раз выражения эти — синонимы, наш спор должен прекратиться, так как можно было бы сказать, что торговля, избавляя нацию *от* потерь, обогащает ее и является вследствие этого не бесплодной.

М. Н.—Мой друг, филологи утверждают, что точное выражение идей почти совсем не допускает синонимов, а чтобы убедить вас в том, они сказали бы вам, что если только допустить ваши синонимы, то 'Следовало бы допустить также и то, что *не потерять* и *не выиграть* означает то же, что и *потерять* и *выиграть*. Так что об игроке, который оставил игру, не выиграв и не проиграв, можно было бы сказать одинаково: *он ни проиграл, ни выиграл*, или *он проиграл и выиграл*. Разве последнее выражение имеет то же значение, что и первое? Разве поясняет оно, что он *более проиграл или выиграл*, или, что он *более выиграл, чем проиграл*. Разве не следует разъяснить это выражение, чтобы быть понятым? А для того чтобы разъяснить его, разве не следует подчиниться в точности настоящему значению слов *терять* и *выигрывать* и признать по необходимости, что эти два слова не синонимы?

На вашем языке следовало бы сказать также, что выигрывает всякий, кто не обворовывается. В таком случае барыши подобного рода могли бы быть значительно увеличены, но разве можно было бы разбогатеть на них? Подобные софизмы основываются, 'Следовательно, лишь на злоупотреблении словами.

М. Х. — Я хочу сделать вам одно новое возражение, которое, быть может, окажется более удачным. Если производительный класс получает цену за продаваемые им свои произведения лишь благодаря конкуренции торговцев, то ведь справедливо, как утверждали некоторые, что этот класс нельзя считать производительным в момент продажи им своих произведений. При этой продаже из первых рук он является, напротив, *бесплодным* классом, как неудачно называют другой класс; в действительности же последний не является бесплодным классом, так как, покупая произведения, продаваемые из первых рук, он придает им свойство богатств.

М. Н. — Обращайте внимание на то, что 'бы' говорите, мой друг. Придерживаясь даже вашего мнения, следует считать бесплодной не продажу из первых рук, а ту покупку, которая совершается при этом, так как по смыслу вашего возражения покупает у 'производительного класса торговцев; продает ведь не бесплодный класс? Образование же цены всегда предшествует покупкам и продажам. Если только конкуренция продав-

цов и покупателей не производи? каких-либо изменений, то цена остается такой же, какая образовалась в силу других причин, независимых от торговли. Если конкуренция и производит здесь изменения, то лишь По отношению к нуждам потребителей.

Это изменение, вызываемое конкуренцией торговцев, является не чем иным, как уравнением неодинаковых цен в том случае, если они неодинаковы в разных странах, между которыми установились благодаря конкуренции торговые сношения. Таким образом, цена, слишком низкая, возвышается на счет другой цены, слишком высокой, что ничего не прибавляет к общей сумме цен, подобно тому как сведение различных измерений к одной общей мере ничего не прибавляет к количеству измеряемых произведений. В рассматриваемом случае, стало быть, ничто не доставляется *бесплодным* классом *производительному*; ибо та сумма денег, которая употребляется в данной торговой сделке, существовала раньше в силу совсем других причин, и последних не следует смешивать с простыми условиями, которые содействуют заключению подобных сделок, ничего не прибавляя к общей сумме существовавших ранее денежных сумм.

Торговля перепродавца ведется одинаково при всех изменениях в цене, и целью представителей этого занятия является не что иное, как заработная плата, уплачиваемая *производительным* классом¹. Всеобщая конкуренция, избавляющая последний класс от потерь, противоречит интересу торговцев и ремесленников, которые постоянно стремятся к тому, чтобы покупать по низким ценам. Таким образом, бесплодный класс отнюдь не заботится о том, чтобы обеспечить прибыль производительному классу, который его оплачивает и избавляет от всех издержек; наоборот, он постоянно старается наверстать на ценах те потери, от которых может избавить последнего конкуренция.

Лишь благодаря тем ценам, которые потребность приводит к производству, *производительный* класс в состоянии воспроизводить ежегодно богатства посредством затраты труда на культуру земель. Благодаря этим же ценам он возмещает свои издержки из воспроизведенных богатств, уплачивает доходы собственников,² государя и лиц, имеющих право на получение десятины,

и уплачивает все издержки *бесплодного* класса Названный йами класс моментально исчез бы, как только перестал бы оплачиваться богатствами, постоянно воспроизводимыми *производительным* классом. Последний всегда может существовать самостоятельно на плоды трудов своих. Бесплодный же класс, предоставленный самому себе, не мог бы обеспечить себе какого бы то ни было существования с помощью одного своего *бесплодного* труда, он немедленно вынужден был бы оставить этот труд, чтобы приняться как можно скорее за обработку земли или за поиски тех земных продуктов, которые произрастают естественным путем и необходимы для удовлетворения материальных потребностей человека Всякое занятие промышленностью ограничилось бы производством нескольких изделий, необходимых для его производительных работ и для удовлетворения некоторых особенных и неизбежных потребностей*.

Но заметьте, мой друг, одно особенное обстоятельство. вопрос о бесплодности торговли-перепродажи, точно так же как искусств и ремесел, рассматривается нами при предположении полной свободы конкуренции. Лишь при этом условии торговля, искусства и ремесла

* Так и те разбойники и искатели приключений — класс очевидно более чем бесплодный, — которые основали римскую республику, немедленно вынуждены были изменить образ жизни и заняться исключительно земледелием, этим они создали почву, благоприятную для развития республики Благодаря *продуктам* земледельческого труда, который в продолжение более пятисот лет постоянно пользовался большим почетом и поощрялся, республика видела непрерывное возрастание своего населения и славы и превратилась в счастливое, богатое и самое могущественное государство, какое только было известно тогда на земном шаре Вот чем был Рим, пока занимался исключительно земледелием, пока эта удивительная республика представляла собой в некотором роде один только *производительный* класс Но когда крупные собственники сосредоточились в Риме и здесь стали тратить свои доходы, когда провинции были предоставлены тирании сборщиков податей, а земледельческая культура — рабам, когда для продовольствия столицы понадобилось привозить хлеб из Египта и явилась, таким образом, необходимость в создании торгового флота, когда развитие искусств, роскоши и промышленности придало значение городскому населению, а пролетариев (*capite censi*) сделало значительными людьми, когда вся совокупность этих причин, вызванных забвением естественного порядка, повлекла за собой падение нравов, — государству, ослабленному во всех отношениях, ничего не предстояло да и не могло и не должно было предстать чего-либо другого, кроме опустошения и гибели

ftpHHbcnf вСЮ фу йбльЗу, кйкуй ?6 ЛЬКй М6fyf прин6 СИЎЪ и которая дает повод утверждать, что эти занятия не следует рассматривать как бесплодные. Но не забывайте, что даже при наличности конкуренции лица, занятые в торговле, искусствах и ремеслах, утверждают противное, они убеждают вас, что иностранные торговцы, фабриканты и ремесленники, которые благодаря конкуренции получали бы у вас прибыль, вели бы с вами торговлю, чрезвычайно для вас невыгодную. Между тем эти иностранцы торговали бы с нами по тем же ценам, что и туземные торговцы, вследствие чего для нас было бы одинаково полезны как одни, так и другие Тем не менее сами торговцы, не довольствуясь утверждением, что в случае свободной конкуренции торговцев всего света торговля *бесплодна*, идут еще далее: они утверждают, что эта всемирная конкуренция сделала бы торговлю *вредной* для нации, допустившей подобную свободу.

Что касается *бесплодности* торговли, то мы вполне соглашаемся с торговцами, которые занимаются ею. Остается, стало быть, расследовать— действительно ли конкуренция вредит торговле, в чем они хотят нас уверить

М X —Признаюсь, мой друг, что я должен отказаться от моего мнения относительно тех выгод, которые приписывал торговле при наличности свободной конкуренции Подобно вам я считал последнюю наиболее благоприятным условием для торговли и притом столь выгодным, что я не допускал даже возможности рассматривать торговлю как *бесплодное* занятие. Теперь же, наоборот, торговля представляется мне при наличности конкуренции не только *бесплодной*, но я склонен думать даже, что торговцы правы, утверждая, что благодаря всемирной конкуренции она становится *вредной*. Так как с этой точки зрения существует одно обстоятельство, которое трудно скрыть от вас. Ведь иностранные купцы увозят и расходуют на своей родине то вознаграждение, которое мы уплачиваем им за оказанные нам услуги, таким образом, мы обогащаем этим вознаграждением прочие нации. Тогда как, будучи предоставлено нашим туземным купцам, это вознаграждение расходовалось бы у нас; деньги, полученные последними, были бы употреблены на покупку

У *нис* произведений и мануфактурных *foVarofi*, который их агенты и они сами потребили бы внутри самой страны.

М. Н. — С первого взгляда это обстоятельство заслуживало бы внимания, если бы только это мнимое преимущество могло уравновесить тот убыток, который происходит вследствие исключения свободной конкуренции из торговли. Но покупки, имеющие целью издержки и которые были бы совершены в стране при помощи денег, полученных в виде вышеупомянутого вознаграждения, представляли бы из себя лишь ряд обменов ценности, выраженной в деньгах, на равноценность, выраженную в товарах. С этой точки зрения не было бы ни потери, ни выгоды для какой-либо стороны ни по отношению к обмениваемым ценностям, ни, следовательно, по отношению к потреблению, о котором говорите вы.

Впрочем, вы не замечаете, что в вашей гипотезе об устранении конкуренции, те, которые исключат из своей торговли иностранцев, в силу репрессалий будут исключены из торговли иностранных наций. Так что все те мнимые выгоды, которые приписываете вы исключению, будут уничтожены самим исключением. Правда, ваши торговцы охотно похлопочут об этой мере, раз будут уверены, что вознаградят себя у *вас* же и за свое исключение из-за границы, и за увеличение расходов, вызываемых 'морской торговлей, которая прекратится, как скоро будут вывезены ваши товары. В самом деле, раз вывоз будет предоставлен повсеместно туземным купцам, все путевые расходы по ввозу должны будут покрываться иным *путем*; почему иностранцы постараются как можно более сократить ввоз или же возместить все расходы по нему с вывозящих наций. Ваше исключение ведет, таким образом, не только к тому, чтобы обременить вашу торговлю излишними расходами, но также и к тому, чтобы сильно сократить ее. Не это ли обременение торговли расходами представляется вам прибыльным для нации, так как эти расходы являются будто бы прибылью, предоставленной исключительно нашим торговцам, а не иностранным. Но не замечаете ли вы при этом-также и того, что эта прибыль предоставляется им в ущерб самой нации, которая ее оплачивает?

М. Х. — Но* вы забываете или ставите ни во что ту выгоду, которую доставляет сбыт, обеспеченный издержками наших торговцев?

М. Н. — Этот сбыт, по-видимому, сильно занимает вас. Но разве чувствуется большая потребность в покупателях, чем в продавцах? Разве более выгодно продавать, чем покупать? Разве деньги предпочтительнее жизненных благ? Не являются ли эти самые блага настоящим объектом всякой торговли, именно истинными потребительными ценностями, посредством которых приобретаются деньги, циркулирующие лишь для облегчения взаимного обмена этих самых ценностей? Всякая торговая сделка не соединяет ли покупателя и продавца? Продажи и покупки совершаются, мой друг, свободно; несомненно, стало быть, что потребность продавать и потребность покупать одинаковы для той и другой стороны.

Прибыль² торговцев какой-либо нации отнюдь не являются прибылями для последней. Они служат лишь для того, чтобы расширить их торговлю или увеличить их издержки. В том и другом случае они усиливают не сбыт, а конкуренцию, так как во всех странах количество произведений, годных для торговли, ограничено. Так что, чем более будет торговцев, занимающихся вывозом и ввозом товаров, тем большая конкуренция создастся среди лиц, занятых перевозкой товаров, тем меньшим вознаграждением будут вынуждены довольствоваться эти лица и не только в той стране, в которой они живут, но также во всех других странах, на которые будет простираться их конкуренция, причем безразлично, будет ли последняя иметь место при покупках или при продажах; и это потому, что всякая покупка, совершенная торговцем в одной стране, предполагает продажу в другой. Следовательно, та страна, в которой живут торговцы, пользуется не большим преимуществом, чем другие страны, в которых они не живут³.

В другом случае, когда барыши торговцев тратятся в стране их жительства, издержки эти не обеспечивают последней большего сбыта, так как количество того, что предназначается в этой стране к продаже, ограничено. Если этого количества не хватает сравнительно со средствами, предназначенными на издержки, то пополнить его можно лишь ввозом произведений других стран; ц

при полной свободе торговли и цена покупаемых потребителями произведений, и цена продаваемых произведений тех стран, в которых эти торговцы живут, регулируется всегда ценой главного рынка. Хаким образом, все прочие страны, которые ведут торговлю между собой, одинаково содействуют и образованию этой самой цены, и установлению одного и того же сбыта. Издержки потребителей, в какой бы стране они ни совершались, служат к общей выгоде всех тех стран, которые поддерживают друг с другом свободные торговые сношения. Это обстоятельство должно успокоить вас относительно обогащения соседних стран при помощи той торговли, которую их торговцы ведут у вас, так как выгоды, доставляемые этой торговлей, обоюдны.

М. Х. — Это мне нравится! Ведь продажи и покупки совершаются всегда лишь в силу известных погребностей; те, которым нужно продать что-либо, часто не находят покупателей. Если барыши наших туземных торговцев уменьшатся благодаря конкуренции, то в соответствии с уменьшением их прибылей уменьшатся также и их издержки в стране; тогда наша потребность сбыть то, что мы имеем продать, не будет удовлетворена теми издержками, которые наши торговцы в состоянии сделать.

М. Н. — 'Это возражение неприменимо для страны, где свободная конкуренция в торговле увеличивает число покупателей.

М. Х. — Этот ответ может иметь силу лишь по отношению к тем съестным припасам и товарам, которые могут быть вывезены. Кроме того, расходы по перевозке будут вычтены из цены продуктов, продаваемых из первых рук.

М. Н. — В этом втором замечании вы не обращаете внимания, мой друг, на ту потерю, которую мы понесем на расходах по нашему вывозу, если будем лишены конкуренции в нашей торговле. Уменьшение расходов по перевозке достигается через посредство свободной конкуренции перевозчиков всех стран благодаря тому, что соперничество друг с другом побуждает их довольствоваться меньшим вознаграждением; а уменьшение торговых расходов послужило бы к нашей выгоде, увеличило бы наши продажи и усилило бы нашу способ-

ность к издержкам. Наши издержки оживили бы нашу внутреннюю торговлю, земледелие, увеличили бы население и расширили бы, следовательно, обоюдный сбыт съестных припасов и товаров страны для нашего собственного пользования. Все эти выгоды, которых мы были бы лишены, если бы торговля велась исключительно нашими торговцами, ибо те чрезмерные расходы этой торговли, которые обогатили бы наших торговцев, разорили бы нацию.

Эти расходы возвысили бы цену произведений, продаваемых из первых рук, и уменьшили бы доходы государя и собственников, издержки которых идут на вознаграждение, дающее возможность существовать лицам, не имеющим собственности. И вы утверждаете, что нация была бы тогда хорошо вознаграждена тем ничтожным увеличением издержек со стороны наших торговцев, которые также относятся к издержкам страны, как 1 к 300. Таким-то путем доказываете вы, что наша торговля, предоставленная нашим торговцам, *производительна* для страны, а свободная конкуренция сделала бы ее поэтому не только *бесплодной*, но и *вредной*. Мне думается, что вы лучше понимаете интересы торговцев, чем интересы нации.

Никак не в сбыте ощущается недостаток, а в цене. По низкой цене всегда можно сбыть товары, так как количество потребителей всегда значительно превосходит размеры действительного потребления и возможного сбыта. По мере умножения средств существования повсеместно увеличивается и количество потребителей; но одна только свободная конкуренция иностранных торговцев может обеспечить возможно лучшую цену, и лишь высокие цены могут обеспечить и поддержать благосостояние народа и государства при помощи успехов земледелия. Вот *альфа* и *омега* экономической науки.

Благодаря влиянию конкуренции мы были бы, следовательно, хорошо вознаграждены, платя умеренное вознаграждение иностранным и нашим торговцам за расходы по вывозу.

Иностранные торговцы не обогатили бы полученным вознаграждением своей родины, в особенности же в том случае, если бы в последней не существовало конкуренции. Так как эти торговцы при своих продажах и

покупках назначали бы цены, не особенно благоприятные для своей родины.

Предположите, напротив, что в торговле этих стран господствует свободная конкуренция, и вы заметите, что они получают выгоду благодаря лишь этой свободной конкуренции, установленной здравой торговой политикой. Эта свободная конкуренция увеличила бы в этих странах количество покупателей, обеспечила им независимо от издержек своих собственных торговцев верный сбыт, который поддерживал бы на хорошем уровне цену их съестных припасов и товаров. Покупки, которые совершали бы эти торговцы при помощи издержек, были бы тогда, как и следует во всякой правильной торговле, лишь обеспеченным обменом ценностей на равноценности, без потери и без выгоды для какой-либо стороны.

Представления, которые образовались относительно обогащения посредством торговли одной страны в ущерб другой, суть лишь иллюзии, навеянные заблуждением. Если какая-либо страна и терпит некоторый убыток от своей торговли сравнительно с другой страной, то это бывает благодаря только стеснениям ее торговцев и торговли. Так как торговля сама по себе, если страна ведет ее согласно с естественным порядком, одинаково благоприятна всем нациям⁴. Намерения нанести вред могут быть выгодны лишь для некоторых торговцев, внушающих их своему народу и невыгодны этому, плохо наученному народу.

М. Х. — Однако же Англия, Голландия, Гамбург, Данциг и т. п. обогатились благодаря только морской торговле. Эти примеры, а также примеры многих других наций, прославившихся своей торговлей в разные времена и в разных странах, более убедительны, чем ваша новая теория, основанная лишь на благовидном различии народа и его торговцев. Разве можно представить себе торговлю без народа и народ без торговли, и разве не абсурдно спорить против фактов?

М. Н. — Мы не спорим против фактов, представляющих из себя нечто реальное; но родовое название, какое представляет собою слово *торговля*, обнимающее целый ряд реальных отношений, не является само реальным фактом. В данном случае речь идет о морской торговле, представляющей из себя ничтожную отрасль всей на-

циональной торговли, притом такую отрасль, которая ведется не самими нациями, а посредниками, барыши коих оплачиваются одинаково всеми нациями, соединенными этой посреднической торговлей. Эта торговля совсем не имеет родины и представляет собой нечто чуждое и внешнее тем нациям, которые не ведут ее сами, а сообщаются между собой благодаря только ее посредничеству.

Правда, что морские гавани привлекают судовладельцев, которые устраивают в них фактории, и что эти гавани принадлежат нациям. Но, без сомнения, крайне странно, что вы смешиваете выгоду, доставляемую от обладания гаванями, с частным, исключительным интересом судовладельцев. Но вы делаете еще более грубую ошибку, смешивая богатства этих самых торговцев с богатствами самой страны.

Правда, что имеются фактории, гавани которых находятся во владении самих торговцев; эти торговцы образуют в таком случае нечто вроде республики, не признающей других наций, кроме самой себя. Но мне кажется, что вы все еще смешиваете эти фактории с нациями и империями, которые поддерживают свое существование благодаря богатствам своей собственной территории; так как вы одинаково смотрите на торговлю Гамбурга и Англии. Может быть, и сама Англия ставит себя на одну и ту же линию. Так и следует, скажете вы, если благосостояние этой нации зависит более от морской торговли, чем от ее территории. По крайней мере в этом королевстве господствует правительство торговой республики, при котором морской флот значительно развился в угоду морской торговле, немало содействовавшей заключению государственных займов

Но обратите внимание, что торговля, которая кредитует нацию, не представляет из себя последней. Нация может рассматривать морскую торговлю как один из источников богатств. Тот, кто ссужает, всегда представляется очень богатым тому, кто занимает; богатства в этом случае представляются общими тому и другому, пока не наступает момент, когда кредитор начинает преследовать должника.

С этой точки зрения вам легко различить земельный фонд английской нации от богатств ее торговой республики. Последняя может ссужать народу, но ссужать не

значит еще давать или даже содействовать удовлетворению государственных нужд; а займы не служат еще доказательством богатства и могущества государства. -Если, таким образом, морская торговля обогащает, по вашему мнению, английский народ, то вы забываете настоящий источник богатств, который делает ее способной к платежу, на котором покоится ее кредит и без которого торговый флот никогда не содействовал бы триумфу военного флота. Если вы скажете, что возможность заключать займы представляет для страны по меньшей мере ресурс, то вы должны принять во внимание, что этот гибельный ресурс есть не что иное, как кредит страны, который вызывает уплату процентов займодавцу. В подобных случаях воображают, что нация должна нации и что нация платит нации; но эта игра слов не может скрыть от вас, что здесь имеются две нации, из коих одна должна платить другой⁵. Когда первая занимается, она не заботится о том, являются ли займодавцами туземцы или нет; это ей также безразлично и тогда, когда приходится платить. Таким образом, английская нация должна хорошо заметить, что морская торговля, которая является ее кредитором, не является в то же время ее должником. Вы, может быть, скажете, что, *уплачивая налоги, она уплачивает тем самым свою долю государственного долга?* Ни в коем случае; те налоги, которые уплачивает торговля, являются увеличением торговых расходов, падающих на нацию. Так как необходимо, чтобы нация уплачивала все расходы по обмену своих произведений самими продуктами земли, которая является единственным источником всяких богатств и издержек. Торговые богатства являются лишь фондом издержек, который мгновенно исчез бы, как только прекратилось бы ежегодное воспроизводство богатств, доставляемых землей. Если при распределении последних упускают из виду их источник, политика запутывается и становится роковой для народа.

О мой друг! Чтобы обеспечить ход этого распределения, следует содействовать не отдельным корпорациям торговцев, а самой торговле; ее следует поощрять свободой, безопасностью, льготами и всеми облегчениями, какие только можно предоставить. Запрещения, исключительные привилегии, все мнимые льготы в этом

роде, предоставляемые якобы *национальным* торговцам, которые на самом деле являются членами общей торговой республики, могут обеспечить лишь *чрезмерную* прибыль этим торговцам; но одна только свобода торговли может обеспечить благосостояние государств. Значительная торговая навигация, которая обогащает торговцев, не обогащает великих наций. Торговцы пользуются богатствами нации, но нации не пользуются богатствами торговцев. Купец является иностранцем в своем отечестве, ведя торговлю с своими согражданами, так же как и с иностранцами. Отеческим достоянием (*le patrimoine*) нации является земля. Отеческое же достояние торговца-перепродавца составляют барыши, уплачиваемые ему нацией. Таким образом, значительный торговый флот (*который не следует смешивать с военным флотом*) не составляет части Достояния земледельческих наций; последним нечего и претендовать на этот флот; напротив, они должны быть независимы от него и ни на что не полагаться, кроме своей территории.

Если, для того чтобы рассеять предрассудки, требуется сделать эти истины более наглядными, то достаточно сравнить состояние Испании в то время, когда ее торговый флот появлялся во всех частях земного шара, когда она открыла и разорила новую часть света, столь громадную и столь неизмеримо богатую, и вскоре затем сама разорилась; сравнить состояние ее в это время, говорю я, с тем благоденствием, которым она пользовалась задолго до этого, когда ее территория тщательно и прилежно культивировалась, а все торговое мореплавание сводилось к простой, мало развитой каботажной торговле.

«Мавры владели наиболее богатыми провинциями этого счастливого королевства, которые были в то время (в десятом и последующих столетиях) чрезвычайно населены. В одной только Кордове, бывшей столице Мавританского государства, насчитывали двести тысяч домов, шестьсот мечетей и девятьсот общественных бань. Арабский историк, у которого заимствовал я эти подробности относительно Кордовы, говорит, что в его время имелось в Испании двадцать четыре больших города, триста городов второго и третьего порядка, и бесчисленное количество деревень и поселков; на

берегах Гвадалквивира насчитывалось их, по словам историка, до двенадцати тысяч».

«Доходы испанских калифов из династии Омайядов доходили во время Абдур-Рамана до *12 миллионов 500 тысяч динаров* (или пистолей) деньгами, что и а наши деньги составляет более *130 миллионов**; кроме того, громадное количество налогов уплачивалось натурой, произведениями земли, оценить которые было бы трудно; но достоверно то, что они взимались с продукта земель (*produit des terres*), следовательно, должны были быть очень значительны у такого земледельческого, трудолюбивого и многочисленного народа, который поднял земледелие до такой степени совершенства, что превосходил в этом отношении все прочие народы». (*История Африки и Испании под владычеством арабов.*)

Правда, арабы владели большей половиной Испании; однако и та часть ее, которая находилась под господством христианских принцев, вынужденных обороняться от столь могущественного врага и вести с ним постоянную войну, должна была образовать столь же могущественное государство, как и государство ее столь сильных соседей. Отсюда можно представить себе, какие значительные богатства должна была производить территория Испании и как многочисленно должно было быть население столь богатой страны. Варварские войны того времени, сопровождавшиеся опустошениями, грабежом и пожарами, постоянно разрушали большую часть богатств этого королевства, но культура его восстанавливала убыль, исправляла последствия опустошений и поддерживала благоденствие и численность населения на высоком уровне. Те, которые считали тогда население Испании равным пятидесяти миллионам жителей, не преувеличивали, говоря о состоянии богатств страны, ежегодная сумма воспроизводства которых должна была равняться от *9 до 10 миллиардов* на нашу настоящую монету.

* Ценность денег сравнительно с ценностью съестных припасов, превышала тогда почти вдвое ценность денег настоящего времени, так как со времени открытия рудников Америки деньги стали гораздо менее редки. Это открытие вызвало прекращение разработки серебряных и золотых рудников в Испании, потому что стоимость труда по их разработке не окупалась добываемым продуктом. Таким образом, этот доход в *130 миллионов* равняется по крайней мере *260 миллионам* на наши деньги.

Настоящее положение ЗТБТо корблевстей дбс+атоднб известно, чтобы его можно было сравнить с положением того времени и признать, что отнюдь не морская торговля обогащает нации; она может обогатить только торговцев, которые, наживая богатства на счет нации, удерживают их исключительно для самих себя. Напротив, земледельцы делят продукт своих трудов с государем и собственниками земель; *ибо один только производительный труд может покрыть издержки производства и доставить, кроме того, излишек богатств, который образует доход наций; этой самой выгодой он существенно отличается от бесплодного труда, расходы во время которого нужно предварительно покрыть и в результате которого является одно только возмещение этих расходов.*

Придерживаясь этих столь широких взглядов, посланник Генриха IV заключал договор с голландцами. «Это морское пространство, — говорил он им, — которое делите вы бесспорно только с Англией, является предметом раздора между вами; вы хорошо знаете, что как ваши богатства, так и богатства Англии добываются благодаря только морской торговле. Что же касается Франции, богатой как своей собственной почвой, так и тем, что последняя производит из недр своих, то она мало заботится о море».

Нации, занятые морской торговлей, могут насчитать большое количество богатых торговцев, но государство в подобных случаях остается всегда бедным. Государственный доход не имеет никакого касательства к этим богатствам. Своим блеском Карфагенская республика обязана была одному богатому городу, фактории торговцев, привязанных единственно к своим сокровищам и мало заботившихся о государственных потребностях даже в то время, когда им грозила участь подпасть под владычество римлян.

Чтобы не запутаться в столь важной и до сих пор столь мало изучавшейся теме, о которой мы рассуждаем, следует тщательно различать торговые сношения на почве свободной конкуренции и самую торговлю; это два совершенно различные явления. Исключительные привилегии или другие вредные причины могут стеснить свободную конкуренцию в ущерб стране, ничуть не стесняя торговли. Каждая страна несет потери,

Котбрыё нѣбТделимы от эТх прѣпйКствий и не могут быть приписаны торговле, и последняя не может избавиться от этого бедствия сама собой, разве только с помощью того, что *монополия* называет *контрабандой*.

Действие торговых сношений при наличности свободной конкуренции заключается в установлении общего уровня цен в различных странах, торгующих друг с другом. Это всемирное уравнивание цен создает естественный уровень цен, при котором нации ничего не теряют ни от обмена, ни от неравенства цен. Я говорю, что это есть естественное состояние цен, так как свободная конкуренция торговли является естественным свойством торговли повсюду, где только эта конкуренция облегчена перевозкой и мореплаванием, так что хорошие дороги, реки, каналы, море поднимают слишком низкие цены и могли бы с большим основанием, чем торговля, считаться *производительными*, если бы посредством не совсем точного языка попытались смешать средства и побочные условия с действительной причиной воспроизводства богатств.

При господстве в торговле свободной конкуренции страна не должна в ущерб своим интересам покровительствовать более своим торговцам, чем иностранным; она должна стремиться к возможно выгодной цене для своих продаж и покупок, чтобы получить возможно большее количество вещей, какие только может доставить себе при помощи обмена. Это наибольшая выгода какую она может обеспечить себе в своей торговле, так как, чем больше вещей, годных для потребления людей, может добыть она, тем большее количество людей может просуществовать на эти предметы. Вели же она стремится в ущерб конкуренции в своей торговле увеличить состояние своих торговцев-перепродавцев, она уменьшает этим самым свои богатства и население, ибо эти состояния образуются не только на счет доходов государя, земельных собственников и лиц, имеющих право на получение десятины, но и в явный ущерб для них; издержки этих классов делаются всегда к выгоде всех прочих жителей.

Лишь эти доходы, эти богатства, которыми можно располагать по усмотрению, увеличивают население и свободное и прибыльное применение труда. Чем больше этих богатств и труда будет затрачено на культуру зе-

мель, предложение дорбг и каналов, улучшение **речьих** путей сообщения, тем сильнее увеличатся годовые богатства вследствие возрастания продуктов и сбережения на торговых расходах внутри государства.

М. Х. — Я выслушал с большим вниманием, мой друг, ваше длинное возражение, ваше отступление к истории Испании и в особенности ваше заключительное рассуждение. Но, согласно с вашими же собственными принципами, не следует ли на те богатства, которыми можно располагать по усмотрению и необходимость которых вы заставили признать, соорудить и увеличить торговый флот и занять в нем большое количество досужих людей, которые своими издержками содействовали бы сбыту произведений и обеспечивали бы ежегодное воспроизводство этих богатств?

М. Н. — Без сомнения, это было бы возможно и еще более увеличивало бы богатства торговцев на счет нации; она пожертвовала бы таким путем свои доходы на создание торгового флота к выгоде своих торговцев, которые являются в такой же степени ее торговцами, в какой и иностранные торговцы.

Еще раз повторяю, торговым мореплаванием следует обеспечивать не только сбыт произведений, но также и возможно выгодную цену для покупок и продаж, т. е. возможность продавать за границу возможно дороже и покупать там возможно дешевле, не причиняя при этом несправедливости. Сбыт всегда обеспечивается в достаточной степени внутренней торговлей государства, ибо в потребителях, которые обыкновенно не потребляют столько, сколько им хотелось бы, недостатка никогда не будет.

Если вы в ущерб себе умножите исключительные привилегии в денежных профессиях, те, которые будут в них заняты, не замедлят увеличить свои издержки на счет остальных граждан. Вследствие этого ремесленники с большей силой будут соперничать в возвышении рабочей платы к выгоде ремесленного производства, так как все хотят потребить более, того, чего они не потребляют, и содействовать сбыту по мере возможности. Побуждать их к этому совсем не представляется необходимости. Всегда и всюду существует возможно больший сбыт, ибо он отсутствует лишь в том случае, когда потребители слишком бедны для того, чтобы быть

Иногда покупатели, а они бываюТ еще более бедны, когда низкие цены произведений уничтожают богатства. Падение цен не уменьшает нужды в потреблении; эти потребности всегда превосходят количество потребляемых предметов, в особенности же в те времена, когда последние обесцениваются вследствие бедности потребителей. Низкая цена потребляемых предметов не увеличивает их количества; напротив, она препятствует их воспроизводству, разоряет земледельцев, уничтожает национальный доход и рабочую плату. Последняя всегда соразмеряется с состоянием доходов, доходы — с состоянием цен, сбыт—с состоянием рабочей платы, которая может отсутствовать лишь в случае отсутствия предшествующих причин. Доходы, цены и рабочая плата покоятся, стало быть, не на сбыте. Наоборот, сбыт находится в зависимости от цен, доходов и рабочей платы: он бывает при всевозможных ценах и отсутствует лишь тогда, когда цены и способность покупать исчезают. В подобных случаях люди бывают вынуждены вести образ жизни диких племен, которым поиски съестных продуктов, производимых естественным образом землею, восполняют по возможности количество покупок, т. е. то, что мы называем сбытом. В этом состоянии при отсутствии ограниченной собственности, богатства и культуры все люди становятся собственниками. Но так существовать могут лишь некоторые немногочисленные народности, разбросанные по обширным пустыням и неспособные образовать ни политического тела, ни нации.

Население может возрастать лишь при наличии продуктов, получаемых посредством обработки земли, и не может разбогатеть и обеспечить прогресс культуры иначе, как при выгодной цене в своих продажах и покупках. Эту выгодную цену страна может обеспечить себе лишь при свободной конкуренции в своей внешней торговле, т. е. с помощью свободной конкуренции торговцев-перепродавцев, как туземных, так и иностранных, ибо они, изобилуя в стране, довольствуются меньшим вознаграждением и обеспечивают установление общих цен, имеющих место среди других стран. Лишь с помощью этой двойной выгоды <в сбережении торговых расходов и в установлении общей цены для всех стран обеспечивается возможно лучшая цена при про-

Дйжах и покупках Следовательно, не затратой доходов на сооружение и увеличение торговых кораблей и усиленного занятия людей в этих работах может народ сделать свою торговлю наиболее выгодной, так как работы и сбыт поддерживались бы при этом на счет самой страны. Поэтому выгода может заключаться в подобных случаях лишь >в сбережении, а не в увеличении торговых расходов, которые в конце концов падают на страну и постоянно стремятся стеснить конкуренцию среди иностранцев, которая одна может вполне обеспечить установление общих цен и сбережение на торговых расходах, выгодное для всей страны

МХ — Вам сто раз возражали, что такая большая страна, как Франция, обладающая выгодными, удобными и вполне пригодными для развития большой внешней торговли гаванями, должна быть рассматриваема не только как земледельческая, но и как торговая страна.

М Н — Если вы хотите сказать этим, что великая земледельческая страна, которая имеет много произведений к продаже и нуждается в совершении многих покупок посредством продажи продуктов, есть *торговая* нация внутри и вне своей страны, то можно согласиться с вами, что даже и колонны — торговцы, точно так же как и все прочие обитатели земледельческого государства И действительно, они своей деятельностью дают основание торговле Но это не та торговля, о которой говорите вы и которая, являясь посреднической торговлей, зависит от только что названной и образует особую профессию, предназначенную к услугам земледельско-торговой нации Это занятие отправляется внутри страны главным образом туземцами, а вне ее — туземцами и иностранцами. Не эти ли туземцы, занятые в этой посреднической внешней торговле, побудили вас рассматривать земледельческую нацию как земледельческую и торговую в одно и то же время^ С этой точки зрения она показалась бы нам гораздо менее *торговой*, какую она не является в действительности, так как подразделяется на несколько общественных групп, занятых во многих других занятиях, которые все зависят от богатств, производимых посредством культуры земли Вы могли бы^т сказать, что земледельческая нация есть не только *торговая* нация, но еще с большим

основанием назвать ее *нацией рантье, финансистов, нищих* и т. д. И вы нашли бы, что в качестве торговой нации в вашем смысле она, хотя и была бы необходимой, но благодаря своим потребителям, издержки которых представляются вам столь выгодными для сбыта наших произведений, заслуживала бы гораздо меньшего внимания, чем *нация рантье* или *финансистов*. Последняя с этой точки зрения должна была бы привлечь гораздо большее внимание, так как вы думаете совсем просто, что здесь идет речь лишь о том, чтобы платить потребителям для покупки и потребления наших произведений. Но вы должны были бы также знать, что при этом условии вы никогда не будете ощущать недостатка в потребителях; между тем это именно условие может отсутствовать у вас, если только вы не позаботитесь о том, чтобы оно действовало к-возможно большей выгоде воспроизводства. О мой друг! Вы не рассматриваете здесь морскую торговлю с настоящей точки зрения, которая была бы наиболее выгодна для наций. Благодаря установлению связей и уравниванию цен, которые торговля производит между разными странами, она доставляет прибыль всем странам, а отнюдь не богатствами, которые похищают у наций барыши торговцев, пользующихся их услугами, причем безразлично, обитают ли они в этих странах или нет.

М. Х. — Чем более я вас слушаю, тем труднее представляется мне согласиться с вами. Разве, наконец, барыши туземных торговцев-перепродавцев не являются в то же время богатствами для нации?

М. Н. — Нет, не являются. Интересы этих торговцев совершенно противоположны интересам нации. Нация должна стремиться к возможно большему сбережению на своих торговых расходах, торговцы же стремятся увеличить, насколько могут, издержки нации на эти расходы ради увеличения своих барышей в ущерб нации; и они ничего ей не дают, чего бы она ни оплатила им точно так же, как и иностранным купцам. Таким образом, богатства туземных торговцев совершенно отличны от богатств нации, за исключением только торговых республик, где торговцы являются одновременно государем, государством и народом. Что же касается до прочих государств, которые оплачивают эту торговлю перепродавцев, то ясно, что и свои и чужие купцы оди-

накойо *чужды* странам, с которыми они ведут Оту разо* рительную торговлю.

М. Х.— Но те состояния, которые образуются из торговых барышей перепродавцев, разве они не возвращаются обратно к нации, когда богатые торговцы перестают заниматься торговлей или когда их состояния переходят к наследникам, выбравшим другие занятия?

М. Н. — Нужно рассмотреть ваше возражение. Разве владельцы этих богатств займутся земледелием? Нет, они слишком богаты для того, чтобы обременять себя заботами по ведению сельских работ и лишиться себя общественных удовольствий и развлечений города. Купят они землю? Это очень правдоподобно, но этим они не увеличат ни количества земель, ни количества собственников; так как земли, которые продаются, меняют только собственников, не меняя ни местоположения, ни пространства. Приобретут они разного рода обязательства (de charges) или ренты? И это может быть, но в таком случае они обратят свои богатства в ложные доходы, которые отнюдь не обогащают нации, а ведут только к тому, что те, которые занимают деньги, впадают в долги, совершенно их разоряющие.

Ах мой друг! Вы можете хорошо спорить, анализировать, приводить многочисленные возражения против приводимых фактов, но в конце концов вы согласитесь, что лишь богатства, затрачиваемые на удобрение земли, обогащают государства, так как истинными богатствами являются продукты, которые ежегодно рождаются из земли. Без этого воспроизводства прочие богатства, те состояния, которыми вы хвастаетесь, богачи и бедняки, все это тотчас бы исчезло бы. Источник богатств, добываемых бесплодным трудом, иссяк бы очень быстро, если бы эти богатства были употреблены для удовлетворения жизненных потребностей и не были потом восстановлены при помощи труда, затраченного «а культуру земель.

Те, которые стали бы содействовать благосостоянию государств этим родом богатств, поступили бы как дети, которые ценят в саду гораздо более цветы, насаженные в клумбах, чем овощи и плодовые деревья. *Десять миллиардов*, расходуемые в бесплодном занятии в продолжение двадцати лет, все время будут оставаться теми

же *десятью миллиардами*. Тогда как *десять миллиардов*, помещенных в земельные предприятия, принесут в двадцать лет *десять миллиардов*, из коих пять миллиардов будет употребляться ежегодно на средства существования без ущерба для первоначального капитала (*premier capital*). Таким образом, *десять миллиардов*, употребленные на те же средства пропитания, но не производимые ежегодно, были бы совершенно и безвозвратно издержаны (в продолжение двух лет).

Вот как следует думать о всех денежных богатствах государства, которые, ослепляя народ и представляя собой обманчивый ресурс для заемщиков, не могут быть в великом государстве ни чем иным, как бесплодными, преходящими сокровищами, раз отсутствуют богатства, идущие на применение культуры и возобновляющие ежегодно все издержки страны.

М. Х. — Допустим, что денежные богатства представляют из себя бесплодные и преходящие сокровища, если вам это нравится, но раз вы признаете, что они образуют сокровища, все разногласие между нами должно исчезнуть. Не можете же вы отрицать, в самом деле, что наши торговцы накапливают благодаря своим барышам денежные богатства. Я знаю, вы скажете, что их *барыши уплачиваются страной*. Но это верно лишь относительно одной части этих барышей. Наши торговцы ведут торговлю с другими странами так же, как и с нашей. Они наживаются, стало быть, также и на счет других стран. Я охотно признаю, что та часть их барышей, которая уплачивается нами, не является приростом богатств. Но вы в свою очередь должны признать, что та часть барышей, которая уплачивается нашим торговцам иностранцами, представляет из себя настоящее увеличение богатства для страны и что, таким образом, их торговля *производительна*, по крайней мере с этой точки зрения.

М. Н. — Вы забываете, что если наши торговцы выигрывают на счет прочих стран, то иностранные торговцы выигрывают таким образом на наш счет. Следовательно, с этой точки зрения страны не имеют никакой выгоды друг перед другом. Расходы по обоюдной торговле уравниваются точно так же, как и барыши торговцев тех стран, которые торгуют друг с другом. Торговцы ввозят, вывозят и наживаются по очереди на

счет каждой страны. Таким образом, при свободной конкуренции во внешней торговле ни одна страна не пользуется каким-либо преимуществом по отношению к обоюдным барышам торговцев. При отсутствии же полной свободы конкуренции расходы увеличиваются и становятся обременительными для стран, изгнавших у себя эту свободу.

С какой бы точки зрения вы ни смотрели на барыши торговцев какой-либо страны, вы заметите, что эти барыши суть не что иное, как расходы, уплачиваемые этой страной или различными странами, взаимно обремененными этим родом издержек в соответствии с торговлей, которую они ведут между собой.

Торговые расходы всегда уплачиваются на счет тех продавцов продуктов, которые получали бы полностью цену, платимую покупателями, если бы вовсе не было посредствующих расходов. Следовательно, мы покрываем расходы при продаже наших произведений иностранцам, а последние уплачивают таким же способом расходы при продаже своих произведений нам. Прибавьте и вычтите с той и другой стороны барыши, которые составляются этими обоюдными платежами расходов разными торговцами всего света, занятыми в торговле всех наций, и вы найдете всюду лишь компенсацию расходов, вызванных этой посреднической торговлей.

Правда, эти расходы могут увеличить богатства торговцев, получающих от них прибыль, но не богатства стран, обоюдно их оплачивающих. Так как, повторяю это еще раз, торговцы совсем не допускают к пользованию своими богатствами народа, тогда как сами пользуются богатствами последнего.

М. Х. — Я знаю, что торговцы, покупая наши произведения, продают свои деньги за эти произведения или обменивают ценность на равноценность, при этом, как вы мне говорили, совсем не происходит возрастания богатств страны. Но ведь торговцы в этом случае делают то же, что и другие люди, собственники и даже земледельцы, которые также продают свои деньги за произведения или свои произведения за другие, т. е. обменивают ценность на равноценность. Как же различие находите вы между этими двумя сходными операциями, которое дало бы вам повод отнести торговлю

к *бесплодным* профессиям, а земледелие — украсить почетны^м названием *производительного* занятия.

М. Н. — Различие существует, мой друг, довольно осязаемое; торговцы не могут ни увеличить своих богатств, ни оплатить своих издержек, пока им самим не будет уплачено то вознаграждение, которого заслуживают их труды в качестве перевозчиков и содержателей магазинов. Одной рукой они получают вознаграждение, другой расходуют его. Они не могут издержать одним су больше того вознаграждения, которое было им уплачено продавцами произведений при обоюдных продажах и покупках, посредниками коих были торговцы. Их труд состоит только в том, чтобы перемещать богатства из одних рук в другие; так что по существу своему он является исключительно *бесплодным* в строгом смысле этого слова. Наоборот, земледельцы и собственники, делящие между собой те *произведения*, появление которых вызывают земельные издержки (*défenses foncières*) собственников вместе с первоначальными и годовыми затратами и трудом земледельцев, ежегодно возобновляемыми, ничего не получают иначе, как из рук самой природы, которую их затраты и труды сделали производительницей богатств. С помощью этих богатств, которые они воспроизвели, они оплачивают те покупки, которые совершают друг у друга, и посредничество торговцев в этих взаимных покупках. Торговцы, стало быть, ничего не оплачивают сами; им сначала платят для того, чтобы они были в состоянии производить платежи; их издержки не являются в действительности их издержками, но лишь частью того фонда издержек, который производят собственники и земледельцы, платящие за них. И вы меня спрашиваете: какое различие нахожу я в этом отношении между земледельцами и собственниками, с одной стороны, и торговцами, с другой? Разве, на ваш взгляд, не имеется никакого различия между универсальными плательщиками' всех издержек общества и теми, которые лишь участвуют в расходовании этих издержек, не будучи в состоянии произвести их; между плательщиками заработной платы и наемными рабочими.

М. Х. — Я вам сказал, что я согласен с этими принципами по отношению к внутренней и той части внешней торговли, расходы по которой уплачиваем мы. Но

мы расходимся во взглядах на ту часть расходов по внешней торговле, которая уплачивается нашим торговцам иностранцами и дает им возможность покупать наши произведения для собственного своего потребления. Так как в конце концов мы нуждаемся в потребителях, которые покупали бы наши произведения; для нас выгодно, если последние оплачиваются иностранцами. Вот почему вы не можете говорить, что мы уплатили в данном случае торговцам то, что они уплачивают нам при покупке наших произведений.

М. Н. — Вы возвращаетесь, кажется, к старому. Вспомните, что мы отметили три вещи: во-первых, то, что та прибыль, которую другие нации могут уплачивать нашим торговцам, уравнивается естественным образом той прибылью, которую уплачиваем мы торговцам других наций; во-вторых, то, что при наличности свободной конкуренции в своей торговле каждая нация пользуется наибольшим сбытом своей продукции по возможно выгодным ценам, причем барыши торговцев бывают в подобном случае, так же как и их издержки, наименьшими; в-третьих, то, что при отсутствии свободной конкуренции торговля, сбыт и цены на продукцию устанавливаются к крайней невыгоде для наций, последняя не может быть вознаграждена за потери, причиняемые ей отсутствием конкуренции, барышами своих торговцев, хотя бы эти барыши всецело уплачивались иностранцами; чего никогда не бывает и никогда не может быть, в особенности же в том случае, который встречается наиболее часто, а именно когда иностранцы в силу репрессалий запрещают купцам других стран торговать своими вывезенными произведениями, вследствие чего торговцы эти лишаются всякого рода барышей, а торговые расходы сильно увеличиваются с той и другой стороны, к взаимной невыгоде обеих наций.

М. Х. — Как! Если мы обеспечим себе выгодный торговый баланс, который увеличит наши денежные запасы, разве мы не в состоянии будем оплатить большее количество потребителей и дать им возможность покупать и потреблять нашу продукцию?

М. Н. — Вы не ожидаете, конечно, этой выгоды от нашей торговли с Восточной Индией и тем не менее вы думаете вместе с лицами, заинтересованными в этой торговле, что она для нас очень выгодна. Та выгода,

которая состоит в денежном балансе и к которой клонятся ваши виды, не является, конечно, целью наших торговцев в Восточной Индии. Они сообщили бы вам, что этот денежный баланс есть химера политических спекулянтов, которую не следует осуществлять во внешней торговле; последняя и без того всегда выгодна в силу тех барышей, которые она доставляет в виде товаров или денег. По правде, во всех подобных случаях говорит частный интерес, и нам следует остерегаться его рассуждений, всегда очень коварных и подтасовывающих к своей выгоде доводы за и против притом всегда, вплоть до наших дней, с успехом, которого нам следовало бы стыдиться.

Без сомнения, что вы считаете денежный баланс выгодным не в силу тех барышей, которые доставляет он торговцам? Так как барыши их всегда обеспечены и отделены от национального имущества и вполне независимы от рассматриваемой выгоды денежного баланса, притом барыши эти могут быть одинаково барышами как туземных, так и иностранных купцов, ибо выгодный денежный баланс может быть достигнут лишь при обширной торговле, в которой количество продаваемых продуктов превышает количество покупаемых. Обширная торговля может преуспевать, стало быть, лишь при полной и свободной конкуренции покупателей всех наций.

Следовательно, для того чтобы получить выгодный денежный баланс, следует более продавать, чем покупать. Но мы замечаем при этом одно только начало торговли, — так как страна продает вещи, способные обращаться в торговле, лишь для того, чтобы купить вещи, пригодные для ее пользования. Лишь своими покупками она завершает свою торговлю и тем самым уничтожает наконец эту хваленую выгоду денежного баланса. Вообще ни одна страна не продает своих произведений с целью накопить себе сокровища; такой торговлей она привела бы свое земледелие к упадку, и хваленая выгода денежного баланса оказалась бы для нее очень убыточной. Вы ведь знаете, что торговля должна вернуть в конце каждого года в руки земледельца всю ценность произведений, проданных для уплаты дохода земельным собственникам, для того, чтобы работы по возделыванию земель могли продол-

жаться. Как же Допускаете вы торговлю, которая обес- печивает выгодный денежный баланс?

М. Х. — Как вы сами не замечаете, что вместе с за- ключением выгодного *денежного баланса* страна завер- шает у себя свою торговлю, оплачивая потребителей, которые покупают и потребляют ее произведения?

М. Н. — Но вы забываете, что страна эта, согласно с вашей гипотезой, продала иностранцам произведения для того, чтобы получить деньги; что количество ее произведений, способных обращаться в торговле, огра- ничено; так что, когда они проданы или обменены за Деньги, она завершает свою торговлю покупками, а не продажами? Вы, конечно, скажете, что *эти покупки она делает у самой себя, т. е., как я выражаюсь, она опла- чивает потребителей* (с'est que j'appelle payer des con- sommateurs). Согласно с этим ходом ваших рассужде- ний следовало бы также и то, что потребители должны отправиться выкупать те продукты потребления, кото- рые страна продала за границу. Разве в этом заклю- чается выгода вашего денежного баланса? Но в таком случае эти деньги снова вернулись бы к иностранцам, и все расходы по такой торговле пали бы на вас. Избегайте же по возможности этой хваленой выгоды денежного баланса и заметьте, что самой выгодной торговлей, ка- кую только может вести нация, является ее внутренняя торговля; эта торговля регулируется ценами, которые устанавливаются в торгующих странах и пользование которыми обеспечено ей благодаря полной и совершен- ной свободе во всякого рода торговле. Внутренняя тор- говля избегает всех расходов внешней. Правда, это сбережение делается ко вреду торговцев, заинтересо- ванных обыкновенно в том, чтобы влиять на вас заманчи- вой выгодой денежного баланса. Они знают, что простой народ чрезвычайно расположен верить тем, которые увлекают его возможностью нажить деньги; но они иначе рассуждают, когда идет речь об их торговле в Восточной Индии, которая поглощает наше серебро без возврата. Тогда они ставят вам на вид, что конеч- ной целью торговли является обмен денег на товары и Кто только благодаря нашим покупкам торговля для нас выгодна. Таким образом, при продажах ли, при Покупках ли они всегда указывают нам на выгоду мор- ской торговли, которая всецело служит к их выгоде.

Все это трудно раскрыть тем, которые не занимаются этой профессией; почему софизм всегда торжествовал в подобных случаях и убеждал нас, что торговля перепродавца *производительна*, что только она достойна внимания правительства и названия торговли. Таким то образом естественные узы различных обществ превратились в роковое пламя раздора между морскими нациями, а заключение договоров об исключительной торговле стало главной целью дипломатических переговоров и политики⁶.

М. Х. — Все страны всегда чрезвычайно заботились о выгодном денежном балансе во внешней торговле; это — несомненный факт. Так что я никак не могу убедить себя в том, что выгода эта нереальна.

М. Н. — Нация не может обеспечить себе выгодного *денежного баланса* иначе, как увеличивая свои продажи иностранцам и уменьшая свое потребление. Нельзя не согласиться, что частный человек может подобным путем посредством сбережений скопить себе состояние на счет других; я говорю — на счет других, так как сокращение издержек со стороны этого человека является сокращением прибыли для других людей. Но разве может обогатиться народ, ведя себя таким образом? Рассмотрите в *Экономической таблице* ход обращения денег и распределение ежегодно воспроизводимых богатств и посмотрите, могут ли три класса граждан найти какую-либо выгоду для себя в подобном сокращении издержек? Издержки земледельца ограничены в этой таблице теми, которые он обязан делать, чтобы поддержать свою культуру; если вследствие отсутствия сбыта в стране он вынужден будет увеличить количество продаж иностранцам и уменьшить свои издержки, то он уменьшит этим самым свою жатву, соответственно с чем уменьшится также количество его продаж. Разве такое поведение может обогатить его? Если собственник приостановит обращение дохода, который выплачивается ему земледельцем деньгами, он уменьшит свои покупки у *производительного* и *бесплодного* класса и уменьшит средства существования последнего класса пропорционально своему сбережению. Если, наконец, *бесплодный* класс начнет сберегать, чтобы увеличить свою казну, и если жатва уменьшится в соответствии с сбережениями земледельца и собственника, труды и прибыли названного

класса уменьшатся в той же пропорции; следовательно, и этот класс необходимо придет в упадок. Мы видели, что вследствие подобного поведения *производительного* класса становится также неизбежным и упадок годового воспроизводства богатств. Стало быть, уничтожение дохода собственников является необходимым следствием упадка годового воспроизводства богатств, который влечет за собой уменьшение продаж за границу, уменьшение народонаселения и массы циркулируемых денег.

Таким образом, страна, которая посредством внешней торговли стремилась бы обеспечить себе выгодный денежный баланс, совершенно разорилась бы.

Но любопытнее всего во мнении сторонников выгодного денежного баланса то, что они указывают на распространение роскоши как на одну из выгодных сторон его; между тем оно уравнивает по крайней мере расходы с доходами, полученными при помощи баланса; другими словами, уравнивает потребление с производством, покупки с продажами. Ясно, следовательно, что согласно даже с вашим мнением, вы не должны рассчитывать на иное возрастание богатств, кроме того, которого можно достигнуть культивируя земли и сокращая роскошь для того, чтобы увеличить с выгодой издержки на эту культуру.

М. Х. — Несмотря на все ваши руссуждения, я вижу, однако, еще то, что, чем больше будем мы продавать иностранцам и чем менее будем покупать у них, тем более увеличим мы также наш денежный фонд, не прибегая к каким-либо сбережениям.

М. Н. — И я, мой друг, замечаю одно противоречие в ваших идеях. Если вы исключаете сбережения, то вы должны допустить по меньшей мере потребление, равное вашему годовому воспроизводству; откуда следует, что купить за границей другие произведения, в которых почувствуете потребность, дабы привести ваше потребление или же, если вы продадите их, вы принуждены будете купить за границей другие произведения, в которых почувствуете потребность, привести ваше потребление в соответствие с вашим годовым воспроизводством. Таким образом, вы продадите иностранцам не более того, что купите у них. Если вам случится ошибиться, продав им часть произведений, потребить которые должны были бы вы сами, то вы обязаны будете снова

купить их и оплатить расходы по этой торговле. Правда, вы можете в таком случае увеличить денежный баланс к выгоде ваших торговцев, но это будет на ваш счет.

М. Х. — Это, может быть, и справедливо по отношению к торговле произведениями земли, но по отношению к торговле изделиями ручного труда это не совсем так.

М. Н. — Почему же не так? Разве вы не замечаете, что те, которые изготавливают эти изделия, продают их лишь для того, чтобы купить произведения, в которых чувствуют нужду? Таким образом, их покупки уравновешиваются их продажами; причем к этой торговле, которая по существу своему является всегда торговлей произведениями земли, страна не получает какого-либо выгодного денежного баланса.

М. Х. — Для получения выгодного денежного баланса посредством внешней торговли достаточно, чтобы наши продажи превысили наши покупки, так как те издержки, которые народ делает у себя дома, не влекут за собой вывоза денег из государства. Таким путем можно согласить выгоду, получаемую страной от роскоши, с выгодой, доставляемой ей денежным балансом.

М. Н. — Вы не можете продать иностранцам тех товаров, которые потребляете сами у себя на родине. Масса богатств, способных обращаться в торговле, ограничена годичным воспроизводством вашей территории. Таким образом, чем более потрeбите вы их, тем менее останется у вас денег и тем менее будете вы в состоянии купить на них потребные для вас товары, которых не производит ваша территория. Ваша внешняя торговля окажется в таком случае сильно стесненной; незначительно будет и количество меновых сделок между вами и иностранцами. Не стесняя ли, таким образом, вашу внешнюю торговлю, надеетесь вы получить выгоду от денежного баланса и роскоши? Разве это последовательно?

Перестаньте, мой дорогой друг, рассматривать международную торговлю как войну с неприятелем, и средство грабежа. Убедитесь наконец, что вы не можете увеличить ваших богатств и наслаждений (*jouissances*) за счет других путем торговли. Ваш единственный интерес по отношению к этому естественному пользованию вашим правом собственности на принадлежащие вам продукты состоит в предоставлении этому пользованию

полнейшей свободы, с тем чтобы возможно больший конкуренция покупателей и продавцов обеспечила вам возможно высшую цену при продаже ваших произведений и наиболее низкую цену при покупке иностранных произведений; это повлечет за собой наибольшее приращение к продуктам вашего земледелия и доставит вам единственно верные и солидные средства увеличить вашу торговлю, ваши богатства и наслаждения.

М. Х. — Стоит только сильно увеличить количество ремесленных изделий, для того чтобы вы были в состоянии как потребить сами, так и продать значительное количество их иностранцам. Последние, уплачивая вам за эти изделия деньгами, обеспечат вам этой торговлей выгодный денежный баланс, а с ним вместе и выгодное развитие роскоши.

М. Н. — Чем более увеличите вы количество ремесленных изделий, тем более увеличите вы также количество фабрикантов и ремесленников, которые будут покупать у вас или у иностранцев продукты для своего существования и сырой материал для своих изделий. Те произведения, которые они купят у вас, вы не в состоянии будете продать за границу. Те же, которые они купят у иностранцев, унесут деньги, которые получают последние за продажу своих изделий; таким образом, эти деньги не будут содействовать вашему денежному балансу. Те произведения, которые фабриканты и ремесленники купят у вас, уменьшат количество продуктов, продаваемых вами иностранцам; так что вы получите от последних настолько менее денег, насколько количество продаж, которые совершите вы у них, будет уменьшено покупателями, которые ваши фабриканты и ремесленники сделают у вас. Ваше возражение предполагает, таким образом, что продаваемые вами произведения исполняют двойное назначение, нелепость чего вы легко заметите. Кроме того, вы хорошо знаете, что, для того чтобы увеличить количество продавцов ремесленных изделий, следует также увеличить количество покупателей. Вы ничего не выиграете в том случае, если умножите количество первых, не увеличив количества вторых. Необходимо, стало быть, обогатить предварительно иностранных покупателей, и только тогда вы будете в состоянии расширить свою внешнюю торговлю ремесленными изделиями и обогатиться в свою

очередь посредством торговли за счет иностранцев. Разве ваша торговая политика может достигнуть зараз этих двух противоположных условий?

М. Х. — Моя политика отнюдь не страдает противоречиями. Я не имею ни малейшего желания обогащать иностранцев, а хочу только обеспечить нам торговый баланс за их счет.

М. Н. — Я замечаю, мой друг, что вы так заняты этим балансом, что не достаиваете даже выслушать меня. Посмотрим, не придем ли мы к соглашению, если я вернусь несколько назад к тому, о чем говорил ранее; тогда, может быть, вы поймете меня скорее.

В чем именно заключается та самая выгода, которую вы хотите достигнуть и которую называете денежным балансом?

М. Х. — Вот прекрасный вопрос! Я уже говорил вам, что мне хотелось бы, чтобы мы продавали иностранцам более, чем покупали у них.

М. Н. — Это представляется мне трудным, так как в действительности *каждая покупка есть продажа и каждая продажа есть покупка*. И я не вижу, каким путем могло бы осуществиться ваше желание; разве только бы согласитесь продавать иностранцам продукты и товары, за которые они ничего не будут платить вам. В таком случае вы действительно больше продадите, чем купите, если только это можно назвать продажей. Но я сомневаюсь, чтобы такая продажа была выгодна.

М. Х. — Это не то, что я хочу сказать; я утверждаю, и вы хорошо это знаете, что иностранцы уплатят деньгами излишек тех продаж, которые мы совершили у них и которые превзойдут сумму ваших покупок.

М. Н. — В таком случае, вы так же плохо выразились, как и те писатели, у которых заимствовали вы свои идеи и выражения; и это все, что хотел я в данном случае отметить. Вместо того чтобы сказать, что вам желательно, чтобы наши продажи превысили наши покупки, что физически невозможно, следовало бы совершенно просто сказать, что вы хотите купить деньги за свои произведения. В этом же я вовсе не вижу той большой выгоды, которая вас поражает. Мне кажется, что иностранец при этом торге не даст вам такой суммы денег, которая превышала бы ценность продаваемых ему произведений.

Вы, конечно, не скажете мне, что *деньги иностранцев стоят дороже ваших товаров*. Если бы они стоили дороже, то другие страны, которые не в большей степени простодушны, чем вы, не дали бы их в обмен, потому что обмен этот совершается свободно с обеих сторон, что и доказывает, что обе ценности, обмениваемые друг на друга, совершенно равны. Следовательно, если деньги других стран стоят ваших товаров, а ваши товары стоят этих денег, то выгода от обмена представляется одинаковой для той и другой стороны.

М. Х. — Но разве вы не понимаете, что иностранцы потребят ваши товары, и тогда у них ничего не останется; тогда как все те деньги, которые они уплатили нам, останутся в наших руках и увеличат наше богатство?

М. Н. — А! Я вас понимаю! Продукты и товары потребляются; деньги же имеют продолжительное существование; стало быть, деньги, по вашему расчету, *стоят* в действительности всегда *больше*, чем товары, *будь они даже равной ценности*. Утверждение единственное в своем роде; но не проводите слишком далеко ваших рассуждений. Иначе в силу свойства денег быть сохраняемыми вы могли бы утверждать даже, что было бы выгодно дать, например, *сто тысяч экю* в товарах за *пятьдесят тысяч экю* в деньгах*, так как иностранцы потребили бы ваши *сто тысяч экю* в товарах, а *пятьдесят тысяч экю* не могли бы исчезнуть подобным путем. То, что я утверждаю относительно *пятидесяти тысяч*, можете вы сказать о *тысяче экю* и даже об *одном экю*; отсюда вы могли бы легко заключить, что страна поступила бы выгодно, продав иностранцам за *один экю* продукт или товар, который она могла бы продать внутри страны за *сто тысяч экю*. Как жаль, что, несмотря на рассуждения вас самих и сторонников вашего мнения, торговля эта не является привлекательной; так как если бы только страна захотела заняться подобной торговлей, она никогда не испытала бы недостатка в продавцах денег, которые постарались бы удовлетворить ее вкус к этому металлу. По вашему мнению, она получила бы в таком случае, бесспорно, самый выгодный

* Приблизительно так рассуждают все нации, которые стеснениями торговли вызвали понижение цены своих произведений.

Торговый баланс и увидала бы непрерывной возрастание своего денежного богатства. Между тем находятся люди, которые твердо убеждены, что таким путем она увеличила бы свою действительную бедность. Сознаюсь, что и я принадлежу к этим людям; для меня совершенно ясно, что, согласно приведенному примеру, уплата деньгами сальдо торгового баланса отнюдь не доказывает увеличения богатств страны, которая его получает. Когда-нибудь вы убедитесь, может быть, в этой истине. В настоящее же время я считаю вас слишком рассудительным для того чтобы решиться утверждать, что деньги предпочтительнее продуктов. Если же они не предпочтительнее, как мне представляется с крайней очевидностью, то скажите мне, в силу каких оснований тот, кто обменял свои продукты или товары на деньги, должен радоваться своей сделке более того, кто обменял свои деньги на продукты или товары?

Иностранцы, говорите вы, *потребят товары, купленные у вас, и у нас ничего не останется*. Разве этот ничтожный результат удовлетворит конечному назначению всякого богатства — наслаждениям? Когда вы истратите деньги, которые иностранцы дали вам в уплату, ваша выгода исчезнет, и ваше положение сравняется с положением иностранцев. Если же вы не захотите тратить эти деньги, то это вы потеряете в торге, так как иностранцы удовлетворят своим потребностям, а вы лишитесь этой возможности. Вы заслуживали бы в таком случае чтобы вам сказали о ваших деньгах то же, что сказал *Лафонтен* скупому в своей басне:

Mettez une pierre à la place,
Elle vous voudra tout autant.

М. Х. — Но вы, так хорошо понимая необходимость иметь капиталы для затрат на земледелие, на сооружение зданий, на эксплуатацию и улучшение земель, на устройство выгодных мануфактур и т. п., разве вы не думаете, что образование капиталов для этих затрат требует большего накопления денег? А раз это так, то разве торговый баланс, увеличивая ваш денежный фонд, не делает накопление это более легким и не увеличивает вследствие этого затраты на все наши полезные предприятия? И разве отсюда не воспоследует возрастание продуктов и населения?

М. Н. — Нет, мой друг, я совсем не думаю, чтобы уплата деньгами торгового баланса ничем не отражалась на этих важных явлениях. Затраты, необходимые для того, чтобы получить возможно большее количество продуктов с территории, совсем не находятся в зависимости от величины денежных запасов. Осмотрите фермы, мастерские и вы увидите, в чем состоит фонд этих столь драгоценных затрат. Вы найдете там строения, скот, семена, сырой материал, движимость и инструменты всякого рода. Все это, без сомнения, стоит денег, но ничто из этого не является деньгами; и возрастание всего этого, отнюдь не вытекая из накопления денег, изъятых из обращения, понизило бы цену продуктов и уменьшило бы, следовательно, прибыль от культуры и возможность увеличить затраты на нее; возрастание же всего этого вытекает единственно из хорошего употребления издержек. Пока продукты, доставляемые культурой земель, употребляются для выполнения работ, необходимых для умножения жатв; пока вся жатва или по крайней мере ее большая часть жертвуется, так сказать, не для чего иного, как для образования затрат, необходимых для производства новых жатв, до тех пор затраты, *капиталы* (les capitaux) ⁷, полезные работы, продукты и богатства * непрерывно и быстро возра-

* Надо заметить, что, пока богатства следуют этому порядку нарастающего благоденствия, всякое состояние находит в земледелии выгодное приложение и ни одно не остается праздным; по этому очень мало находится людей, которые соглашаются в подобных случаях ссужать свои деньги другому, вследствие чего денежный процент и держится на очень высоком уровне. Лишь по мере того как собственники сосредоточиваются в городах, потребление удаляется от производства, перевозка и бесплодные издержки расширяются и устанавливается производство изделий роскоши, образуются постепенно денежные состояния; они накаплиются преимущественно торговцами и ремесленниками, которые сберегают на своей заработной плате, удерживая часть ее вне обращения к ущербу цен и воспроизводства. Эти состояния, увеличиваясь в руках людей, привыкших к постоянной жизни в городах и желающих на старости лет спокойно и без трудов насладиться, увеличивают предложение денег для займа и понижают, следовательно, его условия или уровень процента. Вследствие этого процент и бывает всегда более низок в тех местах, где торговля перепродавцев и роскошь наиболее развиты. В силу этой же причины понижение денежного процента отнюдь еще не доказывает, как думали раньше, увеличения богатства. Это замечание, которое я впоследствии разовью, впрочем, более подробно, вполне под-

стают. Это замечается особенно в молодых обществах, начинающих развиваться; это же наблюдается в действительности в английских колониях Северной Америки; это же можно было бы заметить во всех ет/анах, где только находятся свободные земли, пригодные для обработки, которые управлялись бы сообразно с законами естественного порядка. Чтобы достигнуть этого спасительного действия, почти совсем не требуется *денежных* фондов, еще менее накопления денег, ибо оно безусловно препятствовало бы этому процессу⁸. Когда это распределение издержек прекращается, когда на культуру идет лишь часть их, безусловно необходимая для поддержания ее *in statu quo* или, как мы выражаемся, *для возмещения расходов* земледельца (*.. pour l'entretenir in statu quo que se ce que nous appelons les reprises de cultivateurs*), возрастание фонда затрат повсеместно останавливается; они могут переходить из рук в руки, могут образоваться в известной части на счет других поглощающихся затрат, но в конечном результате они не увеличиваются. Когда же земледельцам не обеспечивают обратного получения всех произведенных расходов (*les reprises indispensables*), когда собственники перестают заниматься своими именьями и всецело или главным образом начинают тратиться на роскошь, когда они поселяются в больших городах; когда потребление повсеместно отдалается от места производства, когда начинают стеснять торговлю под предлогом заключить более выгодный торговый баланс, как это и случилось в большинстве стран Европы, — во всех этих случаях затраты, богатства, полезные предприятия, необходимые занятия, продукты, доходы, население все это уменьшается вследствие непреодолимой силы. В этом состоит физический закон, установленный природой и дающий возможность судить о прошлых, настоящих и будущих судьбах государства по тому поведению, которого они держались или держатся в настоящее время. Невозможно, чтобы по отношению к этому очевидному, всеобщему, священному, простому и верховному закону ваши мелочные комбинации о балансе не показались вам столь же пустыми, сколь и мало достойными

тверждается историей; и удивительно, сколько политических ошибок порождено тем, что оно не было сделано.

остановить наш разговор, ведь в Действительности они и являются такими.

М. Х. — Но в чем же состоит по-вашему, мой друг, выгода от оплаты деньгами сальдо торгового баланса, та выгода, которая занимала почти все европейские страны и восхвалялась столькими знаменитыми писателями?

М. Н. — Ровно ни в чем, и это, может быть, в самом благоприятном случае. В самом деле, я чрезвычайно охотно присоединяюсь к мнению тех торговцев, которые ничего так не опасаются, как вывезти из-за границы деньги после отправки туда товаров. Эти люди знают, что они ничего не выгадают, вывезя эти деньги, что это доказывает лишь то, что они не могли совершить тех покупок, какие хотели. К концу войны 1740 г. англичане нашли свой денежный фонд увеличившимся на *пять миллионов фунтов стерлингов*, из чего заключили, что их страна обеднела, так как вследствие сокращения торговли их деньги не могли быть употреблены за границей на покупку товаров. Они не думали тогда, подобно вам, о торговом балансе.

Существуют страны, которые имеют рудники, и другие, в которых их нет. Так как золото и серебро непотребляемы, и обычная собственность на них достаточно ограничена, то страны, имеющие рудники, находят, конечно, большую выгоду в том, чтобы *оплачивать то, что вы называете денежным балансом*, т. е. продавать свои деньги за другие житейские и потребляемые продукты. Такая продажа является для этих стран единственным средством поддержать ценность денег и обеспечить сбыт золота и серебра, которые являются продуктами их территорий. Для наций, которые не имеют рудников, а имеют лишь потребляемые и обычные продукты, было бы очень невыгодно, если бы они были принуждены заниматься внешней торговлей; это доказывало бы только, что у них дома ощущается недостаток в потребителях, которые в состоянии были бы оплатить произрастающие там продукты, что и заставляет их сбывать эти продукты за границу и влечет за собой увеличение торговых расходов на счет этих стран. Для последних внешняя торговля является тогда необходимым и даже неизбежным злом для того, чтобы поддержать ценность своих продуктов и чтобы избе-

жать еще большего зла, заключающегося в ее понижении. Эта внешняя торговля, которая во всех случаях должна оставаться совершенно свободной и избавленной, подобно внутренней торговле, от каких-либо стеснений, контрибуций и тягостей; эта внешняя торговля, говорю я, может оказаться невыгодной для страны еще в одном случае, а именно если последняя в обмен своих произведений не может найти произведений, годных для своего употребления, и должна брать в уплату посредствующий знак, каким является серебро, ибо оно в виде *монеты* * не может служить для чего-либо иного, кроме обмена произведений, что требует тогда двойного оборота и двойных расходов на перевозку и обмен за счет торгующих стран.

Не могу не заключить, мой друг, что внешняя торговля есть *самое худшее, что только может быть* (le commerce extérieur est un pis-aller) для тех наций, которые не могут сбыть выгодно своих продуктов в своей собственной стране путем 'внутренней торговли'. Что же касается денежного баланса, то это есть *самое худшее, что могут получить* от своей внешней торговли страны, которые не могут вывезти обратно произведений, годных для употребления. И чрезвычайно странно, что писатели, способные, впрочем, обнаружить большую сообразительность, придавали такое значение этому денежному балансу, который представляет собой *самое худшее, что только можно получить* от самой невыгодной торговли (...n'est que le pis-aller du pis-aller du commerce).

* Серебро, рассматриваемое в качестве материала для украшений, является таким же, хотя и менее полезным товаром, как и все прочие товары, но покупается, подобно остальным товарам, за равноценность. Но этот товар совсем не увеличивает количество денежных запасов или находящейся в обращении монеты; не оказывает он и приписываемых торговому балансу действий, при анализе которого сторонники его обращали внимание лишь на возрастание *серебра монеты*.

Было бы легко доказать с несомненностью богатым людям, что они могли бы сделать из своего богатства употребление, гораздо более выгодное как для них самих, так и для нации, чем употреблять его на серебряную посуду и другие драгоценные изделия. Не следует ограничиться сказанным, так как этот вопрос не имеет никакого отношения к тому, что в торговле называется *денежным балансом*, и для своего разрешения, подобно остальным вопросам, ничего не требует, кроме *света и свободы*.

Лишь в тех случаях, когда страны не могут сделать ничего лучшего, могут они стремиться к получению денежного торгового баланса, так как что-нибудь, несомненно, лучше, чем ничего. Но всегда следует обращаться к общей свободе, чтобы определить те случаи, когда можно прибегнуть к этому крайнему средству. Оно предпочтительнее одной только безрезультатной торговли и в тех случаях, когда может иметь место, по крайней мере так же выгодно для той страны, которая уплачивает баланс, как и для той, которая его получает.

Еще раз повторяю: перестаньте, мой Друг, перестаньте путаться с политическими спекуляторами, которые стараются убедить вас, что посредством торговли вы можете выгадать на счет прочих наций. Справедливый и благой бог захотел, чтобы это было невозможно и чтобы торговля, как бы она ни производилась, была бы всегда одним только плодом несомненно обоюдной выгоды. И заметьте раз навсегда этот основной принцип, не допускающий никаких исключений: раз вы допустите полную и совершенную свободу конкуренции между продавцами и покупателями всякого рода, вы воспользуетесь торговлей наиболее выгодно и несомненно заключите возможно выгодные обороты в ваших продажах и покупках. Но раз вы стесните в чем бы то ни было эту свободу, вы подвергнетесь неисчислимым и неизбежным потерям, вознаграждаемым денежным балансом вашей торговли, который не представляет собой никакой выгоды.

М. Х. — Оставим, мой друг, эту тему о денежном балансе, которая только удаляет нас от нашего вопроса.

В моем уме возникают еще возражения на более значительные пункты. Не могу скрыть от вас, что мне всегда представлялось, что туземные торговцы способствуют своими издержками сбыту своих туземных продуктов. Не содействуют ли они в таком случае и удовлетворению потребностей государства?

М. Н. — Я уже обращал ваше внимание, мой друг, что в стране, где большая часть граждан никогда не потребляет того, что хотела бы потребить, имеется недостаток не в сбыте продуктов, а в хорошей цене; эта же цена всегда отсутствует, когда не бывает обеспечена свободной конкуренцией в торговле. Чем более

В данном случае имелось бы покупателей у нации, которые уплачивали бы лишь с помощью барышей, уплаченных последней, тем более теряла бы она в сбыте своих продуктов, цены которых не устанавливала бы всеобщая конкуренция.

Сбыт не может расширяться сверх того количества продукции, которое имеется к продаже. Напрасно пытались бы приноровить сбыт к одной части жителей в ущерб всем прочим; всегда имелся бы один и тот же сбыт, который не мог бы превзойти массы продукции, которую можно продать. Повторяя мне свое возражение, вы принимаете в расчет один только сбыт, но экономический строй имеет другие основания для развития благоденствия и наиболее выгодного назначения издержек, которые завершают сбыт во внутренней торговле произведениями земли. Нельзя предполагать, что среди покупателей во внутренней торговле возрастет конкуренция и поднимет цены и сбыт, так как при известном уровне издержек в стране может быть столько покупателей, сколько их было оплачено с целью дать им возможность покупать. Конкуренция покупателей, продажи, покупки, сбыт — все подчинено размеру издержек, которые могут делать владельцы продуктов земли. Лишь эти владельцы, и только они одни, оплачивают потребителей страны, которые с помощью полученных денег покупают у первых продукты, возвращая владельцам то, что они уплатили ранее. Внешняя торговля страны не может выйти из сферы того круга, в котором заключена. Лишь при полной свободе во внешней торговле продукты одной страны могут постоянно содействовать установлению тех цен, которые имеют место среди всех торгующих наций. Таким образом, сбыт, который обеспечивается будто бы во внутренней торговле издержками торговцев, обогащающихся в ущерб полной свободе, может быть лишь крайне невыгодным и внести только беспорядок в распределение издержек *.

* Сбыт продуктов территории отличается от сбыва товаров какой-либо лавки. Купец, который распродал товар своей лавки, может снова закупить других товаров и увеличить таким путем свой сбыт. Но сбыт земледельца ограничен природой: продав свою жатву, последний не может продать чего-либо другого. Следовательно, свой достаток земледелец может увеличить лишь посредством хорошей цены проданной жатвы

То же самое следует оказать и о налогах, которые уплачивались бы лишь из барышей, уплаченных страной лицам, обложенным налогами. Никакой налог не может быть уплачен из какого-либо иного источника, кроме доходов территории; иначе он вызвал бы чье-либо разорение.

Торговцы-перепродавцы умеют охранить свои барыши и укрыть их от налога; их богатства, так же как и они сами, *СОЗСРМ* не имеют *отечества*; они неизвестны, кочуют и распространяются по всем странам, входящим в сферу их торговли, и так слиты с активными и пассивными долгами, что их нельзя вычислить, с тем чтобы подвергнуть пропорциональному обложению. Если облагать товары, то обложение упадет одинаково на торговлю как туземных, так и иностранных торговцев, но при этом и те и другие при своих продажах и покупках предохранят себя от них, перекадывая их в общем на народ, т. е. на доходы с земельных имуществ. Торговля не может быть обременена налогом, который поглотил бы заработок этого занятия; иначе оно прекратилось бы или же налог этот включили бы в торговые расходы ради облегчения туземных и иностранных торговцев, произведших затраты. Таким образом, богатства туземных купцов в такой же степени чужды богатствам страны, как и богатства иностранных купцов-перепродавцев. При господстве конкуренции в своей торговле нация не должна поэтому питать большую склонность к одним, чем к другим; иначе она повредила бы той общей конкуренции, которая целиком служит к ее выгоде в силу сбережения на торговых расходах и установления общих цен между торгующими странами.

М. Х. — Разве налоги голландской республики не покоились на ее торговле? Разве могущество голландцев, их войска и морской флот, которые содержались на счет налогов, платившихся торговцами, не внушали почтения остальным нациям? И разве эти торговцы,

Напрасно указывали бы на то, что, *продав свою жатву, он мог бы купить жатву своих соседей, с тем чтобы перепродать ее.* Соседи земледельцы находятся в том же самом положении, что и он, так что, занявшись торговлей, он не увеличил бы продуктов территории.

Несмотря на усиленное обложение, не были еще достаточно богаты? Если бы эта провинция была присоединена к Франции, разве она не увеличила бы значительно могущества королевства? Почему же, говорите вы, что те налоги, которые уплачивает наша морская торговля, не содействуют росту государственных доходов?

М. Н. — Торговля Голландии могла выплачивать сильные налоги республике потому, что торговля других стран также была обременена значительными налогами, которые повсюду возвышали вознаграждение торговцев за счет тех самых наций, которые взимали налоги с своей торговли. Вследствие этого голландские торговцы были в состоянии, в особенности же благодаря сбережениям в издержках на навигацию, конкурировать с торговцами других стран и принимать участие в уплате республике налогов, и эти налоги не могли бы быть столь значительными, если бы торговцы других стран не были вынуждены увеличить свое вознаграждение с целью вернуть себе те налоги, которыми обложили их торговлю. Как бы вы ни смотрели на этот предмет, вы всегда заметите, что торговля необходимо ведет к переложению тех налогов, которыми ее облагают, на лиц, подвергающих обложению те услуги, которые оказывают им торговцы. *Если бы Голландия, говорите вы, была провинцией Франции, она значительно увеличила бы могущество нации теми налогами, которые взимало бы с нее государство.* Но Голландию не следует рассматривать как исключительно торговую страну; ее следует также рассматривать как владельца территории, которая много производит, колоний, продукты которых для нее очень выгодны, морей, из коих извлекает она с помощью рыболовства громадное количество продуктов. Так что в качестве собственника она может получать значительные суммы, которые извлекают из производительного фонда. Эти суммы не следует смешивать с налогами, которые падают на услуги торговцев, ибо эти услуги должны быть последним оплачены. Если вы обложите их налогами, то торговцы вынуждены будут увеличить соответственно свое вознаграждение на счет тех, которые оплачивают его. Услуги голландских торговцев могут быть выгодны для нашей торговли лишь в том случае, если они заставят нас оплачивать их услуги

менее дорого, чем другие торговцы. Так что эта выгода исчезла бы, если бы вы обложили их услуги налогами; вы уменьшили бы этим цену тех продуктов, которые вы им продаете, и повысили бы цену тех продуктов, которые вы у них покупаете; или же торговля между вами и торговцами прекратилась бы, но в таком случае торговцы эти сами собой исчезли бы, а вместе с ними прекратилось бы и получение налога.

М. Х. — Я хорошо понимаю, что если мы обложим налогами своих торговцев, то повредим только нашей собственной торговле, вот почему я и думаю, что следует облагать лишь иностранных торговцев, которые уплачивали бы эти налоги на счет своего вознаграждения. Подобное обложение иностранных торговцев будет иметь два хороших последствия: оно увеличит доходы государства не обременяя нации, и предоставит нашим туземным торговцам преимущество в конкуренции с иностранными торговцами.

М. Н. — Разве вы не замечаете, мой друг, что подобным обложением вы установите к выгоде своих торговцев род исключительной привилегии, которая оказалась бы очень вредной для вашей собственной торговли? Отвлекитесь на одно мгновение от своих торговцев и подумайте, что для обеспечения нашей торговли возможно большего сбыта следует допустить здесь полную, совершенную и свободную конкуренцию торговцев всех стран, чтобы всегда продавать тем, которые могут и хотят купить у нас по самой дорогой цене, и чтобы покупать у тех, которые хотят и могут продавать нам по наиболее сходной цене и которые будут поступать таким образом, чтобы поддержать торговлю с нами и обоюдную торговлю других стран. Наоборот, если вы своими налогами оттолкнете иностранных торговцев, они будут привозить к вам требуемые товары лишь в том случае, если им удастся переложить на вас те налоги, которыми вы хотели их обложить, а покупать ваши продукты лишь тогда, когда им удастся уплатить этот самый налог на счет продаваемых вами продуктов. Вследствие этого вы установили бы у себя рыночные цены (*des prix courants*), которые были бы крайне невыгодны для вас при ваших продажах и покупках и на которых хорошо нажились бы одни только ваши собственные торговцы к вашему ущербу. Иностранное

торговцы заставили бы вашсамих платить налоги, которые вы надеялись получить из их вознаграждения. В силу же тех цен, которые установились бы к вашей невыгоде в вашей торговле, вы уплачивали бы налоги еще вашим собственным торговцам.

М. Х. — Но если прочие нации обложат налогами ваших торговцев, то разве вы не воспользуетесь репрессалиями и не обложите их торговцев? Неужели вы оставите торговлю прочих наций свободной и неприкосновенной, тогда как прочие нации стеснят вашу торговлю и подвергнут ее обложению? Выгода от подобной торговли не была бы одинаковой для той и другой стороны.

М. Н. — Не забывайте, мой друг, что те налоги, которыми мы облагаем *в силу репрессалий* иностранных торговцев, всегда служат к нашему ущербу и возмещаются нами этим торговцам на счет цены товаров, которые мы им продаем. Этот ущерб распространяется незаметно для нас даже на цены тех товаров, которые мы продаем нашим собственным торговцам. Наконец, я скажу, подобно вам, но в совершенно ином смысле, что *выгода*, доставляемая изъятием от обложения, которую мы одни предоставили бы торговле, *не была бы одинаковой для той и другой стороны*. Нет, конечно, она не была бы равной для наций, которые изгнали бы у себя конкуренцию покупателей и продавцов стеснениями и налогами. Торговцы и перевозчики всех наций изобиловали бы у нас, где они не находили бы этих препятствий и избегали бы тех неразумных наций, которые ставили бы преграды их свободе.

Но это же самое очень скоро просветило бы эти нации; они не замедлили бы обратить внимание на влияние этой конкуренции покупателей, продавцов и перевозчиков, которая обеспечила бы нам пользование возможно лучшей ценой при наших продажах и покупках и весьма ускорила бы развитие нашего благоденствия и могущества; они не долго представляли бы нам одним извлекать пользу из конкуренции. Она побудила бы их, подобно нам, серьезно войти в естественный порядок торговли, который не возбуждает никаких поводов к войне и никаких исключений при заключении мирных трактатов. Тогда узнали бы, что все войны и все изъятия в области торговли не могут иметь какой-

либо другой цели, кроме установления монополии; правда, оно может быть нежелательным и для части туземных торговцев, но является всегда вредным для тех наций, которые не различают своих интересов от интересов своих торговцев и которые разоряются, стремясь вести войну ради обеспечения туземным представителям торговли исключительных привилегий, вредных для них самих.

М. Х. — Как ухитряетесь вы, мой Друг, примирить те противоречия, которые замечаю я в ваших рассуждениях. Вы мне говорите, что требуется очень мало времени для того, чтобы торговцы сумели предохранить себя совершенно от налогов и переложить их на те нации, которые их устанавливают. Теперь же вы говорите, что свобода от обложения, иммунитет, привлекли бы к нам торговцев изо всех стран и что налоги, которыми обложили бы их торговлю в других странах, удалили бы их из мест, где хотели бы их подвергнуть обложению. Если торговцы избегают налогов, что представляется мне вполне естественным, то это служит доказательством, что эти налоги являются им в тягость; если же они являются им в тягость, то это доказывает, что они не вполне вознаграждаются нациями, с которыми торгуют, и что последние уплачивают по крайней мере часть этих налогов на счет своего вознаграждения и своих собственных богатств. Следовательно, если торговцы могут платить налоги из своего вознаграждения, то и правительство может налагать на них налоги, которые вовсе не будут служить к ущербу прочих граждан. Таким образом, те налоги, которые явились бы потерей для торговцев, служили бы к выгоде фиска и всегда брались бы из продуктов их торговли, которая с этой точки зрения и явилась бы обложенной налогом.

М. Н. — Если бы торговцы были принуждены, как вы предполагаете, платить налоги, которыми нации облагают торговлю, то это служило бы лишним поводом для их привлечения отовсюду туда, где торговля была бы свободной. Вознаграждение, уплачиваемое за их услуги, должно быть им обеспечено, иначе они забросили бы свою профессию. Но так как они могут освободиться от этого обложения, то ваше возражение не попадает в цель. Впрочем, имеются Другие неудоб-

ства, которые побуждают их опасаться этих налогов. Эти другие неудобства слишком реальны, ибо, кроме проволочек, дознаний и других тягостных формальностей, практикуемых сборщиками податей, обложение торговли влечет за собой понижение цены продуктов, которые нужно продать, и подымает цену тех, которые надо купить у иностранцев; все это сильно стесняет торговлю. С одной стороны, низкая цена заставляет потреблять те продукты, которые хотелось бы продать, или же побуждает забросить культуру этих продуктов. Вздорожание же, с другой стороны, обязывает обойтись без тех продуктов, которые хотелось бы купить за границей, так как покупать можно лишь до тех пор, пока продаешь; следовательно, при продаже по низкой цене и покупке то дорогой нарушается соответствие между продажами и покупками к ущербу тех и тех других. Вот почему вывоз и ввоз, цены, торговля, торговцы — все это находится в неопределенном положении у наций, которые облагают свои товары и торговлю, думая обложить товары и торговлю у своих соседей.

М. Х. — По крайней мере эти неудобства не имеют места по отношению к торговле земледельческих колоний, когда метрополия предоставляет ее своим торговцам, чтобы обеспечить себе всю прибыль от этой торговли. Метрополия, учреждая свои колонии, имеет в виду лишь свою собственную выгоду и не должна забывать эту основную цель в своей торговле с нами.

М. Н. — Без сомнения, метрополия постоянно должна быть занята своей выгодой, почему и должна обеспечить себе прежде всего прибыль от своей торговли, т. е. торговли всех провинций, которые ее составляют. Таким образом, с этой точки зрения она должна держаться той же политики по отношению к своим колониям и провинциям. Поэтому она может извлечь наибольшую выгоду из своей торговли лишь в том случае, когда обеспечит себе полнейшую свободу конкуренции торговцев всех стран. Вы станете торговать с Индией, Китаем и т. д. Думаете ли вы, что нациям этих стран выгодно запретить вам торговать у себя? Почему же вы в таком случае думаете, что вам выгодно запретить у себя торговать иностранцам?

М. Х. — Не смешиваете ли вы интересов колоний с интересами метрополии, т. е. тех провинций, которые ее составляют?

М. Н. — Разве колонии метрополии находятся под другим владычеством, чем остальные провинции метрополии? Разве общий национальный интерес не обнимает все частные интересы провинций, находящихся под одним и тем же владычеством? Можете ли вы отделить частный интерес какой-либо из этих провинций от общего интереса нации? И можете ли вы повредить частному интересу этих самых провинций без того, чтобы не повредить общему интересу нации? ¹⁰

М. Х. — Разве колонии не сами отделились от метрополии? Разве между ними и метрополией не существует внешней торговли, похожей на ту, которую поддерживает метрополия с иностранцами? Наконец, не стремится ли метрополия наживаться, насколько это возможно, на счет других наций с помощью торговли? Почему же не извлечь ей той же выгоды также и на счет своих колоний?

М. Н. — Я мог бы вам ответить совершенно просто, что колонии не являются иностранными нациями для империи, и ваше сравнение падет тогда само собой. Но вы должны заметить, кроме того, еще следующее обстоятельство: если бы не было торговцев-перепродавцев, то международная торговля ничем не отличалась бы от торговли, которую ведут между собой провинции каждой страны, и от той, которую ведут между собой обитатели какой-либо страны, так как каждый стремится извлечь из торговли выгоду, какую только может, при продажах и покупках. Правда, это намерение обще обоим договаривающимся сторонам, что и устанавливает обмен ценности на равноценность. Чем более вы будете размышлять о торговле, тем скорее заметите, что она повсеместно подчинена этому общему порядку и что все те законы, какие только могут установить нации, чтобы извратить его, всегда будут вредны для их учредителей*.

М. Х. — Но если бы допустили, таким образом, общую свободу конкуренции, что сделалось бы с нашим торговым флотом, который доставляет матросов?

* См. мемуар, которым начинается апрельская книжка «Журнала, земледелия, торговли и финансов» за 1766 г.

М. Н. — Разбогатеете с помощью свободы в вашей собственной торговле, и ваш торговый флот увеличится в соответствии с вашими богатствами и образует матросов, обучение которых обойдется вам гораздо дешевле. Всякая богатая нация, имеющая гавани, всегда имеет большой торговый флот. Торговцы, купцы, судовладельцы, перевозчики никогда не замедлят собраться около богатых. Раз вы допустите общую свободу конкуренции, ваш торговый флот станет, подобно флотам других наций, богатым и могущественным.

М. Х. — Но если нация не покровительствует своим торговцам предпочтительно с иностранными торговцами, она не будет иметь у себя достаточно торговцев, чтобы расширить конкуренцию в своей торговле и избавить ее от монополии иностранных торговцев. ⁴

М. Н. — Без сомнения, следует, чтобы нации покровительствовали своим торговцам, но еще более выгодно для нее покровительствовать своей торговле. Итак, все ваши рассуждения заставляют вас признать наконец необходимость свободной конкуренции, при которой торговля представлялась вам, как и торговцам, не только *бесплодной*, но и *вредной*.

Не упрекайте же нас, что мы считаем торговлю просто *бесплодным* занятием, раз вы сами вместе со своими торговцами хотели доказать нам, что даже в самом благоприятном случае, согласном с естественным порядком, она *вредна*. Признайте, кроме того, мой друг, что поощрения, которыми нация обязана содействовать своим торговцам, не могут состоять в исключительных привилегиях, а лишь в свободе от обложения в соединении с безопасностью их плавания от нападения пиратов и иностранных торговцев, поддерживаемых морскими силами своих наций. В действительности при этих условиях всякая богатая и могущественная нация, имеющая гавани, никогда не почувствует недостатка в судохозяевах и торговцах; торговые барыши привлекают их и собирают повсюду, где имеются богатства, которые обеспечивают успех профессии столь чтимой и доходной.

Вы начинаете соглашаться, что нация должна развивать по возможности конкуренцию в своей торговле, вы мечтаете о том, чтобы предохранить ее от монополии иностранных торговцев и, чтобы достигнуть этого,

предаете ее монополии туземных торговцев? Это не совсем основательные предложения, мой друг. Вы теперь очень хорошо понимаете, что одна только свобода от обложения и вообще абсолютная свобода торговли может увеличить количество туземных и иностранных торговцев, изгнать монополию, сократить обременительные расходы, обеспечить нациям возможно высокую цену при их продажах и возможно низкую цену при их покупках и обеспечить им, таким образом, торговлю наиболее развитую и выгодную, к какой только они могут стремиться.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРИМЕЧАНИЯ К ЭТИМ ПРИНЦИПАМ

I. *Верховная власть должна быть едина и выше всех членов общества и всех незаконных посягательств частных интересов*, так как целью господства и повиновения является достижение всеобщей безопасности и удовлетворение дозволенных интересов. Система многовластия является пагубным заблуждением, так как она повлекла бы за собой лишь распри сильных и угнетение слабых. Разделение общества на различные сословия граждан, из коих одним принадлежала бы верховная власть над другими, уничтожает обыкновенно общий национальный интерес и возбуждает среди этих сословий борьбу из-за своих частных интересов; подобное разделение извратило бы строй земледельческого государства, которое должно направить все частные интересы к одной основной цели — процветанию земледелия, являющегося источником богатств как самого государства, так и всех его граждан.

II. *Народ должен быть обучаем общим законам естественного порядка, являющегося основой, очевидно, наиболее совершенного управления.* Изучения человеческого права недостаточно для образования государственных мужей; необходимо, чтобы те, которые посвящают себя административной деятельности, были привлечены к изучению естественного порядка, наиболее пригодного для людей, соединенных в общество. Еще необходимо, чтобы те практические и благотельные

сведения, которые нация приобретает с помощью опыта и обобщения, послужили бы к образованию общей науки об управлении; тогда верховная власть, всегда хорошо осведомленная, издавала бы наилучшие законы и заставляла бы их неукоснительно исполнять, чем достигалась бы всеобщая безопасность и возможно большее благосостояние общества.

III. *Государь и народ никогда не должны упускать из виду, что земля есть единственный источник богатства и что одно только земледелие умножает последнее*, так как умножение богатств обеспечивает увеличение населения; люди же и богатства обуславливают процветание земледелия, расширение торговли, оживление промышленности и непрерывное возрастание богатств. От этого обильного источника зависит успех всех отраслей управления в государстве.

IV. *Собственность как над недвижимыми, так и движимыми богатствами должна быть гарантирована их законным владельцам*, так как *обеспеченность собственности является основным фундаментом экономического строя общества*. Без этой обеспеченности территория осталась бы невозделанной. Не нашлось бы ни собственника, ни фермера, готовых произвести издержки, необходимые для того, чтобы придать ей ценность и начать ее обработку, если бы обладание землей и продуктами не было гарантировано тем, которые произвели затраты на эти издержки (*les avances de ses dépenses*). Лишь обеспеченность постоянного владения привлекает труд и полезные богатства к возделыванию и улучшению земель, к предприятиям торговли и промышленности. И одна только могучая верховная власть, которой принадлежит исконное право на распределение плодов земли, этого единственного источника богатств, в состоянии гарантировать подданным их собственность.

V. *Налог не должен быть обременителен или непропорционален количеству национального дохода, его возвышение должно иметь место лишь в случае возрастания последнего*; он должен взиматься непосредственно с чистого продукта земельных имуществ (*produit net des biensfonds*), а отнюдь не с заработной платы или с жизненных припасов; в противном случае он увеличил бы расходы по своему взиманию, причинил вред

торговле и ежегодно уничтожал бы часть богатств страны. Ни в коем случае не следует взимать налога с богатств земельных фермеров: *затраты государства на земледелие должны рассматриваться как неприкосновенный фонд, который необходимо тщательно сохранять для получения налога, дохода и средств существования для всех классов граждан*; в противном случае налог вырождается в средство грабежа, истощая и быстро разрушая государство.

VI. *Затраты земледельцев должны быть достаточны для того, чтобы при помощи издержек, употребляемых на культуру земли, могло получаться ежегодно возможно большее количество продуктов*, так как при недостаточности затрат издержки на культуру соответственно возвышаются и приносят менее чистого продукта (produit net).

VII. *Все количество дохода должно поступать в годичное обращение и пройти все его стадии*. Отнюдь не следует образовывать денежных имуществ (fortunes pécuniaires) или по крайней мере следует соблюдать равновесие между этими вновь возникающими имуществами и теми богатствами, которые поступают снова в обращение; в противном случае эти денежные имущества изъяли бы из распределения некоторую часть ежегодного дохода нации и удержали бы вне обращения денежные запасы (le pécule) государства в ущерб поступлению затрат на земледелие, выдаче ремесленникам заработной платы и потреблению различных классов людей, занимающихся прибыльными профессиями; таким образом, удерживание денежных запасов вне обращения уменьшило бы воспроизводство доходов и налога.

VIII. *Экономическая политика должна поощрять лишь производительные издержки и торговлю сырьем, бесплодные же издержки предоставить самим себе*.

IX. *Нация, владеющая большой территорией, годной для обработки, и имеющая возможность вести большую торговлю сырьем, не должна допускать большого наплыва денег и людей в мануфактуры и торговлю произведениями роскоши в ущерб труду и издержкам, затрачиваемым на земледелие*, так как прежде всего государство должно быть населено богатыми земледельцами.

X. Ни одна часть из суммы доходов не должна быть вывезена за границу иначе, как в обмен за деньги или товары.

XI. Следует предупреждать эмиграцию жителей, которые могли бы вывезти из государства свои богатства.

XII. Детям богатых фермеров следует селиться в деревнях для того, чтобы там не чувствовалось недостатка в земледельцах, так как в том случае, когда какие-либо притеснения побуждают их покинуть деревню и удалиться в город, они уносят туда богатства своих отцов, которые затрачивались последними на культуру земли. В деревни следует привлекать не столько людей, сколько богатство, так как, чем больше богатств затрачивается на культуру земель, тем менее людей требует она, тем более процветает и тем больший доход приносит она. По отношению к зерновым хлебам подобное явление замечается, например, при крупном землевладении богатых фермеров в противоположность мелкому землевладению бедных половников, обрабатывающих землю с помощью быков или коров.

XIII. Каждому следует предоставить свободу возделывать на своем поле такие произведения, какие только подсказывают ему его собственные интересы, способности, свойства почвы, и какие, по его мнению, способны давать возможно большее количество продуктов. Отнюдь не следует поощрять монополии в культуре земель, так как эта монополия наносит ущерб общему национальному доходу. Предрассудок, в силу которого следует стремиться к изобилию продуктов первой необходимости предпочтительно перед другими произведениями и в ущерб продажной цене (valeur vénale) тех или других, порожден близорукостью; люди, зараженные этим предрассудком, не замечают влияния обоюдной внешней торговли, доставляющей все и устанавливающей цену продуктов, которые может производить нация с наибольшей для себя прибылью. После богатств, идущих на эксплуатацию и культуру земель, следует поставить доходы и налог государства, которые представляют из себя богатства первого порядка, необходимые для того, чтобы обезопасить подданных от голода и неприятеля, поддержать славу и могущество монарха и благосостояние народа.

XIV. *Следует поощрять разведение домашнего скота, так как только он доставляет земле удобрение, обуславливающее собой обильные жатвы.*

XV. *Земли, предназначенные для культуры зерновых хлебов, следует соединять по возможности в большие участки, эксплуатируемые богатыми фермерами, так как в крупных земледельческих предприятиях сравнительно с мелкими издержки на содержание и ремонт менее значительны, расходы гораздо ниже, а чистый продукт несравненно значительней. Многочисленность мелких фермеров невыгодна для населения. Наиболее обеспеченным и способным к разным занятиям и профессиям, разделяющим общество на разные классы, является то население, которое содержится на чистый продукт. Всякое полезное сбережение, сделанное в труде, выполняемом с помощью животных, машин, водяной силы рек и т. п., служит к выгоде народа и государства, потому что более значительный чистый продукт обеспечивает больший заработок для людей, занятых в других профессиях и работах.*

XVI. *Отнюдь не следует стеснять внешней торговли сырьем, потому что каков сбыт, таково и воспроизводство.*

XVII. *Следует облегчать сбыт и перевозку произведений и изделий ручного труда посредством исправления дорог, навигации по каналам, рекам и морю, так как, чем более берегает нация на торговых расходах, тем более возрастает доход, доставляемый территорией.*

XVIII. *Государство не должно стремиться к понижению цены на съестные продукты и товары, так как обоюдная иностранная торговля оказалась бы в этом случае невыгодной для нации. Какова продажная цена, таков и доход; избыток и низкие цены не создают богатства. Неурожай и дороговизна равноценны нищете. Изобилие же и дороговизна создают богатство.*

XIX. Пусть не думают, что дешевизна съестных припасов выгодна для простого народа, ибо она понижает заработную плату простого народа, снижает его благосостояние, доставляет ему менее труда и выгодных занятий и уничтожает доход нации.

XX. *Не следует уменьшать достатки беднейших классов общества, так как они не могли бы в таком случае потребить достаточного количества съестных припасов,*

которые могут быть потреблены только внутри страны, вследствие чего воспроизводство и доход нации сократились бы.

XXI. *Собственники и лица, занимающиеся прибыльными профессиями, не должны стремиться к бесплодным сбережениям, которые изъяли бы из обращения и распределения часть их доходов или барышей.*

XXII. *Отнюдь не следует поощрять роскоши (le lux de decoration) в ущерб издержкам на эксплуатацию и улучшение земледелия и на потребление средств пропитания, так как эти издержки поддерживают хорошую деду и сбыт сырья и воспроизводство доходов нации.*

XXIII. *Нация должна стремиться к тому, чтобы не потерпеть ущерба в обоюдной торговле с иностранцами, в особенности же в том случае, когда последняя была бы выгодна ее купцам, которые при продаже доставляемых торговлей товаров наживаются обыкновенно на счет своих сограждан; иначе увеличение состояний этих торговцев повлекло бы за собой сокращение доходов, находящихся в обращении, а это отразилось бы вредным образом на распределении и воспроизводстве.*

XXIV. *Не следует увлекаться кажущейся выгодой благоприятного денежного баланса, получаемого от обоюдной торговли с иностранцами.* Надо принимать во внимание и тот более или менее значительный выигрыш, который получается вследствие различия продаваемых товаров от покупаемых. Часто теряет та нация, на стороне которой более выгодный денежный баланс, и эта потеря наносит ущерб распределению и воспроизводству доходов.

XXV. *Следует поддерживать полную свободу торговли, так как самое надежное, совершенное и выгодное для народа и государства управление внутренней и внешней торговлей заключается в установлении полной свободы конкуренции.*

XXVI. *Следует обращать меньшее внимание на увеличение населения, чем на возрастание доходов.* Увеличение довольства, обеспеченного большими доходами, предпочтительнее развития настоятельных потребностей питания, удовлетворение которых требует население. Когда народ живет в достатке, более ресурсов имеется на удовлетворение потребностей государства и более средств для процветания земледелия.

XXVII. *Правительство должно менее заботиться о сбережениях, чем о работах, необходимых для процветания государства, так как очень большие издержки могут перестать быть таковыми при соответствующем возрастании богатств. Но не следует смешивать пустые растраты с настоящими издержками, так как первые могут поглотить все богатства нации и государя.*

XXVIII. *При управлении финансами, все равно — при взимании ли налогов или их расходовании, не следует давать повода к созданию денежных имуществ, извлекающих часть доходов из обращения, распределения и воспроизводства.*

XXIX. *Источник для удовлетворения чрезвычайных потребностей государства следует видеть лишь в процветании народа, а не в кредите финансистов, так как денежные имущества представляют собой тайные богатства, не знающие ни государя, ни отечества.*

xxx. *Государство должно избегать займов, устанавливающих денежные ренты, ибо последние обременяют его всепожирающими долгами и при посредстве удобо-продаваемых бумаг, дисконт которых все более увеличивает денежные бесплодные имущества, отдают финансовое хозяйство в жертву торговли или спекуляции. Эти имущества отвлекают финансы от земледелия и лишают деревни богатств, необходимых для улучшения земельных имуществ, эксплуатации и культуры земель.*

Примечание к принципу III

(Земля есть единственный источник богатств, и лишь земледелие умножает последние.)

Обоюдная торговля с иностранными нациями доставляет товары, платеж за которые производится из доходов либо деньгами, либо товарами; таким образом, при подробном исчислении доходов государства, не следует присчитывать к ним доставляемых из-за границы товаров, дабы не просчитать одного и того же дважды. Так же следует отнести и к наемной плате домов и к денежным процентным рентам, так как эти платежи для тех, которые уплачивают их, являются издержками, покрываемыми из другого источника. Исключением являются ренты с денег, помещенных в землю,

которые уплачиваются из производительного источника, но эти ренты включаются обыкновенно в ту сумму продуктов, которая составляет доход с земель. Итак, только земли и предпринятые на их культуру затраты представляют из себя единственный источник доходов для земледельческих наций.

Примечание к принципу V

(Налог не должен быть разорительным и т. д.)

Хорошо организованный налог, т. е. налог, который благодаря дурному способу обложения не вырождается в средство грабежа, следует рассматривать как часть дохода, которая извлекается из чистого продукта, доставляемого земельными имуществами земледельческого государства; иначе он не имел бы никакого правильного соотношения ни с богатствами и доходами нации, ни с положением классов, платящих налоги; такой налог мог бы незаметно все разрушить, прежде чем правительство заметило бы это.

Чистый продукт земельных имуществ распределяется между тремя собственниками: государством, собственниками земель и лицами, имеющими право на взимание десятины. Одна только доля землевладельца может быть отчуждаема, причем продается она лишь за цену, соответствующую приносимому землей доходу. Собственность владельца не простирается, следовательно, далее этого. Это не он, стало быть, оплачивает других поземельных собственников, потому что их части не принадлежат ему, он не приобретал, да и не мог приобрести их по той простой причине, что они неотчуждаемы. Землевладелец не должен поэтому рассматривать обыкновенный налог как тягость, обременяющую его долю, так как не он уплачивает этот вид дохода, а та часть земли, которую он не приобретал и которая ему не принадлежит, уплачивает доход, кому следует. И лишь в чрезвычайных случаях, когда обеспеченность собственности подвергается опасности, все собственники в своих собственных интересах должны принять участие в платеже из своей доли той экстраординарной субсидии, которую могут потребовать настоятельные нужды государства.

Но не следует забывать, что налог ни в каком случае не должен падать на что-либо иное, кроме дохода, т. е. на годичный чистый продукт, произведенный землею, а отнюдь не на затраты землевладельцев, на трудящихся или на продажу товаров (*la vente des marchandises*); в противном случае он станет разрушительным. Если бы он упал на затраты трудящихся, он перестал бы быть налогом, а превратился бы в средство грабежа, сделал невозможным воспроизводство и повлек бы за собой ухудшение земель, разорение фермеров, собственников и государства. Падая же на заработную плату рабочих и на продажу товаров, он оказался бы произвольным, причем издержки по взиманию налога превысили бы самый налог и в противную всем правилам легли бы на доходы нации и государя. При этом следует различать издержки по взиманию налога от самого налога; в рассматриваемом случае эти издержки в три раза превысили бы сумму налога и в конце концов отозвались бы и на последней, так как при всяких государственных расходах налоги, падающие на товары, пришлось бы уплачивать из суммы налога. Таким образом, рассматриваемый налог оказался бы призрачным и разорительным.

Обложение же налогом рабочего класса, живущего своей заработной платой, является, строго говоря, не чем иным, как обложением труда, оплачиваемым лицами, нанимающими рабочих, подобно тому как обложение лошадей, употребляемых при земледелии, было бы в действительности не чем иным, как обложением тех издержек, которые затрачиваются на культуру земли. Итак, взимание налога непосредственно с людей, а не с дохода отозвалось бы на самих расходах, вызываемых промышленностью и земледелием, двойной тяжестью пало бы на земельный доход и быстро повлекло бы за собой уничтожение самого налога. То же самое следует сказать и о налогах на товары, они также явились бы бременем, падающим на доход, налог и издержки, затрачиваемые на культуру земли, причем для их взимания потребовались бы огромные расходы, избежать которые большому государству было бы невозможно.

Между тем этот способ обложения является неизбежным ресурсом маленьких морских государств, существ-

вующих на счет перевозочной торговли; не имея совсем территории, эти государства по необходимости облагают налогом свою торговлю. Кроме того, этот налог почти всегда рассматривался как чрезвычайный ресурс для больших государств, когда земледелие приходило в такой упадок, что дохода с территории не хватало для доставления всей нужной суммы налога. Но и в подобных случаях этот подозрительный ресурс является лишним бременем, которое принуждает народ сберегать на потреблении, стесняет труд, сокращает воспроизводство и грозит гибелью подданным и государю.

Часто говорили об установлении такого налога, который вносился бы натурой в форме десятой части жатвы; и действительно, этот способ обложения был бы пропорционален общему количеству жатвы, включая сюда и расходы, но он не имел бы никакого соотношения с чистым продуктом; чем хуже была бы земля и меньше урожай, тем более он был бы обременителен, несправедлив и губелен.

Следовательно, налог должен взиматься непосредственно с чистого продукта земли, ибо, каким бы способом он ни взимался в государстве, получающем богатства с своей территории, он уплачивался бы в конце концов с земли. Таким образом, самой простой, справедливой, выгодной для государства и наименее обременительной для плательщиков формой обложения является та, при которой налог взимается в количестве, пропорциональном чистому продукту, и непосредственно с самого источника постоянно воспроизводимых богатств.

Этот простой способ взимания с источника доходов, т. е. с чистого продукта земель, становится крайне сложным в государстве, где за отсутствием необходимых затрат земледелие пришло в совершенный упадок или по крайней мере в состояние, не допускающее производства точного кадастра, который мог бы принять во внимание качества плохо обрабатываемых земель, крайне незначительная доходность которых вполне соответствует жалкому состоянию культуры, так как улучшение последней, которое могло бы воспоследовать вследствие лучшей администрации, тотчас же сделало бы кадастр совершенно несоответствующим действительности.

Обложение, падающее одинаково на земли, их произведения, на людей, человеческий труд, товары и домашний скот, представляло бы из себя градацию шести разных налогов, из коих один ложился бы на другой, при этом все они покоились бы на одном основании, хотя и уплачивались бы врозь, и все вместе доставили бы менее дохода государю, чем один простой, настоящий налог, падающий исключительно и без издержек на чистый продукт в пропорции, равной предположенной сумме шести налогов. Этот указываемый естественным порядком налог сильно увеличил бы доход государя, между тем обошелся бы народу и государству в пять раз менее, чем вышеупомянутые шесть налогов, которые поглотили бы все произведения территории и по всей вероятности исключили бы всякую возможность исправить положение дел. Так как, по мере того как ухудшение земледелия увеличивается, эти налоги, прозрачные для государя и губительные для народа, представляются житейским умом все более и более неизбежными.

Итак, сначала следует уничтожить как можно скорее произвольные налоги падающие на земельных арендаторов, иначе этот вид обложения не замедлит поглотить все доходы государства. Из налогов, падающих на земли, труднее всего урегулировать тот, которым обложено мелкое землевладение, так как здесь отсутствует арендная плата, которая могла бы служить мерилем обложения, затраты производятся самим собственником, чистый продукт и слишком мал и слишком неопределен. Подобная культура, представляемая в странах, в которых налог разорил фермеров, половниками и являющаяся последним ресурсом падающего земледелия, требует весьма осторожного отношения к себе, ибо налог, хотя бы и не очень обременительный, поглощает обыкновенно все затраты, делаемые на земледелие и губит его окончательно. Следует, стало быть, точно различать земли, разбитые на мелкие участки, расходы на обработку которых являются сравнительно с приносимым продуктом слишком большими и которые не приносят часто даже какой-либо прибыли, от земель, обрабатываемых богатыми фермерами, которые гарантируют собственникам определенный доход, могущий служить точным масштабом для пропорционального налога.

Этот налог должен падать на собственника, а не на фермера, и браться с арендной платы, как бывает обыкновенно в том случае, когда фермер осведомлен о налоге до заключения арендного контракта. Если государственные нужды требуют усиления налогов, то оно должно иметь место лишь на счет собственников, ибо правительство очутилось бы в противоречии с самим собой, если бы потребовало, чтобы фермеры выполнили все условия заключенных контрактов, в то время когда, облагая их непредвиденным налогом, поставило бы их в невозможность удовлетворить этим условиям. Во всех случаях уплата налога должна быть гарантирована самой ценностью земельных имуществ, а не ценностью богатств, затрачиваемых на культуру земель, так как эти богатства, не подвергаясь разграблению, не могут выполнять какой-либо другой общественной функции, как только возобновлять богатства народа и государя, и от этого естественного и необходимого назначения они никогда не должны быть отвлекаемы; употребление их на что-либо иное было бы грабежом. Собственники, принуждаемые к соблюдению этого правила правительством, опасались бы в видах обеспечения своего дохода и налога сдавать свои земли в аренду кому-либо другому, кроме богатых фермеров; эта предосторожность обеспечила бы развитие земледелия. Количество фермеров все увеличивалось бы, так как они не беспокоились бы, что до истечения срока контрактов введут новый налог; мелкое землевладение постепенно исчезало бы, а доходы собственников и налоги возрастали бы пропорционально умножению продуктов с земельных владений, обрабатываемых богатыми земледельцами.

Существует нация, которая сумела утвердить свое могущество и обеспечить благоденствие, не облагая земледелия какими-либо налогами. Собственники, сами обложившие себя налогами, страдают во время войн от экстраординарных субсидий, но зато работы по культуре земель от этого отнюдь не приостанавливаются, а сбыт и продажная цена земельных имуществ всегда остается обеспеченной благодаря свободной торговле произведениями почвы. Точно так же земледелие и скотоводство в этой стране ничуть не ухудшаются вовремя самых продолжительных и разорительных войн; по водворении мира собственники находят свои земли хорошо

обработанными и хорошо содержимыми, а свои большие доходы хорошо помещенными и обеспеченными. Отсюда легко заметить разницу, которая существует между чрезмерным и разорительным налогом, так как в зависимости от формы обложения налог может оказаться разорительным, не будучи чрезмерным, или оказаться чрезмерным, не будучи разорительным.

Примечание к принципу VI

(Затраты на земледелие должны быть достаточны.)

Следует заметить, что наиболее плодородные земли ничего не стоили бы при отсутствии богатств, необходимых для производства издержек на культуру земель, поэтому упадок земледелия в государстве следует приписывать не лености людей, а их бдительности. Если бы вследствие ошибок правительства затраты на культуру земли принесли мало чистого продукта, то издержки производства оказались бы слишком большими, доходы стали бы наименьшими, а обедневшее население было бы вынуждено заниматься в деревнях без всякой выгоды для государства плохой культурой земли, которая давала бы ему возможность влачить нищенское существование. Когда-то в подобном королевстве годовые затраты воспроизводили чистого «продукта средним числом, включая сюда и налог на земледельца, около двадцати пяти на сто; продукт этот распределялся на следующие части: на десятину, налог и долю собственника, причем предварительно делался вычет на возмещение годовых затрат земледельца.

Если бы первоначальные затраты делались в достаточном размере, то земля свободно могла бы приносить сто и даже более чистого продукта на сто годовых затрат. Таким образом, нация терпела бы дефицит, равный по крайней мере четырем пятым чистого продукта, полученного с помощью годовых затрат; при этом не принимается во внимание потеря, получающаяся вследствие плохой эксплуатации и бездоходности земель, которые без всякого удобрения окупали расходы по жалкой культуре и по очереди на много лет оставались под паром для восстановления их производительности и приведения в такое состояние, при котором они могли

бы приносить хотя бы ничтожную жатву. Так как, *кйкйв чистый продукт, получаемый с помощью сделанных затрат и остающийся за вычетом издержек, таков и чистый продукт, приносимый трудом людей, занятых в этом производстве; и каков чистый продукт земли, таков чистый продукт и для дохода, налога и поддержания существования разных классов людей данной нации.* Итак, чем меньше затраты, тем меньше пользы принесят государству люди и земля. Колоны, сами влачащие жалкое существование вследствие нерациональной культуры, могут доставлять средства пропитания, недостающие даже для населения бедной нации.

Почти все налоги в этом королевстве взимались произвольным образом с фермеров, рабочих и с товаров. Таким образом, они падали косвенно или прямо на фонд издержек по культуре земледелия, что обременяло земельные имущества почти тремястами миллионами, составлявшими обычную сумму налогов, и такой же суммой, падавшей на управление, издержки взимания и т. п. И продукты земли за последнее время приносили нации, если судить по недочету налога, равному одной десятой части фонда производства, и по ухудшению качества продуктов, лишь около четырехсот миллионов чистого дохода, включая сюда десятину и прочие церковные доходы, жалкий продукт для столь обширной и плодородной территории и столь великого и трудолюбивого населения. Вывоз зерновых хлебов был воспрещен, производство было ограничено размерами народного потребления, половина земель была заброшена под пар и на ней было запрещено разводить виноград, внутренняя торговля зерновыми хлебами была подвергнута произвольной регламентации, сбыт между провинциями постоянно прерывался и продажная ценность съестных припасов постоянно колебалась.

Фонд производительных затрат (*les avances des dépenses productives*) постепенно был исчерпан произвольными последовательно возрастающими налогами и косвенными платежами, пока не прекратилось производство, а с ним вместе и получение налогов: дети земледельцев покинули деревни; надбавка налога на жизненные припасы возвысила их естественную цену и увеличила издержки нации вследствие чрезмерного вздорожания товаров и роста заработной платы; это в свою

очередь вредно отразилось на возмещении издержек фермера, чистом продукте с земельных имуществ, налоге, культуре и т. п. Страшное разорение, причиненное частью налога, падавшего на фермеров, причинило, сверх того, прогрессивное ухудшение земледелия, которое в связи с отсутствием свободной торговли повлекло за собой дробление земельных участков и оставление их под паром.

Вот при таком-то состоянии упадка издержки на производство и давали не более 25 на 100, считая в том числе и налог, и то лишь благодаря крупному земледелию, существовавшему в четвертой части королевства *. Не будем следить за 'быстрым ходом этого прогрессивного упадка, достаточно вычислить совокупное влияние всех этих разрушающих причин, обуславливающих одна другую, чтобы представить себе все печальные последствия.

Все эти неурейства и злоупотребления были в свое время отмечены, и устранение их составило заслугу более просвещенного министерства. Но потребности государства данного времени не всегда представляются очевидными, когда приступают к реформам, требуемым здоровой экономической политикой, хотя бы эти реформы и были чрезвычайно существенны и необходимы для общего блага государства и нации.

Примечание к VII принципу

(Имущества, поступающие в обращение.)

Под имуществами, поступающими в обращение, не следует понимать лишь те имущества, которые при употреблении уничтожаются, но также имущества бесплодные или праздные (*fortune stériles ou oisives*), которые делаются активными, когда употребляются, например, для образования затрат в крупных земледельческих предприятиях, в торговле и производительных мануфактурах или же затрачиваются на улучшение земельных участков, доходы с которых ежегодно поступают в обращение. И лишь благодаря этим производи-

* См. в «Энциклопедии» статью о зерновых хлебах, в которой приводится пример нации, терявшей ежегодно четыре пятых продукта земледельческой культуры.

тельным, хорошо помещенным ИМуЩествам государство получает устойчивость и становится обладателем больших богатств, которые обеспечивают ежегодное образование новых значительных богатств, безбедное содержание населения, благоденствие государства и могущество государя. Но не следует думать того же ни о денежных состояниях, образовавшихся вследствие отдачи денег в рост и основывающихся не на производительном фонде, ни о тех состояниях, которые идут на бесполезные траты, покупку привилегий и т. п. Бесплодное обращение этих капиталов далеко не препятствует им быть разорительными и тягостными для народа.

Примечание к VIII принципу

(Бесплодные издержки следует предоставить самим себе.)

Для нации труд, занятый в ремеслах и промышленности, является объектом, вызывающим расходы, а не источником дохода. Продажа ремесленных и мануфактурных произведений за границу прибыльна лишь тем странам, где произведения эти дешевы вследствие низкой цены съестных припасов, служащих для продовольствия рабочих, условие, крайне убыточное для продукта земельных имуществ и не долженствующее поэтому существовать в государствах, установивших свободную и общедоступную внешнюю торговлю; последняя и без того поддерживает сбыт и цену произведений земли и уничтожает, к счастью, ту малую прибыль, какую можно было бы извлечь из внешней торговли произведениями ручного труда и которая покоится исключительно на потере, причиняемой дешевизной сырья. Здесь не следует смешивать чистый продукт, или доход нации, с барышами купцов и мануфактурных предпринимателей; по отношению к нации барыши эти следует включить в число расходов; какая польза была бы, например, для нее от богатых земледельцев, если бы обрабатываемая ими территория производила богатства только для них.

Существуют бедные королевства, где большинство чрезмерно распространившихся мануфактур, производящих предметы роскоши, поддерживается исключительно привилегиями и запрещениями употреблять

иные товары, производимые ручным трудом, что подвергает народ излишним переплатам. Эти запрещения, всегда вредные для народа, еще более убыточны, когда дух монополии и заблуждения, породивший их, распространяется на земледелие и торговлю сырьем, где для умножения богатств страны безусловно необходима самая сильная конкуренция.

Мы не будем говорить здесь о перевозочной торговле, выпадающей на долю маленьких морских государств. Великое обширное государство не должно бросать земледелия для того, чтобы сделаться перевозчиком. Никогда не следует забывать, как один министр прошлого века, ослепленный успехом голландской торговли и блеском мануфактур, произведений роскоши, вовлек свое отечество в такое безумие, что только и говорили что о торговле и деньгах, не думая ни о настоящем назначении денег, ни о настоящей торговле нации.

Этот министр, столь почтенный по своим благим намерениям, но чересчур приверженный к своим идеям, вздумал добыть богатства с помощью ручного труда в ущерб истинному источнику богатств, чем извратил весь экономический строй земледельческой нации. Внешняя торговля хлебом была приостановлена, дабы фабрикант мог воспользоваться низкими ценами на хлеб, сбыт ржи внутри королевства подвергся производной регламентации, которая прекратила торговлю между провинциями. Городские магистраты, желая оказать покровительство промышленности и обеспечить себе дешевый хлеб, разорили благодаря этим ложным расчетам свои города и провинции, ухудшая постепенно земледельческую культуру последних; все клонилось к уничтожению доходов с земельных имуществ, мануфактур, торговли и промышленности, каковые отрасли хозяйства могут вестись в земледельческой стране лишь при наличности продуктов земли, так как излишек их обуславливает возможность вывозной торговли; из этих же самых продуктов оплачиваются доходы собственников и заработная плата людей, занятых в прибыльных занятиях. Различные причины эмиграции людей и богатств ускорили ход этого упадка.

Люди и деньги отвратились от земледелия и обратились к мануфактурам по обработке шелка, хлопка и

иностранной шерсти в ущерб мануфактурам, обрабатывавшим туземную шерсть и продукты скотоводства. Стали поощрять роскошь, и она быстро развилась. Администрация провинций, поглощенная государственными нуждами, не гарантировала более обитателям деревни спокойного и открытого пользования богатствами, необходимыми для ежегодного воспроизводства новых богатств, а это повлекло за собою дробление земель на мелкие участки, оставление их под паром и окончательное их обесценение. Доходы землевладельцев были принесены в явную жертву меркантильной торговле, которая не могла быть привлечена к уплате налога. Упавшему и обремененному земледелию, казалось, нельзя было и помочь; подобное безнадежное состояние распространялось мало-помалу на людей, средства питания, торговлю сырьем; оно усиливалось еще благодаря издержкам по взиманию налогов и грабительским налогам, падавшим на воспроизводство, пока не сделалось объектом финансовой системы, обогатившей столицу наследием провинций. Спекуляция деньгами, отдаваемыми под проценты, образовала главный вид доходов, покоившихся на деньгах и получавшихся с денег и бывших для нации лишь воображаемыми доходами, которые ускользали от налога и подтачивали государство. Эти доходы, покоившиеся на деньгах и призрачном благосостоянии, поддерживавшиеся блеском губительной роскоши, ложились на простой народ и все более и более уменьшали воспроизводство настоящих богатств и денежный фонд нации. Увы! Причины этого всеобщего неустройства, игнорировались, к сожалению, слишком долго. Но теперь правительство придерживается более верных принципов, оно знает ресурсы королевства и средства для их восстановления.

Примечание к принципу IX

(Не следует поощрять наплыва денег и людей в мануфактуры и торговлю произведениями роскоши в ущерб труду и издержкам, затрачиваемым на земледелие.)

Следует устраивать мануфактуры для таких лишь произведений, сырой материал для которых производится в стране и которые можно фабриковать поэтому

с меньшими издержками, чем в других странах; следует также покупать за границей те произведения ручного труда, которые продаются там по более дешевой цене, чем в какую обходились бы стране, если бы она производила их сама. Этими покупками создается обоюдная торговля, так как если бы не хотели ничего покупать и продавать, уничтожили бы внешнюю торговлю и выгоду, доставляемую вывозом сырья, который несравненно более выгоден, чем вывоз изделий ручного труда. Земледельческая нация должна покровительствовать внешней активной торговле сырьем посредством внешней пассивной торговли изделиями ручного труда, которые она может купить с выгодой для себя за границей. Вот в чем заключается секрет торговли; при таких условиях не будем бояться превратиться в плательщиков других наций.

Примечание к тому же принципу

(Прежде всего королевство должно быть населено богатыми земледельцами.)

Английский городок Goodmanschester прославился в истории тем, что сопровождал своего короля самым почетным кортежем, состоявшим из ста восьмидесяти плугов. Нашим горожанам, привыкшим к мишурному блеску, это великолепие должно показаться довольно жалким. Существуют еще бестолковые и пустые люди, которые не знают, что одни только богатые земледельцы и богатые торговцы, занятые торговлей продуктами земледелия, оживляют торговлю, все исполняют, всем повелевают и управляют, будучи сами вполне независимы; это они обеспечивают доходы нации; они же после собственников, составляющих родовую, должностную и умственную аристократию, образуют класс граждан наиболее почетный, достойный и значительный в государстве. Однако этих самых почетных обитателей деревни, этих господ, патриархов и крупных сельских хозяев, которых буржуа знают лишь под презрительной кличкой *пейзанов*, хотят лишить даже школьных учителей, которые обучают этих почтенных людей читать, писать, приводить в строгий порядок свои дела и расширяют их сведения относительно разных сторон их положения.

£>то обучение, говорят буржуа, делает их пустым сутягами; следует ли допускать юридическую защиту по отношению к людям, возящимся с землей, осмеливающимся нахально сопротивляться тем, которые по достоинству своего пребывания в городе должны бы пользоваться особенным уважением и почетом со стороны жителей деревень. Таковы смешные и пустые претензии горожанина, этого наемника, оплачиваемого богатствами деревни.

Из всех способов приобретения нет более хорошего, выгодного, приятного и более достойного свободного человека, чем занятие ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ... По моему мнению, нет более счастливого занятия, чем земледелие; и не только по той пользе, какую приносит оно человеческому роду, но также и по тому довольству, удовлетворению и обилию всех произведений, необходимых не только для существования человека, но и для почитания богов.

Примечание к принципу XII

(Следует привлекать богатства в деревни, для того чтобы развить крупное и вытеснить мелкое землевладение.)

При крупном землевладении один человек, управляя плугом, в который запряжены лошади, выполняет то же самое количество работы, что и шесть человек при трех плугах, влекаемых быками. В этом последнем случае вследствие отсутствия первоначальных затрат, необходимых для устройства крупного хозяйства, годовые затраты слишком велики сравнительно с чистым продуктом, равняющимся почти нулю, и количеством употребляемой непроизводительно земли, в десять или двенадцать раз более, чем в первом случае. Собственники не находят фермеров, способных произвести нужные для хорошей обработки затраты; отсутствие затрат влечет за собой крайне убыточное истощение земли; сено, доставляемое лугами, потребляется быками земледельца во время зимы; летом же им предоставляется для пастбища часть поля; чистый продукт жатвы до того ничтожен, что достаточно малейшего налога, чтобы совершенно отказаться от обработки земли, что случается вскоре само собой вследствие бедности жителей. Говорят, что существует бедная нация, три четверти терри-

тории которой очутилось под мелким земледелием, причем около трети годных к обработке земель утратило всякую ценность. Но правительство стремится остановить ход этого упадка и принять меры для его устранения.

Примечание к принципу XIII

(Отнюдь не следует поощрять монополии в культуре полей; каждому должна быть предоставлена свобода возделывать на своем поле такие произведения, какие он найдет нужным.)

Одно время во Франции было распространено мнение, что достаточно стеснить разведение винограда для того, чтобы культура хлеба расширилась; это имело место, когда внешняя торговля хлебом была запрещена, когда даже сообщение между провинциями королевства с целью торговли зерновыми хлебами было затруднено; когда вследствие ограничения культуры хлеба внутренним рынком каждой провинции большая часть земель была заброшена и когда количество этих земель вследствие уничтожения винограда увеличивалось все более и более. Удаленные от столицы провинции были вынуждены тем не менее делать представления с целью протестовать против расширения культуры зерновых хлебов, которая за отсутствием сбыта не приносила в их краях никакого дохода, разоряя лишь собственников и фермеров и не принося того налога, которым были обременены земли. Так что все было направлено к уничтожению двух главных культур королевства и к все большему и большему обесценению земельных участков, одна часть землевладельцев пользовалась исключительными привилегиями в определенной культуре в ущерб другой части; жалкие результаты запрещений и ограничений торговли сырыми продуктами в королевстве, в котором провинции сообщаются реками и морями, а столица и все прочие города легко могут быть снабжены произведениями из всех частей территории и где удобства вывоза обеспечивают сбыт излишка.

Культура винограда является наиболее выгодной культурой во французском королевстве, так как чистый продукт с десятины винограда средним числом в три раза превосходит чистый продукт с десятины наиболее

плодородной земли, засеянной зерновым хлебом. Кроме того, следует заметить, что издержки, включенные в общее количество продуктов, доставляемых той и другой культурой, более производительны в культуре винограда, чем в культуре хлеба, так как издержки первой культуры, кроме прибыли, доставляют гораздо более заработной платы для людей; расходы же на подпорки и бочки содействуют сбыту леса, а люди, занятые в виноградарниках, свободны во время жатвы и представляют поэтому большое подспорье для земледельцев во время уборки зерновых хлебов. Кроме того, только что упомянутый класс людей, труд коих оплачивается землей, становясь очень многочисленным, увеличивает сбыт хлеба и вина и по мере расширения культуры поддерживает продажную ценность этих продуктов; с расширением же культуры увеличиваются и богатства, так как умножение богатств увеличивает численность всех общественных классов нации, а увеличение населения поддерживает в свою очередь наиболее совершенно продажную цену продуктов культуры.

Следует обратить внимание на то, что удобства внешней торговли сырьем, свободным от обременительных налогов, представляют большие выгоды для нации, владеющей обширной территорией, на которой она может разнообразить культуру для получения разнородных продуктов высокой ценности, в особенности же тех продуктов, которые не могут быть производимы в соседних странах. Продажа вина и водок за границу является для нас привилегированной торговлей, которой мы обязаны нашему климату и почве и которая в особенности должна поощряться правительством; поэтому ее не следует подвергать тяжелому обложению, отзывающемуся вредно и на взимании самого налога и на сбыте продуктов, служащих предметом большой внешней торговли, способной поддержать могущество королевства; налог должен просто и прямо падать на почву, производящую эти богатства, и при уравнивании общего обложения нужно щадить те продукты, сбыт коих за границу следует поощрять соответствующей ценой, так как за умеренность налога, падающего на эти продукты, государство будет вознаграждено в этом случае выгодным влиянием рассматриваемой торговли на все прочие источники богатств государства.

Примечание к тому же принципу

(После затрат на культуру доходы и налог являются богатствами первого порядка, обеспечивающими благоденствие нации.)

В чем заключается благоденствие земледельческой нации? — В крупных затратах, делаемых на воспроизводство и возрастание доходов и налога; в свободной и общедоступной внутренней и внешней торговле; в пользовании богатствами, производимыми ежегодно землей, в крупных денежных уплатах дохода и налога. Изобилие произведений получается при посредстве крупных затрат; потребление и торговля поддерживают сбыт и продажную цену произведений; продажная цена есть мерило богатств нации; богатства определяют размер, в каком может взиматься налог, доставляют деньги, которыми они оплачиваются; последние должны циркулировать в торговле, отнюдь не накапливаясь в странах в ущерб пользе и потреблению годичной продукции, которая с помощью воспроизводства и взаимной торговли должна обеспечить непрерывное существование настоящих богатств.

Чеканеная монета представляет из себя богатство, оплачиваемое другими богатствами и *являющееся для наций не чем иным, как посредствующим знаком между покупками и продажами*; будучи удерживаемо вне обращения и не обмениваясь на другие богатства, это богатство нисколько не содействует постоянному воспроизводству богатств государства, так что, чем более накапливается монеты, тем больших богатств она стоит, тем больше богатств извлекает она из воспроизводства и тем скорее разоряет нацию. Деньги, стало быть, представляют из себя действительное и полезное для государства богатство лишь в том случае, если постоянно обмениваются на другие богатства. Монета сама по себе есть не что иное, как бесплодное богатство, полезное благодаря лишь тому, что служит для продаж и покупок, для уплаты доходов и налогов, вызывающих ее циркуляцию, так что одни и те же деньги беспрестанно употребляются то для производства этих платежей, то для обращения в торговле.

Точно так же и денежные запасы земледельческой нации должны равняться приблизительно чистому про-

дукту, или годовому доходу, с земельных участков, так как в этой пропорции их оказалось бы более чем достаточно для употребления нации, большее количество монеты не было бы полезным богатством для государства. Хотя налог и уплачивается деньгами, но доставляют его не деньги, а ежегодно воспроизводящиеся богатства; в этих-то возрождающихся богатствах, а отнюдь не в денежных запасах, как думают обыкновенно, состоит благоденствие и сила государства. Последовательное возобновление этих богатств невозможно заменить денежными запасами, >но последние легко заменяются в торговле письменными обязательствами, посылаемыми за границу и гарантируемыми богатствами нации. Алчность к деньгам есть одна из сильных страстей, свойственных частным людям; каждый желает иметь богатства, представляющие собой другие богатства. Но эта алчность, отвлекающая деньги от их назначения, не должна быть страстью государства. Большое количество денег желательно в государстве лишь тогда, когда оно пропорционально доходу и является вследствие этого признаком постоянно возобновляемого большего богатства, пользование которым действительно и вполне обеспечено. Таково именно было при *Карле V*, прозванном *Мудрым*, изобилие денег, которое явилось следствием изобилия других богатств королевства. Об этом можно судить уже по тем богатствам, которые подробно перечислены в длинном инвентаре этого государя, не упоминая об остатке в 17 миллионов (около 300 миллионов на наши деньги), найденных в его сундуках. Эти громадные богатства тем более замечательны, что бюджет французских королей не достигал тогда и одной трети нынешнего бюджета.

Итак, деньги не представляют из себя настоящего национального богатства, которое беспрестанно потреблялось бы и (воспроизводилось: деньги не порождают денег. Правда, хорошо помещенный экю может породить два экю, но это благодаря лишь тому, что умножилось производство, а не деньги; последние, стало быть, не должны пребывать в бесплодных руках. Поэтому для государства не все равно, как думают некоторые, переходят ли деньги в карман Петра или Павла, так как существенно, чтобы деньги не выходили из рук того, кто употребляет их с пользой для государства. Строго

говоря, деньги, получающие в государстве подобное назначение, не имеют собственника; они принадлежат потребностям государства, которые вызывают их циркуляцию для воспроизводства богатств, поддерживающих существование нации и доставляющих подати государству.

Эти деньги не следует смешивать с теми пагубными деньгами, которыми спекулируют, отдавая их в рост, и которые ко вреду для государства избегают обложения, падающего на всякий годовой доход. Деньги, в которых чувствуется действительная потребность, имеют у частных людей известное назначение, которому, по моему мнению, они всецело и принадлежат. Деньги, предназначенные для действительной уплаты налога, принадлежат налогу; предназначенные для какой-либо покупки, принадлежат вызвавшей последнюю потребности; те, которые оживляют земледелие, торговлю и промышленность, принадлежат этому назначению, предназначенные для уплаты срочного долга или займа — принадлежат этому долгу и т. д., но совсем не тому, кто обладает ими: эти деньги принадлежат народу и никто не должен их удерживать, так как никому в частности они не принадлежат. Между тем эти самые разрозненные денежные суммы образуют главную массу денежных запасов истинно богатого королевства, в котором они употребляются постоянно с пользой для государства. Пусть же не колеблются продавать деньги за ту цену, какую они стоили, другими словами, вывозить за границу для покупки товаров, в которых чувствуется потребность. Иностранцы не игнорируют более выгод подобной торговли, в которой потребность обмена решает об употреблении денег в качестве товаров и товаров в качестве денег, так как деньги и товары представляют из себя богатства лишь в силу своей продажной ценности.

Деньги, изъятые и удержанные вне обращения, представляют собой ничтожный объект, который может быть скоро поглощен несколько учащенными займами. Между тем эти-то праздные деньги и производят иллюзию в простом народе; он смотрит на них как на истинные богатства и большой ресурс для удовлетворения потребностей государства, хотя бы даже такого великого государства, которое может быть действительно богатым благодаря только чистому продукту богатств, которые

производятся ежегодно его территорией и как бы порождают деньги, постоянно возобновляя и ускоряя их обращение.

Впрочем, когда государство при посредстве торговли своими произведениями богатеет и процветает, оно имеет благодаря своим торговым сношениям богатства в других странах и бумага заменяет ему деньги. Изобилие и сбыт его произведений обеспечивают ему повсюду пользование денежными запасами других наций. И в хорошо обработанном государстве никогда не отсутствовали деньги для уплаты государю и собственникам доходов, доставляемых чистым продуктом таких произведений почвы, которые способны обращаться в торговле и воспроизводиться ежегодно землей; но хотя деньги и не будут отсутствовать для уплаты этих доходов, не следует заблуждаться и воображать, что налог может покоиться на обращении денег*.

Деньги являются богатством, ускользающим от взора. Подати могут быть наложены лишь на источник таких богатств, которыми можно располагать по усмотрению, которые заметны, способны обращаться в торговле и постоянно воспроизводиться. Только здесь и образуются доходы государя; здесь же он может найти надежный ресурс для удовлетворения настоятельных нужд государства. Взоры правительства не должны поэтому останавливаться на деньгах; они должны обращаться гораздо далее и сосредоточиться на изобилии и продажной цене произведений земли — условиях, необходимых для возрастания доходов. В этой именно части видимых и ежегодно производимых богатств и состоит могущество государства и благоденствие нации; эта именно часть привязывает и привлекает подданных к земле. Деньги, промышленность, меркантильная и перевозочная торговля образуют лишь временно независимое владение, которое без произведений почвы могло бы образовать лишь республиканское государство. Даже Константинополь, который, не занимаясь земледелием, принужден довольствоваться богатствами, доставляемыми перевозочной торговлей, и тот среди своего деспотизма сумел обнаружить в своих сношениях и в свободном заведовании торговыми богатствами гениальность и независимость.

* См что говорилось о налоге выше.

Примечание к принципу XIV

(Следует поощрять скотоводство.)

Выгоды, достигаемые поощрением названной отрасли хозяйства, заключаются для государства в сбыте, употреблении и пользовании шерстью, большом потреблении мяса, молочных продуктов, масла, сыра и т. п., потреблении, которым должен довольствоваться по преимуществу простой народ, всегда наиболее многочисленный; лишь благодаря этому потреблению окот имеет сбыт и его разводят; точно так же удобрение, которое доставляет окот земле и которое обеспечивает обильные жатвы, получается благодаря тому же скотоводству. Обилие жатвы и домашнего скота обеспечивает государство средствами существования и устраняет всякие опасения относительно голода. Пища, доставляемая людям скотом, уменьшает потребление хлеба, который нация может продавать в большем количестве за границу, постоянно увеличивая торговлей столь драгоценным продуктом свои богатства. Проистекающий отсюда достаток простого народа также немало содействует процветанию государства.

По отношению к доходу собственника доход, доставляемый скотоводством, неразрывно соединен с доходом от земледелия, так как в странах, в которых затраты фермеров не подвергаются риску быть обложенными произвольным налогом, арендная плата за ферму устанавливается по принятии в соображение количества продуктов, доставляемых земледелием и скотоводством вместе. Но, когда налог падает на фермера, доходность земель уменьшается, ибо фермеры не решаются производить затраты на покупку скота из опасения, что этот скот, будучи заметным объектом, будет обложен каким-либо разорительным налогом. В таком случае вследствие недостатка скота, который мог бы доставить удобрение для земли, культура ее приходит в упадок, расходы, вызываемые обработкой истощенных земель, поглощают чистый продукт и уничтожают доходность земель.

Прибыль, доставляемая скотоводством, настолько содействует производительности земельных участков, что последняя достигается лишь с помощью первой, так что при исчислении продуктов культуры, составляющих доход собственников, нельзя оценивать в отдельности то

содействие, которое оказывают друг другу эти отрасли хозяйства. В действительности благодаря скорее окопу получается чистый продукт, доставляющий доходы и налог, чем труду людей, который вряд ли окупил бы расходы на их существование. Но на покупку скота необходимы крупные затраты, почему правительству и следует привлекать в деревни скорее богатства, чем людей; в людях недостатка не будет, раз имеются богатства, но без последних все погибнет, земли утратят свою ценность и королевство очутится и без ресурсов и без сил.

Необходимо, следовательно, чтобы существовала полнейшая безопасность для свободного помещения богатств в земледелие и совершенная свобода в торговле продуктами. И те богатства, которые служат для воспроизводства новых богатств, не следует обременять налогами. Кроме того, фермеры и их фамилии должны быть изъяты от всяких личных повинностей; иначе эти зажиточные обитатели, столь необходимые для своего дела, перевезли бы свои богатства, затрачивавшиеся на земледелие, в города с целью воспользоваться там привилегиями, которые невежественное правительство из особенной склонности к горожанам, этим людям наживы, предоставляет городам. Самодовольные буржуа, в особенности же мелочные торговцы, которые наживаются исключительно на счет публики, эти буржуа, говоря, в покровительствуемом и почитаемом земледелии наши бы для своих детей более солидные и менее зависимые занятия, чем в городах; их богатства, вывезенные в деревни, улучшили бы земли, умножили богатства и обеспечили бы процветание и могущество государства.

Следует сделать одно замечание относительно дворянства, занимающегося земледелием в своих поместьях. В этом сословии найдется много лиц, не имеющих земельной собственности, достаточной и для употребления всех их плугов и для полного применения их способностей, почему они теряют как на издержках производства, так и вследствие неприменения своих способностей. Что было бы позорного для знати, если бы ей разрешили снимать в аренду землю с целью расширения культуры и применения своих способностей на пользу государства, в особенности же в стране, где бремя постыдного налога

не падало бы более ни на личность, ни на земледельцев? Есть ли что-либо унижительного в том, что герцог или пэр нанимает отель в городе? Платеж арендной платы не устанавливает какой-либо зависимости к кому бы то ни было, точно так же как и покупка платья, платеж ренты, займа и т. п. Кроме того, следует заметить, что в земледелии владелец земли и владелец затрат, производимых на ее обработку, оба являются в одинаковой степени собственниками и в этом отношении достоинство обоих одинаково'. Знать, расширяя свои предприятия на землю, способствовала бы этим благоденствию государства и нашла бы в -них ресурсы для своих издержек и расходов, производимых их сыновьями во время военной службы. Во все времена земледелие было тесно связано с дворянством. У свободных народов аренда земель, изъятых от произвольных и личных налогов, представляет сама по себе явление совершенно индифферентное. Поземельная подать, падающая на землю и от которой не изъято даже дворянство, никогда не позорила ни знати, ни земледелия.

Примечание к принципу XVI

(Каков сбыт, таково и воспроизводство.)

Приостанавливая внешнюю торговлю зерновым хлебом и другими сырьевыми продуктами, заставляют земледелие сообразоваться с количеством населения, тогда как следует содействовать увеличению последнего, расширяя земледелие. Продажа сырых продуктов за границу увеличивает доходность земельных участков; увеличение издержек привлекает в государство людей, возрастание населения увеличивает потребление сырых продуктов; увеличение же потребления и продажи этих продуктов за границу ускоряет в свою очередь прогресс земледелия и возрастания населения и доходов.

Вследствие свободы и общедоступности внешней торговли как вывозной, так и ввозной зерновые хлеба постоянно имеют более равномерную цену; под последней разумеют цену, которая устанавливается среди торгующих наций. Подобная торговля постоянно уравнивает неодинаковость годовичного урожая в разных странах; она

доставляет по очереди тем нациям, которые постиг неурожай, излишек хлеба тех наций, которые получили обильный урожай, поддерживая тем самым всегда и всюду производство и цены почти на одинаковом уровне. Вот почему торговые нации, не имеющие земель для возделывания, имеют столь же обеспеченный хлеб, как и те, которые обрабатывают громадные территории. Малейшая выгода в цене, получаемая одной страной, привлекает туда товар, и равенство цены постоянно восстанавливается.

Между прочим, было отмечено, что, помимо сбыта за границу и более высокой цены, одно более или менее устойчивое равенство цен увеличивает более чем на одну десятую долю земельный доход; увеличивает и обеспечивает затраты, предупреждает чрезмерную дороговизну, уменьшающую население, и препятствует обесценению, которое изнуряет земледелие. Напротив, при запрещении внешней торговли наступает часто недостаток в предметах необходимости. Культура земель, чересчур стесненная размером потребностей нации, заставляет цены колебаться в зависимости от хорошего или дурного урожая страны — большая часть земель обесценивается и теряет доходность, непрочность сбыта беспокоит фермеров, они приостанавливают затраты на культуру и арендные цены понижаются. И по мере того как нация страдает от обманчивой предосторожности, упадок этот все более и более возрастает, пока наконец страна не разорвется совершенно.

Если бы с целью избежать недостатка в зерновом хлебе запретили торговцам продавать его за границу и наполнять им амбары в урожайные годы, для того чтобы восполнять этими запасами недостаток хлеба в неурожайные годы, если бы вздумали воспретить, говорю я, учреждение этих свободных магазинов, благодаря которым конкуренция торговцев предупреждает монополию, обеспечивает земледельцам сбыт во время урожая и поддерживает изобилие во время неурожая, — то из принципов администрации столь боязливой и чуждой земледельческой нации, которая может обогатиться лишь при наличности сбыта для своих продуктов, можно было бы заключить, что следовало бы стеснить по возможности также и потребление в стране хлеба, сводя потребление простого народа к картофелю, черному хлебу, жолудям

И т. п. В силу столь Неуместной и губительной предусмотрительности следовало бы воспретить также транспорт хлеба из провинций, где он находится в изобилии, в провинции, лишенные его. Какое заблуждение! Какую монополию установило бы это произвольное и разорительное регулирование! Что случилось бы с доходами, налогом, заработной платой и силами нации?

Примечание к принципу XVIII

(Низкая цена сырых продуктов сделала бы торговлю невыгодной для нации.)

Если, например, покупают за границей известное количество товара за один сетье хлеба, стоящий 20 ливров, то понадобилось бы два сетья, чтобы оплатить то же количество этого товара в том случае, если бы правительство принудило понизить цену хлеба до 10 ливров.

Примечание к тому же принципу

(Какова продажная ценность, таков и доход.)

В каждом государстве следует различать блага, которые имеют потребительную ценность, не имея продажной, от богатств, имеющих и потребительную и продажную ценность. Дикие племена Луизианы пользовались, например, многими благами, как-то: водой, лесом, дичью, *продуктами почвы и т. п., которые не составляли* богатства, не имея продажной ценности. Но с тех пор как эти племена завязали некоторые торговые сношения с Францией, Англией, Испанией и т. д., часть этих благ приобрела продажную ценность и стала богатством. Итак, администрация королевства должна стараться обеспечить народу в одно и то же время и возможно большее изобилие продуктов, и возможно большую продажную ценность их, так как, имея большие богатства, она обеспечит посредством торговли все прочие вещи, какие только понадобятся ей, в пропорции, соответствующей состоянию ее богатств.

Примечание к принципу XIX

(Дешевизна съестных припасов не выгодна для бедных классов населения.)

Дороговизна хлеба, например, хотя бы постоянно существующая в земледельческом государстве, была бы более выгодна для простого народа, чем низкие цены. Поденная плата ремесленника устанавливается довольно естественным путем в соответствии с ценой хлеба и равняется обыкновенно одной двадцатой доле цены сетье. При этом условии и предположив, что цена хлеба постоянно равнялась бы 20 ливрам, ремесленник заработал бы в течение года около 260 ливров, издержал бы на хлеб для себя и своей семьи 200 ливров, и 60 ливров ему осталось бы на прочие потребности. Если же, наоборот, сетье стоил бы только 10 ливров, он заработал бы только 130 ливров, из них издержал бы на хлеб 100 ливров, и на остальные потребности ему осталось бы лишь 30 ливров. Точно так же замечено, что провинции, где хлеб дорог, гораздо более населены, чем те, где он дешев.

Та же самая выгода получается и для всех других классов общества, так как увеличивается прибыль земледельцев, доход собственников, налог и благоденствие государства. Продукт земли в этом случае с избытком вознаграждает за возвышение издержек на заработную плату и пропитание. В этом легко убедиться, высчитав количество издержек и возвысившуюся сумму продуктов.

Примечание к принципу XX

(Не следует уменьшать достатки простого народа.)

Чтобы оправдать притеснения деревенских жителей, сборщики податей выставили принцип, по которому *крестьяне должны оставаться бедными, для того чтобы не могли облениться*. Спесивые буржуа охотно усвоили этот варварский принцип, потому что недостаточно обращают внимание на другие более верные принципы вроде того, например, что человек, не имеющий возможности делать сбережения, работает лишь для того, чтобы не умереть с голода, и что в общем всякий человек, имею-

ций возможность сберечь, трудолюбив, так как всякий человек стремится к богатству. Истинная причина лениности забитого крестьянина заключается в слишком низкой заработной плате и в недостатке занятий в тех странах, в которых препятствия, чинимые торговле сырьем, обесценили съестные продукты или где другие причины разорили земледелие. Притеснения, низкая цена съестных припасов, заработок, недостаточный для того, чтобы побудить крестьян к работе, — вот что делает их браконьерами, бродягами и ворами. Принудительная бедность не является, стало быть, средством сделать крестьян более трудолюбивыми. Лишь обеспеченная собственность и спокойное пользование своим заработком могут ободрить их и сделать более энергичными.

Министры, руководимые гуманными чувствами, высшим образованием и более широкими взглядами, с негодованием отвергают ненавистные и разрушительные принципы, которые ведут только к запустению деревень; они не игнорируют, что лишь богатства жителей деревни порождают богатства нации. *Бедны крестьяне — бедно и королевство.*

Примечание к принципу XXII

(Крупные издержки на потребление средств питания поддерживают хорошую цену съестных продуктов и воспроизводство доходов.)

То, что говорится здесь относительно больших издержек на потребление съестных припасов, относится лишь к земледельческим нациям. Совсем иное следует сказать относительно маленьких торговых наций, не имеющих территории, ибо в их интересах сберечь на всякого рода издержках для того, чтобы сохранить и увеличить фонд богатств, необходимых для торговли, дабы торговать с меньшими издержками, чем другие нации, и тем самым обеспечить себе выгоды конкуренции при покупках и продажах за границей. Эти маленькие торговые нации следует рассматривать как торговых агентов больших государств; последним гораздо выгоднее торговать через их посредство, чем заниматься самим всевозможного рода торговлей, ибо они производили бы ее

с большими расходами и извлекали бы из нее меньшую выгоду, чем какую получили бы, вызвав у себя сильную конкуренцию иностранных торговцев, так как лишь с помощью возможно большей конкуренции, доступной для торговцев всего света, может нация обеспечить себе наилучшую цену, возможно лучший сбыт произведений своей территории и предохранить себя от монополии своих торговцев.

Примечание к принципу XXVI

(Следует обращать меньшее внимание на увеличение населения, чем на возрастание доходов)

Присущее всем нациям стремление к военному могуществу и незнание того, что действительно необходимо для ведения войны, — обыкновенно думают, что для этого требуются только люди, — дало повод предполагать, что сила государства заключается в многочисленном населении. При этом просматривают, что для ведения войны совсем не требуется такого уж большого количества людей, как представляется это с первого взгляда. Очень многочисленные армии обыкновенно бывают, да и должны быть наиболее пагубными для нации, которая разоряется, употребляя их лишь для того, чтобы разбить неприятеля, потому что та часть нации, которая составляет войско, не может ни существовать, ни действовать без содействия части нации, платящей налоги.

Некоторые поверхностные умы предполагают, что большие богатства добываются многочисленным населением, но они забывают, что люди могут получать и воспроизводить богатства лишь с помощью богатств и лишь до тех пор, пока существует надлежащая пропорция между людьми и богатствами.

Нация постоянно думает, что она не обладает достаточным количеством людей, не замечая, что в стране не имеется достаточных средств для поддержания большого населения и что люди без собственных средств полезны для страны лишь в том случае, если находят в ней обеспеченный заработок, дающий им возможность существовать своим трудом. За отсутствием заработка часть

сельского населения может, конечно, заняться для своего пропитания возделыванием некоторых дешевых продуктов, которые не требуют ни больших издержек, ни продолжительного труда и жатва которых не заставляет себя долго ждать, но эти люди, произведения и земли, на которой они произрастают, для государства не имеют никакого значения. Для того чтобы извлечь из земли доход, необходимо, чтобы сельские работы, помимо заработной платы, доставили чистый продукт, так как лишь чистый продукт дает средства для существования другим общественным классам, необходимым для государства. Вот этого-то и нельзя ожидать от бедных людей, обрабатывающих землю с помощью рук своих или других несовершенных орудий; они только и могут что раздобыть себе средства существования, не имея возможности заняться культурой хлеба, последняя требует слишком много времени, труда и издержек, чтобы быть выполненной людьми, лишенными способностей и вынужденными добывать из земли средства пропитания с помощью только своих рук.

Не этим бедным крестьянам, стало быть, можете доверить вы обработку своих земель. Домашний скот— вот кто должен обрабатывать и удобрять ваши поля. Потребление, сбыт, удобства и свобода внутренней и внешней торговли — вот что обеспечивает продажную ценность, из которой образуются ваши доходы. Следовательно, богатым людям — вот кому должны вы предоставить культуру земель и сельскую торговлю. Только тогда вы и сами разбогатеете, обогатите государство и произведете неиссякаемые богатства; при наличии же последних вы можете с избытком пользоваться произведениями земли и ручного труда, содержать сильное войско для защиты от врагов и делать щедрые затраты на общественные работы; с помощью же последних вы можете доставить нации предметы удобства, облегчить торговлю вашими товарами, укрепить ваши границы, содержать значительный флот, украсить королевство и доставить трудовым классам заработок, которые привлекали бы и удерживали их в пределах королевства. Итак, управление земледелием и торговлей его продуктами является в земледельческой нации основанием для министерства финансов и всех прочих частей администрации.

Одних огромных армий недостаточно для успешной защиты от врага; для этого нужно хорошо платить солдатам, чтобы они были хорошо дисциплинированы, развиты, сильны, довольны и мужественны. Война на суше и море требует также и других средств, кроме человеческих армий, и требует других издержек, гораздо более значительных, чем средства на содержание солдат. Так что скорее богатства, чем люди, поддерживают войну, пока имеются богатства для уплаты жалованья солдатам, до тех пор не будет недостатка в них для пополнения армий.

Чем более богатств имеет нация для годовичного воспроизводства богатства, тем менее людей требует оно, тем больший чистый продукт доставляет оно и тем более людей может занять правительство на службе и общественных работах; и чем более имеется средств для уплаты солдатам жалованья, на которое они существуют, тем более эти люди полезны государству своим трудом и издержками, благодаря которым плата их снова поступает в обращение.

Выигранные битвы, в которых только убивают людей, не нанося другого урона, мало ослабляют неприятеля, если только жалованье тех людей, которых он потерял, остается и достаточно для привлечения других людей.

Армия в сто тысяч хорошо оплачиваемых человек равняется армии в миллион людей, так как всякая армия, в которую привлекает людей жалованье, не может быть истреблена. Сами солдаты, следовательно, более всех заинтересованы в том, чтобы храбро защищаться; они могут потерять при этом всего более, потому что недостатка в их преемниках, твердо решившихся бороться с опасностями войны, никогда не будет. Богатства — вот что, следовательно, поддерживает честь армии. Герой, который выигрывает битвы, берет города, приобретает славу и вскоре приходит в совершенное изнеможение, не является еще завоевателем. Историк, который в рассказе о военных действиях останавливается лишь на чудесном, плохо осведомляет потомство об успехах действительно решающих военных событий, если оставляет его в неведении относительно положения настоящих сил и политики тех наций, историю которых пишет, так как лишь в постоянном довольстве плательщиков нации и в па-

триотических добродетелях отстоит истинное могущество государств.

То же самое следует заметить и относительно общественных работ, облегчающих возрастание богатств, каковы суть: проведение каналов, исправление дорог, речных путей сообщения и т. п. Эти работы не могут быть выполнены иначе, как при благосостоянии плательщиков, имеющих возможность содействовать затратам на эти издержки без вреда для годовичного воспроизводства богатств нации; иначе эти дорогие, хотя и очень желательные работы, явились бы вследствие неправильного обложения или беспрерывной барщины разорительными предприятиями, последствия которых не окупились бы пользой этих принудительных и тягостных работ, так как упадок государства с трудом восстанавливается. Разрушительные причины, все более и более усиливаясь, делают бесполезной всю предусмотрительность и все усилия государства, когда хотят только уничтожить их влияние, не доискиваясь до самых причин. Для своего времени это было хорошо доказано автором книги, изданной в 1669 г. под заглавием *«Подробное описание Франции при Людовике XIV»*. Этот автор относит начало упадка к 1660 г. и прослеживает ход его до времени издания книги; он утверждает, что доходы с земельных имуществ, равнявшиеся приблизительно 700 миллионам (1400 миллионам на нашу теперешнюю монету), за промежуток времени с 1660 по 1669 г. уменьшились вдвое; он замечает, что это ужасное сокращение доходов следует приписать не количеству налогов, но дурному способу обложения и его последствиям. Так как подобное управление продолжало еще действовать, то отсюда можно судить и о дальнейшем ходе этого сокращения.

Обложение налогами было так неустроенно, что из 750 миллионов налогов королевская казна получила при Людовике XIV лишь 250 миллионов; это ежегодно лишало плательщиков пользования 500 миллионами, не считая ежегодного убытка, который причиняла произвольная подать (taille), падавшая на фермеров. Многочисленные и разорительные налоги на всякого рода издержки возросли до того, что коснулись и издержек по взиманию самих налогов в ущерб государю, для которого большая часть доходов оказалась совершенно призрач-

ной. Лучшим управлением, замечает далее автор, можно было бы весьма быстро и в значительной степени увеличить получаемую сумму налогов и обогатить подданных, уничтожив это гибельное обложение и оживив внешнюю торговлю зерновым хлебом, винами, шерстью и т. п. Но кто мог бы осмелиться на подобную реформу в то время, когда не имели никакого понятия об экономической политике земледельческой нации? Указанным путем, как думали тогда, можно было бы лишь ниспровергнуть колонны здания.

О РЕМЕСЛЕННОМ ТРУДЕ

Второй диалог

М. Х. — В последней нашей беседе мы ограничились обсуждением лишь тех доводов, которые побудили вас поместить торговлю в класс занятий, называемый вами *бесплодным*. Но этот класс, которому придаете вы название *бесплодного*, в отличие от того, который называете *производительным*, ограничивая тем самым идею о производстве только богатствами, рождаемыми землей, должен, стало быть, обнимать все прочие занятия и работы, которые не употребляются непосредственно для того, чтобы воспроизвести богатства и сбыть их путем продажи из первых рук. Я допускаю, что было бы трудно, согласно вашему подразделению, подвести все эти занятия под какое-либо другое родовое название, чем избранное вами, так как торговля, науки, искусства, гражданская и военная служба, домашняя прислуга, праздные рантье и даже нищие представляют столько предметов, услуг, трудов и различных занятий, отличающихся от производства, взятого в физическом наиболее узком смысле, что я не вижу родового термина, который в точности подходил бы ко всем им. Вот почему я с трудом допускаю ваше деление и те наименования, которые вы присоединяете к нему для пояснения. Это деление представляется мне тем менее точным, что вы различаете поземельных собственников от тех общественных групп, которые называете *производительным* и *бесплодным* классами.

М. Н. — Вы должны заметить, мой друг, что все в природе находится во взаимном соприкосновении и что все в ней проходит через переплетающиеся друг с другом круги. При неизбежном соприкосновении этих различных движений нельзя следить, расчленять и рассматривать объекты иначе, как при помощи отвлеченных понятий. Эти понятия ничего в природе не устанавливают, не перемещают и ничего не обнимают в этом хаосе иначе, как отвлеченно и с помощью расчленения. Всякое отношение может быть выделено здесь по тем причинам и действиям, которые его характеризуют. Чем более надеешься прийти к точным различиям, тем более приходишь только к некоторым причинам и некоторым действиям, что дает возможность, не теряя из виду общего сцепления, ясно представлять себе типичные отношения по их различному влиянию на общий строй природы. Ограничиваясь в настоящем случае исследованием физического порядка, наиболее выгодного для людей, соединенных в общество, мы рассматриваем лишь в общих чертах те занятия людей, которые содействуют общему благу; поэтому мы различаем эти занятия по их причинам и действиям, наиболее замечательным и отчетливым (*distincts*), для того чтобы отнести их к основным, ведущим (*quééñales*) классам. Лишь с помощью такого отвлечения можно изучить и оценить взаимные отношения этих различных классов людей и занятий в общественном строе, дать им наименования, наиболее подходящие к их назначению и наиболее удовлетворяющие точности выражений, которую следует соблюдать при подробном изложении экономической науки.

Идея производства или порождения (*regeneration*), которая является в данном случае основанием для различия основных классов граждан, заключена в физических границах, столь твердо установленных действительностью, что они не могут соответствовать неопределенным выражениям, употребляемым в обыкновенном языке. Но не естественному же порядку сообразоваться с таким языком, который передает лишь неопределенные и двусмысленные выражения; скорее последние следует согласовывать с точным знанием естественного порядка при расчленении, строго соответствующем действительности.

Я замечаю, что различие между производительным и бесплодным классом, понимаемое вышеуказанным

способом, не позволяет, как вам кажется, чтобы между ними поместили какой-нибудь другой класс, так как не имеется, по-видимому, ничего среднего между утверждением и отрицанием, между классом производительным и классом непроизводительным. Это верно в случаях, исключаящих все другие отношения. Но вам легко заметить: 1) что собственники, которые совсем не затрачивают издержек и труда на культуру земель (что не позволяет отнести их к производительному классу), сделали тем не менее первоначальные затраты, чтобы сделать земли годными для обработки; на их же руках лежит поддержание своего владения — все это не позволяет более смешивать их с бесплодным классом; 2) кроме того, между этими двумя крайними классами имеется общение, постоянно поддерживаемое благодаря жатве и издержкам того класса, который является между ними посредником. Общественный строй необходимо подразумевает этот третий класс граждан, состоящий из первоначальных работников, охранителей культуры и *собственников*, расходующих чистый продукт.

С этой последней точки зрения и следует рассматривать, в частности, этот *смешанный* класс в его отношении к двум остальным классам; сношения последних между собой являются следствием сношений, которые он сам поддерживает с этими двумя классами. Выделение класса собственников неизбежно, стало быть, для того, чтобы проследить ясно и беспрепятственно ход сношений между различными общественными группами. Таким образом, это различие не только не может внести путаницы в ваши представления, но, наоборот, должно послужить к связи и упорядочению их.

М. Х. — Это было бы справедливо, если бы я, подобно вам, ограничивал производство лишь теми богатствами, которые рождаются из земли. Но я не могу скрыть от вас, что я всегда признавал настоящее производство и за изделиями ремесленников, несмотря на все диссертации, которые публикуются с некоторого времени с целью вызвать прекращение этого производства.

М. Н. — Никто никогда не стремился к прекращению производства изделий, выделяемых посредством ремесленного труда; точно так же несомненно, что существует производство тех самых изделий, на которые вы указываете. Но вы должны были бы заметить, что в со-

чинениях, указываемых вами, речь идет не об этом производстве, т. е. не о простом производстве форм, которые придают ремесленники материалу своих изделий, но о реальном производстве богатств; я говорю — реальном, так как не хочу отрицать, что при выработке ремесленником своих изделий не происходит прибавки богатств к первоначальному материалу. Труд этих людей действительно увеличивает ценность сырого материала, употребленного на изделия.

М. X. — Вы сделали сейчас, мой друг, признание, которое, на мой взгляд, решительно подкрепляет мое мнение, и я думаю, что наш спор не может более продолжаться. Но это признание внушает мне в то же время некоторое недоверие, препятствующее мне предаться всецело тому предубеждению, которое я давно питаю в пользу моего мнения. Вы, по-видимому, совсем не расположены ограничиться сделанным замечанием, которым предполагали, без сомнения, совершенно устранить из спора ходячие мнения, затемняющие бесполезно вопрос. Уверяю вас, однако, что я не замечая, куда приведут вас дальнейшие рассуждения.

М. Н. — Вы ошибаетесь, мой дорогой друг, если полагаете, что я имею намерение исключить из спора те вульгарные мнения, о которых вы только что упомянули: это не был бы кратчайший путь для окончания нашего спора. И я прошу извинить меня, если откровенно выскажу, что как раз эти самые вульгарные мнения разделяются вами; и вы представляли бы их мне без конца, если бы я не начал обнаруживать их противоречие между собой, чтобы побудить вас быть на стороже против господствующих иллюзий, в которые они вас вовлекли. Признайтесь откровенно: разве вы не сказали бы мне, что сапожник, смастеривший пару башмаков, произвел увеличение богатств, так как продажная ценность этой пары башмаков значительно превосходит ценность кожи, употребленной на них; следовательно, одна только продажная ценность придает продуктам свойство богатств. И вы думаете почерпнуть отсюда неотразимый аргумент в пользу производительности работы сапожника, в пользу, говорю я, реальности истинного производства богатства?

М. X. — А разве подобный аргумент не убедителен даже с вашей точки зрения? Вы советуете мне остере-

гаться ходячих мнений; я же замечаю, напротив, что мне следует остерегаться некоторых увлекательных софизмов, которые могли бы овладеть мною, хотя я и готов признать истину, которая представляется вполне очевидной.

М. Н. — Следовательно, я был прав, предполагая, что неминуемо придется коснуться тех ходячих мнений, которые, как думали вы, я хотел исключить из нашего опора. В действительности я не знаю других доводов, которые можно было бы привести в подтверждение производства богатств посредством ремесленного труда. Вот тезис, который вы беретесь доказать; это — те самые мнения, которые привели бы вы сами, если бы моей первой заботой не было привести их и указать на двусмысленность, скрытую в языке, на котором обыкновенно их излагают.

Но не опасайтесь, мой дорогой друг, что я имею коварное намерение прибегнуть к некоторым софизмам, для того чтобы убедить вас. Я предполагаю идти прямым путем вместе с вами. Я думаю, что, чем более открыто будем мы подвигаться вперед, тем скорее придете вы к сознанию и тем более будете вы удивлены тому пути, который привел нас к нему. Путь этот очень знаком вам, и вы проходили его несколько раз вплоть до того места, на котором находимся мы, но вы не уделяли достаточного внимания различным предметам, которые представлялись вашим взглядам.

Необходимо различать прибавку к известной сумме богатств (*une addition de richesses réunies*) от производства богатств; другими словами, увеличение посредством присоединения (*par réunion*) к первоначальному материалу издержек на потребление вещей, существовавших до этого увеличения, от порождения или создания богатств, которое является возобновлением и реальным приращением возрождающихся богатств (*...une génération, ou création de richesses, qui torment un renouvellement et un accroissement réel de richesses renaissantes*).

Те, которые не различают этого истинного от того мнимого увеличения богатств, впадают, сами того не замечая, в постоянные противоречия всякий раз, когда рассуждают о мнимом производстве богатств, являющимся результатом труда ремесленников.

Они соглашаются, что, чем более сберегает страна без ущерба на расходах и дорого стоящих работах, затрачиваемых на фабрикацию (fabrication) ремесленных изделий, тем выгоднее является это сбережение вследствие уменьшения цены этих изделий. Это не мешает думать, что производство богатства, которое следует из работ ремесленников, состоит в увеличении продажной цены этих изделий. Эти противоречивые идеи существуют в одной и той же голове и постоянно сталкиваются, причем люди не замечают обыкновенно этого разногласия.

Дорогостоящий труд рабочего, занятого плетением кружев, увеличивает продажную ценность ниток, которые являются первоначальным материалом для кружева. Стало быть, заключают эти лица, плетение кружева произвело увеличение богатства. Так же рассуждают и о труде художников, которые рисуют весьма дорогие картины; чем дороже оплачивается труд художников и ремесленников, тем производительнее является он.

Этот стакан для питья стоит один су, первоначальный же материал, употребленный для его изделия, стоит один лиар*; труд ремесленника, сделавшего этот стакан, учетверил ценность этого материала. Производство богатства, стало быть, вызвало в данном случае тройное увеличение; так что, по-вашему, было бы очень выгодно найти способ делать подобный стакан посредством труда, затрачиваемого двумя рабочими в продолжение года, и еще выгоднее, если этот труд займет четырех рабочих в продолжение двух лет. Оставаясь последовательным, вы сказали бы нам, что было бы крайне невыгодно, если бы изобрели машину, которая плела бы без всяких расходов или с незначительными расходами прекрасные кружева и рисовала превосходные картины. И действительно, изобретение книгопечатания дало повод к чрезвычайно серьезным рассуждениям относительно уменьшения производительности труда писателей, однако после тщательного исследования книгопечатание было вполне одобрено. Итак, мой дорогой друг, согласите, если можете, ваши идеи со всеми этими противоречиями. Если же вы не в состоянии этого сделать, то тема

* Мелкая медная монета, равнявшаяся четвертой части су. (Примеч. перев.)

о мнимом производстве (богатств посредством ремесленного труда не заслуживает дальнейшего обсуждения.

М. Х. — Вы не замечаете, мой друг, что впадаете в ту же путаницу по отношению к труду *производительного* класса. Разве не стремятся сберечь как можно более на этом труде? И разве можно заключить отсюда, что труд этот не производителен?

М. Н. — Увертки и скачки довольно часто встречаются в разговорах, и вы, мой дорогой друг, стараетесь, по-видимому, избежать затруднения, создавая другое затруднение, которое сейчас будет разрешено нами; но, прежде чем заняться им, закончим окончательно вопрос о мнимом производстве богатств посредством занятия ремеслами и промышленностью. Вы не станете, конечно, упорствовать более в смешении этого производства с Придаaniem формы изделиям ремесленников, художников, строителей, фабрикантов, промышленников и т. п. Нет ли у вас других каких-либо доводов, которые могли бы вы привести в пользу своего мнения?

М. Х. — Я хорошо понимаю, что не следует смешивать производства богатств, которое может иметь место вследствие труда ремесленников, ни с производством их изделий, ни с увеличением цены, которое причиняют вызываемые трудом расходы (*les frais du travail*). Последний, действительно, всегда неотделим от необходимых издержек на средства существования рабочих; но благодаря этим самым издержкам является производство богатств, с какими имеет дело промышленность ремесленников, ибо только эти самые издержки и обеспечивают продажу произведений земли и поддерживают их цены. Так что, согласно с вами, одна только продажная ценность продуктов, продаваемых из первых рук, придает им свойство богатства и является в то же время мерилом богатств, производимых ежегодно территорией. Эти издержки, о которых говорю я, расширяют потребление, усиливают конкуренцию покупателей и увеличивают, таким образом, цену произведений, а вместе с ней, следовательно, и годовые богатства страны, население и потребление. В этом самом кругообороте и состоит, следовательно, реальное производство богатств, которым обязано оно трудам промышленности.

М. Н. — Что касается до кругооборота, который вы только что изобразили, то вы упускаете один очень су-

щественный пункт, который пояснил бы нам его происхождение и размеры. Думаете ли вы, что он может расширяться сверх размеров годового воспроизводства, которое само является мерилом годовых издержек страны? Не видите ли вы, наоборот, что это мерило ограничивает издержки, которыми оплачиваются труды ремесленников, и регулирует, следовательно, потребление, которое эти ремесленники могут оплатить производительному классу?

Очевидно, здесь имеет место лишь циркуляция без увеличения богатств, регулируемая размером годовых издержек страны; размер же последних в свою очередь равняется размеру богатств, ежегодно рождаемых территорией. Труды художников и ремесленников не могут, следовательно, расширяться сверх пропорции издержек, которые нация может затратить на них; последние же должны находиться в соответствии с общей суммой издержек, которые может эта нация затрачивать ежегодно.

Эти труды не могут, стало быть, вызвать прироста богатств, издерживаемых ежегодно страной; они сами ограничены размером этих богатств, которые могут возрасти лишь с помощью сельскохозяйственных работ, а не с помощью издержек на труды ремесленников. Таким образом, происхождение и начало всяких издержек и богатств заключается в плодородии земли, продукты которой нельзя умножить иначе, как с помощью ее же продуктов. Одна только земля возвращает земледельцу те затраты, которые делает он с целью удобрить ее, чтобы она была в состоянии производить более. Ремесленник может действовать этому лишь фабрикацией некоторых инструментов, необходимых, чтобы вспахать землю, которые при отсутствии ремесленника сделал бы сам земледelec. Кто бы ни был работником, все равно, необходимо, чтобы земля заранее произвела то, что он потребил для поддержки своего существования; следовательно, не его труд производит эти средства существования. Потребление средств существования также ничего не производит; оно является лишь уничтожением богатств, произведенных ранее землей. Тщетно рассчитывал бы рабочий, усилив свой труд, поднять свое вознаграждение или расширить свое потребление; он не может увеличить ни того, ни другого сверх того количества продуктов, которое

существует в действительности для пропитания как его самого, так и земледельца и всех прочих людей, составляющих нацию.

Вы должны, следовательно, заметить, что отнюдь не спрос ремесленников, которые могут платить одним только полученным вознаграждением, регулирует цену произведений. Сами потребности и само количество продуктов — вот что определяет продажную ценность.

М. Х. — Вы, конечно, не отвергаете, мой друг, что существуют изделия, цена которых значительно превосходит издержки производства; таковы, например, картины великих художников и все прочие изделия артистов, выдающихся в своей профессии.

М. Н. — Вы могли бы присоединить сюда также изделия ремесленников, которым правительство предоставляет исключительные привилегии, так как выдающиеся художники пользуются тем же самым преимуществом благодаря тому, что их мало и конкуренция между ними не принуждает их оценивать дешевле свой труд к выгоде тех, которые покупают их изделия. Но не присоединяйте сюда занятий тех лиц, профессии которых требуют очень продолжительного и дорогого обучения, так как, учитывая цену их произведений, позабывают обыкновенно принять во внимание большие издержки, вызванные этим обучением.

М. Х. — Разве изделия ремесленников, которые существуют в продолжение целого ряда годов, каковы, например, строения, мебель, картины и т. п., разве они не составляют также части богатств страны? Разве эти изделия не являются действительным производством богатств, имеющих продажную ценность для тех, кто владеет ими? Правда, эти лица заплатили за них, но они могут снова их продать. Ведь продажи и покупки всегда предполагают двойное богатство, так как здесь имеется обмен богатства одной ценности на другое богатство равной ценности. Разве издержки праздных людей производят подобные богатства?

М. Н. — То, что вы называете здесь производством богатств, является, мой друг, лишь сохранением богатств. Издержки тех, которые покупают эти произведения, идут не на мгновенное потребление, а на продолжительное пользование. Но эти два рода издержек являются одинаково выгодными по отношению к тем, кото-

рые делают эти издержки; и даже те издержки, которые вы считаете менее выгодными по причине мгновенного потребления, как, например, издержки на ежедневное пропитание, более неизбежны и, следовательно, предпочтительнее других. Как же беретесь вы доказать, что труд художника более производительен, чем труд булочника? Я допускаю, что дорогая картина является большим богатством, потому что художник заставляет покупателя картины оплатить свой труд по очень дорогой цене. Поэтому при не столь дорогом труде картина, хотя и замечательная, представляла бы собой ничтожное богатство. Хорошие рисунки также стоили бы дорого, если бы не изобрели средства умножать их с небольшими издержками посредством гравирования и тиснения. Или вы думаете, что уменьшение цены этих изделий уменьшит богатства страны? Не обеспечит ли, напротив, это уменьшение цены к нашей выгоде возможности разнообразить по своему желанию и увеличивать свои наслаждения с *помощью тех же самых издержек*? Эта выгода, простирающаяся даже на издержки потребления и существования, не является ли настоящей целью всех издержек? Вы, я думаю, согласитесь, что достигнуть возможно большего увеличения наслаждений посредством возможно большего уменьшения издержек является идеалом экономической деятельности. Но что станет тогда с вашим утверждением относительно действительного будто бы производства богатств посредством ремесленного труда?

М. Х. — Ах, мой друг! Чем более рассуждаете вы, тем более противоречий замечаю я в вашей экономической науке. Разве не поучает она, что богатства добываются при помощи издержек и что издержки каждого человека совершаются к выгоде прочих людей? С другой же стороны, она говорит нам, что наибольшее уменьшение издержек является идеалом экономической деятельности людей. Этот идеал представляется мне, согласно с вашими же принципами, уничтожением благоденствия и населения государств. Повинуясь своему частному интересу, я стремился бы, конечно, наслаждаться как можно более при возможно малых издержках; так же думает и всякий другой. Но частный интерес находится в противоречии с общим интересом и столь непоследователен, что исчез бы сам собой, если бы естественный порядок не

создал для этого препятствий, т. е, если бы эти самые частные интересы не препятствовали взаимно своему собственному уничтожению. Люди так близоруки и жадны, что они постоянно заблуждались бы, если бы не наставлялись на путь истины необходимостью, принуждающей их слепо стремиться к общему благу. Не частный ли интерес внушал вам этот прекрасный принцип, руководствуясь которым следует стремиться к возможно большему увеличению наслаждений при посредстве возможно большего уменьшения издержек?

М. Н. — Я должен был бы пойти еще далее, мой друг, так как, помимо возможно большего уменьшения издержек я возможно большего увеличения наслаждений, мне хотелось бы также возможно большего уменьшения тягостного труда. Это желание, как мне думается, обще всем людям; тот, кто может получить эту выгоду, не нарушая закона, выигрывает при этом более всего без всякого ущерба даже для общего блага. Размер тех издержек, которыми оплачиваются ремесленники, неизбежно вынужденные работать, для того чтобы заработать себе средства существования, всегда более ограничен, чем те потребности, которые необходимо побуждают их трудиться. Богатые ради своих наслаждений расходуют издержки, оплачивая ими рабочих. Они причинили бы последним большой ущерб, если бы принялись за труд с целью заработать сумму, которую они тратят *. Самим

* Однако следует различать рабочих-ремесленников от рабочих-колонов. Если бы собственники занялись сельскохозяйственными предприятиями и поместили в них свои богатства, они увеличили бы этим всю сумму произведений, а это увеличило бы общую сумму издержек, сначала к выгоде самих собственников, богатства которых умножились бы, а затем к выгоде и прочих классов граждан, не исключая ремесленников, которые все получили бы определенную выгоду от расходования этого прироста произведений и богатств. Отсюда воспоследовал бы почти с самого первого момента больший достаток для населения, а в скором времени и возрастание последнего. Точно так же во всякой стране, где земледелие и количество произведений территории не достигли высшей точки развития, собственники обязываются религией как в своих собственных интересах, так и в интересах всех своих сограждан сокращать как можно больше свои издержки на простое потребление, чтобы плоды этого сбережения жертвовать на *производительные* издержки — те издержки, которые улучшают их владения, умножают произведения их земель и увеличивают ценность последних.

себе они также причинили бы ущерб, предаваясь тяжелому труду, который уменьшает только их наслаждения, так как то, что тяжело, является лишением соответствующего наслаждения. Таким путем они не достигли бы возможно большего увеличения наслаждений посредством возможно большего уменьшения издержек. Не менее справедливо и то, что для соединения этих двух условий, стремятся извлечь выгоду из конкуренции соискателей труда; при этом выгадывает, как я думаю, тот, кто старается сберечь по возможности на издержках и увеличить, насколько это можно, наслаждения. Но это сбережение также имеет свои границы. Всякий труд неотделим от издержек, и ему предаются лишь для того, чтобы удовлетворить своим потребностям. Правда, конкуренция понижает цену труда; но заработок, который следует обеспечить последнему, для того чтобы рабочий мог обеспечить удовлетворение своих потребностей, повелительно задерживает беспорядочное понижение цены труда, причиняемое конкуренцией. Итак, принцип достижения возможно большего увеличения наслаждений посредством возможно большего уменьшения издержек регулируется верховными и ненарушаемыми законами физического порядка, наиболее выгодного для людей, соединенных в общество. Проследите же в подробностях связь и применение принципов экономической науки, и вы не заметите тогда в ней противоречий.

М. Х. — Если я соглашусь с этими вашими принципами по отношению к внутренней торговле, разве не останется вечной истиной то, что торговля изделиями ручного труда образует отрасль международной торговли?

М. Н.—Отрасль торговли, пожалуй, хотя следовало бы сказать ветвь. Но торговать не значит производить.

М. Х. — Ваши ответы весьма неудовлетворительны; общие места, особенные принципы, метафизико-геометрические абстракции являются вашими обычными приемами в споре с теми, кто не привык к подобного рода диспутам. Если бы вы говорили просто, вы признали бы, подобно всем остальным, что здесь имеется сбыт и производство товара рабочим и что один только труд последнего произвел продажную ценность этого продукта.

М. Н. — Мои ответы, мой друг, представляются вам абстрактными лишь потому, что вы не усвоили себе

Хорошенко, что продажная ценность этих продуктов есть не что иное, как продажная ценность первоначального материала и тех средств существования, которые рабочий потребил во время своей работы. Сбыт же этой продажной ценности, повторенный рабочим, является в сущности не чем иным, как торговлей перепродавца. Не имеете же вы намерения заставить меня уверовать в то, что *перепродавать*, значит *производить*? Я в свою очередь мог бы упрекнуть вас в странности ваших намерений.

М. Х. — Мое намерение совсем не странно; я вполне искренне думаю, что *перепродавать с выгодой — значит производить*.

М. Н. — Вы, пожалуй, опять обвините меня в том, что я отвечаю общими положениями, если отвечу вам, что *торговля есть нечто иное, как обмен ценности на равноценность* и что по отношению к этим ценностям договаривающиеся стороны ничего не выигрывают и не теряют.

М. Х. — Это выраженное в форме афоризма определение торговли является лишь абстракцией, не принимающей во внимание массы обстоятельств, которые обеспечивают в торговле действительный барыш тому или другому из контрагентов и часто им обоим. Я не удалюсь от сущности рассматриваемого вопроса, если замечу, что вы рассматриваете фабриканта как торговца-перепродавца. Я же утверждаю, что по отношению даже к сбыту своих изделий он является покупщиком наших продуктов, так как в своей торговле перепродавца он продает иностранцам ценность туземных произведений, которые он потребил во время своего труда.

М. Н. — Что же, по-вашему, вытекает отсюда? Что касается меня, я всегда вижу в торговле один только обмен ценности на равноценность без производства, даже и в том случае, когда обмен этот выгоден в силу каких-либо обстоятельств тому или другому из контрагентов или даже им обоим. В действительности всегда можно предположить, что он выгоден для обоих, так как оба контрагента обеспечивают себе наслаждение богатствами, которые они могут получить лишь с помощью обмена. Но разве в подобных случаях не происходит всегда один только обмен богатств одной ценно-

сти на другие богатства равной ценности? Следовательно, тут совсем не может быть какого-либо действительного увеличения богатств.

М. Х. — Итак, вы соглашаетесь, что без обмена нельзя добыть тех богатств, которые можно получить лишь посредством обмена. Применим это положение к внешней торговле изделиями ручного труда. Рабочий получает посредством продажи своих изделий за границу деньги, чтобы купить ваши продукты для своего существования, и для него, конечно, чрезвычайно выгодно обеспечить свое существование этой торговлей. Деньги же, получаемые им от иностранцев и употребляемые на покупку ваших продуктов, которые понадобилось вам продать, являются столь же большой выгодой для вас.

М. Н. — Продукты, которые мне нужно продать, а ремесленнику купить, существуют до продажи их мною и до покупки их ремесленником. Таким образом, наша торговля, состоящая из продажи и покупки этих продуктов, совсем не вызывает их появление. Она, стало быть, отнюдь не производит вещи, которую мне надо продать, а ремесленнику купить.

М. Х. — Я не ожидал этого ответа. Между нами идет речь не о том производстве, о котором говорите вы. Речь идет об ином рода производстве — производстве богатства. Товар является богатством в силу своей продажной ценности. Покупщик, стало быть, в такой же степени содействует продажной ценности товаров, в какой и продавец. Следовательно, ремесленник является производителем богатств, если только заработок, который он получает от продажи своего изделия иностранцам, настолько значителен, что содействует увеличению цены того произведения, которое вы ему продаете.

М. Н. — Вы поднимаете вопрос, который мы подробно обсудили в нашей предыдущей беседе, где было показано, что цена произведений, способных обращаться в торговле, не зависит ни от покупателя, ни от продавца. Если бы она зависела от продавца-покупщика, он не содействовал бы ее увеличению; в его интересах покупать по возможно дешевой цене. Если бы она зависела от продавца, он один был бы производителем продажной ценности продаваемых им произведений, так как он один заинтересован в том, чтобы покупать по

возможно высокой цене. Между тем один вынужден покупать более дорого, чем это в его интересе, а другой— продавать по более низкой цене, по какой ему совсем не хочется. Существуют, стало быть, другие условия, которые определяют цены и побуждают контрагентов поступаться своими интересами при своих продажах и покупках; следовательно, торговля этих лиц отнюдь не является производительницей (*leur commerce n'est done point producteur*) богатства или продажной цены (*valeur vénale*) обмениваемых между ними произведений, потому что товар и деньги, которые уплачиваются за него, имели свою цену до обмена.

М. Х. — Как и вы, я признаю эту истину, но не согласитесь ли и вы со мной, что, чем более выигрывают наши ремесленники при продаже своих изделий за границу, тем более наших произведений могут они купить. Итак, большая конкуренция покупателей является одним из условий, увеличивающих покупную и продажную цену продуктов. Выгодная торговля наших ремесленников с иностранцами производит в таком случае увеличение богатств или продажной цены (*valeur vénale*) наших произведений.

М. Н. — Несомненно, что, чем более наши ремесленники выигрывают при продаже своих изделий за границу, тем больше наших произведений могут они купить, и это может иметь некоторое значение в стране, где торговля продуктами нуждается в рынках для сбыта. Но везде, где внешняя торговля продуктами общедоступна, это условие уничтожает, к счастью, тот ничтожный ресурс, о котором говорите вы, так как он оказывается в таком случае неспособным произвести перемену в общей цене, которая имеет место между торгующими нациями. Итак, ваше замечание соединяет два противоположных утверждения. Конкуренция ремесленников не может увеличить цены продуктов в силу незначительного увеличения покупок, потому что это ничтожное действие всегда парализуется конкуренцией другого рода, т. е. иностранным ввозом, вызванным расширением сбыта, которое в свою очередь происходит вследствие увеличения покупок со стороны наших ремесленников. Таким образом, возвышение цен приостанавливается конкуренцией продавцов, которая всегда находится в соответствии с конкуренцией покупателей.

С другой стороны, если издержки ремесленников делаются более значительными, цена их изделий поднимается: иностранцы не находят более выгоды покупать их и наши ремесленники лишаются возможности извлечь выгоду из конкуренции во внешней торговле. Вы, конечно, не прибегните к такому абсурдному средству, как закрытие наших гаваней с целью запретить торговлю продуктами земли и дать фабриканту возможность наживаться на низких ценах. Вы слишком внимательны к сбыту наших произведений, чтобы не заметить все невыгоды столь грубой меры. Таким образом, ваше возражение является одним только сплетением несовместимых условий.

М. Х. — Мне известны общие выгоды, доставляемые свободной торговлей произведениями; но, вы, конечно, не думаете, что полная свобода конкуренции должна простираться и на внешнюю торговлю изделиями ручного труда. Нельзя ведь сомневаться в том, что продажа нашими ремесленниками своих изделий другим нациям для нас выгодна, а покупка изделий иностранных ремесленников невыгодна.

М. Н. — Я не понимаю тонкости этого замечания; вы хотите торговать изделиями ручного труда, которые, по вашему, невыгодно покупать. Вы, стало быть, сильно изменили свое прежнее мнение относительно продажной и покупной цены подобного рода изделий; вы теперь полагаете, что невыгодно покупать изделия других наций. Если эта невыгода действительно существует, разве иностранцы будут покупать произведения ваших ремесленников? Ваша отрасль торговли представляется мне очень сомнительной, ибо необходимы по крайней мере двое, чтобы начать ее.

М. Х. — Превосходство в искусстве и способности наших ремесленников побуждают иностранцев покупать их изделия.

М. Н. — В данном случае вы имеете прекрасную исключительную привилегию; но достаточно ли она распространена и продолжительна? Не думаете ли вы, скорее, что вследствие склонности наций к разным модам между странами устанавливается обоюдная торговля их изделиями? Следовательно, эта отрасль торговли не может расширяться иначе, как посредством свободной конкуренции. Можете думать об этом ничтожном

обстоятельстве как хотите, но не будем заниматься им: De minimus non curat praetor.

М. Х. — Вы, по-видимому, мало придаете значения деньгам, которые получаются лишь посредством торговли.

М. Н. — Вам должно быть известно, что я на самом деле очень мало забочусь о них; меня более занимает благосостояние страны, так как при богатствах никогда не испытывают недостатка в деньгах и всегда имеют чем восполнять их недостаток. Вспомните, как один из наших друзей, хотя и очень богатый, но не имевший совсем денег, купил, несмотря на это, очень значительный участок земли. Отсутствие денег не явилось препятствием для этого приобретения; напротив, земля была быстро приобретена при посредстве ценных бумаг. Таким путем, посредством перехода бумаг из одного портфеля богатого кредитора в другой, совершалось много платежей, из которых только один был совершен на наличные деньги.

М. Х. — Не предпочтительнее ли давать занятия нашим согражданам, чем иностранцам?

М. Н. — Да, предпочтительнее, если при этом не терпишь убытка на вознаграждении их труда; в противном случае я предпочел бы не только иностранцев, но также скот и даже машины, если замена ими людей и скота прибыльна, и эта прибыль, вызывающая возрастание богатств, которыми можно располагать по усмотрению, всегда служит к выгоде населения страны.

М. Х. — Лошади и машины, которых предпочитают людям ради сбережения на расходах, не вывозят наших денег за границу. Лошади, употребляемые при работах, потребляют и содействуют сбыту припасов, которые служат для их пропитания, являясь в то же время товаром, торговля которым для нас выгодна. Но когда мы для уборки жатвы предпочитаем савояров обитателям страны, то эти иностранцы уносят на свою родину деньги, полученные от нас, к ущербу обитателей наших деревень; тогда как, если бы мы наняли последних, они истратили бы свое вознаграждение у нас и наши деньги не вышли бы из государства. То же самое бывает, когда мы покупаем изделия иностранных ремесленников даже и в том случае, когда они продают нам по более сходной цене, чем наши ремесленники. Настоящее возражение

я делал вам несколько раз, между прочим, и по отношению к иностранным торговцам при господстве в торговле свободной конкуренции; и мне кажется, вы не ответили на него точно.

М. Н. — Монета предназначена обращаться между странами так же, как и между отдельными жителями каждой страны; она выходит из государства и снова возвращается туда в силу постоянных торговых сношений. Она не имеет иного назначения, как облегчать обмен товаров, служа посредствующим знаком между продажами и покупками, так как конечной целью обменов являются совсем не деньги. Таким образом, в том случае, когда деньги обмениваются за равноценности, страна обеспечивает себе без потери то, что нужно ей купить; то же, что нужно купить, всегда предпочтительнее денег. При обменах продают и покупают, а для того, чтобы облегчить эти обмены, при продажах и покупках употребляют деньги. Ни в одной стране не может оказаться недостатка в деньгах, за исключением тех случаев, когда в ней не происходит обмена способных к перевозке товаров. Следует, стало быть, думать не о деньгах, а об обмениваемых предметах, которые имеешь продать и купить; в одних только этих обменах и заключается выгода, которую хотят обеспечить себе контрагенты. Они обозначают, правда, ценности в деньгах, потому что деньги служат к мерилом ценности вещей, способных обращаться в торговле. Но они знают хорошо, что большинство обменов, в особенности же наиболее значительных, совершается без действительного посредства денег. Обещания уплаты, раз они вполне надежны и засвидетельствованы на бумаге, принимаются в обменах и употребляются в торговле вместо денег, причем контрагенты не терпят никакого ущерба от отсутствия денег; стало быть, не на деньгах сосредоточивается интерес наций при обмене, а на той выгоде, которая обеспечивается самим обменом. Предположим поэтому, что в тех случаях, когда употребляются деньги, они отсутствуют, и займемся лишь той выгодой, которую можно обеспечить употреблением денег и которая заставляет постоянно циркулировать деньги между странами и их представителями.

М. Х. — Ваши рассуждения чрезвычайно специальные, но они совсем не помогают предположить в рас-

смаатриваемом случае отсутствие денег, которые увозят от нас савояры.

М. Н. — Почему мы даем им наши деньги?

М. Х. — Потому, что предпочитаем их жителям наших деревень при уборке нашей жатвы.

М. Н. — Почему предпочитаем мы их?

М. Х. — Потому что оплачиваем их труд менее дорого.

М. Н. — Следовательно, земледелец, предпочитая савояров, может достигнуть уменьшения издержек?

М. Х. — Да, но к ущербу наших сельских жителей.

М. Н. — Этот ответ очень неопределен; точно так же можно было бы сказать, что всякое сбережение на расходах вредно тем, кто выгадал бы, если бы они были произведены, позабывая при этом тех, которые выгадывают на сбережении этих расходов. Но если обратить внимание на интересы тех и других, то следует решить, должно ли устранять какой-либо ущерб, вызывая другой ущерб, или же следует предоставить совершаться ходу издержек вполне беспрепятственно, согласно с интересами тех, которые их совершают. Естественное право высказывается в пользу последних, так как это их дело свободно располагать употреблением своей собственности. Впрочем, следует обратить внимание на то, что сбережение на издержках не есть еще абсолютное воздержание от производства издержек, а лишь такое распределение их, которое клонится к выгоде тех, которые получают при этом прибыль, а также тех, которые расходуют эти издержки согласно с своим интересом. Если одни выгадывают в том случае, когда производятся издержки, то те, которым приходится делать их, выгадывают на сбережении издержек; таким образом, вы найдете, что последние никоим образом не являются вредными обществу и что если они вредны одним, то служат к выгоде других. Итак, это дело тех, которые живут на счет получаемого вознаграждения, распределяя его между собой согласно с распределением издержек. Этот процесс совершается очень быстро, сам собой, без всякого вмешательства правительства, в задачи которого это совсем не входит; благодаря только свободе в выборе положений или профессий может произойти правильно это приспособление,

М. Х. — Признаюсь, мой друг, что этот ответ, столь согласный с вашими общими принципами, мало удовлетворителен. Он не доказывает, что для обитателей страны, живущих рабочей платой, на которую идут совершаемые в государстве издержки, остается то же самое количество последних, после того как жители Савойи лишили этих лиц части заработной платы. Можно также утверждать, что не имеется того же количества издержек, так как та самая заработная плата, которую вывезли жители Савойи, тратится в последней. Я не прочь отвлечься от наших денег, которые идут за границу, но я не желаю упускать из виду той заработной платы, которой лишились наши сограждане.

М. Н. — Ваше сильное беспокойство вызывает продолжение того объяснения, которое должно совершенно рассеять ваше возражение; но оно показывает по крайней мере ясно то затруднение, которое остается выяснить, и приводит нас к источнику издержек, который является в то же время источником заработной платы. Первоначально все издержки и всю заработную плату распределяют земледельцы и собственники, поэтому, чем более могут они увеличить фонд богатств, идущих на издержки, тем более раздадут они заработную плату и тем более увеличат доход государя. Не следует упускать из виду этих двух обстоятельств. Вы заняты в действительности лишь тем, как бы удержать в королевстве всю заработную плату, какую только могут выделить издержки, не исследуя употребления издержек, наиболее выгодного для благоденствия и могущества государства. Но вы должны принять во внимание, что всякое уменьшение расходов на земледельческую культуру, совершаемое без ущерба для нее и которое может и должно возрасти, является увеличением доходов для собственников и государя; это же увеличение доходов является возрастанием издержек, которыми можно располагать по усмотрению, и обеспечивает вследствие этого могущество нации и умножает заработную плату. Вот вам два элемента для расчета, результат которого рассеет ваши трудности.

Выгода, побуждающая предпочитать жителей Савойи для уборки жатвы, заключается в уменьшении расходов на земледельческую культуру, возрастных

дохода, а стало быть, и тех издержек, которыми нация может располагать по усмотрению. Напротив, при увеличении упомянутых расходов в ущерб доходу государство и народ не вознаграждаются в этой потере, так как издержки на расходы (*les dépenses, en frais*) совсем не являются теми издержками, которыми можно располагать по усмотрению (*les dépenses disponibles*). Издержки на расходы распределяют, правда, заработную плату, но ее распределяют также издержки, которыми можно располагать по усмотрению. Следовательно, даже в том случае, когда уменьшение издержек на расходы вызывает, по-видимому, сокращение заработной платы, не возмещаемое увеличением издержек, которыми можно располагать по усмотрению, даже и в этом случае, вы не могли бы заключить отсюда, что это уменьшение заработной платы убыточно для нации, раз ход издержек, которыми можно располагать по усмотрению, для нее более выгоден. В самом деле, когда земледельческая культура обходится менее дорого, прибыль, получаемая благодаря сбережению издержек на расходы, употребляется земледельцем естественным образом на расширение своей деятельности, которая увеличивает количество произведений и доход. В действительности, таким образом, происходит не уменьшение издержек, а увеличение дохода, который очень скоро обеспечил бы нации заработную плату, превышающую ту, которой пользовалась она до того времени, когда жители Савойи понизили цену на труд. И с самого первого момента сбережения на расходах нация, имея большую сумму производимых богатств, была бы более могущественна и наслаждалась бы большим достатком.

И вот мы дошли незаметно до употребления вьючного скота, машин, до исправления дорог, до перевозки товаров по рекам, каналам и т. д. Все эти средства употребляются с целью уменьшить большие расходы на заработную плату, уплачиваемую людям; отчего происходит увеличение доходов, т. е. издержек, которыми можно располагать по усмотрению и которые, составляя благосостояние нации, распределяются в государстве на заработную плату.

Издержки на расходы хотя и доставляют заработную плату, но совсем не обеспечивают того благосостоя-

ния, при котором страна щедро и произвольно производит издержки, не рискуя обеднеть, потому что нельзя располагать по усмотрению названными издержками, пока они предназначаются для того употребления, от коего их нельзя отвлечь, не приостанавливая труда или не заменяя его посредством других средств. Это снова приводит нас к тому сбережению на издержках на расходы, к которому следует по возможности стремиться, не причиняя в то же время ущерба годовичному воспроизводству нации и даже увеличивая его, так как только оно одно обеспечивает всевозможного рода издержки, умножает наслаждения и обеспечивает благосостояние государства. Итак, вы видите, что ваше возражение заставило нас возвращаться постоянно в одном и том же круге, в результате чего обнаруживалась его абсурдность; ведь оно в самом деле направлено против всех средств, которые употребляют для сокращения расходов посредством уменьшения заработной платы, которая могла бы поглотить земельный доход. По-вашему, отсюда можно заключить, что вся нация должна быть занята работами, которые увеличивают издержки на расходы, не увеличивая годовичного воспроизводства богатств и не оставляя доходов для издержек, которыми можно располагать по усмотрению.

М. Х. — Согласитесь же по крайней мере с тем, что всякие издержки ремесленников и всего того класса, который называете вы бесплодным, достаются классу земледельцев и что это те самые издержки, которые поддерживают цену произведений земли. Ведь по этой самой цене названных произведений высчитываете вы все расходы (reprises) земледельца, доходы собственников, одним словом, все, что называете богатствами, ежегодно возрождающимися из земли. Но разве можно назвать их богатствами при отсутствии продажной ценности, т. е. в том случае, когда они не могут быть обменяны на другие богатства равной ценности; я хочу сказать — на другие богатства, которые, за исключением сырого материала, сами являются богатствами или произведениями, ежегодно воспроизводимыми посредством ремесленного труда. В этом обмене все, что можно назвать богатством с той и другой стороны, называется так лишь потому, что оплачивается взаимно богатством равной ценности. За изделия ремесленников

приходится платить; вот почему изделия эти являются богатствами. Так же платят и за продукты земледелия; и разве не по той же причине продукты эти являются богатствами? Какую же разницу находите вы между произведениями промышленности и продуктами земледелия? И раз вы ее найдете (так как в действительности всегда можно отыскать различие даже между индивидом и другим индивидом того же рода), что в состоянии будете вы заключить отсюда по отношению к сущности вопроса, о котором идет между нами речь, когда специфические условия, которые должны нас соединить, являются существенно одними и теми же для той и другой стороны?

М. Н. — Я уже вам сказал, что все эти аргументы покоятся лишь на двусмысленности языка; и если бы мне нужно было сообразоваться с этим неточным языком, я сказал бы, подобно вам, что изделия ремесленников являются произведениями и что эти произведения суть богатства, которыми ремесленник может уплатить за продукты земледелия. Но позвольте мне заметить вам, что все оплачиваемые лица бесплодного класса, которые совсем не делают изделий, даже нищие и воры, которых уж никто не заподозрит в производстве богатств, и те также оплачивают с помощью раздобытых денег продукты земледелия богатствами равной ценности. Впрочем, мы согласились, что, чем менее произведения ремесленников являются богатствами, я хочу сказать, чем более сберегают на издержках, которые их производят и придают им ценность, тем менее обременительными являются богатства этого сорта для лиц, обменивающих продукты земли на эти богатства. А вы меня еще спрашиваете, мой друг, какую разницу нахожу я между произведениями промышленности и продуктами земледелия, откуда я мог бы заключить, что первые не являются настоящим порождением или созданием (*générations ou créations*) богатств? Неужели то различие, которое следует нам выяснить и обсудить во всей подробности, ускользнуло от вас?

М. Х. — Вы всегда говорите, что следует заплатить представителям бесплодного класса, дабы они были в состоянии уплатить за произведения, покупаемые ими у производительного класса. И вот кто-то из нас, вы **ЦЛИ** я, вовлечены в порочный круг; ведь я также при-

Знаю необходимость того, чтобы сами представители бесплодного класса платили производительному классу, дабы тот в свою очередь мог платить им. Таким образом, с той и другой стороны все оплачиваются и все оплачивают (*tous sont payes et tous sont payeurs*).

М. Н. — Правда, что представители бесплодного класса являются плательщиками тех продуктов, которые они покупают у производительного класса. Можно было бы сказать даже, если хотите, что эти покупки содействуют сбыту и ценам продуктов; но следует ли отсюда, что одни и те же деньги, которыми оплачиваются покупаемые ими продукты, служат также и для того, чтобы представители бесплодного класса сами уплатили себе заработную плату. Не предполагаете ли вы при этом двойное употребление денег в одном и том же торговом акте? Ведь деньги, которыми вышеупомянутые лица заплатили за купленные продукты, были выменены у производительного класса за равноценности. Бесплодный класс, столько же получил от производительного класса, сколько последний получил от бесплодного. Вы же идете далее, утверждая, что бесплодный класс сам оплатил себе заработную плату деньгами, употребленными на покупку продуктов, но в таком случае он должен был бы иметь при сделках с производительным классом и товар, который покупал, и деньги, которыми уплатил за него. Не значит ли это, что производительный класс доставил ему товар задаром? А раз это так, то как же мог бесплодный класс оплатить самого себя? Это противоречит тому, что хотите вы доказать.

Несомненно, вы хотели сказать, что когда бесплодный класс выменял свои деньги у производительного класса на равноценность, его деньги стали собственностью производительного класса, который в свою очередь употребляет их для оплаты услуг и изделий, получаемых от бесплодного класса. Вот, по вашей идее, круг или циркуляция этих денег, которые постоянно меняют собственников, причем последние остаются одними и теми же, но взаимно чередуются.

Но здесь не идет речь просто о деньгах, так как деньги не потребляются; нам следует заняться также теми продуктами, которые потребляются бесплодным классом и ежегодно воспроизводятся производительным

и которые последний класс продает первому. Кроме того, мы должны заметить следующее: совсем неверно, что производительный класс передает обратно бесплодному классу полученные от него деньги; он отдает их поземельным собственникам, чтобы уплатить доход, который обязан уплачивать. Таким образом, эти деньги получают совсем не то направление, какое представляете себе вы, стремясь установить постоянный, единый и взаимный кругооборот между производительным и бесплодным классом. Впрочем не на циркуляции денег, как мы заметили, следует нам сосредоточиться. Мы забываем наш главный предмет, которым является годовое распределение произведений, ежегодно рождаемых при посредстве производительного труда.

Отвлекитесь же еще раз от денег и сосредоточьте ваше внимание на одном только распределении, которое может совершаться в действительности и без посредства денег. В самом деле, производительный класс может оплатить услуги и изделия, которые получает от бесплодного класса, самими продуктами. Таким же способом он может уплатить доход собственникам, которые в таком случае уплачивали бы продуктами заработную плату бесплодному классу. И тогда у производительного класса останется часть жатвы, безусловно необходимая ему для издержек на труды, без которых нельзя достигнуть того же самого годового воспроизводства, которое распределялось бы ежегодно таким же образом между тремя классами. Вам известно, что это распределение совершалось таким образом в большой и плодородной империи, управлявшейся инками.

Из этого хода распределения, которое поистине является действительным распределением годового Производства и потребления (*distribution réelle des productions et des consommations*) между тремя классами, вы видите, что оно непосредственно и вполне заканчивается потреблением и снова начинается с воспроизводства. Таким образом, это распределение не возвращается к производительному классу; поэтому исчезает и ваш кругооборот.

Бросьте взгляд на *Экономическую таблицу*, и вы увидите, что производительный класс доставляет деньги, с помощью которых другие классы покупают у него произведения и которые они возвращают ему,

являясь на следующий год совершать у него те же самые покупки. Вы могли бы без большого усилия воображения представить себе эти кусочки металла наподобие билетов, которые обозначают часть, какую каждый может иметь в ежегодном распределении (Répartition) произведений, так как производительный класс регулярно возвращает те же самые билеты, чтобы снова обеспечить распределение следующего года. Таким образом, то, что вы называете ценой, имеющей место в международной торговле, покажется вам лишь мерилом, которое регулирует распределение средств существования, рождаемых территорией при помощи земледельческого труда между согражданами каждой страны. Земледельцы сами имеют лишь определенную часть в ходе этого распределения ежегодно потребляемых произведений, которые вы легко отличите от услуг и изделий, предназначенных делать более доступным потребление или наслаждения, готовить и разнообразить их. Вы не увидите здесь, стало быть, иного кругооборота, кроме того, который создается издержками, вызывающими воспроизводство, и воспроизводством, вызывающим издержки; кругооборот этот проводится и циркуляцией денег, которые размеряют издержки и производство. Итак, перестаньте смешивать меру с измеряемой вещью и циркуляцию одной с воспроизводством другой.

М. Х. — В теории о налоге сказано довольно удачно: «Все люди работают, потому что каждый в своем занятии стремится к тому, чтобы обеспечить время для труда земледельца. Портной делает для него платье, и земледелец не вынужден бросать свой плуг ради шитья себе платья. Жена портного занята хозяйством; портной благодаря этому не отвлекается от работы» и т. д. и т. д.

М. Н. — Эта метафора, помещенная в цитированной вами книге, где, как вы знаете, бесплодный класс точно различается от производительного, не должна была бы навести вас на ошибку. Она смешивает, правда, производительный труд с трудом, необходимым для удовлетворения потребностей (pour la jouissance) и создающим те условия, которые облегчают этот процесс. Но не видите ли вы, что подобной заботой о рабочем времени земледельца достигается увеличение производи-

тельного труда последнего; этот же труд должен произвести затем средства существования как для* него самого, так и для труда портного. Последний существует, стало быть, лишь благодаря увеличению производительного труда земледельца. Следовательно, если земледelec оставляет свой труд для того, чтобы сшить себе одежду, он не в состоянии произвести средства существования для другого человека, так как время, которое он затратил бы на это бесплодное занятие, было бы отнято у его производительного труда. Таким образом, труд портного необходимо подразумевает двойной производительный труд со стороны земледельца; иначе ремесленник не мог бы существовать; это ясно доказывает, что труд последнего бесплоден.

М. Х. — Я начинаю понимать, что результаты труда ремесленников становятся богатствами лишь в соединении с другими богатствами, существовавшими уже до фабрикации этих изделий; что при равном качестве они стоят менее этих богатств; иначе говоря, чем в меньшей степени являются они богатствами, тем предпочтительнее они. Но я возвращаюсь к возражению, которое я вам уже сделал относительно сбережения, которое стремятся делать и на земледельческих работах, вызывающих рождение богатств землею. Не является ли это близким тому, чтобы богатства эти стоили меньших богатств; иначе говоря, близким к тому, чтобы они в меньшей степени являлись богатствами? В таком случае что делается с тем различием, которое, как утверждаете вы, говорит так в пользу вашего мнения?

М. Н. — Это различие, которого вы не замечаете, может быть показано вам довольно ясно.

Все люди, которые работают, потребляют для того, чтобы существовать. Но потребление уничтожает средства существования. Необходимо, стало быть, воспроизвести их. И вот труд земледельца, и только один он, воспроизводит не только те средства существования, которые он сам уничтожил, но также и те, которые уничтожают все прочие потребители. Наоборот, труд ремесленника обеспечивает ему лишь право принять участие в потреблении средств существования, возрождаемых при помощи земледельческого труда.

Вы видите, стало быть, что воспроизведенный продукт, появление которого вызвано сельскохозяйственным трудом, следует разделить на две части, а именно: на ту, которая предназначается для его собственного пропитания, и ту, которая превышает норму последнего. Откуда следует, что если можно без ущерба для суммы воспроизведенных продуктов уменьшить первую часть, то этим увеличится соответственно вторая. Предположим, например, сумму воспроизводства равной двадцати, издержки земледельца равными десяти, остаток в таком случае будет равняться десяти. Если же издержки могут быть сведены к восьми, то остаток будет равняться двенадцати.

Продукты независимо от расходов на культуру имеют свою цену, регулируемую количеством и конкуренцией покупателей, потребности которых всегда превышают массу воспроизведенных продуктов. Следовательно, сбережение, делаемое на издержках земледельца, хотя и увеличивает ту часть, которая превышает расходы последнего, однако не уменьшает этим самым цены; следовательно, и воспроизводство является не меньшим богатством.

Наоборот, в изделиях ремесленника, как это было доказано, не имеется какого-либо возрастания богатств сверх его издержек; таким образом, чем более сберегают на его издержках, тем меньшими богатствами являются его изделия.

Эти замечания, несомненно вам знакомые, должны были бы заставить вас заметить различие между влиянием издержек, затрачиваемых на сельскохозяйственную культуру, и действием издержек ремесленника; в особенности же между ценностью богатств, производимых сельскохозяйственной культурой, и ценностью изделий ремесленника. Можно сравнивать, пожалуй, ремесленника и земледельца по отношению к ценности их издержек, потому что издержки и того и другого должны быть приняты во внимание при вычислениях экономического порядка. Но ремесленник и земледелец не могут быть сравниваемы по отношению к результатам их трудов. Здесь различие столь ощутительно, что нет нужды развивать его далее, для того чтобы рассеять ваше замечание относительно того влияния, какое имеют сбережения на издержках, вызываемых ремесленным трудом,

и на издержках труда, затрачиваемого на земледельческую культуру. Издержки, вызываемые трудом, унавливают цену изделий ремесленников, а конкуренция между ними ограничивает их издержки на труд. Совсем не так обстоит дело, — я повторяю это еще раз, — по отношению к цене произведений земли; здесь цена не является результатом одних только издержек на культуру *по многим другим причинам, которые могут под- держать их продажную ценность, несмотря на сбережение в расходах на культуру.* Продукт труда ремесленника стоит лишь издержек; если он стоит дороже, происходит убыток. Продукт земледельческого труда превышает издержки; чем более превышает он их, тем более он выгоден и тем более увеличивает благосостояние народа. Таким образом, сравнение, которое послужило основанием для вашего замечания, исчезает, а с ним вместе и ваше замечание. Чем больше можно *сберечь на издержках, затрачиваемых на культуру J* земли, не нанося ущерба воспроизводству, тем более *имеется чистого продукта или дохода для поземельных J* собственников. Их издержки состоят из покупок, совершаемых у производительного и бесплодного классов и бесплодным у производительного класса для того, чтобы последний мог воспроизвести тот же самый доход и те же самые издержки. Вот различие, которого не заметили вы и которое, как выразились вы сами, говорит так в пользу моего мнения.

Эти замечания, справедливость которых очевидна, должны рассеять все разногласия, относительно сбыта и цен продуктов, вознаграждения и потребления лиц, получающих всякого рода плату за труд, как-то: рабочих, фабрикантов, художников, торговцев, извозчиков, прислуги и т. д. Чем дороже будете вы им платить, тем в большей степени будет в состоянии каждый из них увеличить свое потребление. Но тогда будет меньше лиц, получающих вознаграждение за труд, и менее потребителей, конкурирующих в сбыте ваших продуктов, так как фонд заработной платы ограничен. Таким образом, чем дороже будете вы платить лицам, получающим плату за труд у производительного класса, тем менее в состоянии вы будете платить бесплодному классу; и по той же причине, чем дороже будете вы платить бесплодному классу, тем менее в состоянии

Вы будете платить производительному классу. Все Подчинено здесь строгим правилам, где рассуждения должны уступить место расчету. Разочтите же, и вы не скажете более, что большие расходы на уплату всякого вознаграждения за труд увеличивают потребление, а с ним вместе сбыт и продажную ценность продуктов. Вы заметите, что это рассуждение, которое казалось вам решающим в частных случаях, обсуждаемое отвлеченно, противоречит общему строю. Вы придете к необходимости допустить возможно большую свободу конкуренции во всякого рода торговле, чтобы сократить по возможности обременительные расходы. Как только примете вы в внимание влияние этой общей свободы, предписанной естественным правом, в силу которого каждый должен иметь законную возможность устраивать свою судьбу возможно лучше, не узурпируя прав другого, вы ясно увидите, что она является существенным условием к умножению общественного и частного богатства. Вы усумнитесь и отвергнете все противоположные мнения и посягательства на эту священную свободу, которую можно рассматривать как резюме всех прав человека. Вы оцените тогда систему, которую только что защищали, т. е. систему людей, которые хотят приравнять мнимое производство, являющееся результатом труда бесплодного класса, с действительным производством, вытекающим из трудов производительного класса. Вы почувствуете, что если представить себе отвлеченно и в чистом виде эту систему, она сведется к пустому, мелочному и бессмысленному до ясности предрассудку; если же захотеть позаимствовать из нее практические выводы (что и является целью ее защитников), она явится опасным и вредным заблуждением, которое, к несчастью, повлекло бы за собой чрезвычайно многочисленные несправедливые стеснения, жестокие репрессалии, разорительные исключения, тягостные монополии и разрушительные привилегии. Вы признаете, наконец, что эта система, которая, очевидно, должна быть или пустой, если нельзя извлечь из нее никакого практического правила, или губительной, если взять ее принципом поведения, не может в том и другом случае выдержат критики иначе, как при помощи неточного языка, на котором выражают с помощью одних и тех же слов совершенно разные понятия. Я отдаю

вам должно, думая, что вы не из числа тех, которые стараются выгадать, пользуясь темнотой этого двусмысленного языка, чтобы запутать предмет нашего спора и в потемках продолжать его. Тема, о которой мы беседуем, слишком значительна и вы слишком преданы истине, чтобы прибегнуть к этому мелкому подлогу. Сложность идей, разобраться в которой трудно даже науке, еще мало известной и затемненной частными интересами и господствующими предрассудками, только и могла побудить вас защищать серьезно заманчивое мнение. Но в настоящую минуту вы, без сомнения, понимаете, что общее предубеждение, на котором основывается оно, уступит вскоре место истине.

КИТАЙСКИЙ ДЕСПОТИЗМ

Глава VIII

Сравнение китайских законов с естественными принципами, лежащими в основе Дрорцветающих правительств

До сих пор вы изучали политическое и моральное устройство обширной Китайской империи, покоящееся на науке и естественном законе, развитием коих оно является. В настоящей компиляции мы буквально следовали рассказам историков и путешественников, большинство которых очевидцы, заслуживающие благодаря своему единогласию полного доверия.

Эти считающиеся несомненными факты послужили основанием для резюме, заключающегося в этой главе; последняя представляет из себя не что иное, как систематическое и подробное изложение китайской доктрины, вполне достойной служить образцом для всех государств.

§ 1. Основные общественные законы

Основными общественными законами являются законы естественного порядка, наиболее выгодного для человеческого рода. Эти законы бывают либо физические, либо моральные.

Под физическим законом, на котором покоится все государственное управление, подразумевается *правильное течение всякого физического явления из области естественного порядка, очевидно, наиболее выгодного для человеческого рода.* Под моральным законом, на

котором покоится все государственное управление, подразумевается *правильное течение всякого морального действия из области естественного порядка, очевидно, наиболее выгодного для человеческого рода*. Совокупность этих законов образует то, что называется естественным законом.

Эти законы установлены ^хС^Творцом природы раз навсегда для постоянного воспроизводства и распределения благ, необходимых для потребностей людей, соединенных в общество и подчиненных порядку, который предписывают им эти законы.

Посредством правильного сочетания труда и частных интересов эти незабываемые законы образуют моральное и политическое тело общества, научая людей содействовать с возможно большим успехом общему благу и обеспечивать возможно выгодное распределение его между различными общественными классами.

Эти основные законы, которые отнюдь не человеческого происхождения и которым должна быть подчинена всякая человеческая власть, составляют естественное право людей, диктуют законы распределительной справедливости, учреждают силу, которая должна обеспечить защиту общества от всех злостных посягательств внутренних и внешних властей, от коих только потребуется оградить его, и устанавливают государственный доход для удовлетворения всех издержек, необходимых для безопасности, хорошего порядка и благоденствия государства.

§ 2. Попечительная власть

Соблюдение этих естественных и основных законов политического тела должно быть поддерживаемо попечительной властью (*autorité tutélaire*), установленной обществом с целью управлять им при помощи положительных законов согласно с естественными законами, окончательно и неизменно регулирующими устройство государства.

Положительные законы суть принудительные правила, изданные верховной властью с целью установить порядок государственного управления, обеспечить соблюдение естественных законов, подкрепить или изменить обычаи и бытовые привычки, установившиеся

в стране, регулировать частные права подданных соответственно с их положением, авторитетно выяснять положительный порядок в сомнительных случаях, возникающих вследствие различия во мнениях и взглядах, и привести в исполнение решения распределительной справедливости.

Управление заключается, таким образом, в установлении положительного порядка, наиболее выгодного для людей, соединенных в общество под авторитетом верховной власти.

§ 3. Разнообразие форм правления, созданных людьми

Верховную власть не следует предоставлять сумасбродному деспоту; в противном случае образовавшееся при подобном господстве политическое тело меняло бы последовательно одного властителя за другим и предало бы нацию в жертву слепым или разнузданным интересам, которые стремились бы превратить верховную власть в средство наживы, а это имело бы своим последствием разорение государя и подданных; этот государь оказался бы, таким образом, лишь *деспотом-грабителем*.

Верховная власть не должна быть аристократической или предоставленной крупным земельным собственникам; последние, соединившись вместе, могли бы образовать власть более могущественную, чем сами законы, поработить нацию, причинить своими честолюбивыми и жестокими распрями разорение, неурядица, несправедливости, наиболее зверские насилия и создать самую разнузданную анархию.

Власть не должна быть монархической и аристократической в одно и то же время; в противном случае она создала бы лишь столкновение властей, которые по очереди стремились бы подчинить себе друг друга, подвергали бы своему мщению и насилию союзников враждебных партий и тратили бы богатства народа на увеличение своих сил и продолжение внутренних жестоких войн, которые вовлекли бы страну в пучину бедствий, насилий и бедности.

Верховная власть не должна быть демократической, потому что невежество и предрассудки, которые гос-

подступают в простом народе, разнузданные страсти и неистовства, которым он способен иногда предаваться, подвергают государство волнениям, возмущениям и ужасным бедствиям.

Власть не должна быть монархической, аристократической и демократической в одно и то же время; в противном случае она была бы соvrащена с пути и приведена в расстройство частными, исключительными интересами разных классов граждан, которые разделяли бы ее с монархом. Власть должна быть *едина* и беспристрастна в своих решениях и действиях; поэтому она должна быть сосредоточенной в одном властителе, который один имел бы исполнительную власть и полномочие побуждать граждан к соблюдению законов, охранять права каждого гражданина от остальных граждан, защищать слабых от сильных, предупреждать и подавлять противозаконные предприятия, злоупотребления и притеснения внутренних и внешних врагов государства. Власть, разделенная между разными сословиями государства, превратилась бы во власть, склонную к злоупотреблениям и разногласиям; она не имела бы ни руководителя, ни единства, достаточного для того, чтобы предупредить всякого рода уклонения и вызвать содействие частных интересов общему благу и порядку. Монарх, лишенный власти, достаточной для того, чтобы правильно управлять политическим телом, стремился бы лишь к тому, чтобы восстановить всевозможного рода средствами свое господство, а для того, чтобы обеспечить свою деспотическую власть, стремился бы достигнуть такого могущества, которое превышало бы силу и права даже самой нации. Постоянное беспокойство, вызываемое в обществе этими тираническими намерениями, держало бы политическое *тело* в напряженном состоянии, которое беспрестанно приводило бы его к каким-нибудь гибельным кризисам. Сословие знати и крупных земельных собственников, плохо осведомленное о своих настоящих интересах и тех средствах, которые могли бы обеспечить его благоденствие, воспротивились бы установлению налога на его земли; с целью уклониться от него оно прибегло бы к разорительным формам налогов, которые предоставили бы народ алчности и притеснениям сборщиков податей и причинили бы опустошение территории. Коммуны, в ко-

торых преобладает третье сословие, состоящее из ремесленников, фабрикантов и торговцев, презирающих земледельца, совратили бы нацию с истинного пути; для того чтобы иметь возможность покупать произведения страны по дешевой цене, а ввозимые произведения перепродавать своим согражданам по дорогой цене, они стремились бы лишь к монополиям, исключительным привилегиям и уничтожению взаимного содействия наций в международной торговле. С помощью своих огромных богатств, нажитых на счет нации, это сословие стало бы убеждать своих сограждан, что его исключительная торговля, вызывающая постоянные войны с соседними нациями, является источником богатств государства. При смешанной форме правления все различные сословия государства содействуют, стало быть, разорению страны вследствие разногласия частных интересов, которые расчлняют и развращают ее, делая склонной к политическим интригам и злоупотреблениям, губительным для общества. Следует заметить, что мы не говорим здесь о чисто торговых республиках; эти государства представляют из себя не что иное, как денежные компании, оплачиваемые теми нациями, которые пользуются богатствами, производимыми подвластной им территорией.

Власть не должна также принадлежать *исключительно* верховным судам распределительной справедливости; слишком сосредоточенные на знании положительных законов, они часто могли бы игнорировать законы природы, которые образуют основной порядок общества, обеспечивают благоденствие нации и силу государства.

Пренебрежение изучением этих основных законов благоприятствовало бы введению наиболее разорительных форм обложения и таких положительных законов, которые сильно противоречили бы экономическому и политическому порядку. Суды, которые ограничились бы одним только изучением законов распределительной справедливости, не в состоянии были бы подняться до первоначальных принципов естественного, публичного и международного права. И для государства было бы выгодно, если бы эти почетные корпорации, которым поручен контроль и охрана положительных законов, расширили свои познания изучением естественных за-

конов, по существу своему являющихся основными законами общества и источником положительных законов; но не следует забывать, что эти *физические* первоначальные законы могут быть изучаемы лишь на самой природе.

§ 4. Обеспечение прав общества

При правительстве, сумевшем предохранить себя от этих губительных форм правления, общественное благо всегда будет составлять наиболее могущественную силу государства. Всеобщее и единодушное содействие воле, сознательно соблюдающих наиболее превосходные и выгодные для общества законы, образует непоколебимое основание для наиболее совершенного управления.

Все *положительные законы*, которые касаются общего экономического строя страны, влияют на естественный ход годовичного воспроизводства богатств государства; эти законы требуют от законодателя и лиц, применяющих их, очень обширных знаний и очень сложных расчетов, результаты которых должны с очевидностью выяснить выгоды государя и нации, в особенности же выгоды государя, которые всегда следует выставлять на вид, для того чтобы побудить последнего делать добро. К счастью, хорошо понятые интересы государя согласуются всегда с интересами народа. Следует, стало быть, чтобы законодательный совет и суды, применяющие положительные законы, были хорошо осведомлены относительно влияния последних на ход ежегодного воспроизводства национальных богатств, дабы решаться на издание нового закона лишь в том случае, если знают его влияние на вышеупомянутое явление природы. Следовало бы даже, чтобы эта моральная корпорация нации, т. е. интеллигентная часть народа, знала в общих чертах это влияние. Первым положительным актом правительства было бы, следовательно, учреждение школ ^ля обучения этому *знр*,
(V.S.C ним. За исключением Китая, все государства игнори-
, ровали необходимость этого установления, служащего
^ основанием для управления.

11 11

§ 5. Естественные законы обеспечивают единение
между государем и нацией

Точное и всеобщее знание естественных законов является, стало быть, существенным условием того содействия воле, которое может прочно обеспечить конституцию государства посредством признания авторитета этих божеских законов основанием власти предоставленной главе нации, так как очень важно, чтобы каждый член общества знал свое назначение. Разве в государстве, в котором все сословия граждан достаточно просвещены, чтобы *точно* знать и хорошо доказать, в чем состоит законный порядок, наиболее выгодный для государя и народа, нашелся бы деспот, который, опираясь на военные силы государства, стал бы явно причинять зло ради зла, извращать естественные и основные законы общества, признаваемые и почитаемые народом, и без всякого разумного основания стал бы предаваться тираническим выходкам, которые могли бы возбудить лишь ужас и отвращение и вызвать всеобщее, опасное и непреодолимое восстание?

Право издавать законы и устанавливать налоги бывает неиссякаемым источником беспорядков и пререканий между государем и народом. Вот, стало быть, где кроются неизбежные причины, которые всегда должны колебать все основы общественного порядка: действительное существование этого явления слишком хорошо доказывается неустройствами и беспорядками, которыми отличаются вышеупомянутые уродливые формы правления, учреждавшиеся людьми; но человек не может создать и установить естественного порядка точно так же, как не может создать самого себя. *Первоначальный* закон обществ вошел в общий план создания вселенной, в каковом плане все предусмотрено и устроено высшей мудростью. Не будем уклоняться от путей, указанных Всевышним, и мы избежим ошибок человечества, содействовавших разрыву прочного единения между государем и народом. Не будем искать уроков в истории народов или истории человеческих заблуждений, изображающей одну только пучину неустройств; историки способны удовлетворять лишь любопытству своих читателей; их слишком книжной учености не достаточно для того, чтобы внести сюда свет, который мог бы осветить этот хаос.

§ 6. Основные общественные законы установлены
не людьми

Законодательная власть, часто служащая предметом раздора между государем и народом, не принадлежала *первоначально* ни тому, ни другому; происхождение ее покоится на верховной воле Создателя и на совокупности законов *физического порядка*, наиболее выгодного для человеческого рода; эта основа *физического порядка* не представляет из себя ничего устойчивого, все смешано и произвольно в порядке обществ; вследствие этого смешения и появились все неправильные и уродливые формы правления, выдуманные людьми, слишком мало осведомленными о той *теократии*, которая как бы с помощью мер и весов установила раз навсегда взаимные права и обязанности людей, соединенных в общество. Естественные законы общественного порядка являются в то же время физическими законами, по которым происходит воспроизводство благ, необходимых для питания, продолжения существования и удобства людей. Человек, стало быть, отнюдь не является творцом этих законов, регулирующих ход явлений природы и человеческий труд, который вместе с силами природы должен содействовать воспроизводству благ, потребных для людей. Весь этот порядок составляет часть физического устройства; это же устройство образует физический порядок, подчиняющий своим законам людей, соединенных в общество; лишь с помощью своего ума и взаимной ассоциации и соблюдая притом эти естественные законы люди могут достигнуть изобилия необходимых им благ.

Не может быть, следовательно, и спора о законодательной власти, установившей первоначальные, основные общественные законы; она не может принадлежать кому-либо иному, как Всемогущему, который все устроил и предусмотрел в общем строе вселенной; люди могут внести сюда лишь беспорядок, и этот беспорядок, которого им следует избегать, может быть устранен лишь посредством точного соблюдения естественных законов.

Правда, *верховная власть* может и обязана установить *законы* против явного беспорядка, но она не должна посягать на естественный строй общества. Садов-

ник должен выдолбить мох, вредящий дереву, но он должен остерегаться вырезать корень, так как с помощью последнего дерево получает влагу, благодаря которой оно произрастает; если, для того чтобы предписать садовнику эту обязанность, понадобилось бы издать положительный закон, то этот закон, диктуемый самой природой, не должен был бы устанавливать чего-либо иного сверх этой обязанности. Строеие дерева само по себе представляет естественный порядок, регулируемый основными, незыблемыми законами, которые отнюдь не должны быть изменяемы противоположными законами. Области этих двух *законодательств* различаются ясно просвещенным разумом, так как законы той и другой области издаются и публикуются совершенно различными установлениями и в совершенно различной форме. Одни изучаются по книгам, в которых порядок, наиболее выгодный для людей, соединенных в общество, рассматривается по существу. Другие являются лишь результатами этого изучения, выраженными в форме строго предписанных *велений*. Естественные законы заключают в себе правило, превосходство которого очевидно само собой. Положительные законы заключают в себе простые, сплошь и рядом случайные и способные к исправлениям правила; одни законы соблюдаются благодаря лишь письменному велению и наказаниям, назначенным принудительной властью; другие же неизменны и вечны и соблюдаются свободно, без всякого принуждения, под влиянием одних только мотивов интереса (*motifs interessants*), указывающих на те выгоды, которые достигаются их исполнением; одни законы обеспечивают вознаграждение, другие предполагают наказание.

Положительное или писаное *законодательство* не устанавливает тех мотивов и оснований, на которых покоятся ее законы; эти основания существуют, следовательно, до положительных законов, будучи по существу своему выше человеческих законов; очевидно, стало быть, что основания эти суть в действительности не что иное, как первоначальные и незыблемые законы правильного государственного управления. Справедливые *положительные законы* являются, следовательно, не чем иным, как точными выводами или простыми комментариями к этим первоначальным законам, обес-

печивающим, насколько это возможно, их повсеместное исполнение. Основные общественные законы заимствуют свое содержание непосредственно из верховного и прямого правила об абсолютно справедливом и несправедливом, моральном благе и зле; они коренятся в сердцах людей, являясь светом, который просвещает их и господствует над их совестью; этот свет ослабляется или погасает лишь вследствие их разнуданных страстей. Главной целью *положительных законов* и являются эти самые нарушения, которым они противопоставляют страшную для нарушителей *санкцию*, так как в общем что требуется для благоденствия нации? —■ *Обработать землю с возможно большим успехом и предохранять общество от воров и нищих.* Осуществление первого требования предписывается собственным интересом каждого; осуществление же второго поручается *гражданскому правительству*. Люди доброй воли нуждаются лишь в наставлениях, развивающих им те великие истины, которые живо и ясно различаются лишь развитым умом. Положительные законы могут содействовать этому интеллектуальному познанию лишь в крайне несовершенной степени; они *необходимы*, чтобы сдерживать и подавлять зло и вспышки страстей. Но положительное законодательство не должно вторгаться в область физических законов; они должны соблюдаться свободно в силу тех весьма обширных, глубоких и всесторонних знаний, которые не могут быть приобретены иначе, как с помощью изучения общего и превосходного законодательства высшей мудрости; разве можно подчинить теорию и практику медицины одним только положительным законам? Разве можно допустить, чтобы то основное законодательство, на котором покоится естественный и всеобщий строй общества, было подчинено подобным законам? Нет, нельзя. Это высшее законодательство требует со стороны управляющих и управляемых одного только физического изучения тех основных неизменных законов, которые установлены раз навсегда Творцом природы. Это изучение ведет к доктрине, которая хотя обнаружится и без законных формальностей, но тем не менее действительна, раскрывая незбылемые законы, из которых государственные мужи и вся нация могут черпать знания, необходимые для того, чтобы образцово поставить

управление, так как в этих **САМЫХ** законах, как это **МЫ** и увидим ниже, можно найти *первоначальные* принципы и неиссякаемый источник положительного законодательства и распределительной справедливости. Божественное законодательство должно, стало быть, прекратить всякое разногласие относительно самого законодательства и подчинить исполнительную власть и нацию этому высшему законодательству, так как оно раскрывается людям при посредстве света разума, развитого воспитанием и изучением природы, которая не допускает иных законов, кроме свободного функционирования разума.

Лишь с помощью этой свободной деятельности разума люди могут двигать вперед экономическую науку — ту великую науку, на которой покоится общественный строй. При заведовании хозяйством и культурой земель какой-либо фермы, каковое заведование является как бы моделью общего управления страной, земледельцы не сообразуются с какими-либо иными законами, кроме/—знаний, приобретенных с помощью воспитания и опыта. Положительные законы, которые принудительно регулировали бы режим культуры земель, расстроили бы весь хозяйственный план земледельца и оказались бы тормозом для земледелия; земледelec подчинен естественному порядку и должен поэтому соблюдать одни только физические законы и те условия, которые они ему предписывают; этими же самыми законами и условиями должна руководствоваться также и администрация при общем управлении обществом.

л
St

§ 7. Право облагать налогами покоится на прочном основании

Налог, этот источник распрей и восстаний, вызываемых невежеством, опасениями и скупостью, определен в существенных чертах неизменными законами и правилами, от которых государь и подданные могут уклониться лишь к своей невыгоде. Эти законы и правила, как это мы увидим ниже, ясно обнаруживаются при расчете и притом с крайней точностью, которая исключает всякого рода несправедливость, произвол и притеснение. Прокляните невежество и признайте основной порядок по существу — и вы станете почитать

божественную предусмотрительность, которая дала вам в руки факел, дабы безопасно шествовать в этом лабиринте, наполненном ложными дорогами, открытыми для беззакония. Человек одарен разумом, необходимым для приобретения тех знаний, в которых он нуждается, для того чтобы познать пути, указанные ему верховной мудростью и служащие основанием для наиболее совершенно организованных империй. Наука является, стало быть, существенным условием правильной общественной организации и того порядка, который обеспечивает благоденствие наций и предписывает всякой человеческой власти соблюдение законов, установленных Творцом природы с целью подчинить всех людей разуму, сдержать их при исполнении своих обязанностей и обеспечить им наслаждение благами, которые он предназначил для удовлетворения их нужд.

§ 8. Естественное право

Физические законы, которые устанавливают естественный порядок, наиболее выгодный для человеческого рода, и с точностью определяют естественное право всех людей, являются вечными, неизменными и несомненно лучшими законами, какие только могут существовать. Их очевидность повелительно подчиняет всякий человеческий рассудок и разум, проявляясь в деталях с геометрической и арифметической точностью, не допускающей никакого места для заблуждений, обмана и незаконных притязаний.

§ 9. Очевидность основных законов совершенного правительства достаточна для обеспечения естественного права

Одна только очевидность их авторитетно высказывается против ошибок администрации, злостных посягательств и злоупотреблений различных сословий государства и против установления положительных законов, противоречащих основному общественному строю. Знание этих первоначальных правил и несомненная очевидность их авторитета являются, таким образом, высшей охраной политического тела, так как нация, осведомленная о воле и непреложных законах Всемогущего и руководимая светом сознания, не решится

нарушить эти божественные законы, которым должна быть подчинена всякая человеческая власть. Впрочем, эти законы, будучи объявлены, сами по себе являются в действительности очень могущественными и внушительными, по своей очевидности и превосходству образу оплот нации. Государь не может игнорировать того, что его власть установлена для достижения познания и соблюдения этих законов и что столько же в его собственных интересах, сколько и в интересах самого народа, чтобы сознательное соблюдение их служило неразрывной связью для общества. Пока эти законы никому не известны, они бессильны и бесполезны, подобно тому как и обитаемые нами земли, будучи не обработаны, не приносят нам никакой пользы; в подобном случае нации могут образовывать переходящие, варварские и ненадежные государства. Необходимость изучения естественных законов сама является, стало быть, основным законом естественного общественного строя; этот закон является так же первым из основных законов хорошего правительства, потому что без этого изучения естественный порядок был бы лишь невозделанной землей, обитаемой дикими зверями.

§ 10. Необходимость изучения и обучения естественным основным общественным законам

Люди могут претендовать на естественное право лишь благодаря свету разума, который отличает их от животных. Так что главным предметом управления прочное и процветающее правительство должно поставить себе по примеру Китайской империи глубокое изучение и продолжительное всеобщее обучение естественным законам, на которых покоится общественный строй. §

§ 11. Различные общественные формы

Люди соединяются в различные общественные формы в зависимости от того, к какой форме предназначаются они условиями, необходимыми для их пропитания, как, например, охотой, рыболовством, скотоводством, земледелием, торговлей, разбоем. Отсюда и образовались дикие племена, племена, занимающиеся

рыболовством, скотоводством, земледельческие, торговые нации, кочевые, варварские, разбойничьи племена и племена, живущие в палатках (scenites).

§ 12. Земледельческие общества

За исключением разбойничьих шакк, враждебных всякой общественной организации, все остальные общественные группы соединяются земледелием, без которого они могли бы образовать из себя лишь несовершенные нации. Одни только земледельческие нации могут образовать прочные и долговечные государства, способные к общему незыблемому управлению, в точности подчиненному неизменному строю естественных законов, так что в подобных случаях само земледелие образует основание этих государств, предписывает и устанавливает порядок их управления, являясь источником благ, удовлетворяющих потребностям народов; но и развитие или упадок земледелия в свою очередь необходимо зависит от формы правления.

§ 13. Примитивная простота управления в земледельческих обществах

Для того чтобы ясно изложить эту основную истину, рассмотрим состояние земледелия при наиболее простой организации общества. Предположим, что какое-либо племя находится в пустыне, в таком случае оно вынуждено питаться продуктами, которые произрастают там естественным путем; но произведений этих недостаточно для прочного обоснования племени на этой невозделанной территории; между тем ее плодородие могло бы оказаться источником благ, которые природа обеспечивает труду и промышленности.

§ 14. Общность благ, их естественное и мирное распределение, личная свобода, собственность на приобретаемые ежедневно средства пропитания

В первобытном состоянии не существует какого-либо иного распределения благ, кроме того, которое устанавливают люди, разыскивая продукты, необходимые для их существования. Все принадлежит всем; но при личности тех условий, которые устанавливают есте-

ственным образом дележ между всеми, с необходимостью обеспечивают каждому свободу личности, дабы он был в состоянии удовлетворять своим потребностям, и спокойное пользование продуктами, которые он добудет своими поисками, так как посягательства одного на счет остальных явились бы препятствием для поисков, необходимых для удовлетворения потребностей, и возбудили бы лишь борьбу, столько же бесполезную, как и опасную. В самом деле, какие мотивы в подобных случаях могли бы возбудить борьбу между людьми? Стая птиц садится в месте, где она находит благо-(bien) или пригодную для нее пищу; между птицами не происходит никакой драки из-за дележа пищи, доля каждой определяется соответственно энергией ее поисков, направленных на удовлетворение потребностей. Таким образом, все животные подчинены, следовательно, этому мирному закону, предписанному природой, которая постановила, чтобы право каждого индивида ограничивалось в естественном строе тем, что он может добыть своим трудом; таким образом, *право всех на все* является химерой. Личная свобода и собственность" или уверенность в пользовании теми произведениями, которые каждый обеспечит себе поисками, произведенными с целью удовлетворить своим потребностям, гарантированы, стало быть, людям извне естественными законами, на которых покоится основной строй благоустроенных обществ. Племена, живущие на северном полюсе и вынужденные жить в вышеупомянутом первобытном состоянии, точно и постоянно соблюдают законы, предписанные природой, и не нуждаются в какой-либо высшей власти, которая побуждала бы их исполнять их взаимные обязанности. §

§ 15. Междоусобные войны племен

Дикие племена Америки, которые живут в подобном же состоянии, не столь миролюбивы и часто предаются междоусобным войнам, но внутренний порядок соблюдается в каждом племени с большим единодушием и самообладанием. Войны, которые ведут эти племена между собою, не имеют иной причины, кроме взаимных опасений и ненависти, которые заставляют их пренебрегать опасностями кровавого мщения.

§ 16. Защита наций обеспечивается силой; сила нуждается в богатствах; богатства различаются по своей силе

Внешние войны не допускают каких-либо иных предупредительных мер, кроме защиты, обеспеченной силой и долженствующей служить главной целью хорошего управления, так как многочисленные силы требуют больших расходов, большие же расходы предполагают большие богатства, сохранение которых может быть обеспечено лишь большими силами. Но эти богатства нельзя ни получить, ни заработать иначе, как соблюдая естественные законы, установленные до учреждения гражданского и политического правительства. Это законодательство не принадлежит, следовательно, ни народам, ни владыкам, управляющим ими; это те самые законы, которые обеспечивают успех земледелия, кишрое одно является источником богатств, удовлетворяющих потребностям людей, и созидает силы, необходимые для их охраны.

§ 17. Учреждение земледельческого общества, в котором встречаются естественным образом все условия, необходимые для его существования

Вышеупомянутое племя, обитающее в пустыне и вынужденное обрабатывать ее для того, чтобы существовать, является подчиненным законам, которые предписывает ему природа для успешности его трудов и для спокойного обоснования. Невозданная земля, которую заселяет это племя, не имеет никакой действительной ценности и может приобрести ее лишь при посредстве труда. Владение и продукты этого племени должны, следовательно, быть обеспечены трудом, без этого естественного условия совсем не было бы ни культуры, ни богатств. Необходимо, стало быть, чтобы люди разделили территорию между собой, дабы каждый из них мог ее обрабатывать, насаждать и в полной безопасности наслаждаться плодами своего труда. Этот дележ происходит сначала поровну между всеми равными людьми, которые, не имея права выбора, обязаны подчиниться при этом беспристрастию жребия; решение последнего естественно укажет каждому его долю и обеспечит за ним ее под одним и тем же титулом на-

веки вместе с правом свободы, необходимой для того, чтобы пользоваться этой своей долей без перерывов и притеснений, занимаясь свободно меновой торговлей различного рода произведениями и фондами. Отсюда вытекают прочие необходимые для общества выгоды. Таковыми являются, помимо мирного дележа земель, обеспечения собственности на землю и ее продукты и личной свободы, также и свобода торговли, соответственное вознаграждение труда, постоянное внимание к успехам земледелия, сохранение богатств, необходимых для занятия им, разведение рабочего и продуктивного скота, зарождение промышленности для фабрикации инструментов и одежды, сооружение построек и приготовление продуктов и т. д. — все это является результатом естественных первоначальных законов, которые, очевидно, создают эти общественные узы. Здесь идет речь об естественном и миролюбивом установлении обществ, а не о состоянии обществ, подпавших под власть разбойничьих шаяк и предоставленных варварству узурпаторов; последние являются лишь незаконными правителями, пока не подчиняются естественному порядку; все эти регламенты, независимо от каких-либо старинных положительных законов, суть возможно лучшие регламенты и для частных интересов каждого, и для блага всего общества.

Но все это устройство, продиктованное естественным и основным порядком земледельческих наций, предполагает еще одно условие столь же существенное, как и естественное, а именно полнейшую обеспеченность права собственности на землю и продукты, которые последняя производит благодаря затратам труда и издержкам на ее культуру. §

§ 18. Учреждение попечительной власти

Каждый земледелец, занятый в продолжение дня обработкой своего поля, имеет потребность в отдыхе и сне во время ночи, так что он не может сам заботиться о своей личной безопасности и об охране продуктов, которые он производит с помощью своего труда и издержек; тем более не следует, чтобы он прекращал свой труд во время дня для защиты своего участка и

богатств от нападений внешних врагов. Необходимо, следовательно, чтобы каждый содействовал установлению и содержанию силы и охраны, находящейся под властью начальника и достаточно могущественной для того, чтобы обеспечить защиту общества от нападений извне, поддержать порядок внутри, предупредить и наказать преступления злоумышленников.

§ 19. Положительное законодательство

Основная конституция общества и естественный порядок установлены, стало быть, до издания положительных законов распределительной справедливости; это письменное законодательство не может иметь ни другого основания, ни других принципов, кроме тех самых естественных законов, которые устанавливают основы общественного строя.

Таким образом, положительные законы, определяющие в подробностях естественное право граждан, указаны и регулированы первоначальными законами, установленными Творцом природы, и должны приниматься нацией лишь постольку, поскольку согласны и строго подчинены этим основным законам. Они, стало быть, отнюдь не произвольного установления, и законодатель, будет ли им государь или народ, не может в силу своего авторитета сделать их справедливыми, если только они несправедливы по существу; сама власть подвержена ошибкам, и, несмотря на свое согласие, даваемое на издание законов, она всегда сохраняет за собой право исправлять злоупотребления и ошибки положительного законодательства, что и должно быть совершаемо на основании точного знания; подобное исправление не может нарушить порядка, оно может лишь восстановить его; иначе вопреки всякой очевидности следовало бы утверждать, что нет по существу ни абсолютно справедливого, ни абсолютно несправедливого, ни морального блага, ни добра,—ужасный принцип, который уничтожал бы естественное право подданных и государя и лишил бы нацию выгод порядка, образовавшегося при содействии тех законов Творца природы, нарушение коих тотчас же наказывается потерей или уменьшением благ, необходимых для существования людей. Справедливость, следова-

тельно, строго запрещает людям *произвольно* устанавливать положительные законы в общественном быту.

Положительное законодательство вполне подчинено, стало быть, первоначальным общественным законам. Таким образом, оно не может принадлежать кому-либо другому, кроме единой власти, стоящей выше всех различных исключительных интересов, которые она должна подавлять.

§ 20. Государственный доход

Одной из наиболее важных забот в государствах, подчиненных абсолютной власти государя, является произвольное обложение подданных налогами; оно не подчиняется, по-видимому, каким-либо правилам или размеру, предписанным естественными законами. Между тем Творец природы подчинил и обложение налогами определенному порядку; в самом деле, очевидно, что налог, необходимый для удовлетворения государственных потребностей, не может иметь в земледельческой стране иного источника или иного происхождения, кроме того, который может производить блага, необходимые для удовлетворения человеческих потребностей; этим же источником является, несомненно, сама территория, обработанная при посредстве денежных затрат и человеческого труда; следовательно, годовая сумма налога, необходимого для государства, не может быть чем-либо иным, как частью годичного продукта территории, принадлежащей владельцам, между которыми она разделена; следовательно, и налог не может быть также не чем иным, как частью продукта территории, принадлежащего владельцам, продукта, который превышает притом издержки труда, затраченного на культуру, и издержки на другие затраты, необходимые для применения этой культуры. Излишек, полученный за вычетом этих издержек из добытого с их помощью продукта представляет собой чистый продукт (*le surplus est produit net*), образующий доход государства и доход собственников. Часть, которая должна образовать доход государства, будет очень значительной, если будет равняться половине доли всех собственников, взятых вместе. Но сами собственники должны понять, что сила, доставляющая им безопасность

и спокойствие, состоит в доходах государства и что большая сила импонирует соседним нациям и предупреждает войны. Кроме того, раз доход государства постоянно пропорционален растущей или убывающей сумме дохода с земель государства, то государь является как бы заинтересованным вместе с собственниками в возможно большем содействии процветанию земледелия при помощи хорошего управления государством. Наконец, в силу этого возможно выгодного устройства они будут избавлены от всяких других налогов, а эти последние, несомненно, нанесли бы ущерб как их собственным доходам, так и доходам государства; этого мало: раз возникнув, эти налоги все более и более возрастали бы под предлогом нужд государства, разоряя в то же время государство и нацию и создавая лишь денежные имущества (*fortunes pecuniaires*), вызывающие разорительные государственные займы.

Собственники, или владельцы территории, управляют каждый в отдельности своим участком с целью поддержать и поднять ценность земель и обеспечить за собой чистый продукт или доход (*produit net ou revenu*), какой она может давать. Если бы не было владельцев, за которыми была бы обеспечена земельная собственность, и земли находились в общем владении, то они были бы заброшены, так как никто не захотел бы тратиться на их улучшение или поддержание, раз прибыль от этих трудов не была бы за ним обеспечена. Без этих же затрат земли с трудом окупали бы расходы по их обработке, какие только осмелились бы произвести земледельцы, постоянно опасаящиеся за свое перемещение; в таком случае земли не приносили бы никакого чистого продукта, или дохода, который мог бы доставить налог, необходимый для государственных потребностей. При таком положении дел не могло бы существовать ни общество, ни правительства; сам налог являлся бы ущербом, если бы взимался с фонда, из которого делаются затраты на культуру или на издержки, вызываемые человеческим трудом.

Я говорю: на издержки, вызываемые человеческим трудом потому, что этот труд немислим без необходимых издержек на средства человеческого существования. Человек сам по себе лишен богатств и наделен лишь

потребностями; налог, стало быть, не может браться ни с него самого, ни с заработной платы за его труд (*le salaire du à son travail*) потому, что эта заработная плата необходима человеку для его существования и должна быть достаточной для него и его семей, потому что уплатить налог он мог бы лишь при возвышении этой самой заработной платы за счет тех, которые оплатили бы ему это возвышение. А это подняло бы иену на труд, не увеличивая его производительности, в ущерб тем, которые уплачивают заработную плату. Таким образом, увеличение заработной платы, которое превысило бы продукт труда, необходимо причинило бы прогрессивное уменьшение труда, продукта и населения. Таковы основные принципы *доктрины*, которой в продолжении уже нескольких веков руководствуется к своему благополучию китайское правительство. Китайцы делают из нее выводы, в справедливости которых нелегко убедить европейцев.

Личный налог, например, взимаемый с людей или с должного вознаграждения за человеческий труд, является, по их мнению, налогом безусловно неправильным и несправедливым, не имеющим другого мерила, кроме случайной и произвольной оценки способностей граждан; это обложение, следовательно, и нерационно, и губительно. Все сельские рабочие, все ремесленники, все торговцы, — одним словом, все классы людей, получающих заработную плату или вознаграждение, не могут быть привлечены непосредственно к уплате государственного дохода на нужды государства; иначе налог этот отразился бы вредно на культуре земель, упал бы двойным бременем на доход и в конце концов свелся бы к нулю и разорил нацию. Вот, стало быть, один из естественных законов, который нельзя нарушить, не навлекая на себя наказания, неизбежно следующего за этим нарушением; а это наказание делало бы налог, необходимый для потребностей государства, более ощутительным, чем эти самые потребности.

Очевидно также, что этот налог не может взиматься с фонда, затрачиваемого на эксплуатацию и культуру земель, так как подобный налог тотчас уничтожил бы и эту культуру и все блага, необходимые для существования людей. Это не был бы, следовательно, налог, взимаемый на нужды государства, а налог, ведущий

к всеобщему разорению, которое 'привело бы к гибели и государство, и нацию.

2. Точно так же налог не должен быть налагаем, по мнению китайцев, на съестные припасы или товары, предназначенные для человеческого употребления, так как это значило бы обложить самих людей, их потребности и труд, превратить этот налог, взимаемый будто бы для удовлетворения нужд государства, в разорение тем более быстрое, что он предал бы страну алчности множества людей или врагов, занятых взиманием этого позорного налога. При этом сам государь не получил бы возмещения от тех потерь, которые причинил бы ему этот налог, падая на ту долю дохода, которую он взимает для себя с чистого продукта земель.

В других сочинениях можно найти рассуждения, противоречащие этим *китайским* взглядам, и правила, которым нужно следовать, для того чтобы обеспечить государству возможно большую сумму налога, которая вся послужила бы к выгоде нации и избавила ее от убытков, причиняемых другими налогами.

Излишек продукта земель, который остается за вычетом издержек, вызванных трудом, употребленным на их культуру, и тех затрат, которые необходимы для применения этой культуры, есть чистый продукт, образующий доход государства и землевладельцев, приобретших или купивших собственность. Деньги, уплаченные за приобретение собственности, определяют величину их дохода, доставляемого чистым продуктом и пропорционального покупной цене этих земель. Но что обеспечивает им этот доход с еще большим основанием, так это то, что всякий чистый продукт, как мы упоминали уже выше, является необходимым следствием их собственности и управления, так как без этих существенных условий земли не приносили бы чистого продукта, но лишь неизвестный, ничтожный продукт, который едва окупал бы расходы, производимые с чрезвычайною бережливостью; и это потому, что неопределенный срок пользования никому не позволил бы делать затраты на улучшение и поддержание земель, выгода от каковых затрат не была бы обеспечена тому, кто их произвел.

Государь не мог бы претендовать на собственность на все земли своего государства, так как он не мог бы

ни сам лично, ни с помощью других заведовать их управлением; сам лично потому, что не в состоянии был бы постичь неисчислимого количества деталей; через посредство других потому, что управление столь обширное, разностороннее и столь доступное для злоупотреблений и обманов не может быть вверено чужим интересам и открыто соблазну произвольно обманывать с помощью отчетов в издержках и продуктах. Государь вскоре вынужден был бы отказаться от этой собственности, которая разорила бы его самого и государство. Очевидно, стало быть, что земельная собственность должна быть распределена между многими владельцами, заинтересованными в том, чтобы получать с своих участков возможно больший доход с помощью наиболее выгодного управления, так как подобное управление обеспечивает государству часть этого дохода, пропорциональную как количеству и возрастианию последнего, так и потребностям государства; таким образом, возможно большие успехи земледелия обеспечивают возможно больший доход и государю и собственникам.

§ 21. Отмена всех исключительных частных интересов

Монополия, рискованные затеи и узурпация общественных интересов во имя интересов частных, конечно, не могут иметь места при хорошем управлении. Авторитетом главы государства, наделенного высшей властью, этот постыдный грабеж, несомненно, был бы раскрыт и подавлен, так как при хорошем управлении происки общин, высших сословий, высоких должностей, особых личных влияний не могли бы соединиться с целью благоприятствовать столь вредному беспорядку. Торговцы, владельцы мануфактур, ремесленные корпорации, всегда жадные до наживы и очень находчивые на средства, являются врагами конкуренции и всегда изобретательны на выдумки исключительных привилегий. Город замышляет на счет другого города, провинция — на счет других провинций, метрополия — на счет колоний. Собственники территории, благоприятной для некоторых продуктов, стараются достигнуть воспрещения другим заниматься культурой и торговлей этими самыми продуктами; нация предоставляется

повсеместно уловкам этих узурпаторов, втридорога Перепродающих ей съестные припасы и товары, необходимые для удовлетворения ее нужд. Доход нации имеет свои границы, поэтому покупки, которые она делает по цене, установленной алчной торговлей, уменьшают потребление и население и приводят к истощению земледелия и доходов. Этот прогрессивный ход ведет к исчезновению собственности и могущества государства; сама торговля расстраивается благодаря алчности торговцев, которые по свойственному им лукавству осмеливаются прикрываться коварным предлогом привести торговлю в цветущее состояние и обогатить народ развитием ее богатств. Успех этих купцов обольщает мало просвещенную администрацию и народ, пораженный самими богатствами тех, которые подвергают его обложению и разорению. Говорят, что эти богатства остаются в государстве и, распределяясь здесь с помощью циркуляции, ведут к благоденствию народа; то же самое можно было бы сказать в таком случае и о богатствах ростовщиков, спекулянтов и т. и.; но простаки уверены, что те богатства, которые монополия доставляет торговцам, состояются из прибыли, которую последние получают в чужих странах. И действительно, если смотреть на колонии государства как на чужеземные нации, то окажется справедливым, что они не щадятся монополией; но монополия, установленная в одной стране, не оказывает обыкновенно вредного влияния на другую страну; в противном случае она побудила бы иностранных купцов прибегнуть к репрессалиям, которые вызвали бы нелепую войну; таким образом, зараза от монополии все распространялась бы и увеличивала бы зло. *Естественная торговая политика* / заключается, следовательно, в установлении свободной / и неограниченной конкуренции, которая обеспечивает нации возможно большее количество покупателей и продавцов, что в свою очередь обеспечивает ей наиболее выгодную цену при ее продажах и покупках. §

§ 22. Уменьшение расходов на юстицию

Чрезмерные издержки, связанные с отправлением правосудия и столь значительные в стране, где вид неправильно нажитых богатств развращает все классы

граждан, становятся более правильными при хорошем правительстве, которое обеспечивает чиновникам почет и уважение, соответствующие достоинству и пользе их службы.

При хорошем управлении превосходство и соблюдение естественных законов внушает благочестие и поддерживает честь, которая царит в сердцах просвещенных людей; они проникаются совершенством этих законов, установленных верховной мудростью для счастья человеческого рода, одаренного разумом, необходимым для того, чтобы вести себя разумно.

В естественном порядке общества все люди, составляющие его, должны приносить пользу и сообразно своим способностям содействовать общественному благу. Богатые собственники установлены Провидением, дабы безвозмездно отправлять наиболее почетные публичные должности, которым нация должна всецело верить свои интересы и безопасность; эти важные и священные должности не должны быть предоставляемы людям наживы, заботящимся только о том, как бы обеспечить себе барыш. Доходы, которыми пользуются собственники, предназначены не для того, чтобы дать им возможность вести недостойную их праздную жизнь; этот столь презираемый род жизни несовместим с уважением, которое может им доставить большое состояние, соединяющееся с высоким положением, общественным почетом и уважением и достигаемое или с помощью военной службы, или же при посредстве почтенных судебных должностей, этих божественных, верховных и религиозных должностей, которые внушают тем большее уважение и доверие, что не знают иных руководителей и другого влияния, кроме света и совести. Провидение произвело, следовательно, людей, которые стоят выше прибыльных профессий и при хорошем управлении, согласно с естественным порядком, расположены в силу своего положения предаваться безвозмездному и достойному отправлению этих столь благородных и важных должностей; заняв эти должности, они будут стремиться к строгому подавлению злоупотреблений, которые могут быть внесены в ход производства дел скупостью лиц, склонных препираться и защищать партийные интересы, удлинять и осложнять это производство массой излишних формальностей, опираясь на

ничтожные инциденты, темноту и противоречие законов, нагроможденных в кодексе юриспруденции, совсем не удовлетворяющей простоте и ясности естественных законов.

§ 23. Международное право

Каждая нация в отдельности, подобно тому как и каждый член нации, владеет территорией, которой или само общество придало ценность или которая досталась нации в силу приобретения, или по праву преемства, или же в силу соглашений, заключенных договаривающимися нациями, так как последние имеют право устанавливать границы своих территорий все равно посредством ли положительных законов, которым они подчинены, или посредством заключения мирных договоров, — вот естественные способы приобретения и способы отчуждения, коими устанавливается право национальной собственности. Но так как нации образуют в отдельности разные частные власти, которые взаимно уравновешивают друг друга и не могут быть подчинены общему порядку иначе, как с помощью употребления силы против силы, то каждая нация обязана в силу этого иметь наготове достаточную силу, какую только в состоянии содержать ее казна, или же должна образовать достаточную силу путем союза с другими нациями, которые обязались бы содействовать друг другу в обеспечении безопасности.

Собственные силы каждой нации должны быть сплочены и соединены под одной властью, так как разделение сил, принадлежащих различным вождям, не может быть полезно одному и тому же государству, одной и той же нации; оно неизбежно разделит последнюю на разные государства или принципаты, неприязненные и часто враждебные друг другу; в результате этого получится уже конфедеративная сила, всегда склонная к распадению, подобно тому как феодальные нации сами по себе совсем не образуют настоящих государств, а держатся лишь единством государя-сюзерена с прочими государями, которые наравне с ним пользуются верховными правами, каковыми являются: право облагать налогами, вести войны, чеканить монету, отправлять правосудие и непосредственная власть над под-

данными, из которой и вытекают все перечисленные права, обеспечивающие всем одинаковое пользование и владение верховной властью.

Эти союзные власти, соединенные под авторитетом главы всех суверенов, из которых каждый в своем principate равняется по власти этому главе, сами находятся в конфедерации с своими феодальными вассалами, что в действительности ведет скорее к целому ряду заговоров, чем образует настоящее общество, соединенное под одним и тем же правительством. Эта непрочная конституция конфедеративной империи образуется или в силу узурпации крупных собственников, или в силу дележа территории, захваченной разбойничаящими нациями; она не является, следовательно, естественным ослаблением общества, образовавшегося в силу основных законов разумного порядка государственного управления, сила и могущество которого нераздельно сосредоточены в верховной власти одного и того же королевства: наоборот, она является скорее насильственной и противной природе конституцией, которая представляет людей варварскому и деспотическому игу, а правительство — раздорам, гибельным и жестоким междоусобицам.

Сила нации должна заключаться в государственном доходе, достаточном для удовлетворения потребностей государства во время мира и войны; и эта сила отнюдь не должна доставляться подданными натурой и управляться на феодальный лад, так как в подобном случае она благоприятствовала бы скопищам и войнам среди знати, которые разорвали бы общественное единство, разъединили государство и предоставили бы народ неустройствам и феодальным притеснениям. Кроме того, этот род силы непригоден для защиты страны против иноземных властей; при подобной организации сил можно было бы вести войну лишь в продолжение очень ограниченного времени и на очень небольших расстояниях, так как было бы трудно обеспечить на продолжительное время необходимый провиант, затруднительный для перевозки; это было бы еще более непригодно в настоящее время, когда в военных операциях господствует крупная артиллерия. Лишь с помощью государственного дохода, стало быть, нация может обеспечить себе постоянную защиту против властей и не только

ро время войны, но и во время мира с целью избежать последней; и действительно, при хорошем правительстве война ведется чрезвычайно редко: оно устраняет обыкновенно всякий абсурдный предлог к войне из-за торговли и все прочие плохо обоснованные и капризные претензии, которыми прикрываются ради нарушения международного права, разоряя при этом самих себя и других. Так как для поддержания этих несправедливых предприятий делают чрезвычайные усилия, набирая столь многочисленные и дорогие армии, что ими не достигается много результата, кроме позорного истощения воюющих наций, которое пятнает только их героизм и сокрушает честолюбивые, завоевательные Проекты.

§ 24. Отчетность в общественных суммах

Отчетность в расходовании государственных доходов является одной из отраслей управления, отличающейся крайней сложностью и наиболее склонной к неустойчивости. Каждое частное лицо с таким трудом ухитряется внести в счета своих расходов порядок, что мне представлялось бы невозможным внести ясность в хаос издержек правительства, если бы не было примера великих государственных мужей, которые разрешили эту задачу: находясь во главе управления, они подчинили эту отчетность формам и правилам, с помощью которых оказалось вполне возможным предупредить расхищение финансов государства и подавить изобретательную жадность и хитрые обходы большинства чиновников. Но эти формы и правила сводятся к таинственной технике, которая приравнивается к обстоятельствам и не возведена в ранг знаний, могущих просветить нацию. Добродетельный Сюлли, доверявший знаниям и благим намерениям трибуналов, поручил им эту важную отрасль государственного управления несомненно с той целью, чтобы заняться в особенности противодействием беспорядочности и алчности знати, так как она благодаря своей службе и кредиту завладела большей частью государственных доходов, а для того чтобы безопасно преуспевать в этом хищении, благоприятствовала алчным сборщикам податей И другим лицам, которые, имея участие в управлении

финансами, расхищали государственную казну. Строгая бдительность этого достойного министра навлекла на него ненависть других министров и фаворитов, встревоженных строгим порядком, установившимся в управлении государственными доходами, тогда как этот порядок должен был бы служить им хорошим предзнаменованием, если бы только они были менее скупы и менее слепы к своим интересам. Эти крупные собственники, обедневшие вследствие беспорядков, господствовавших в управлении предшествовавшего царствования, и вынужденные прибегать к столь низким и презренным средствам, должны были бы понять, что столь необходимая реформа непременно повлекла бы за собой благоденствие народа и восстановление доходности их земель, а это избавило бы их от падения и подняло на высоту величия, соответствующую их крупным владениям и рангу. Их понимание не простиралось до этого; и всегда можно заметить, что невежество является главной причиной наиболее постыдных ошибок правительства, разорения наций и падения империй. Китай всегда и весьма удачно избегал этих ошибок благодаря наукам, при помощи которых образуется там первое сословие нации и которые являются столь пригодными для того, чтобы руководить народом посредством света разума и всецело подчинить правительство естественным и незыблемым законам, устанавливающим основы общественного строя.

В этой обширной империи все ошибки и злоупотребления начальства постоянно обнаруживаются в публичных посланиях, разрешенных правительством, с целью обеспечить во всех провинциях столь большого государства соблюдение законов против злоупотребления властью; так что благодаря свободному обжалованию, этому существенному условию устойчивого и уверенного в себе правительства, деятельность последнего постоянно контролируется. Слишком распространено мнение, что империи могут иметь лишь преходящие формы правления, что здесь на земле все подвергается постоянным изменениям и что империи имеют свое начало, развитие, упадок и конец. Это мнение так вкоренилось в умы, что все неурядицы в управлении приписывают естественному порядку. Разве этот абсурдный фатализм может быть принят светом разума?

Не ясно ли, наоборот, что законы, которые устанавливают естественный порядок, суть вечные и незабываемые законы и что неурядицы в управлении являются лишь вследствие нарушения этих вечных законов? Разве долговечность, пространство и постоянное процветание китайской империи не обеспечены благодаря соблюдению ею естественных законов? Разве эта столь многочисленная китайская нация не взирает, и вполне основательно, на остальные народы, управляемые человеческой волей и принуждаемые оружием к социальному повиновению, как на варварские нации? Эта обширная империя, подчиняющаяся естественному порядку, не представляет ли собою примера прочного, постоянного и неизменного правительства, которое доказывает, что непрочность случайных правительств не имеет другого основания, ни других причин, кроме непостоянства самих людей? Но разве нельзя сказать, что эта счастливая и постоянная неизменяемость (*uniformite*) китайского правительства существует лишь потому, что эта империя менее других государств подвергается нападениям со стороны соседних властей? А разве она не была завоевана? Разве ее обширное пространство не могло подвергнуться раздроблению и образовать несколько государств? Следовательно, не частным обстоятельствам можно приписать долговечность ее правительства, а прочному порядку по существу.

ЗАМЕЧАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ДЕНЕЖНОГО ПРОЦЕНТА

Рост, или процент, требуемый за пользование капиталом, отданным в займы, по справедливости, основывается «а сходстве, которое имеет он с доходом, доставляемым земельными имуществами и тем заработком, который обеспечивает торговля перепродавцам. С помощью денег можно приобрести в собственность землю, приносящую доход. Собственность на земельный участок заменяет денежный капитал, уплаченный за приобретение этого участка и приносящий помимо собственности ежегодный доход. Таким образом, с помощью подобного употребления денег приобретается годовой доход с сохранением капитала. С помощью денег можно, стало быть, согласно с требованиями самой строгой справедливости, приобрести годовой доход, сохраняя при этом денежный капитал, обеспечивающий доход. Мы говорим согласно с требованиями наиболее строгой справедливости потому, что одна только земля, приобретенная за деньги, приносит доход, ничего не отнимая у кого бы то ни было. Всякий, дающий в займы деньги, отчуждает, стало быть, богатство, которое по справедливости может приносить ему доход при сохранении того капитала, который был отчужден.

Можно было бы возразить, что дать в займы деньги совсем не одно и то же, что купить имение, которое приносит доход, не отнимая того, что принадлежит другим. Было бы пустой отговоркой утверждать, что эти деньги,

употребленные на покупку участка, приносили бы тот же доход, не отнимая у других того, что принадлежит им. Слишком хорошо известно, что отдаваемые займы деньги не приносят должнику того дохода, которого требует от него кредитор. Но приведенное возражение не имеет никакой силы по отношению к последнему; оно даже совершенно его не касается. В самом деле, ссужая свои деньги, кредитор лишает себя употребления богатства, которое при сохранении в целости капитала и без ущерба для кого бы то ни было может приносить ему доход. Это дело заемщика, являющегося обладателем этого богатства, употребить его таким образом, чтобы оно без ущерба для третьих лиц могло приносить ему доход, который он обязался платить кредитору. Но этот решающий довод доказывает также и то, что этот доход имеет, очевидно, свои границы, устанавливаемые естественным и справедливым порядком и ограничивающие право кредитора на доход, который он может требовать от должника. Было бы, следовательно, несправедливо требовать дохода, который выходит из этих границ. Поэтому законы государя должны поставить себе целью искоренить столь явную несправедливость.

Уровень денежного процента подчинен, стало быть, наравне с земельным доходом естественному закону, который ограничивает размер того и другого. Доход, доставляемый землей и приобретаемый с помощью денег, является лишь частью чистого продукта, которая продается приобретателю в собственность вместе с земельным участком. Эта самая часть чистого продукта, известная и продавцу и покупателю, определяет, следовательно, цену приобретаемого участка. Вследствие этого количество дохода, которое можно приобрести, купив участок земли, не является ни произвольным, ни неизвестным; это очевидное и ограниченное природой мерило является законом для продавца и покупателя. И мы сейчас докажем, что согласно с порядком справедливости тот же самый закон должен регулировать уровень денежного процента или непрерывного дохода, приносимого в земледельческой стране деньгами, помещенными в вечные ренты.

Рискованно, говорят, помещать деньги в вечные ренты, что должно навести на размышления относительно выгоды такого помещения денег. Но если

имеется риск, то для рантье зато чрезвычайно выгодно избавиться от всяких забот о получении дохода и обеспечить себе праздный покой. Риск встречается всюду; если бы тот вид дохода, о котором идет здесь речь, был вполне свободен от риска, масса ложных доходов значительно превысила бы количество действительных доходов государства. Эти же самые ложные доходы, не имея за собой никакого основания, разорили бы только территорию. Чрезвычайно важно поэтому, чтобы существовал противовес, который стеснял бы их развитие, иначе земли обесценились бы и пришли в упадок, а деньги стали бы употребляться лишь на приобретение рент. Но вскоре не достало бы и денег, потому что государство, не имеющее рудников, может добыть деньги лишь с помощью продуктов почвы. Собственники, земельные доходы, рантье, ренты, капиталы упали бы в ту же самую пропасть.

Ничто в действительности не может приносить дохода, кроме земли и воды. Можно даже сказать просто: кроме земли, так как без последней вода ничего не производит. Итак, согласно с естественным и моральным порядком побуждение отдавать деньги в рост не может быть основано на чем-либо ином, как на сходстве этого процента с доходом, который можно приобрести, купив на деньги землю, ибо с помощью денег невозможно получить иного дохода без того, чтобы не посягнуть несправедливо на то, что принадлежит другому. Я не игнорирую того, что ложные представления о богатствах, которые будто бы производит торговля, могут привести массу громких возражений, но они все разобьются об этот несокрушимый принцип. Мы не будем предупреждать этих возражений, дабы избежать излишнего и несвоевременного спора; мы будем говорить ниже лишь о тех временных займах, которые совершаются в торговле и несколько иного характера, чем займы, заключаемые для учреждений вечных рент.

Довольно известно, что деньги сами по себе представляют собой бесплодное богатство, которое ничего не производит и получается в обмен за равноценную вещь. Таким образом, деньги могут приносить доход лишь в том случае, если будут употреблены на покупку земельного участка, приносящего его, или же будут отчуждены заемщику, который может употребить их для

той же цели. Что деньги могут быть употреблены для этой цели, это не подлежит сомнению; и тот, кто помещает их в ренты, с полным основанием может предполагать, что заемщик, имея возможность пустить в дело те же самые деньги, удовлетворит его ежегодной уплатой вечной ренты, уплачивать которую он обязался до тех пор, пока не выкупит ее, возвратив добровольно капитал.

Но при произвольном определении процентов на ссужаемый капитал кредитор не может предполагать с таким же основанием, что заемщик в состоянии будет, не нарушая закона, вознаграждать себя гораздо большим доходом, чем какой приносит земля, так как лишь последняя приносит в действительности доход, и один только этот доход может служить основанием для взимания процента с капиталов, помещенных в вечные ренты. Здесь не было бы постоянного положительного закона, который мог бы установить уровень денежного *процента*, допускаемый *справедливостью*; последний не допускает иного закона, кроме естественного, т. е. действительного состояния доходов, которые доставляются природой и могут быть приобретены с помощью денег. Закон государя может установить только границы, которые кредитор, пожелавший бы злоупотребить нуждою должника, не мог бы нарушить, предоставляя, впрочем, договаривающимся сторонам уславливаться о меньшем проценте. Но и этот закон бывает вредным для должника в спорных делах, где вопрос о высоте процента предоставляется решать самому судье, ибо последний не может присудить кредитору процента ниже установленного законом, хотя этот законный процент и бывает временами разорителен для должника. Между тем необходимо, чтобы судья всегда имел точные данные для постановления своих решений, хотя было бы более справедливо следовать обязательно постановлению, которое возобновлялось бы по крайней мере каждые десять лет и объявляло бы лишь действительно существующую и наиболее часто встречающуюся цену земель и их дохода. Таким обязательным постановлением, например, могла бы служить для каждого десятилетия единодушная оценка окружных нотариусов каждого из главных провинциальных городов, которую они обязаны были бы доставлять в канцелярии окружных судов для

утверждения, откуда извлечения из нее отсылались бы в высшие провинциальные суды. Эти сведения в спорных делах об определении денежного процента имели бы то же действие для постановления судебных решений, какое имеют периодически устанавливаемые обычные цены съестных припасов, продаваемых на рынке. Эти цены вывешиваются во время каждого базара в канцелярии местного суда и служат последнему для определения в спорных случаях высоты земельного оброка на основании цен зерновых хлебов и высоты дохода, который должны платить должники кредиторам.

Естественное соотношение сходства денежного процента с ценою и доходом земель требует того же правила для справедливого разрешения споров между должником и кредитором. Но существуют люди, которые, отдавая деньги в рост, прикрываются при взимании произвольных процентов пользой торговли; эти лица не преминут возразить, что подчинение высоты денежного процента строгому принципу соотношения сходства денежного процента с доходом земель повлечет за собой прекращение торговли У этих лиц чересчур широкое понятие торговли спутывает все: под это понятие подводят, между прочим, и займы, совсем не относящиеся к сфере торговли, чем узаконивают как бы даже совершенно недозволённые займы под проценты, которые, совершаясь в торговом быту, одинаково вредят и торговле и обществу. Заключают, наконец, что цена денег, отданных в рост, должна быть такой же свободной и подвижной, как цена товаров на рынке, под условием только, чтобы раз условленный процент отнюдь не изменялся. Таким образом, хотят, чтобы влияние постоянно изменяющейся причины оставалось неизменным, так как доход с земельных имуществ подвержен значительным изменениям в зависимости от их покупной цены. Эти противоречия, вызванные алчностью ростовщиков и несогласные с порядком справедливости, имеют поводом мнимые выгоды торговли, о которых имеют лишь сбивчивые и ошибочные представления. От правительства беспрестанно требуют покровительства торговле, причем всегда подразумевают торговлю-перепродажу и никогда торговлю-продажу произведений из первых рук, приносящую государству доходы. Между тем народ может покупать лишь в размере

своих продаж или доходов, а торговля, заключающаяся в перепродаже, всегда находится в соответствии с количеством произведений, которое народ может купить. Эта торговля не нуждается в покровительстве. В богатом государстве торговцы всегда будут находиться в излишестве; но ведь не торговцы обогащают государство, а богатства, которые, увеличивая количество торговцев, влекут за собой процветание того, что называют торговлей, т. е. торговли-перепродажи, не нуждающейся в каком-либо другом стимуле, кроме привлечения национального богатства. Но торговля купцов, национальная торговля, промышленность, роскошь, доходы государства, торговые расходы — все, что имеет некоторое соприкосновение с торговлей, было спутано и подведено под родовое и двусмысленное понятие торговли; и при этом смешении на всякий вид займа под проценты смотрели безразлично как на подспорье торговли; это вульгарное мнение всегда покровительствовало алчности ростовщиков.

Дабы выпутаться из этого хаоса, в ожидании пока свет не рассеет потемки, достаточно заметить: 1) что займы под учреждение вечных рент почти никогда не имеют места в торговле: фонды коммерсантов (*les fonds des commercants*), быстро возвращаясь в руки последних вследствие сбыта их товаров, дают им возможность расплачиваться с теми временными займами, в заключении которых они нуждаются во время застоя торговли; 2) что между купцами, собственно говоря, существует род торговли деньгами, отдаваемыми в рост, торговля производится на месте как на рынке и ведется лишь между ними; 3) что наиболее обыкновенными займами бывают у торговцев займы товаром, платеж по которым отсрочивается до предполагаемого срока сбыта товаров, так что купцы являются лишь комиссионерами друг друга, а сами товары образуют самую большую часть фондов, употребляемых в торговле для займов; 4) что купцы имеют консульскую юрисдикцию по таким спорным делам, которые в отличие от других относятся лишь к области торговли, так что юриспруденция, свойственная торговле, совсем не влияет на спорные дела других классов граждан, а спорная юрисдикция последних не влияет на чисто торговые дела между торговцами. Таким образом, кредиторы, не

являющиеся по своему положению торговцами и дающие займы под вечные ренты, не имеют никакого основания ссылаться на торговлю; этим они внесли бы только путаницу в естественный порядок, определяющий уровень процента на капитал, помещенный в вечные ренты. Нет также никакого основания утверждать, ссылаясь на выгоды торговли, что уровень процента на деньги, помещенные в вечные ренты, должен повышаться или падать в соответствии с большей или меньшей конкуренцией среди кредиторов и должников. Отсюда последовало бы разорение народа, так как в тяжелые времена число должников значительно превышает количество кредиторов; денежный процент вследствие этого подымается на значительную высоту, и ренты поглощают в конце концов доходы с земельных имуществ; культура земель постепенно ухудшается, потребность в займах возрастает еще более. И по мере того как уменьшаются доходы, уровень денежного процента подымается сверх меры, ипотеки принуждают собственников покинуть их имения, и заброшенные и пришедшие в упадок земли остаются единственным ресурсом для рентьеров, которые сами оказываются разоренными вследствие бедности тех, кого разорили.

Когда, впрочем, процент подымается выше своего естественного уровня, излишнее бремя падает на всех граждан. Купцы, которые строят свои расчеты на деньгах и приносимом ими проценте, увеличивают в таком случае торговые расходы соответственно чрезвычайному возвышению текущего денежного процента; это влечет за собой уменьшение цены продуктов, продаваемых из первых рук и увеличение цены произведений, перепродаваемых купцами; а все это в совокупности устанавливает скрытую, всеобщую контрибуцию, которая является тем более тягостной, что на остановку ее развития слишком мало обращают внимания. Это чрезмерное возвышение нормы денежного процента нарушает то соотношение сходства, в силу которого она должна быть наиболее высока лишь в том случае, когда цена земель повышается вместе с приносимым ими доходом; вследствие этого бремя этого возвышения падает, как утверждаю я, на то, что принадлежит гражданам и государству, ибо оно превышает в действительности тот доход, который можно приобрести

с помощью денег, употребив их на покупку земель, которые одни могут приносить доход. Таким образом, исчезает соответствие между этим употреблением денег и отдачей их в рост за невероятные проценты, ибо процент, превышающий естественную цену, за которую приобретается доход, является грабежом, от которого несправедливо страдают и государство и весь народ. Этот излишний процент является еще более губительным, когда само государство является главным должником рантье, которые злоупотребляют в тяжелые годы настоятельной потребностью его в займе; они игнорируют по крайней мере то, что приманка слишком высокого процента делает этот последний опасным для них же самих в силу того, что он является губительным для государства и народа. В самом деле, ведь государство есть не что иное, как сам народ, обремененный тяжестью, превышающей его силы и грозящей ослабить и тех, которые делают ее еще более тяжелой, какой она не должна быть согласно естественному порядку. Различные средства, которыми можно было бы попытаться непосредственно облегчить тяжесть, не могут иметь в подобном положении того успеха, на который надеялись бы. В таких случаях имеется масса обстоятельств, которые препятствуют успешности этих средств в земледельческом государстве, и масса потребностей, которые перепутывают действия. Гораздо безопаснее поэтому прибегнуть к правилу, предписываемому естественным законом и голосом справедливости для установления порядка, так как ложный доход, превышающий нормальную высоту доходов, является паразитарным наростом в стране, внося ужасный беспорядок в общий экономический строй земледельческого государства.

